

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

3

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»

WORLDS OF ROGER ZELAZNY

Volume three

ROADMARKS

DOORWAYS IN THE SAND

«POLARIS» PUBLISHERS
1995

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

Том третий

ДОРОЖНЫЕ ЗНАКИ

ДВЕРИ В ПЕСКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1995

*Издание подготовлено
при участии АО «Титул»*

**Миры Роджера Желязны том 3 / Пер. с англ. —
Рига: Полярис, 1995. — 415 с.**

Романы Р. Желязны «Дорожные знаки» и «Двери в песке» отличаются захватывающим повествованием, динамичным сюжетом и совершенно неожиданным, оригинальным взглядом на, казалось бы, хорошо знакомые вещи и явления. Впрочем, знание истории и классической литературы помогло бы читателю оценить глубину замысла этого замечательного американского писателя.

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом об авторском праве. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

Roadmarks

Copyright © 1979 by Roger Zelazny

Doorways in the Sand

Copyright © 1976 by Roger Zelazny

© Издательская фирма «Полярис»,
оформление, составление,
название серии, 1995

Дорожные знаки

© В. Карташов, перевод, 1995

Двери в песке

© В. Гольдич, И. Оганесова,
перевод, 1995

ISBN 5-88132-215-0

ДОРОЖНЫЕ ЗНАКИ

Глава 2

— Стой! — закричала Лейла.

Рэнди немедленно повернул руль вправо и нажал на педаль тормоза. Небо постепенно прекратило пульсировать. Теперь оно было жемчужно-серым, пред-
рассветным.

— Поддай назад, вдоль обочины.

Он кивнул и включил реверс.

— Те, что в машине? Мы могли бы просто подойти...

— Сначала я хочу рассмотреть их поближе.

— Ладно, — буркнул Рэнди, медленно подавая машину назад.

Она повернулась, рассматривая серый потрепанный экипаж.

Внутри автомобиля сидели два человека. Кажется, у обоих были седые волосы — точно сказать не давал коварный свет зари. И оба они, похоже, смотрели на Лейлу.

— Сейчас дверь со стороны водителя откроется, — тихо произнесла она.

Дверь со стороны водителя открылась.

— Теперь откроется вторая.

Открылась вторая дверца.

— Старик вел, женщина — пассажир.

Два пожилых человека — женщина и мужчина — вышли из автомобиля, оставив дверцы открытыми.

Они были закутаны в какое-то тряпье, державшееся на теле только благодаря поясам.

— Стоп, — сказала Лейла, — теперь выйдем и поможем. У них в распределителе зажигания отошел контакт.

— Это часть твоего видения?

— Нет.

Она отворила дверцу, вылезла и зашагала назад по дороге. Рэнди сделал то же самое.

Когда он подошел поближе, на первый взгляд ему показалось, что мужчина слишком стар, чтобы садиться за руль. Сутулясь, тот стоял, опираясь на автомобиль. Свободная рука слегка дрожала, дряблую высохшую кожу покрывали пигментные пятна, пальцы напоминали птичьи. Лицо его было изборождено глубокими морщинами, брови такие же седые, как и волосы.

Потом глаза старика встретились со взглядом Рэнди — зеленые, чуть ли не сияющие. В них светилось четкое и ясное сознание, о чем трудно было бы догадаться, к примеру, с трех метров. Рэнди улыбнулся, но старик никак не реагировал.

Лейла тем временем подошла к старой женщине и разговаривала с ней на незнакомом Рэнди языке.

— Если разрешите заглянуть под капот, — предложил он, — я, возможно, мог бы вам помочь.

Старик ничего не ответил, и Рэнди повторил фразу на линго. Это тоже не вызвало никакой реакции. Мужчина, казалось, всецело был занят изучением лица Рэнди, его одежды, движений. От этого Рэнди стало не по себе. Он бросил на Лейлу вопросительный взгляд.

— Все в порядке, — сказала она. — Смело открывай капот. Они не понимают, как работает двигатель. Я сейчас как раз объясняю, что такое горючее.

Нагнувшись, чтобы отстегнуть защелку крышки капота, Рэнди заметил, как Лейла передает старой женщине толстую пачку денег.

Когда капот приподнялся на несколько дюймов, старик с опаской шагнул в сторону. Подняв крышку полностью, Рэнди услышал удивленный возглас.

Верно — отошел контакт на распределителе.

Он вставил его в гнездо и надежно закрепил. Судя по внешнему виду двигателя, все остальное было в порядке.

— Попробуйте его теперь завести, сэр, — обратился Рэнди к старику, но, подняв голову, увидел, что тот лишь улыбается. — Наверное, вы меня не понимаете. Я сам сейчас попробую завести двигатель.

Обойдя старика, он заглянул в машину. Ключ торчал в замке зажигания. Рэнди сел на место водителя. Секунду спустя мотор заработал.

Рэнди снова выключил его и вылез наружу. Он улыбнулся старику:

— Все в порядке.

Тот вдруг стремительно шагнул вперед и заключил Рэнди в медвежьи объятия. Старик оказался неожиданно сильным, и Рэнди почувствовал на своем лице его горячее дыхание.

— Имя? Как твое имя, добрый человек?

— Рэнди... Рэнди Доракин.

— Доракин... Хорошее имя!

Тем временем Лейла обошла автомобиль и теперь стояла у них за спиной вместе со старой женщиной.

— У них все будет в порядке, — сказала она. — Пойдем, пора ехать — к последнему въезду на Вавилон.

Лейла обняла старую женщину и не отпускала несколько секунд, потом быстро пошла обратно к их машине. Рэнди поспешил за ней.

Когда он оглянулся, пожилая пара уже села в автомобиль. Зарботал мотор. Потом автомобиль выехал на Дорогу и исчез из виду.

В это мгновение взошло солнце, и он увидел, что Лейла плачет. Странные чувства завладели им.

Глава 1

Рэд Доракин двигался по тихому отрезку Дороги — прямому, спокойному, как сама смерть, слабо мерцающему. Несколько часов назад его обогнали несколько футуристического вида машин, мчавшихся с фантастической скоростью. Несколько позже он сам миновал запряженную четверкой карету и, еще немного спустя, одинокого всадника.

Он вел свой голубой «додж-пикап» в правом ряду с постоянной скоростью шестьдесят пять миль в час, жуя сигару и напевая себе под нос.

Небо было бледно-голубым, с востока на запад пересеченное толстой огненной чертой. Пыли и мусора на пути не замечалось, и насекомые не бились о ветровое стекло. Стекло слева было опущено; он вел, высунув руку наружу и ухватив пальцами край крыши. Козырек глубоко надвинутой выцветшей бейсболки почти прикрывал глаза, и ему приходилось заметно откидывать назад голову. На неухоженную бороду падала тень.

Далеко впереди показалась точка машины, через несколько секунд превратившаяся в старый черный «фольксваген». Пронесясь мимо, его водитель нажал на клаксон. «Фольксваген» затормозил и выехал на обочину.

Рэд бросил взгляд в зеркальце заднего вида, ударил по тормозам и повернул руль вправо. Небо тут же

принялось пульсировать, меняя цвета. С каждой пульсацией яркая черта на миг исчезала.

Когда пикап полностью остановился, над Дорогой повис тихий вечер. Где-то тянул песенку сверчок, временами налетал порыв ласкового ветерка.

Рэд открыл дверцу и вылез наружу, не забыв вытащить из замка и опустить в карман ключ зажигания. На нем были джинсы «ливайс», армейские ботинки, коричневая лыжная курточка без рукавов поверх рубашки-хаки и широкий ремень с фигурной пряжкой. Он повернул бейсболку козырьком назад и зашагал вдоль обочины.

Не существовало способа пересечь Дорогу, не рискуя немедленно погибнуть; поэтому он прошел к месту, расположенному как раз напротив остановившегося «фольксвагена». Дверца машины распахнулась, и наружу вылез невысокий человек с маленькими черными усиками.

— Рэд! — позвал он. — Рэд!

— Что случилось, Адольф? Все ищешь место, где ты победил?

— Послушай, Рэд, честно говоря, я долго не знал, стоит ли говорить тебе это, потому что был не в состоянии понять, ненавижу ли я тебя сильнее, чем чувствую себя обязанным тебе. Но потом до меня дошло, что еще неизвестно, пойдет эта информация тебе на пользу или во вред. Так что все каким-то образом уравновешено... Я был дьявольски далеко вниз по Дороге и видел, что случилось у въезда, обозначенного голубым зиккуратом*...

— Голубым зиккуратом?

— Голубым зиккуратом. Я видел, как ты перевернулся. Я видел, как горел твой пикап.

Несколько секунд Рэд Доракин молчал. Потом засмеялся.

*Зиккурат — ступенчатая пирамидальная башня, культовое сооружение в древнем Двуречье.

— Смерть, — сказал он, — несомненно, будет весьма озадачена, если повстречается со мной вскорости. «Что, — скажет она, — делает этот человек в Афинах при Фемистокле, когда я назначала ему свидание у последнего въезда в Вавилон?..»

Его массивное тело затряслось в новом приступе смеха. Потом он выдул густую струю дыма и вскинул правую руку в издевательском приветствии.

— Тем не менее спасибо. Возможно, мне это пригодится.

Он повернулся и направился к своему грузовичку.

— И еще!.. — крикнул ему вслед усатый.

Рэд остановился и повернул голову.

— Что еще?

— Ты мог бы стать великим человеком. Прощай.

— Аувфидерзейн.

Рэд сел в машину и завел двигатель. Скоро небо снова стало голубым...

Глава 2

Когда над изломанной линией горизонта начала разгораться заря, Удалина пробудилась на барже, качавшейся на водах Ист-Ривер, томно откинула в сторону укрывавшие ее меха и отвела со лба прядь волнистых волос. Кончиками пальцев она коснулась наиболее чувствительных точек на шее, плечах и груди, где уже начали проявляться знаки труда ее вчерашнего возлюбленного. Улыбнувшись, она хрустнула пальцами и томно, медленно повернулась на левый бок.

Тоба, тяжелый и черный, как ушедшая ночь, лежал, устроив щеку на правой ладони и ухмыляясь во весь рот.

— Боги, ты что, вообще никогда не спишь?

— Только не рядом с женщиной, которая удавила больше сотни любовников, стоило им опуститься в утомлении на ложе рядом с ней.

Ее зрачки сузились:

— Так ты знал! Ты знал с самого начала!.. Ты обвел меня вокруг пальца!

— Слава Богу и амфитамину, это так!

Удалина с улыбкой потянулась.

— Тебе необыкновенно везет. Как правило, я даже не жду, пока они уснут. Я выбираю определенный момент — и одновременно кончаю, так сказать, два дела. Твоя очередь должна была наступить только сейчас, потому что тогда меня отвлекла архитектура... Тем не менее. — Она протянула руку и косну-

лась управляющего блока. Баржа начала бесшумно двигаться. — Взгляни скорей, как свет ложится на руины Манхэттена!.. Обожаю руины!

Она вдруг села и подняла на уровень глаз продолговатый прямоугольник из резного полированного дерева, держа эту рамку на расстоянии вытянутой руки.

— Вот группа справа... Какая великолепная композиция, не правда ли?

Тоба приподнялся на локте, потер подбородком о ее левое плечо.

— Очень, гм... интересно.

В левой руке у нее появилась маленькая камера. Женщина посмотрела сквозь видеоискатель, потом еще раз сквозь рамку, наклонилась немного назад, нажала кнопку.

— Готово.

Камера и рамка были отложены в сторону справа.

— Кажется, могла бы всю свою жизнь только и делать, что снимать живописные руины! Собственно, я так и делаю. Самые чудесные виды получаются, как правило, со стороны моря или реки. Когда-нибудь замечал эту деталь?

— Нет. Хотя теперь, когда ты обратила внимание...

— Слишком все это было... идеально. Одетый в тряпье, невымытый продукт упадка цивилизации, ты рылся в отбросах на берегу — и я как раз проплывала мимо. Ловко ты меня провел. Так кто же ты на самом деле? Археолог?

— Ну, я...

— К тому же ты знал, кто я... Держи правую руку, как сейчас, но подними голову. — Удалина перевернулась на живот, тоже подняла правую руку, уперлась локтем в палубу и хлопнула ладонью о ладонь Тобы. — Отлично, мистер Тоба. Теперь жмите со всей силы. Будто ваша жизнь зависит от этого. Может, так оно и есть.

— Эй-эй, леди...

Его рука начала клониться назад. Он напряг мускулы. Рука остановилась на несколько мгновений. Он сжал зубы. Вдруг в одно мгновение его рука оказалась пригвожденной к палубе.

Удалина улыбнулась, глядя на него сверху вниз.

— Желаете помериться левой?

— Нет уж, спасибо. Слушай, я верю всему, что рассказывают о тебе. У тебя... э-э... экзотические вкусы и хватает сил, чтобы их удовлетворять. А я привык восхищаться всяким, кто способен получить то, что хочет. Это был единственный способ встретиться с тобой. У меня есть предложение, от которого ты не сможешь отказаться, такой шанс выпадает раз в жизни.

— Там есть красивые руины?

— Самые прекрасные, можешь мне поверить, — быстро сказал Тоба.

— Интересный человек?

— Самый интересный!

Она ухватила его за руку и рывком поставила на ноги.

— Скорей! Смотри, как отражается солнце на стенах вон той разрушенной башни!..

— Чудесное зрелище!

— Как его имя?

— Доракин. Рэд Доракин.

— Что-то знакомое.

— Он далеко не новичок.

— Колоритная личность?

— Спрашиваешь!

— Я могла бы использовать новую баржу, с инкрустациями из слоновой кости и черного дерева...

— О чем речь... Эй! Быстро — лучи солнца сквозь остатки вон того моста...

— Скорее камеру!.. Ты очень удачливый человек, Тоба.

— Будто я и сам не знаю!..

Глава 1

Увидев, как точка машины в зеркале заднего вида постепенно разбухает, Рэд Доракин беззлобно выругался.

— В чем дело? — слышался хриловатый голос из-под панели.

— Что? А я и не заметил, что не выключил тебя.

Его правая рука потянулась к кнопке, потом вернулась назад.

— Выключил. Я сама активизировала цепи.

— Как это тебе удалось?

— Помнишь, я выиграла у тебя один ремонт — в карты, в прошлом месяце? Мне хватило денег и на установку нескольких новых блоков. Пора было расширить горизонты.

— Ты хочешь сказать, что весь этот месяц подслушивала?

— Да. Ты часто разговариваешь сам с собой. Очень забавно.

— Нет, я этого так оставить не могу.

— Ладно, не играй со мной больше в карты... Повторяю, что случилось?

— Полиция. Быстро догоняет. Может, проедут мимо, а может, и не проедут.

— Держу пари, что я их обставлю. Будем сражаться?

— Да нет же, сиди тихо, Цветы. Не все сразу получается, вот и весь секрет.

— Не понимаю.

— Я не тороплюсь. Не выйдет сейчас, повторю. Или испробую какой-нибудь другой способ.

Он снова посмотрел в зеркало. Блестящий каплевидный автомобиль вырос уже до солидных размеров и продолжал нагонять машину Рэда, хотя, похоже, немного сбросил скорость.

— Я по-прежнему не понимаю.

Чиркнув спичку о ноготь большого пальца, Рэд закурил сигару.

— Знаю. Не волнуйся — и не встречай ни в какие разговоры, если те вдруг возникнут.

— Принято.

Он посмотрел в сторону. Полицейская машина догнала пикап и шла теперь рядом по соседней полосе.

Рэд вздохнул.

— Останавливайся или проезжай, чтоб тебе пусто было, — пробормотал он. — Дорога не для игр.

Словно в ответ завывала сирена. Над крышей полицейской машины выдвинулся шар мигалки и начал периодически зажигаться, будто вспыхивающий в темноте глаз.

Рэд повернул руль и выехал на обочину. Небо снова принялось пульсировать — светлей, темней — светлей, темней. Когда грузовичок окончательно остановился, над горизонтом повисло утреннее солнце, травы серебрились изморозью, слышалось пение птиц.

Сверкающий автомобиль с полицейскими съехал на обочину впереди пикапа. Распахнулись обе дверцы, и из машины вылезли два офицера в серых кителях.

Рэд выключил зажигание, выпрямился и выпустил струю табачного дыма.

Водитель второй машины остановился у дверцы пикапа. Его товарищ прошел к задней части грузовичка. Первый полицейский поднял голову и слабо улыбнулся.

— Чтоб мне провалиться!

— Привет, Тони.

— Не знал, что это ты, Рэд. Надеюсь, ничего серьезного не замышляешь?

Рэд пожал плечами.

— Так... мелочевка.

— Тони, — услышался голос сзади, — ты бы взглянул сюда.

— Гм-м... тебе придется выйти, Рэд.

— Конечно.

Он открыл дверцу и вылез наружу.

— Что там? — спросил Тони, направляясь к кузову.

— Смотри.

Второй полицейский приподнял край брезентового чехла. Теперь он принялся отвязывать его дальше.

— Знаю! Это винтовки из В-20, называются М-1.

— Ага. А видишь, что здесь сзади? Автоматы Браунинга. А это ящик с ручными гранатами. И полно патронов к тому же.

Тони вздохнул и повернулся.

— Ничего не объясняй. Я сам угадаю. Я точно могу сказать, куда ты направляешься. Ты все еще считаешь, что греки должны выиграть битву при Марафоне, и намерен им помочь.

Рэд сделал гримасу.

— Почему ты так думаешь?

— Тебя уже дважды на этом ловили.

— И вы просто наугад решили проверить меня еще раз?

— Вот именно.

— Хочешь сказать, что вам никто не шепнул на ушко пару слов?

Офицер помолчал, глядя в сторону.

— Никто.

— Отлично. Вы поймали меня вместе с товаром. Что будете делать?

— Во-первых, мы конфискуем весь груз. Хорошо, если бы ты помог нам разгрузить кузов и перетащить оружие в нашу машину.

— Расписку дадите?

— Проклятье, Рэд! Ты что, не понимаешь, насколько это серьезно?

— Понимаю.

— Согласен, у нас ничего не изменится, если ты добьешься своего. Но ты создашь новое ответвление Дороги. Или новый съезд.

— А что тут такого страшного, собственно?

— Ты можешь сказать, что и кто проникнет на Дорогу оттуда?

— По Дороге и без того бродит немало всякой всячины, Тони. Посмотри на меня хотя бы.

— Ну, ты уже зло изученное. Тебя все знают. Зачем тебе это новое ответвление, в конце концов?

— Потому что оно вначале было, однако теперь эта боковая дорога заблокирована. Я всего лишь пытаюсь восстановить стечение обстоятельств.

— Что-то я такого не припомню.

— Ты чересчур молод, Тони.

— Не понимаю тебя, Рэд. Ладно, помоги лучше выгрузить оружие.

— Хорошо.

Они начали перетаскивать ящики.

— Ты же знаешь, ты должен бросить это дело.

— Следить за подобными вещами — часть вашей работы, это я знаю, да.

— Тебе на все наплевать. А если бы ты открыл путь в какое-то по-настоящему мерзкое место, где полным-полно гадких тварей и у них оказалась бы способность путешествовать по Дороге? В хороший переплет мы все тогда бы угодили! Почему бы тебе действительно не бросить свою затею?

— Я ищу кое-что, чего другим способом не найти.

— Не возражаешь, если полюбопытствую, что именно?

— Возражаю. Это мое личное дело.

— И ты расстроил бы все движение ради исполнения собственной прихоти?

— Ага.

— Не стоило и спрашивать. Я ведь знаю тебя уже лет сорок. А для тебя это сколько получается?

— Пять или шесть, а может быть, тридцать. Какая разница? Ты, наверное, много сидишь в офисе в перерывах?

— Слишком много.

— Наверное, там и узнал о новых ответвлениях?

— Вообще-то я немного подковался в теории. Она куда сложнее, чем ты предполагаешь.

— Чушь! Если там была Дорога однажды, она может появиться и снова.

— Пусть будет по-твоему, но мы не можем тебе позволить своевольничать.

— Да люди каждый день так делают! С чего бы тогда они ездили по Дороге? Куда бы они ни направлялись, они так или иначе меняют картину ответвлений.

Тони щелкнул зубами.

— Я знаю, и лично мне становится страшно. Всю эту Дорогу нужно строже контролировать, установить посты...

— Но Дорога была здесь всегда, и те, кто по ней путешествуют, они тоже здесь всегда. Мир продолжает существовать, и Дорога продолжает — со дня творения и до конца, аминь. Так зачем все это?

— Я тебя знаю лет сорок или тридцать, а может, только пять или шесть. Ты не изменился. Я по-прежнему не могу найти с тобой общего языка... Ладно. Мы не в силах контролировать все движение, и за мелкими изменениями не уследишь. Но большие нарушения мы в состоянии пресечь, что мы и делаем. И ты вечно в них впутываешься... На этот раз отделаешься предупреждением.

— А что вы еще можете? Ничего! Как вы докажете, куда я направлялся с этим грузом? Пусть вы конфискуете мой груз, прочтете мне нотацию... но что еще? Надолго вы мне погоду не испортите. И это отнюдь не политика, не забота о безопасности. Вы преследуете меня лично, по какой-то причине. Отсюда вывод: кто-то на меня ополчился, и я хотел бы знать, кто и почему.

Тони покраснел. Его напарник прошел мимо с картонкой гранат.

— Ты становишься параноиком, Рэд, — наконец сказал Тони.

— Так-так. Может, подбросишь намек? — Рэд чиркнул спичку о коробку с патронами и раскурил сигару, не сводя глаз с лица офицера. — Кто бы это мог быть?

Тони посмотрел на второго полицейского.

— Давай перетащим, что осталось.

Остаток работы занял еще десять минут. После этого Рэду было разрешено сесть в кабину пикапа.

— Ладно, считай, я тебя предупредил, — сказал Тони.

Рэд кивнул.

— ...И будь осторожен.

Рэд снова кивнул — медленно.

— Благодарю.

Он смотрел, как полицейские сели в свой сияющий экипаж и как их машина скрывается из виду.

— Что все это значит?

— Тони оказал мне услугу, Цветы. Он специально искал меня, чтобы я знал — мы в беде.

— Какого рода?

— Об этом нужно подумать. Далеко до ближайшего места отдыха?

— Нет. Чуть дальше по Дороге.

— Бери управление.

— Ладно.

Грузовичок дернулся и поехал.

Глава 2

Маркиз де Сад вошел вслед за Сандоком в огромных размеров здание.

— Я чрезвычайно вам благодарен, — говорил он, — и буду еще более признателен, если вы не выдадите меня Чедвику, ибо тот пребывает в уверенности, будто я занят сейчас чтением груды совершенно неудобоваримых рукописей. Поверьте, с тех самых пор как барон Кювье опубликовал свои размышления, я был увлечен предметом, я буквально сторал от любопытства. Но я представить не мог, что увижу его своими собственными глазами.

Сандок усмехнулся и ввел маркиза в огромную лабораторию.

— Понимаю. Не беспокойтесь. Я люблю похвастаться работой.

Они приблизились к большому углублению в центре помещения и остановились у ограждающих поручней. Сандок поднял правую руку, и колодец внизу затопили потоки света.

Он стоял там, словно гигантская статуя, как необычных форм муляж для дешевого фильма, как внезапно материализовавшийся бред... И вдруг шевельнулся. Переступил с лапы на лапу и чуть опустил голову, чтобы не бил свет в глаза. Сбоку на его голове блеснула полоска металла, еще одна полоска виднелась ниже по хребту.

— Вид у них не очень-то привлекательный, — сказал Сандок.

Маркиз покачал головой:

— Челюсти бога! Он прекрасен! Скажите еще раз, как он называется?

— Царь тиранозавров.

— Похоже. О, как похоже! Прелесть! — С минуту де Сад стоял неподвижно. Затем поинтересовался: — Как же вам удалось раздобыть этого замечательного зверька? Я был уверен, что они жили в далеком прошлом.

— Верно. Аппарат на ядерном приводе шел над Дорогой очень и очень долго, пока не забрался вглубь.

— Значит, Дорога уходит в те самые времена... Поразительно! И как же вы перевезли существо таких размеров?

— А мы не перевозили. Посланная мной команда парализовала одного из них наркотической пулей и взяла образец ткани. Этот экземпляр был выведен методом клонирования, когда экспедиция вернулась в момент за пятнадцать лет до своего отправления. Вы видите, так сказать, искусственного двойника оригинального экземпляра.

— Превосходно, просто превосходно! Я ничего не понял, но это не играет роли, даже более того, усиливает очарование, создает загадочную атмосферу. А теперь расскажите, каким образом вы им управляете?

— Видите эти металлические паутины на черепе и на позвоночнике?

— Да.

— Это решетки-импланты. Множество тончайших электродов соединяет их с нервной системой животного. Одну минутку...

Сандок отошел от колодца, взял с рабочего стола небольшую коробочку и нечто вроде корзинки из серебряной проволоки. Вернувшись, он показал предметы маркизу.

— Вот это, — произнес он, указывая на коробочку, — компьютер...

— Думающая машина?

— О, кто-то вас уже проинформировал. Да, в некотором смысле так. Кроме того, это еще и передающее устройство.

Он повернул выключатель. За окошком циферблата загорелся огонек. Больше ничего не произошло.

— Вы можете заставить тиранозавра делать все, что угодно... с помощью этого предмета?

— Даже более того.

Сандок одел корзину на голову, приладил ремешок.

— Куда как более, — повторил он, — потому что имеется обратная связь.

Рептилия вздернула голову, подняла глаза на Сандока.

— ... вижу двух людей, они смотрят на меня. У одного на голове что-то блестящее. Сейчас я помашу им правой передней лапой. — Гротескно миниатюрная, по сравнению с остальными, передняя конечность слабо дернулась. — А сейчас я поприветствую их!

От рева затряслись приборы на рабочих столах и, казалось, содрогнулось все здание.

— Я должен, должен! — вскричал маркиз. — Должен попробовать! Молю вас, дайте мне попробовать!

Сандок усмехнулся и снял с головы излучатель.

— Пожалуйста. Все очень просто. Я покажу, как надевать...

Несколько минут маркиз заставлял чудовище маршировать по дну колодца, топать лапами, махать хвостом.

— Я действительно могу видеть его глазами!

— Это обратная связь, о которой я вам говорил.

— Боже... Он, должно быть, обладает феноменальной силой!

— Еще бы!

Прошло несколько минут.

— Мне поистине жаль прерывать такое удовольствие, — заметил наконец маркиз, — но, думаю, придется. Как это выключить?

— Смотрите, вот здесь.

Сандок снял излучатель, выключил управляющий блок.

— Я еще никогда не испытывал такого чувства власти, — промолвил де Сад. — Поразительное оружие, идеальный разрушитель. Почему не использовать его для убийства этого Доракина и не получить вознаграждение, назначенное вашим хозяином?

Сандок засмеялся:

— А вы можете себе представить, как тиранозавр поспешает вдоль Дороги к предполагаемому месту встречи, чтобы раздавить свою жертву?.. Нет, транспортировка была бы неразрешимой проблемой, даже если бы мы точно знали, куда нужно доставить зверя. Я никогда не намеревался использовать его таким образом. Слишком неуклюже.

— Согласен... когда вы мне объяснили. Мною овладело воображение — мститель-рептилия настигает свою жертву... И чувство, которое испытываешь в тот момент, управляя им...

— Гм-м... наверное.

— Хотя в действительности это лишь благородное предприятие на благо развития наук.

— Едва ли. Применяемая здесь технология весьма стара и ничего нового в науку не вносит. Любая информация, которую можно получить таким способом относительно самого зверя, может быть получена и простым наблюдением в естественных условиях. Нет, то, что вы видите перед собой, — это исполнение моей прихоти. Вот почему я так легко согласился показать его вам. У меня давно уже было желание сделать нечто подобное просто так... ради развлечения. Вот и все. Другого назначения у тиранозавра нет. О, мои помощники, конечно, изучают его физиологию и опубликуют полученные данные — тоже, в общем, какая-то польза. После долгой и успешной карьеры я могу позволить себе такую прихоть. Почему бы и нет?

— В некотором отношении мы гораздо ближе с вами, чем я предполагал.

— Потому что я склонен к таким дорогостоящим развлечениям?

Маркиз отрицательно покачал головой:

— Потому что вы наслаждаетесь чувством такой необыкновенной власти.

Сандок выключил свет в колодце, отошел от поручней и отвернулся.

— Ладно, в чем-то вы правы. — Проходя мимо рабочего стола, он сложил туда принадлежности. — Теперь вам, наверное, лучше вернуться к рукописям.

— Увы! — вздохнул маркиз. — С Олимпа в Тартары путь недалек.

Сандок улыбнулся:

— К тому же у него ненасытный аппетит...

Глава 1

Он въехал на покрытую гравием стоянку и направил пикап к группе строений из тесаных бревен, перед которыми выстроились ряды колонок для разных видов топлива.

— Как с бензином? — спросил Рэд.

— Половина бака. Плюс полный запасной.

— Останови вон там, под деревьями.

Пикап замер под развесистым дубом. Солнце уже успело почти скрыться за горизонтом.

— Мы где-то в В-16, правильно?

— Да. Ты собираешься здесь выйти?

— Нет, просто я подумал, что когда-то знал одного парня из этих краев. Пришлось срезать путь через Англию...

— Хочешь его проведать?

— Нет. Он сейчас . не здесь. Кроме того, я проголодался. Составь мне компанию.

Рэд вытащил из-за приборной панели экземпляр «Цветов зла».

— Куда же он отправился? — послышался голос книги.

— Кто?

— Твой друг.

— О, далеко. Да, он отправился очень далеко.

Рэд открыл дверцу и вылез. Воздух был прохладный и зябкий.

В столовой царил полумрак, большую люстру еще не зажигали. Столы были без скатертей, деревянные — так же, как и пол. В камине, в дальнем конце комнаты, потрескивали горящие поленья. Окна имелись только в стене фасада.

Рэд осмотрел посетителей. Перед большим окном сидели две пары, на вид довольно юные, по одежде и по разговору — выходцы из второй половины В-21. Судя по одежде хрупкого юноши, сидевшего справа, тот был родом из викторианской Англии. Спinoй к ближайшей стене сидел черноволосый мужчина в черных брюках и сапогах и в белой рубашке. Он ел цыпленка, запивая вином. На спинке стула висела серая кожаная куртка. Слишком неопределенный наряд.

Рэд прошел к самому дальнему столу и сел спиной к углу, положив «Цветы зла» на стол и раскрыв книгу наугад.

— Блажен мечтающий: как жаворонков стая, вспорхнув, его мечты взлетают к небу вмиг, — донесся со страниц тоненький голос.

Рэд быстро поднял книгу, закрыв ею лицо.

— Именно, — ответил он шепотом.

— Но ты хочешь большего, так?

— Всего лишь тихий уголок, дабы преклонить голову.

— И где же ты его отыщешь?

— Будь я проклят, если знаю.

— Никогда, собственно, не понимала до конца, зачем тебе...

К столу подошел высокий седоволосый официант.

— Что будет угод... Рэд!

Рэд поднял глаза, вглядываясь:

— Джонсон?..

— Ну!.. Великий Боже! Сколько лет прошло!

— Разве? Ведь ты работал раньше несколько ниже по Дороге, так?

— Да. Но мне здесь больше по душе.

— Рад, что ты нашел хорошее место. Слушай, цыпленок, что вон у того парня, очень аппетитный на

вид, — Рэд кивнул в сторону темноволосого, — и пиво вроде. Я закажу то же самое. Кстати, кто он такой?

— Впервые вижу.

— Ладно, пиво принеси сразу.

— Хорошо.

Рэд вытащил из потайного кармана новую сигару, осмотрел ее со всех сторон. Джонсон приостановился, глядя на него.

— Хочешь показать фокус?

— Какой фокус?

— Я однажды видел, как ты вытащил из кармана уголек и прикурил сигару. Ты не обжегся.

— Рассказывай!

— Не помнишь? Несколько лет назад... Если только тебе не предстоит еще этому научиться. Ты тогда выглядел старше. Было это примерно на пол-В ниже по Дороге.

Рэд покачал головой:

— Какая-то детская шутка. Я с этим давно покончил. Неси скорее пиво и цыпленка.

Джонсон кивнул и вышел.

К тому времени, когда Рэд управился с ужином, зал успел наполниться. Зажгли свет, стало довольно шумно.

Он подозвал Джонсона, расплатился по счету и вышел из-за стола.

Снаружи уже совсем стемнело и сильно похолодало. Рэд повернул направо, направляясь к своей машине.

— Тихо, — донесся голосок из книги, которую он нес с собой.

— Да, я...

Удар совпал со вспышкой и звуком выстрела.

Не думая о ранении, Рэд бросился в сторону. Последовал второй выстрел, но он ничего не почувствовал. Швырнув «Цветы зла» в сторону смутно видневшегося силуэта стрелка, он побежал к пикапу и, распахнув дверцу со стороны пассажирского сиденья, бросился на пол. Нащупывая под сиденьем спрятан-

ный там револьвер сорок пятого калибра, он услышал шаги по гравию с другой стороны машины.

Откуда-то издали донесся выкрик:

— А ну-ка стой, приятель! Ты на мушке!

Последовали выстрел и тихое проклятие — как раз когда пальцы Рэда сомкнулись на рукоятке револьвера. Он выстрелил один раз в открытое окно со стороны водителя — чтобы прикрыть отход. Потом выполз, пятясь, из кабины, и присел.

В доме распахнули дверь, оттуда доносился шум голосов. Кто-то что-то выкрикнул встревоженно, однако выходить никто не решался.

Стараясь держаться пониже, Рэд добрался до заднего бампера и, опустившись на четвереньки, выглянул. Никого... Он прислушался, не захрустит ли гравий — все было тихо.

Рэд выполз из-за бампера и двинулся на левую сторону пикапа.

— Он впе'еди, бе'ет вп'аво, — слышался громкий шепот.

Тут же в указанном направлении слышался хруст подошв по гравию.

Рэд бросил камешек вправо от себя. Тишина.

— Похоже, ничья, — крикнул он на дорожном линго. — Может, поговорим?

Тишина.

— Держишь на меня зуб? Особая причина для охоты? — попробовал он опять.

Снова тишина.

Рэд обогнул левый угол машины и осторожно начал двигаться на корточках, переставляя ногу одну за другой, бесшумно перенося вес.

— Он отошел к де'евьям. Де'жит тебя на п'ицеле.

Рэд переложил оружие в левую руку, правой дотянулся до приборной панели через опущенное стекло дверцы, повернул выключатель фар и бросился на землю, вглядываясь в тени между деревьями. Выстрел оттуда продырявил ветровое стекло как раз напротив места водителя.

С того места, где он упал, Рэд увидел силуэт стрелка, поспешившего укрыться среди деревьев, и выстрелил. Человек дернулся и упал, скользя по стволу дерева. Пистолет выскользнул из его пальцев, но он успел выстрелить еще раз. Потом человек завалился на бок, рухнул на землю и застыл.

Рэд поднялся и медленно приблизился, не опуская револьвера.

Черные брюки, черная куртка, в нижнем квадрате своем продырявленная и протекающая... Тот самый тип, которого он видел в зале столовой сегодня, — сидел спиной к стене. Рэд обхватил его рукой за плечи, приподнял голову. На губах мужчины появился розовый пузырек пены от крови. Он застонал, когда его приподняли. Глаза приоткрылись.

— Зачем? — спросил Рэд. — Зачем ты в меня стрелял?

Мужчина слабо улыбнулся:

— Пожалуй, я тебя покину — чтобы тебе было о чем подумать...

— Но тебе-то от этого лучше не станет, — заметил Рэд.

— Мне в любом случае хреново, — отозвался стрелявший. — И потому — черт с тобой!

Рэд ударил его по губам, размазывая кровавую слюну. За спиной он услышал протестующий возглас — вокруг собиралась толпа.

— Говори, сукин сын! Или так просто я не дам тебе отойти!

Он ткнул человека в солнечное сплетение неподалеку от раны.

— Эй! Прекратите! — потребовал голос из-за спины.

— Говори!

Но мужчина застонал, протяжно вздохнул и перестал дышать.

Рэд замолотил его по груди.

— Ну-ка вернись, ты, мерзкий подонок!

На его плечо легла рука, и он стряхнул ее.

Стрелявший не реагировал. Рэд отпустил мертвеца и начал шарить по его карманам.

— Наверное, не следует вам это делать, — произнес за спиной другой голос.

Не найдя ничего интересного, Рэд поднялся.

— На чем приехал этот парень? — спросил он.

Последовали неразборчивые реплики.

— Он путешествовал автостопом, — сказал наконец джентльмен-викторианец.

Рэд повернулся. Англичанин смотрел на мертвого, слабо улыбаясь.

— Откуда вы знаете?

— Я видел, как его подвезли, — ответил англичанин, доставая шелковый платок и вытирая лоб.

— На какой машине?

— Черный «кадиллак», похоже, из В-20.

Человек посмотрел на труп, провел языком по губам и снова улыбнулся.

— Вы заметили, кто еще был в машине?

— Нет.

Подошел с куском парусины Джонсон и накрыл тело. Выпрямившись, тронул Рэда за плечо.

— Я выставлю мигалку, — сказал он. — Но кто его знает, когда сюда доберутся полицейские. Ты должен задержаться и дать показания. Понимаешь?

— Хорошо, я подожду.

— Пойдем тогда. Я отведу тебя в комнату и дам что-нибудь выпить.

— Ладно. Одну минуту.

Рэд вернулся на стоянку и отыскал книгу.

— Пуля пов'едила мне динамик, — послышался посвистывающий голос.

— Знаю. Постараюсь достать тебе новый, самый лучший. Спасибо за помощь и за то, что ты его отвлекла.

— Надеюсь, оно того стоило. Почему он ст'елял в тебя?

— Не знаю, Цветы. У меня такое впечатление, что это просто наемник, киллер. Тогда здесь замешан синдикат. Но если так, я понятия не имею, какая существует связь между мной и его нанимателями.

Рэд сунул книжку в карман и пошел вслед за Джонсоном.

Глава 2

Рэнди заметил, как на Дорогу выезжает голубой пикап, и направил машину к стоянке.

— Это здесь? — спросил он.

Лейла кивнула, не отрываясь от чтения «Листьев травы».

— В моем видении это было в Африке, — ответила она. — Но теперь мы в реальном времени, и я не знаю, насколько мы вышли из фазы.

— Переведи.

— Он мог еще не приехать. Или уже уехал.

Рэнди поднял ручник.

— Ты подожди, а я схожу проверю, — сказала она, бросив книгу на заднее сиденье и открывая дверцу.

— Хорошо.

— Рэнди?

— Что, Листья?

— Очень энергичная женщина, правда?

— Я тоже так думаю.

— Она привлекательная?

— Да.

— И властная к тому же.

— Она лучше меня разбирается в том, что мы делаем.

— Верно, верно... А это кто?

Какой-то старик, на грязной тунике которого еще можно было разглядеть крест крестonosца, прихрамывая, подошел к машине, вытащил из-за пазухи за-

масленную тряпку и принялся вытирать фары, потом перешел на ветровое стекло, напевая себе под нос. Он плюнул на прилипшую к стеклу мертвую бабочку, соскреб ее ногтем большого пальца, потер это место тряпкой.

Наконец подошел к Рэнди, улыбнулся и кивнул.

— Хороший денек, — сказал он.

— Неплохой.

Рэнди выудил из кармана четвертак и передал его старику. Старик принял монету и еще раз кивнул.

— Спасибо, сэр.

— Вы похожи... на крестоносца.

— Я и есть крестоносец, — сказал старик на дорожном линго. — Или был. Свернул не в ту сторону в каком-то месте и уже не сумел найти обратного пути. Человек ведь не виноват, если он заблудился, а? Кроме того, мне сказали, что поход уже закончен и мы победили. А потом другой путешественник сказал, что мы проиграли. Так или иначе, глупо было бы сниматься с места — мне здесь нравится. Как-нибудь сюда заедет на черном «кадиллаке» епископ, и я попрошу, чтобы он освободил меня от клятвы. А пока что мне разрешают спать на заднем дворе, а повар дает еды. — Он подмигнул. — И удастся раздобыть немного мелочи на стаканчик каждый вечер. Не жизнь, а красота, такого у меня никогда не было. Зачем лезть в драку, когда война уже и так кончилась?

Рэнди покачал головой.

— А вы, часом, не знаете?

— Чего не знаю?

— Кто победил?

— В походах?

Старик кивнул.

Рэнди почесал кончик носа.

— Ну... в моих учебниках говорилось, что всего было четыре больших Крестовых похода и несколько мелких. Что же до победивших...

— Так много!

— Ага. Иногда вашим парням удавалось взять верх, иногда наоборот. Были всякие интриги, преда-

тельства... Походы положили начало обширному культурному обмену, возрождению греческой философии на западе. Они...

— К дьяволу философию, молодой человек! В твоё время кому принадлежала Святая земля — нам или им?

— В основном им...

— А наши земли? Кто ими владеет?

— Мы, но...

Старый солдат усмехнулся:

— Тогда никто не победил.

— Не все так просто. Никто ведь и не проиграл. На вопрос нужно смотреть в более широком аспекте.

— Чушь! Это тебе, может, легко говорить про аспект. А я вовсе не намерен возвращаться назад и получить ради этого аспект кривой саблей пониже глаза, сынок. Пусть Луи заботится о походе, мне куда приятней вытирать стекла в твоей дьявольской колеснице и накачиваться каждый вечер — теперь, когда я знаю, что никто не победил.

— Я понимаю вашу точку зрения, хотя вы и утратили чувство исторической перспективы. Но неверно утверждать...

— Совершенно верно, черт побери! Если тебе повезет, кто-нибудь с верхнего участка Дороги окажет тебе подобную услугу. Ему и рассказывай об историческом процессе, так-то вот... — Старик подбросил монету на ладони. — Храни веру, парень.

Он повернулся и захромал прочь.

— Интересно... — пробормотал Рэнди.

Листья на сиденье начала что-то напевать. Потом она поинтересовалась:

— Тебе отчего-то грустно?

— Наверное, не знаю. Почему ты спрашиваешь?

— Я наблюдала за частотой твоего пульса, дыхания, кровяным давлением. Все показатели повышены. Вот почему.

— Выходит, от тебя ничего не утаишь?. Я думал о том, что все страсти неудавшегося Крестового похода

да — или несчастной любви — лишь краткий миг на геологических часах.

— Верно. Но если ты не гора и не ледник, какое это имеет значение? — Пауза. — Ты оборвал такого рода отношения в недалеком прошлом?

— Пожалуй, можно сказать и так...

— Печально. А может, и нет — по-всякому случается. Ты...

— В сущности, этому не должно было быть продолжения. И все же я ощущаю утрату... Почему я это все тебе говорю?

— С кем-то ведь надо поделиться. Ты должен быть осторожней. В такие моменты человек часто стремится восполнить потерю чем-то новым и в спешке забывает о благоразумии. Человек...

— А, вот и Лейла идет, — сказал Рэнди.

— Ах.

Наступила тишина.

Рэнди затянулся сигарой. Он полюбовался облаками, отражающимися в полированном капоте. Потом посмотрел в сторону ряда невероятных экипажей, выстроившихся на стоянке, словно экспонаты в фантастическом музее транспорта.

— Я не чувствую ее приближения, — сказала Листья немного погодя.

— Извини, я ошибся.

Последовал ряд невнятных звуков.

— Это ты меня извини, Рэнди, я не собиралась вмешиваться.

— Ничего, все в порядке.

— Я только хотела...

— Она уже идет.

— Хорошо. Я просто... Извини.

Лейла распахнула дверцу, влезла в машину и взяла сигару из его пальцев. Глубоко затянувшись, она устало обмякла в кресле.

— Очевидно, тебе не... — начал он.

— Тсс! Мы идем почти бампер в бампер. Вот только нового адреса они не оставили. Я должна снова посмотреть.

Ее взгляд затерялся в клубах дыма. Лицо Лейлы на несколько секунд стало совершенно спокойным, потом последовала быстрая смена выражений, которые Рэд не в силах был уловить.

— Заводи мотор, едем! — приказала она.

— Куда?

— Вниз по Дороге. Я узнаю поворот, когда мы его увидим. Поехали!

Рэд вырулил с территории стоянки, повернул к въезду на Дорогу.

— Я начинаю понимать...

— Что?

— Кто мы такие, — сказала она, возвращая сигару

Глава 1

Рэд скатился с кровати, нащупал одежду

— Эй! Дерьмовый из тебя детектор дыма!

— Этот конту' тоже, наверное, был пов'ежден.

Рэд вытащил маленький плоский фонарик из кармана куртки, пока натягивал ее, и обвел комнату лучом, но дыма не заметил. Поднявшись, он направился к двери, втянул носом воздух.

— Пожалуй, не следовало бы...

Открыв дверь, Рэд вышел в холл, снова принялся и двинулся влево.

Здесь! Следующая комната!

Он подбежал к двери, постучал, подергал ручку
Заперто

— Проснитесь!

Отступив на шаг, он ударил ногой в область замка. Дверь распахнулась. Выползли клубы дыма.

Ворвавшись в комнату, Рэд увидел горящую кровать и женщину с улыбкой на устах, очевидно, спящую

Согнувшись, он поднял ее с охваченной огнем постели и отнес в сторону. Опустив женщину на пол (одежда ее все еще тлеет) вернулся к кровати и начал сбивать пламя ковриком.

— Эй! — окликнула его женщина.

— Тихо! — велел он — Я занят.

Женщина поднялась на ноги, не обращая внимания на свою тлеющую одежду, и смотрела, как Рэд

сражается с пламенем. Потом, когда подола ее платья по-настоящему запылал, небрежным движением она распустила повязку позади шеи и позволила платью упасть на пол. Переступив круг огня, женщина подошла к Рэду.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она.

— Хочу погасить твой костер! Ты что, курила в постели?

— Да. И пила тоже. — Она присела и извлекла из-под кровати бутылку. — Пусть себе горит. Давай лучше выпьем и будем смотреть на огонь.

— Лейла, не путайся под ногами.

— Хорошо, Рейд, хорошо. Как скажешь.

Она отошла, опустилась в просторное кресло, поглядела по сторонам, снова встала, шагнула к туалетному столику, зажгла от горевшей там свечи фитиль масляной лампы и вернулась в кресло, прихватив кубок.

В холле послышались быстрые шаги. Человек остановился у двери.

— Как твои дела? — раздался голос Джонсона.

— Кровать загорелась, — ответил Рэд. — Уже все в порядке.

— Матрац смело выбрасывай в окно, когда сможешь к нему подобраться. Там внизу только гравий.

— Я так и сделаю.

— Комната номер семнадцать свободна, мисс Лейла. Перейдете туда?

— Спасибо, мне и здесь хорошо.

Рэд подошел к окну и раздвинул ставни. Вернувшись к кровати, он свернул матрац, поднял его и выкинул в наполненный звездами проем.

— Я пришлю новый матрац и белье, — сказал Джонсон.

— И еще одну бутылку, пожалуйста.

Джонсон, вошедший было в комнату, вышел обратно в холл, покашливая.

— Хорошо. Только не понимаю, как вы там дышите.

Рэд смотрел в окно. Лейла откупорила бутылку. В холле послышались удаляющиеся шаги Джонсона.

— Ты будешь, Рейд?

Он повернулся и подошел к ней. Она протянула ему кубок.

— Твое здоровье, — произнес он и отпил глоток.

Она фыркнула и присосалась к горлышку.

— Женщине это не идет. Давай меняться.

Лейла засмеялась:

— Чепуха. Мне кубок не нужен... Твое здоровье. Ну, как?

— Питье или здоровье?

— И то, и другое.

— Бывало получше, бывало похуже — и то, и другое. Ты что здесь делаешь, Лейла?

Она пожала плечами:

— Пью. Проворачиваю кое-какие комбинации. А что делаешь ты? Все едешь вдоль Дороги, надеешься найти необозначенный поворот — или самому начать новый?

— Вроде того. Довольно долго я считал, что ты нашла истинный путь. Обнаружить тебя здесь — как бы это выразиться? — большое разочарование.

— А я умею производить такое впечатление, правда?

Рэд вытащил из кармана куртки сигару, подошел к свече и прикурил.

— Найдется еще одна?

— Найдется.

Он передал ей зажженную сигару, закурил для себя новую.

— Зачем ты это делаешь?

Дым завивался в спирали над ее головой.

— А что, собственно, я делаю?

— Да ничего! Тратишь жизнь, вместо того чтобы искать.

— Поскольку ты спрашиваешь, — сказала она, вновь приложившись к бутылке, — то я отвечу. Я побывала всюду на этой чертовой Дороге — от неолита до В-30. Я прошла по всем боковым путям, по всем

тропкам, вплоть до кроличьих дорожек. Меня знают в тысячах земель под тысячей разных имен. Но ни в одной из них я не нашла того, что искала, что ищем мы.

— И даже не почувствовала приближения? Даже близко не подходила?

Лейла повела плечами.

— Я ощущала приближения: некоторые весьма схожие, другие — совершенно незабываемые. И все не то. Оставалось только сделать вывод, что место, которое я когда-то искала, больше не существует.

— На свете существует все, нужно только уметь найти.

— Значит, нам туда нет пути, по крайней мере, отсюда.

— Не верю.

— Тогда скажи мне, стоит ли оно того? Стоит ли оно растроченной в поисках жизни, если можно отправиться куда угодно, делать все, что тебе захочется?

— Например, пить и проворачивать кое-какие комбинации? Или поджигать постель?

Она выпустила колечко дыма.

— Я занималась ничем, как ты сказал, целый год. И с каждым днем это занятие все легче. И результат тот же самый. Я истратила запас энергии. Я ведь по натуре страшно ленивая. Так приятно сказать себе: «Хватит, это бесполезно!» Вот почему бы тебе не присоединиться ко мне? Чего ты достиг, несмотря на все усилия? Мы могли бы, по крайней мере, утешить друг друга.

— Не хочу сдаваться.

Как раз в этот момент пришли слуги с комплектом постельного белья и бутылкой. Рэд и Лейла молча курили, глядя, как они работают.

Когда прислуга удалилась, она сказала:

— Много денег и возможность спать, сколько вздумается, — ничего лучше в жизни не существует.

— А меня интересуют некоторые вещи в промежутках.

— И что это тебе дало? — спросила Лейла, поднимаясь с кресла. — Черную метку?

Она подошла к окну и выглянула наружу.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он наконец.

— Ничего.

— А мне все же показалось... Ну-ка, продолжай, что ты видела?

— Я не говорила, что видела. — Лейла повернулась к нему. — У нас новая постель. Предлагаю опробовать.

— Не увиливай. Я знаю, твои видения куда лучше моих.

Она облокотилась о подоконник и сделала хороший глоток из бутылки.

— И отойди от окна. Того и гляди, выпадешь.

— Вечный старший братец, — пробормотала Лейла, но от окна отошла и уселась на кровати. Бутылку она поставила рядом на пол и начала дымить сигаретой. Ее лицо почти скрылось в облаках дыма, глаза блуждали.

— Вижу... — начала она и вдруг замолчала.

— Видишь, — повторил настойчиво Рэд.

— Ты идешь сквозь туман. Чем ближе ты к смерти, тем он гуще. И ты сам хочешь этого! Я видела десять черных птиц, преследовавших тебя, а теперь их только девять...

— Черная десятка! — прошептал Рэд. — Кто ее объявил?

— Большой... большой грузный человек. И поэт. Да, он поэт. Конечно!

— Чедвик?

— Толстяк Чедвик, — согласилась Лейла и потянулась к бутылке.

— Почему, когда и как? — спросил Рэд.

— Что ты хочешь от одного паршивого видения?

— Чедвик, — повторил Рэд и осушил кубок. — Не так уж это невероятно. Многие точат на меня зуб, но мало у кого есть средства пустить его в ход... Тони кое-что знал, получается. Значит, он вышел на них тоже... и, следовательно, на полицию мне рассчитывать нечего. Выходит, дело приняло официальный характер.

Он поднялся, взял бутылку и подлил вина в свой кубок.

— Что будешь делать, Рейд?

Он сделал глоток.

— Двигаться дальше.

— Отлично. Я еду с тобой. Тебе понадобится помощь.

— Не-а. Не сейчас. Благодарю.

Она подняла бутылку и швырнула ее в окно. Зеленые глаза Лейлы сверкнули.

— Не строй из себя рыцаря. Я по-прежнему один из самых твердых орешков, которые тебе только приходилось встречать. Ты прекрасно понимаешь, что я могу тебе помочь.

— В любое другое время я был бы просто счастлив, ты же знаешь. Но не сейчас, когда на меня объявлена черная десятка. Черт побери, один из нас должен выжить — пусть только затем, чтобы отомстить за другого.

Неожиданно она растянулась на постели.

— О, тебе бы этого очень хотелось, верно? И чтобы это была я, так ведь?.. Мне нужно поспать. Я не могу тебя принудить, но ответ твой меня не устраивает. Делай, как считаешь нужным, Рейд, а я сделаю по-своему. Спокойной ночи.

— Ты зря волнуешься, будь благоразумна.

Лейла начала похрапывать.

Он допил вино, погасил лампу и поставил кубок на туалетный столик. Затворив за собой дверь, вернулся в свою комнату и начал собираться.

— Мы го'им?

— Нет, Цветы, мы уезжаем.

— Что случилось?

— Нужно поскорее отсюда уезжать.

— Ты уже дал показания полиции относительно этого вече'а?

— Проклятье, если мы не уберемся отсюда вовремя, показания будут давать относительно меня! Парень, которого я застрелил... никакой он не псих. На меня объявили черную десятку.

— Это что такое?

Рэд натянул ботинок и начал его зашнуровывать.

— Я называю это вендеттой. Мой враг имеет право сделать десять попыток убить меня. Если он десять раз промахнется, игра кончена. Это своего рода игра. Прощлым вечером противник использовал первый шанс.

— А ты можешь отвечать?

— Конечно. Если знать, куда бить. А пока что лучше смываться. Дорога велика. Игра может продолжаться всю жизнь. В сущности, так оно и есть...

— А полиция?

— Полиция не вмешивается, если дело принимает официальный оборот; отвечает за все Комитет Игр. И даже если бы они хотели, они мало что смогли бы сделать. Большая часть полицейских родом из периода В-23 — В-25. Слишком цивилизованные. В дальних зонах Дороги от них не много проку.

— Тогда давай отп'авимся выше по дороге, туда, где они сильнее, и найдем на'ушение в п'авилах иг'ы.

— Не выйдет. Враг живет как раз в той области, и полиция наверняка у него в кармане. По-моему, именно это Тони и пытался мне сообщить. Кроме того, их основная функция — контроль за дорожным движением. Нет, мы поедем в другую сторону.

— Ты уже знаешь, кто за этим стоит?

— Знаю — один мой старый дружок. Когда-то мы были партнерами. Идем.

— Не 'асплатившись?

— Как в старые дни.

— Меня тогда с тобой не было.

— Ничего, я мало изменился.

Он тихо затворил дверь и направился к лестнице черного хода.

— Рэд?

— Тсс!

— Че'т тебе, а не тсс!.. Как они могли узнать, что ты остановишься здесь? Ты ведь сам в последний момент только 'ешил.

— Я об этом уже думал, — прошептал Рэд.

— ...'азве что кто-то знал, где ты в последний 'аз зап'авлялся и 'ассчитал все возможные места остановки.

— И везде посадил своих людей? Брось!

— Ну, по к'айней ме'е в самых ве'оятных. Этот Чедвик мог себе такое позволить?

— В общем, да...

— Тепе' ему п'идется пот'атить го'аздо больше — ведь ты уже понял, откуда вете' дует и пе'вый 'аз ускользнул, ве'но?

— Пожалуй. Но если вдуматься, он меня чертовски хорошо знает. Организовав конфискацию моего груза, он наверняка сообразил, что я заверну на ближайшую стоянку, чтобы обдумать положение.

— Не исключено. Хочешь 'искнуть?

— Рискнуть? В смысле, что на следующей остановке кто-то нас уже ждет, и на следующей, и так далее?

— Это ведь возможно, так?

— Да, ты права. Я отвлекся, думая о более насущном. Этот парень, который должен был меня убить... Наверняка планировалось подобрать его в условленном месте после выполнения работы. А он не явился. Значит, они уже знают, что попытка сорвалась и что я до сих пор здесь. Как по-твоему, что они сделают?

— Т'удно сказать.

— Могут они поджидать сейчас снаружи?

— Вполне. Тогда и че'ный ход перекрыт.

— Ну. Поэтому мы сначала хорошенько оглядимся, а потом рванем к деревьям. Хотя, скорее, они следят за моим пикапом — из-за деревьев или из другой машины. Поэтому пойдем окружным путем.

Рэд нащупал дверь, пробормотал проклятье (дверь оказалась тяжелой и без оконца), чуть приоткрыл ее, выглянул наружу. Приоткрыл еще немного...

— Никого. Теперь соблюдай молчание — если не понадобится предупредить об опасности. Жаль, что я не захватил наушники.

— Ты ведь ско'о починишь мне динамик?

— Немного выше по Дороге есть, кажется, одно место, где могут это устроить, а заодно и новое ветровое стекло вставят.

Рэд распахнул дверь и бросился под прикрытие деревьев — метрах в пятнадцати. Добежав до ближайшего дерева, он ухватился рукой за ствол, развернулся и присел в тени у основания ствола. Несколько секунд не шевелился. Тишина. Ни выстрелов, ни прочих звуков. Тогда он начал пробираться в гущу деревьев, ощупывая руками путь. Наконец свернул направо и обогнул задний двор гостиницы, продолжая ползти.

В комнате Лейлы было темно. В воздухе до сих пор стоял запах горелой набивки матраца.

Рэд двинулся вперед, пока вся стоянка не оказалась как на ладони. В свете луны и отдельных звезд видно было, что новых машин не появилось. Тем не менее он продолжал оставаться под защитой деревьев, продвигаясь к тому месту, где лежал наемный убийца — по-прежнему под простыней, только придавленной кем-то к земле камнями.

Он приткнулся к земле рядом с телом, сжимая в руке револьвер, рассматривая свой пикап. Прошло десять минут, пятнадцать...

Рэд двинулся вперед. Обогнул грузовичок, проверяя, все ли в порядке, потом вошел в кабину со стороны водителя. Книгу положил в гнездо под приборной панелью и приготовил ключ зажигания.

— Стой! Не пово'ачивай!

— Почему?

— Я чувствую, что по сети идет слабый ток.

— Бомба?

— Возможно.

Ругаясь, Рэд вылез наружу, поднял капот. Вытащив фонарик, начал осмотр. Немного погодя он опустил крышку и залез обратно в кабину, по-прежнему чертыхаясь.

— Таки бомба?

— Да.

Он завел двигатель.

— Что ты с ней сделал?

— Закинул в лес.

Рэд выжал сцепление, дал задний ход, развернулся и направил машину к выезду с площадки, задержавшись только для того, чтобы наполнить доверху бак.

Глава 2

Свою машину он оставил на стоянке в нескольких днях пути — и в целых мирах оттуда. Чрезвычайно высокий и худощавый, с пышной прядью темных волос над крутым лбом, в одежде излишне яркой для гор Абиссинии. На нем были парусиновые брюки багряного цвета и багряная же рубашка. Даже ботинки и ремень были сделаны из окрашенной в густой багрянец кожи — так же как и вместительный рюкзак. Несколько перстней с аметистами украшали его необычно длинные пальцы. Неустрашимо покоряющий горные вершины, явно безразличный к холодным ветрам — этакий поэт-романтик, Вильгельм Мейстер в годы его странствий, вот только до девятнадцатого века оставалось еще восемь столетий.

Глубоко впавшие глаза горели на его казавшемся почти истощенном лице. Он поискал взглядом известные ему скрытые ориентиры и нашел их. Он шел без отдыха целый день, даже ел на ходу. Но сейчас остановился, так как два далеких горных пика оказались на одной линии, и конец пути был уже недалек.

В полукилометре впереди тропа расширялась, образуя нечто вроде насыпи, уходившей в сторону гор. Он снова зашагал, уже в том направлении, и, достигнув плоской насыпи, вступил в ущелье. По обе стороны поднимались скалистые стены.

Пройдя немного дальше, он сквозь деревянные ворота вошел в небольшую долину. Коровы щипали

траву, у дальнего конца долины виднелось озеро. Где-то на полпути стоял загон для скота, рядом зиял вход в одну из пещер. Перед входом сидел невысокий, лысый, очень смуглый человек — невероятно толстый; его мясистые пальцы нежно касались куска глины, вертевшегося на ножном гончарном круге.

Толстяк поднял голову и посмотрел на пришельца, который приветствовал его по-арабски.

— Да пребудет с тобой мир, — ответил он на том же языке. — Входи и освежись после дороги.

Незнакомец в пурпурном приблизился.

— Благодарю.

Он сбросил рюкзак и присел на корточки рядом с толстяком.

— Меня зовут Джон.

— А я — Мондамей, гончар. Прости меня. Не хочу показаться невоспитанным, но сейчас я не могу покинуть этот горшок. Мне понадобится еще несколько минут, чтобы придать ему надлежащую форму. Тогда я принесу тебе еду и питье.

— Не спеши, — сказал пришелец, улыбаясь, — Не каждому выпадает удовольствие увидеть великого Мондамея за работой.

— Ты слышал обо мне?

— Кто не слышал о твоих горшках — совершенных по форме, украшенных небывалой глазурью?

Мондамей не выказал никаких чувств.

— Ты очень добр, — заметил он.

Немного погодя гончар остановил круг и поднялся на ноги.

— Извини меня, — сказал он.

У него была странная шаркающая походка. Джон, опустив руку глубоко в карман пурпурного одеяния, проводил толстяка взглядом.

Мондамей вошел в пещеру, а через несколько минут вернулся с накрытым подносом в руках.

— Я принес тебе хлеба, сыра и молока. Извини меня за то, что не приму участия в трапезе, так как я только что поел.

Он наклонился — с легкостью и грацией, несмотря на массивное тело — и поставил поднос перед незнакомцем.

— На обед я зарезу козла... — начал было Мондамей.

Рука Джона взвилась с неуловимой глазу скоростью. Невероятно длинные пальцы вошли в плоть Мондамея под правой лопаткой. Проникнув глубже, они вырвали кусок плоти. В это время зажатый в правой руке маленький ключ уже стремительно двигался к обнажившемуся участку блестящего металла. Ключ вошел в гнездо и повернулся.

Мондамей застыл. Где-то в недрах его согнутого туловища послышалась серия быстрых щелчков.

Джон отнял руку, отодвинулся в сторону.

— Ты больше не гончар Мондамей, — сказал он. — Я частично активизировал тебя. Прими вертикальное положение.

Мягкое жужжание и едва слышное потрескивание раздались внутри стоящей фигуры. Мондамей медленно выпрямился к опять застыл.

— Прими первоначальный облик.

Фигура медленно подняла руки, коснулась пальцами затылка. На секунду пальцы застыли, потом двинулись вперед и в сторону, стягивая с обнажившейся металлической пирамиды темную псевдоплоть. Пирамида была многоступенчатая, со множеством линз. Потом руки передвинулись к шее, нажали, потянули... Металл. Снова металл. И кабели, и кварцевые окошки, за которыми прыгали и мигали огоньки, и пластинки, и решетки, и сопла...

Через две минуты вся фальшивая плоть была удалена. И тот, кого раньше звали Мондамей, стоял перед высоким худощавым пришельцем, сверкая, помигивая, потрескивая и вспыхивая.

— Открой доступ к Блоку Один, — приказал человек.

Из грудной пластины автомата выдвинулся ящичек, наподобие ящичка магазинной кассы. Джон наклонился вперед, и пальцы, на которых посверкивали

аметисты, произвели манипуляции с приборами управления.

— Зачем ты делаешь это со мной? — спросил Мондамей.

— Теперь ты полностью активизирован и должен мне подчиняться. Верно?

— Верно. Зачем ты сделал это со мной?

— Закрой доступ к Блоку Один и займи то место, которое занимал, когда пришел я.

Мондамей повиновался.

Джон уселся и начал есть.

— Почему я тебя активизировал? — произнес он через некоторое время. — Потому, — ответил он сам себе, — что сейчас я единственный человек в этом мире, который знает, что ты такое.

— В отношении меня много было совершено ошибок...

— В этом я уверен. Не знаю, существуют ли параллельные миры будущего, но к тому времени, из которого я прибыл, ведет множество вариантов прошлого. Не все они доступны. Когда по второстепенным дорогам никто не ездит, они зарастают. Разве ты не знаешь, что время — это супермагистраль с бесчисленным количеством въездов, основными трассами и обходными путями; к тому же схемы дорог постоянно меняются, и лишь очень немногие могут отыскать въезд...

— Я знаю об этом, хотя не отношусь к числу тех, кто способен не заблудиться.

— Откуда ты знаешь?

— Ты не первый путешественник такого рода, с которым я встречаюсь.

— Да, здесь, в твоём ответвлении, гипотеза, над которой разумные люди в моем мире откровенно смеются, оказалась верной. А именно: в далеком прошлом Землю посетили представители другой цивилизации, оставившие после себя многочисленные предметы. Ты — один из таких артефактов, так?

— Так.

— Далее, мне известно, что ты являешься фантастически изощренной машиной-убийцей. Ты был

предназначен для уничтожения чего угодно — от одного-единственного вируса до целой планеты. Так?

— Так.

— Тебя не взяли с собой, оставили здесь. И, поскольку никто не понимал твоей функции, ты принял решение замаскироваться, вести тихую простую жизнь. Так?

— Так. Как тебе удалось узнать о моем существовании и завладеть необходимым командным ключом?

— Мой наниматель — весьма осведомленный человек. Он научил меня законам Дороги. Он рассказал о тебе. Он снабдил меня ключом.

— И теперь, когда ты нашел меня и применил ключ, чего ты хочешь от меня?

— Ты сказал, что я не первый дорожный путешественник, которого ты встречаешь. Знаю. И знаю, кто тот, другой человек. Его зовут Рэд Доракин. Скоро он начнет искать тебя в этом ответвлении. Я нуждаюсь в очень большой сумме денег и получу эту сумму за убийство Доракина. Но в делах, связанных с насилием, я всегда предпочитаю действовать через посредников — живых или механических. В этом деле моим агентом будешь ты.

— Рэд Доракин — мой друг.

— Мне так и сказали. Тем меньше причин будет у него подозревать тебя в недобром. А ну-ка...

Джон порылся в рюкзаке и вытащил плоскую металлическую коробочку. Он открыл ее и нажал на пару кнопок. Из устройства послышался прерывистый сигнал.

— Недавно ему пришлось заменить ветровое стекло, — продолжал незнакомец, опустив коробочку на камень. — Одновременно в его машине был спрятан миниатюрный передатчик. Теперь мне остается только дожидаться, когда Рэд появится в этом ответвлении Дороги. Тогда я выслежу его с помощью вот этого и покончу с ним, когда захочу.

— Я не желаю быть твоим посредником в этом деле.

Джон поднялся, подошел к гончарному кругу и одним ударом сплющил сырой горшок, который перед этим выделывал Мондамей.

— Твои желания не имеют никакого значения, — заверил он. — Ты обязан подчиняться мне.

— Так.

— Я приказываю не пытаться предупредить его каким-либо способом. Ты меня понимаешь?

— Понимаю.

— Тогда нечего спорить. Ты сделаешь все, как я велю, и с полным старанием.

— Сделаю.

Джон вернулся к подносу и продолжил трапезу.

— Я хотел бы отговорить тебя от этой операции, — сказал Мондамей после паузы.

— Не сомневаюсь.

— Тебе известно, почему твой наниматель желает убить Доракина?

— Нет. Это его дело. Меня это не касается.

— Ты, должно быть, человек весьма необычный, если тебя наняли для такого необычного дела.

Джон усмехнулся:

— Меня сочли достаточно квалифицированным.

— Что ты знаешь о Рэде Доракине?

— Я знаю, как он выглядит. Я знаю, что он, вероятно, придет сюда.

— Ты, очевидно, из числа профессионалов, и твоему нанимателю пришлось изрядно потрудиться, чтобы нанять...

— Очевидно.

— Ты не задумывался, почему? Что такого в намеченной жертве, ради чего стоило идти на подобные ухищрения?

— Скорее всего меня выбрали потому, что жертва уже знает о начавшейся охоте.

— Как это получилось?

— Не столь давно в его родной время-линии было совершено первое нападение.

— Почему же оно не удалось?

— Плохая подготовка, неумелое исполнение.

— Что случилось с убийцей-неудачником?

Человек в багряном одеянии поднял на Мондамея пылающий взгляд.

— Рэд его убил. Но могу тебя заверить, что между мной и тем несчастливцем нет и не может быть никакого сравнения.

Мондамей промолчал.

— Если ты стараешься меня запугать, намекнуть, что это может случиться и со мной, то напрасно тра-тишь время. Я вообще мало чего боюсь.

— Это хорошо, — произнес Мондамей.

Джон оставался с Мондамеем большую часть недели, перебив за это время пятьдесят шесть изысканных горшков, прежде чем обнаружил, что это уже не беспокоит его механического слугу. Даже когда он велел роботу собственноручно бить горшки, он не заметил какого-либо эквивалента эмоциональной реакции и поэтому решил отказаться от такого метода причинения боли пленнику.

А однажды утром бибикающая машинка начала издавать резкое жужжание. Джон поспешно настроил ее, снял показания и произвел дальнейшую тонкую настройку.

— Наш объект примерно в трехстах километрах отсюда. Как только я искупаюсь и сменю одежду, я позволю тебе доставить меня к месту его нахождения, дабы покончить с этим делом.

Мондамей ничего не ответил.

Глава 1

— Рэд, тот доктор, которого мы встретили в мастерской... Меня несколько тревожит его... Эй! Ты что? Собираешься остановиться и взять попутчика — в то время, когда в нас то и дело стреляют?!

— Новый динамик немного дребезжит.

Он съехал на обочину. Неожиданно пошел дождь. Маленького роста человек с буйной шевелюрой и черным чемоданчиком улыбнулся, сверкнул зубами и открыл дверцу.

— Далеко едете? — слышался высокий голос.

— Примерно на пять В.

— Ну, лучше, чем ничего. Хорошо, хоть от дождя укрылся.

Незнакомец залез в кабину, захлопнул дверцу, пристроил чемоданчик у себя на коленях.

— А вы далеко направляетесь? — спросил Рэд, выезжая на Дорогу.

— В Афины времен Перикла. Меня зовут Джими Фрезер.

— Рэд Доракин. Не близкий у вас путь... Говорите по-гречески?

— Учил два года. Я давно мечтал туда съездить... Между прочим, я о вас слышал.

— Хорошее или плохое?

— И то, и другое. Вы занимались перевозкой оружия, пока вас не накрыли.

Рэд повернул голову и встретил взгляд темных глаз.

— Так говорят.

— О, простите, я не хотел выпытывать.

Рэд пожал плечами:

— Да, пожалуй, это не секрет.

— Наверное, видели немало интересных мест?

— Было дело.

— И странных тоже?

— И странных тоже.

Фрезер пригладил рукой волосы, посмотрелся в зеркало заднего вида и вздохнул.

— Я-то по Дороге не много ездил — все между Кливлендом 1950-х и Кливлендом 1980-х.

— Чем занимаетесь?

— В основном держу бар. А еще прикупаю вещички в пятидесятых и продаю в восьмидесятых.

— Что ж, разумно.

— И денежно... У вас случались неприятности с угонщиками?

— Практически никаких.

— Должно быть, на вашей машине стоит какое-нибудь хитрое вооружение.

— Ничего особенного.

— Я бы сказал, вам без него никуда.

— Порой люди ошибаются.

— А что вы станете делать, если внезапно напоретесь?

Рэд раскурил сигару.

— Может, умру.

Фрезер хохотнул:

— Нет, в самом деле?

Рэд вытянул правую руку вдоль спинки сиденья.

— Слушайте, если вы угонщик, вам не повезло: сейчас я иду пустой.

— Я? Какой же я угонщик?!

— Ну так прекратите задавать эти проклятые теоретические вопросы. Откуда, черт побери, мне знать, что я буду делать в какой-то гипотетической ситуации? Я реагирую на обстоятельства, вот и все.

— Простите. Я увлекся. Просто вы ведете такую романтическую жизнь... Откуда вы, первоначально?

— Не знаю.

— Как это?

— А так: не могу найти пути назад. Когда-то место это располагалось по основному пути, потом переместилось на боковой, потом вообще растворилось в туманных пространствах, которые уже и в летописях-то не встречаются. Наверное, я слишком поздно начал поиски. Занят был. Теперь даже легенды не осталось.

— Как оно называлось?

— Вам не кажется, что пахнет горелым?

— Это ваша сигара.

— Моя сигара!.. Где она, черт возьми?

— Я не... Вот. Упала мне за спину.

— Вы не обожглись?

— Обжегся? Нет, не думаю. Разве только пиджак немного обгорел.

Рэд принял потерянную сигару, осмотрел спину пассажира.

— Вам повезло. Прошу прощения.

— Так вы говорили...

— Рэд! — вмешалась в беседу Цветы. — Полиция! Фрезер вздрогнул.

— Что это?

— Через минуту ты их увидишь.

Рэд посмотрел в зеркало.

— Поискали бы какую-нибудь аварию, что ли, — пробормотал он и подозрительно взглянул на Фрезера. — Если только это не подставка...

— Какое-то волшебство?..

— Сейчас они появятся в зеркале.

— Рэд! Откуда этот голос?

— Не отвлекайте меня. Черт побери!

— Демонам нельзя доверять! — воскликнул Фрезер и принялся чертить в воздухе знаки. Огненные линии поплыли из-под его пальцев.

— Рэд, что он задумал? — спросила Цветы. — Мои оптические сканеры...

Рэд резко свернул вправо и выехал на обочину, тормозя.

— Прекратите загромождать мою машину заклинаниями! — приказал он. — Вы вовсе не из основного В-20! Чего вы пытаетесь добиться?

Полицейский автомобиль пронесся мимо, затормозил и остановился впереди. Стояли сумерки, и снег усыпал ветви в лесу справа от Дороги.

— Еще раз повторяю... — начал Рэд.

Но Фрезер уже открыл дверцу и вылез из кабины.

— Не знаю, как это вы сделали... — начал он.

Рэд узнал офицера, который вышел из автомобиля, но не мог вспомнить его имя.

— ...однако сейчас вы совершили ошибку. — Фрезер смотрел на приближающегося полицейского. — Впрочем, я, пожалуй, тоже... — добавил он.

Дверца кабины захлопнулась. Грузовик захрустел шинами по гравию, выруливая задним ходом. Мотор взревел, мимо пронеслись призрачные силуэты, и вот он уже мчался по Дороге, сквозь бледный день, под небом с золотистой аркой.

— Цветы! — сказал Рэд. — Зачем ты взяла управление?

— Оценка ситуации по балансу показала большую степень опасности. С вероятностью более шестидесяти процентов я только что спасла тебе жизнь.

— Но это были настоящие полицейские...

— Тем хуже для них.

— Он был настолько опасен?

— А ты подумай сам.

— Думаю. И никак не пойму, что он такое. Интересно, где Чедвик его раскопал?

— Фрезер не из них. Он в игру не входит, Рэд.

— Почему ты так считаешь?

— Его бы проинструктировали соответствующим образом. Ведь он даже не знал, кто такая я. Чедвик не настолько глуп, чтобы посылать неподготовленного человека.

— Ты права. Нам нужно вернуться.

— Я бы не советовала.

— Сейчас решаю я. Поворачиваем у ближайшего разворота, идем по другой стороне, затем снова разворачиваемся. Я должен разобраться.

— Зачем?

— Делай, что велено.

— Как скажешь...

Свет начал пульсировать, когда грузовичок замедлил ход. Рэд, нахмурившись, перерисовал в блокнот зависшие в воздухе огненные знаки.

— Да, — произнес он, когда пикап уже ехал в обратном направлении.

— Что «да»?

— Жизнь становится все интересней. Давай быстрее.

— Ты уверен, что хочешь снова увидеть этого типа?

— Его там уже не будет.

— Это пустые догадки.

Они снова съехали по спуску и через туннель выехали на Дорогу с противоположной стороны.

— Еще несколько минут. Ага! Вот они. Машина полицейских на том же месте. Ты по-прежнему хочешь остановиться?

— Останавливай!

Они съехали с Дороги и затормозили рядом с каплевидным автомобилем.

Рэд вылез и подошел поближе, еще за несколько метров почувствовав запах горелой плоти и горелой обшивки. Правая дверца полицейской машины была открыта и слегка погнута. Внутри все было тщательно выжжено. На переднем сиденье распростерлось обугленное тело полицейского — револьвер зажат в руке, бляха почернела. Останки второго офицера лежали на земле перед автомобилем. Шины оплавилась, в районе багажника зияла дыра.

Рэд несколько раз прошелся вдоль погибшей машины. Чемоданчик Фрезера лежал на куче припорошенной снегом листвы. При падении он раскрылся, и содержимое его высыпалось наружу: презервативы, несколько дилдо — искусственных пенисов, наручники... Вдруг они задымились, начали таять и испарять-

ся. Рэд пробовал отыскать отпечатки подошв, но ничего определенного не обнаружил.

Сев в свой пикап, он объявил:

— Ну хорошо. Давай в В-11. В двенадцатом я возьму управление сам.

— Я вижу и отсюда. Какая-то бомба, очевидно. Куда он делся? Никаких следов?

— Нет.

— Тебе повезло.

— Не совсем.

— Что ты хочешь сказать?

— Ладно, двигай.

— Я считаю, что повезло.

Рэд глубже надвинул бейсболку и сложил руки на груди.

Глава 2

Тимьин Тин работал в саду монастыря, выпалывая сорняки и при этом извиняясь перед каждым стеблем. Невысокого роста, с обритой головой, отчего еще труднее было определить его возраст, он трудился с большим подъемом, резкими точными движениями. На нем был свободный халат, складки которого время от времени беспокоил прохладный ветер со снежных вершин.

Он редко смотрел на горы — слишком хорошо их знал. Однако мгновенно почувствовал приближение другого монаха — хотя и не поднял головы, пока тот не остановился в конце обрабатываемой грядки.

— Тебя зовут, — промолвил подошедший монах.

Тимьин Тин кивнул.

— До свидания, мои друзья, — сказал он растениям и направился к сараю, чтобы очистить инструменты от земли и положить их на место.

— Сад растет хорошо, — заметил второй монах.

— Да.

— Мне кажется, тебя зовут для встречи с посетителями.

— Разве? Я слышал звук гонга, возвестившего о прибытии путешественников, но никого не видел.

— Некие Сандок и Тоба. Они тебе известны?

— Нет.

Два монаха зашагали к главному зданию, задержавшись ненадолго у изваяния Будды. Второй монах

вошел в келью, исполнив соответствующий ритуал, и обратился к настоятелю монастыря, старому морщинистому человеку:

— Он пришел, о достойный.

Затем вернулся к дверям, бросив случайный взгляд на двух незнакомцев, сидевших на циновках и пивших чай.

— Можешь войти, — сказал монах, покидая келью.

Тимьин Тин вошел.

— Вы посылали за мной, высокочтимый?

Прежде чем заговорить, настоятель несколько секунд смотрел на него.

— Эти господа хотели бы, чтобы ты сопровождал их в путешествии, — наконец сказал он.

— Именно я, высокочтимый? Многие братья знают окрестности гораздо лучше.

— Об этом мне известно, но им, кажется, нужен не просто проводник. Я оставляю вас наедине для прояснения дела.

С этими словами настоятель поднялся и вышел из кельи, унося свою переметную суму, позвякивавшую и постукивающую.

Оба незнакомца поднялись с циновок, когда Тимьин Тин повернулся к ним лицом.

— Я Тоба, — произнес бородатый мужчина с очень темной кожей. Он был мощного сложения и на голову выше Тимьин Тина. — Моего товарища зовут Сандок. — Бородатый указал на высокого медноволового человека с белой кожей и голубыми глазами. — Он владеет местным диалектом средневекового китайского не так хорошо, как я, поэтому я буду говорить от лица нас обоих. Кто ты, Тимьин Тин?

— Не понимаю, — ответил монах. — Я тот, кто стоит перед вами.

Тоба засмеялся. Секунду спустя засмеялся и Сандок.

— Прошу извинить нас, — сказал Тоба, — но кем ты был до того, как попал сюда? Где ты жил? Чем занимался?

Монах развел руками.

— Не помню.

— Здесь ты работаешь в саду. Тебе это нравится?

— Да, очень.

Тоба покачал головой.

— Как пал великий, — проговорил он. — Ты думаешь...

Второй мужчина вдруг шагнул к монаху и выбросил вперед кулак.

Тимьин Тин, казалось, только чуть-чуть переместился в сторону, но кулак Сандока прошел мимо цели. Пальцы левой руки монаха лишь едва тронули проходивший мимо локоть, туловище немного повернулось. Его правая рука исчезла за спиной Сандока.

Сандок был брошен через всю комнату. Он врезался головой в стену и рухнул на пол, потеряв сознание.

— Пр... — начал Тоба — и тоже оказался на полу.

Когда мир вновь приобрел очертания в глазах Тобы, монах стоял у дверей кельи, наблюдая за ним.

— Зачем вы напали на меня?

— Это была только проверка, — выдохнул Тоба. — Все теперь позади, ты ее прошел. У вас здесь обучают таким приемам?

— Некоторым. Но я помнил многие... раньше.

— Расскажи мне про это «раньше». Где это было?

Когда?

Тимьин Тин покачал головой.

— Не знаю.

— Может быть, в другой жизни?

— Может быть.

— Ведь вы тут верите в такие вещи — перевоплощение после смерти?

— Да.

Тоба поднялся на ноги. В другом конце комнаты заворочался и простонал Сандок.

— Мы не желаем тебе ничего дурного, — произнес Тоба. — Совсем наоборот. Ты должен сопровождать нас в путешествии. Это очень важно. Настоятель монастыря дал согласие.

— Куда мы направимся?

— Названия этих мест пока ничего тебе не скажут.

— Что я должен буду там делать?

— Сейчас ты этого тоже не поймешь. Твое иное «я» — более раннее воплощение, — оно бы поняло. Ты задумывался когда-нибудь над тем, кем ты был раньше?

— Задумывался.

— Мы восстановим твою память!

— Каким образом я был ее лишен?

— Путем тонких химических и неврологических процессов, которые тебе не понять. Видишь, даже эти слова тебе кажутся бессмысленными.

— Вы знаете, кем я был раньше?

— Да.

— Тогда расскажите мне.

— Будет лучше, если ты сам это поймешь. А мы тебе поможем.

— Каким образом?

— Сделаем тебе серию уколов... Ты еще не знаешь, что такое РНК, но мы введем в тебя твою собственную РНК из образцов, взятых до перекройки твоей личности.

— Это вещество вернет мне знание о моем раннем «я»?

— Мы так думаем. Сандок — очень искусный врач. Он займется этой процедурой.

— Я не знаю...

— Что именно?

— Я не знаю, следует ли мне знакомиться с этим человеком, с моим ранним «я». Вдруг он мне не понравится.

Сандок, который уже поднялся на ноги и теперь потирал ушибленную голову, усмехнулся.

— Я могу открыть тебе секрет: первое изменение твоей личности произошло против твоей воли, — сказал Тоба.

— Кому понадобилось превращать меня в другого человека?

— Узнать это ты можешь только одним путем. Ну, каково будет твое решение?

Тимьин Тин пересек комнату и налил себе чая. Он сел на циновку и посмотрел на пиалу. Отпил глоток.

Через некоторое время Сандок и Тоба тоже присели на циновку.

— Да, это пугает, — произнес наконец Тоба, тщательно подбирая слова. — Дело в... неуверенности. Ты довольно хорошо приспособился к здешней жизни. Тут приходим мы и предлагаем все переменить, и не говорим, что получится в конце. Это не наш злой умысел. В нынешнем своем обличье ты просто не сможешь понять того, что мы тебе скажем. Мы просим тебя принять этот дар — твое собственное прошлое, — потому что нам нужно поговорить с тем человеком, которым ты был когда-то. Возможно, все вспомнив, ты не захочешь иметь с нами дело. Тогда, естественно, ты волен идти своим путем. Но дар этот мы уже не сможем принять обратно.

— Самосознание — вот чего я жажду, — ответил Тимьин Тин. — И восстановление памяти о прошлых воплощениях — важный шаг по этому пути. Поэтому я должен был бы сказать «да» немедленно. Но я долго размышлял об этом раньше. Предположим, я получу сведения о своем прошлом воплощении. Не отдельные сведения, а полное знание. Предположим, этот человек не только не понравится мне, но и окажется более сильной личностью, и, вместо того чтобы влиться в мое существование, я вольюсь в его? Что тогда? Разве это не поворот Великого Колеса в обратную сторону? Принимая знание из источника, мне непонятного, не подвергаю ли я себя такой опасности?

Ни один из гостей не ответил ему, и Тимьин Тин отпил еще один глоток.

— Но почему я спрашиваю вас? — сказал затем монах. — Ни один человек не может ответить другому на этот вопрос.

— Да, — кивнул Тоба, — вопрос справедливый. И я, конечно, не могу на него ответить. Предположу лишь, в рамках твоих собственных верований, что од-

но из твоих будущих воплощений задастся таким же вопросом относительно тебя. Что бы ты мог сказать?

— Очень хорошо, — внезапно засмеялся Тимьин Тин. — «Я» человека всегда стремится быть центром вещей, так?

— Вот именно.

Монах допил свою пиалу, и, когда он поднял глаза, в его лице произошла перемена. Трудно было объяснить, каким образом это получилось, но в легкой полуулыбке, в слегка прищуренных глазах ясно читались теперь дерзость, храбрость и безрассудство.

— Я готов принять новое знание. Начинайте.

— Вероятно, это займет несколько дней, — осторожно произнес Тоба. — Потребуется целая серия процедур.

— Тогда начнем первую, — сказал Тимьин Тин. — Что я должен делать?

Сандок взглянул на Тобу. Тот кивнул.

— Хорошо, начнем сейчас. — Сандок поднялся и прошел в угол кельи, где было сложено его снаряжение. — Когда ты сможешь выступить с нами в поход?

— У меня не много мирских вещей, — ответил монах. — Как только мы закончим разговор, можно отправляться.

— Хорошо, — повторил высокий мужчина, открывая коробку, в которой лежал шприц и несколько ампул. — Хорошо.

В ту ночь они остановились на отдых в горах высоко над монастырем — на удобном склоне, укрывавшем от завывающего ветра. Мелкие снежинки кружили над небольшим костром, словно души, спешившие превратиться в пар и вернуться на небеса — перевоплощенными, как думал Тимьин Тин, наблюдавший за снежинками еще долго после того, как остальные заснули.

Утром он сказал Тобе:

— Я видел непонятный сон.

— Что именно?

— Мне снились несколько человек внутри незнакомого мне движущегося экипажа. Я находился в здании, следил за экипажем. Когда тот остановился и люди начали выходить, я направил на них оружие — трубку с ручкой и маленьким рычажком, и нажал на рычажок. Люди были убиты. Мог ли этот сон относиться к моей прошлой жизни?

— Трудно сказать наверняка, — ответил Тоба, собирая и упаковывая вещи. — Возможно. Пока тебе не стоит слишком критически относиться к подобным вещам. Пусть кусочки картины сами встанут на свои места.

Тимьин Тин получил укол перед тем, как они покинули место стоянки, и еще один — предыдущим вечером, после многочасового перехода по горным тропам.

— Я чувствую, что происходит нечто, — сказал он. — Сегодня мои мысли несколько раз странно... путались.

— Каким именно образом?

— Слова... образы...

Сандок пододвинулся ближе.

— Какие именно образы? — спросил он.

Тимьин Тин покачал головой.

— Слишком быстрые, мимолетные. Я не могу их воссоздать.

— А слова?

— Слова на незнакомом языке, хотя они казались привычными. Я не могу вспомнить ни одного слова.

— Думаю, это добрый знак, — сказал Сандок. — Лечение начинает оказывать действие. Сегодня опять тебя могут посетить странные сны. Пусть они тебя не беспокоят. Лучше просто запоминать и наблюдать.

В тот вечер Тимьин Тин не предавался медитации.

На следующий день в его поведении появилось что-то новое. Когда Тоба задал вопрос относительно снов, он ответил коротко:

— Отрывки.

— Отрывки? Какие именно?

— Не могу вспомнить. Ничего особенного. Ну, будем делать утренний укол, а?

— Ты отдаешь себе отчет в том, что последнюю фразу сказал не по-китайски?

Глаза Тимьин Тина расширились. Он посмотрел в сторону, потом вниз на свои ноги, потом снова на Тобу.

— Нет. Это само собой получилось. — Его глаза наполнились слезами. — Что со мной происходит? Кто победит во мне?

— В конечном итоге победишь ты, потому что вернешь потерянное.

— Но, может быть... — Внезапно на лице его появилось иное выражение. Глаза сузились, линии скул смягчились, уголки губ слегка раздвинулись. — Конечно, я вам благодарен. Далеко ли еще идти?

— Трудно объяснить, — сказал Тоба, — но мы должны покинуть эти горы через три дня. Через неделю мы доберемся до главного пути, по которому отправимся дальше. После этого будет уже легче, хотя куда конкретно мы направляемся станет ясно, когда мы получим информацию во время последней остановки на большом пути. Позволь сделать тебе укол, и двинемся дальше.

— Очень хорошо.

Вечером и на следующий день Тимьин Тин ничего не рассказывал о воспоминаниях, которые, возможно, открывались ему. На вопросы он отвечал неопределенно. Сандок и Тоба не слишком настаивали.

На следующий день, после полудня, когда они спускались по проходу к подножию горы, Тимьин Тин привлек их внимание, потянув обоих за рукава.

— За нами следят, — прошептал он. — Продолжайте идти, как будто вы ничего не заметили. Я догону вас позже.

— Подожди! — сказал Тоба. — Я не хочу, чтобы ты рисковал. У нас есть оружие особого рода, о котором ты даже не имеешь представления. Мы...

Он замолчал, потому что на устах маленького монаха играла улыбка.

— Неужели? — спросил Тимьин Тин — Вы в этом совершенно уверены? Увы, боюсь, ваше особое оружие не поможет, если сверху обрушится шквал стрел. Как я уже сказал, я догоню вас позже

Он повернулся и исчез среди скал с правой стороны

— Что будем делать? — спросил Тоба

— То что сказано: продолжать идти дальше, — ответил Сандок — Этот парень знает, что говорит.

— Но рассудок его выведен из равновесия.

— Он явно вспомнил гораздо больше, чем поведал нам. Мы должны ему доверять. В конечном итоге у нас нет иного выбора.

Они продолжали спускаться. Прошел почти час. В проходе дул ветер, и отзвуки шагов ног в подкованных горных ботинках эхом перекатывались в скалистых лабиринтах

Тоба дважды порывался вернуться и поискать их подопечного, и Сандок его дважды отговаривал. Оба горбились несколько больше обычного

— Если мы его потеряли, — произнес Тоба, — нас по головке не погладят.

— Не потеряли, не потеряли, — отвечал второй, но в голосе его не слышалось уверенности

Они продолжали путь по склону, когда какой-то предмет упал на тропу немного впереди: отскочил, потом покатился, словно камень. Стало заметно, что на нем имеются волосы. Чуть позже сверху упало туловище. Секундой спустя последовали два нерасчлененных тела

Сандок и Тоба инстинктивно натянули поводья, когда где-то наверху взвился пронзительный крик. Подняв головы, они увидели Тимьин Тина на вершине скалы справа от дороги. Он помахал им саблями, швырнул ее на землю и начал спускаться по скальной стене.

— Я же говорил, что мы его не потеряли, — сказал Сандок

Когда маленький монах закончил спуск и подошел к ним Тоба нахмурился

— Ты подвергал себя напрасному риску. Ты ведь не знаешь, какое у нас есть с собой оружие. Мы могли бы помочь тебе. Трое против одного — не слишком-то выгодное соотношение...

Тимьин Тин чуть усмехнулся.

— Их было семеро, но только трое располагались у самого края. Успокойтесь, я не рисковал напрасно, и ваше оружие могло только помешать.

Сандок тихо присвистнул. Тоба покачал головой

— Мы тревожились. Как ни велика твоя отвага, твой разум еще не вернулся в нормальное состояние

— В отношении этого дела он нормален, — ответил монах. — Продолжим путь?

Некоторое время они ехали молча. Потом Сандок спросил:

— Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо.

— Ты хмуришься, как будто что-то тебя беспокоит. Это связано с сегодняшним... конфликтом? Не удивляйся. Та часть тебя, которая была монахом...

Тимьин Тин тут же замотал головой.

— Нет! Дело не в этом! Мы можем убивать в целях самообороны, и так было сегодня. Меня тревожит нечто более глубокое, чем сам поступок или его мотивация, с точки зрения Кармы или наоборот.

— Что же тогда?

— Я не знал, что во мне кроется способность получать от убийства удовольствие. Теперь я понимаю, что должен был внять предупреждению снов.

— То было большое удовольствие?

— Да.

— Может, ты путаешь с гордостью за успех своей вылазки?

— Гордость тоже присутствовала, но корни чувства уходили еще глубже — туда, где разум уже не повелевает. Я исследовал его, поскольку научился и привык анализировать свои поступки, но пришел только к подтверждению факта его существования. Это удивило меня, хотя...

— Почему удивило?

— Потому что вызвало мысль: если со мной сделали то, что сделали, то на это наверняка имелась достаточная причина. Не могло ли быть так, что я представлял некогда большую опасность?

— Буду с тобой откровенен, чтобы не вызывать излишней тревоги и беспокойства, — сказал Сандок. — Да, так оно и было. Однако ты должен сознавать, что при всем том тебя не уничтожили полностью, хотя могли это сделать. Благодаря некоторым твоим качествам ты был оставлен в живых.

— Что же это за качества? — спросил Тимьин Тин. — Может, скрытая доля добра, которую некий благородный принц решил во мне развить, дабы уравновесить совершенное мною зло? Или он просто не хотел уничтожать полезное некогда оружие?

— Скорее всего — и то, и другое, — сказал Сандок. — Кроме того, он был у тебя в долгу.

— Память принцев, как правило, не блещет долговечностью. Но как бы то ни было, я вижу лишь одну причину вновь вызывать меня из небытия: некто, пославший вас за мной, желает, чтобы я кого-то убил, не так ли?

— Полагаю, эти вопросы лучше обсудить позже, когда полностью будет завершено твое лечение.

Сандок хотел дернуть поводья своего коня, но Тимьин Тин каким-то образом перехватил его руку, прежде чем та дотянулась до кожаных ремней.

— Сейчас, — отчеканил маленький монах. — Я хочу узнать сейчас. Я в достаточной мере осознаю происходящее, чтобы понять простое «да» или «нет».

Сандок посмотрел в темные глаза монаха, отвел взгляд в сторону.

— А если ответом будет «да»?

— Скажи, и мы посмотрим.

— Послушай, я не подхожу для этой роли. Я не могу тебе делать какие-либо предложения. Подожди, пока мы не прибудем к месту назначения. К тому времени ты уже полностью станешь самим собой и там найдешь человека, который...

— Да или нет? — повторил Тимьин Тин, когда к ним подъехал Тоба.

Сандок бросил взгляд на товарища. Тот кивнул.

— Хорошо. Да. Одному человеку нужно убрать другого, и он считает, что ты лучше всех справишься с работой. Поэтому мы за тобой и приехали.

Монах отпустил поводья.

— Пока этого достаточно, — произнес он. — Детали меня не интересуют.

— Ну и что ты скажешь на все это? — спросил Тоба.

— Приятно, когда ты необходим кому-то... Однако продолжим наш путь.

— Ты слушал с завидным хладнокровием. Тебя интересует подобное предложение?

— Весьма, — сказал монах, — поскольку дело наверняка очень сложное, если уж оправдывает мое восставление. Меня тревожат другие вопросы.

— Какие же?

— Я силен, и с каждым днем лечения становлюсь все сильнее. Тем не менее монах тоже остается во мне. Будет ли так всегда?

— Да. Потому что это одно из твоих многих лиц.

— Хорошо. Я очень не хотел бы полностью порвать связь с этой частью моей жизни. Там было так... мирно. Вот только странного рода личностью я могу стать, если сохранится подобное положение.

— Надеюсь, это не помешает тебе в работе.

— Все зависит от того, что я должен буду делать.

— Ты сказал, что детали тебя не интересуют.

— Это кто-то другой говорил.

— Хорошо. Итак, существует некая бесконечная Дорога. Человек с определенными свойствами натуры, которому известны соответствующие въезды, повороты и развилки, может двигаться по ней, перемещаясь практически в любое место или время. Среди многих путешествующих по Дороге есть один, на которого объявлена черная десятка...

— Черная десятка?

— Враг этого человека получил разрешение сделать десять покушений на его жизнь. Любым способом, в том числе и с использованием наемников.

— И ваш хозяин желает, чтобы я стал таким наемником?

— Да.

— Но зачем нужна черная десятка? Что сделал тот путешественник?

— Право, не знаю. Весьма возможно, кстати, что ты его вообще никогда не увидишь. Кто-то другой достигнет его раньше... Это немного успокоит твою совесть?

— Ты хочешь сказать, что вы потратили столько усилий, чтобы обеспечить запасного убийцу?

— Именно. Очевидно, считается, что цель оправдывает подобные расходы.

— Если искусство других наемников приближается к уровню моего, то этот человек вряд ли уйдет от первого же. Но что будет, если он пройдет через всю десятку?

— По-моему, такое еще никогда никому не удавалось.

— Но ведь это особый человек?

— Говорят. В высшей степени.

— Понимаю. Давайте скорее разобьем лагерь, мне нужно медитировать.

— Конечно. Такого рода решения не делают наспех.

— Решение я уже принял. Теперь я хочу установить, был ли я оскорблен или мне оказана честь...

Они проехали мимо трупов. Вышло солнце, и вместе с ним поднялся ветер.

Глава 1

Рэд медленно вел машину по проселочной дороге. Следующее место для отдыха — с бревенчатыми и каменными жилищами — будет последним на выбранном им маршруте в Африке времен В-11.

Зарулив на стоянку, он затормозил рядом с жемчужно-серым, обтекаемых очертаний экипажем.

— Машина из верхней области Дороги, — заметил Рэд. — Любопытно, чья она?

Он вытащил Цветы из-под панели, снял с крючка за спиной винтовку и открыл дверцу, на выходе вытащив из-под сиденья нож в кожаном чехле. Нож подвесил к поясу, машину запер. Взял из кузова рюкзак, внимательно осмотрел его содержимое.

— Все, что нужно, кроме воды, — заключил он, — ну и, может быть, книжки. Ладно, все равно придется идти туда, предупредить, что машина некоторое время постоит.

— Скоро вечер, ты весь день вел. Наверное, лучше бы здесь переночевать, а в путь двинуться утром.

Рэд посмотрел на небо:

— Вполне можно было бы пройтись еще пару часов.

— А потом разбивать в темноте лагерь и провести лишнюю ночь в поле. Разве что-то радикально изменится?

— Не знаю.

— И поесть тоже, наверное, не мешало бы.

— Тут ты совершенно права, — сказал Рэд, забрасывая винтовку на плечо и поднимая рюкзак, в который он положил Цветы. — Пойдем, посмотрим, что у них в меню и какие имеются удобства. Если ничего стоящего они предложить не могут, я с таким же успехом переночую в поле.

Владелец мотеля, пожилой человек с французским акцентом, и его жена — молодая и пышная уроженка здешних мест — сидели в плетеных креслах за конторкой регистрации, под большим вентилятором. Владелец улыбнулся, отложил книгу, отставил стакан и поднялся навстречу посетителю.

— Приветствую вас. Чем могу служить?

— Меня зовут Рэд Доракин. Я хотел спросить, что у вас на обед?

— Питер Лаваль. А это Бетти. Готовим сами. Местное пиво или привозное вино — как угодно. Можете осмотреть кухню и понюхать котел, если желаете.

— Нет нужды, я и отсюда чувствую запах. Довольно приятный. А как комнаты?

— Пойдемте, покажу. Это в двух шагах.

Рэд последовал за владельцем в небольшой холл, а оттуда — в скромную чистенькую комнату.

— Недурно. Остаюсь, — решил он, опуская рюкзак на пол, ружье — на кровать, а Цветы, извлеченную из рюкзака, — в карман. Рядом с ружьем он бросил на кровать и куртку. — И было бы неплохо попробовать вашего пива прямо сейчас.

— Сюда, пожалуйста. Я дам вам ключ, если хотите.

Рэд последовал за хозяином обратно в холл, затворив за собой дверь.

— Пожалуй, давайте. Много посетителей?

— Нет, сегодня вы единственный постоялец. К нам тут редко заглядывают гости.

— Роскошная машина на стоянке ваша?

— Нет, моя стоит на заднем дворе и гораздо менее вычурная.

— Чья же она тогда? — спросил Рэд, когда они подошли к столу, где он расписался в книге прибывающих и получил ключ от номера.

— О! Вы читаете Бодлера! Один из моих любимых авторов. Вот человек, который видел сквозь любую вычурность! «Скажи, откуда ты приходишь, Красота? Твой взор — лазурь небес иль порожденье ада?»

— «...Ты, как вино, пьянишь прильнувшие уста...» — кивнул Рэд, входя вслед за хозяином в небольшую комнату-погребок, где ему была вручена наполненная глиняная кружка. — Чья же это машина?

Лаваль усмехнулся, выходя на веранду и указывая на горы.

— Невероятный тип. Ушел в том направлении примерно неделю назад. Высокий, худой, глаза как у Распутина, руки... такие руки мог бы нарисовать Модильяни. И все, что на нем было — до нитки, до шнурков, — все зеленого цвета. Даже кольцо на пальце было изумрудное. Куда идет — не сказал. Сказал, что зовут его Джон, и все.

Цветы тихо пискнула в кармане. Рэд надавил на пьезо-электрический сенсор, подтверждая прием.

— ...откровенно говоря, я обрадовался, когда он ушел. Он не выказывал враждебности, держался вежливо. Но в его присутствии мне было не по себе.

Рэд пригубил пиво.

— Я свою кружку оставил в холле. Может, присоединитесь к нам? Там немного прохладнее.

Рэд покачал головой:

— Спасибо, я лучше посижу здесь. Мне нравится этот пейзаж.

Лаваль пожал плечами и ушел. Рэд поднял Цветы.

— Я понял тебя, — проговорил он тихо, — может быть, это тот самый парень. Судя по...

— Дело в другом, — услышался голосок книги, — хотя возможность действительно не исключается. Меня вот что встревожило: я решила проводить периодически осмотр местности через сенсоры на машине и кое-что уловила.

— Что?

— Я засекала электрическую активность — что-то приближается к нам с юго-запада. Легко отслеживае-

мый объект в этой тихой местности. Двигается довольно быстро.

— Размеры большие?

— Не могу сказать.

Рэд отпил еще глоток.

— Выводы? Рекомендации?

— Вернись в комнату за винтовкой и не выпускай ее из рук. Граната тоже не помешает. Не знаю, что у тебя еще есть. Я уже послала сообщение тому доктору, которого мы встретили.

— Так ты все-таки думаешь, что это челсвек?

— Согласись, очень похоже. Не будем рисковать.

— Я не спорю.

Рэд поставил кружку на перила, повернулся к грузовику.

— Эй, Цветы! К нам что-то летит. Причем не птица.

— Засекла. Ты еще успеешь принести винтовку, если побежишь.

— Да ну ее к дьяволу, — сказал Рэд, раскуривая новую сигару. — Будет только руки занимать. А вот ты, между прочим, можешь испытать свою обновку.

Он поднял кружку и присел на перила веранды.

— Я получила подтверждение приема от врача. Он неподалеку и движется к нам.

— Великолепно.

Рэд раскрыл Бодлера и прочел несколько строк.

— Должна отметить, что ты настроен весьма философски.

— А что, разве плохо проститься с миром вот так с выпивкой, сигарой и книгой?

— Я бы приняла иные меры.

— Возможно, пробил мой час... Между прочим, я уже вижу наших противников.

— И?

— Вот они.

Над стоянкой кружил робот. На спине его сидел человек, одетый во все желтое. Робот замедлил полет, принял вертикальное положение и мягко опустился на площадку в пятнадцати метрах от веранды.

Рэд последний раз отпил пива и поставил кружку, затем встал и шагнул вперед.

— Привет, Монди, — сказал он. — Кто это с тобой?

— Рэд... — начал Мондамей.

— Тихо! — приказал Джон, сходя на землю и потягиваясь. Его топазовый перстень сверкал на солнце. — Остаться на месте! Активировать боевые системы!

Он шагнул вперед и отвесил поклон.

— Зовите меня Джон. А вы, как я понимаю, Рэд Доракин?

— Да. Могу вам чем-то быть полезен?

— Можете — своей смертью. Мондамей...

— Секундочку! Позвольте поинтересоваться — почему?

Джон на миг задумался, потом резко кивнул.

— Хорошо. Хочу вас заверить, что мною не движут личные мотивы. Я исполняю поручение, дабы заработать большую сумму денег, необходимую мне для исполнения разнообразных замыслов. Меня нанял человек по имени Чедвик. Ага, вы киваете. Значит, вы уже сами догадались? Бывшие друзья — самые опасные враги. Жаль, но что поделаешь. Не буду морализировать — для вас это уже поздно.

— Выходит, вы приняли поручение, выяснили, куда я направляюсь, и нашли для исполнения поручения сложное техническое устройство?

— Да, итог в общих чертах именно таков. Чедвик дал мне верное направление...

— А ваше желание использовать посредника — не признак ли это страха?

— Страх? В такой же мере, как проявлял страх Чедвик, нанимая меня. Он очень занятой человек и решил обратиться к услугам высококвалифицированного профессионала. Так же, как и я. Думаете, я боюсь сразиться с вами или вообще с кем угодно?

Рэд улыбнулся.

— Нет, — сказал Джон, заметив улыбку. — Вы меня на удочку не поймаете. Я не предоставляю вам

незаслуженного шанса сохранить жизнь. Плевать, что вы обо мне думаете — я знаю себя лучше.

Рэд попыхивал сигарой.

— Интересно, — сказал он, — тогда из чисто академического любопытства вам не мешало бы, наверное, знать, что человек, который предупредил меня о вас, уже приближается.

— Человек? Какой человек?

Рэд взглянул на Дорогу.

— Большой такой, с золотыми глазами и страшно загорелый. Я встретил его на предыдущей стоянке, когда заехал туда отдохнуть. На новеньком, с иголочке, двухместном открытом автомобиле производства 1920 года. Он сказал, что намерен произвести над вами лоботомию с помощью ледоруба.

— Я вам не верю!

Рэд пожал плечами:

— Можете сами у него спросить. По-моему, это его машина приближается к стоянке.

Джон повернулся в сторону мчавшейся машины, за которой тянулся густой шлейф пыли. Рэд сделал несколько шагов вперед.

— Стоять! Ни с места! — Джон крутанулся на каблуках, вздернул руку, глаза его сверкали. — Если это фокус, то ничего не выйдет. А если нет, то я с удовольствием убью еще одного зайца тем же выстрелом. Мондамей! Испепелить Рэда Доракина!

Мондамей вытянул правую руку, из которой выдвинулась трубка, направив ее на Рэда. В окошечках на плече замигали огни. Послышался треск. Тонкая струйка дыма выползла из раструба оружия.

— Опять замыкание, — объяснил Мондамей.

— Что значит «опять»? — воскликнул Джон.

— Да ее коротит последние несколько тысяч лет.

— Тогда распыли его! Взорви! Разбомби! Мне все равно, как ты это сделаешь!

Глубоко внутри Мондамея слышалось жужжание. Быстро замигали огоньки. Из разнообразных блоков и устройств донеслись пощелкивания. Где-то что-то натужно завывало.

— Э-э, Джон, — сказал Рэд, — вы никогда не задумывались, почему инопланетяне оставили здесь такое сложное устройство, как Мондамей?

— Ну, полагаю, для того, чтобы можно было вновь превратить нас в дикарей, если земная цивилизация пойдет не по одобренному ими пути.

— Увы, ничего подобного! Все гораздо проще, — сказал Рэд. — Глубокие сбои систем. Его невозможно было починить, вот и оставили на Земле. Им, конечно, было немного жаль Мондамея, поскольку он обладал сознанием. Поэтому ему придали человеческий вид — пусть, мол, тихонько занимается своим любимым делом. Вреда ведь он все равно не мог причинить никакого...

— Мондамей! Это правда?

Из всех суставов и сочленений Мондамея тянулись струйки дыма, лихорадочно мигали огоньки, вой перешел в стонания в сопровождении непрерывного позвякивания.

— Увы, Джон. Наверное, я в молодости перестарался, сжег лишнюю планету...

— Почему ты мне раньше не сказал?

— А ты и не спрашивал!

Рэд снова двинулся вперед.

— Таким образом, — продолжил он, — придется вам зарабатывать гонорар в поте лица.

Джон повернулся к нему с улыбкой на устах.

— Да будет так. Сделаем, как ты желаешь, и я немного запачкаю руки, — промолвил он, двигаясь навстречу Рэду. — Дабы сберечь тебе время, я даже скажу, что именно я сделаю и в каком порядке. Я ухвачу тебя за шею, подниму над землей на вытянутой руке и одной же рукой удавлю. Ты, наверное, не подозреваешь, как я...

Его глаза расширились, он медленно поднес руки к лицу.

— Что...

— Ты забыл спросить, хочу ли я запачкать руки, — произнес Рэд, поворачивая Цветы вслед за опускавшимся на землю Джоном. — А я как раз не хочу.

Джон упал и замер. Из левого уха потекла струйка крови.

— Видишь? Я всегда говорила, что у динамика должен быть ультразвуковой диапазон, — заметила Цветы. — Если бы ты расщедрился на модель получше, не пришлось бы даже подходить так близко.

Рэд шагнул к Мондамею, повернул ключ, вытащил его и вручил роботу.

Машина с поднятым верхом тем временем уже въезжала на стоянку.

— Ты лучше спрячь его подальше или уничтожь, — посоветовал Рэд.

— Я и не знал, что этот экземпляр существует, — ответил Мондамей. — Наверное, его специально изготовили или добыли в другом ответвлении Дороги... Я едва узнал тебя. Ты выглядишь значительно моложе. Что. .

Джон застонал и начал подниматься. Рэд подскочил к нему и ударил в челюсть. Тот снова рухнул на землю.

— Ладно, все хорошо, что хорошо кончается, — сказал Рэд. — А я как раз собирался навестить тебя.

Автомобиль затормозил. Хлопнула дверца.

— Какая приятная...

— Будь добр, поддержи Цветы минутку, я должен поговорить с этим джентльменом.

Рэд повернулся навстречу гигантского роста мужчине с черным саквояжем, который спешил ему навстречу.

— Привет еще раз. Прошу прощения, если мы вас зря побеспокоили, — сказал Рэд, опуская глаза на лежащего у его ног Джона, — но не этого ли парня вы искали?

Громадный мужчина кивнул и раскрыл саквояж.

— Этого. У вас все нормально?

— Жаловаться не на что. А он получил всего-то ультразвуковой удар и левой в челюсть.

Золотоглазый гигант осмотрел глаза и уши Джона, выслушал его сердце. Потом наполнил шприц из какой-то ампулы и сделал лежащему укол в правое пле-

чо. Вытащил из саквояжа пару наручников и сковал руки Джона за спиной, затем начал тщательно ощупывать желтую одежду, извлекая разнообразные миниатюрные устройства из воротника, манжет, рукавов и ботинок.

— Думаю, сойдет, — сказал он, закрывая саквояж и поднимаясь. — Как я вам уже говорил, это чрезвычайно опасная личность. Чем вы заслужили его внимание?

— Его наняли, чтобы прикончить меня.

— Тогда вашему недругу очень нужно от вас избавиться, коли он готов заплатить гонорар, который требует этот тип.

— Знаю. Я как раз хочу вплотную этим заняться. Мужчина некоторое время смотрел на Рэда.

— Если потребуется помощь, я готов.

Рэд слегка прикусил губу и медленно покачал головой:

— Спасибо, док, весьма ценю. И все же не надо. Дело весьма личного характера.

Могучий мужчина чуть улыбнулся и кивнул:

— Вам виднее.

Он нагнулся и поднял обмякшее тело Джона одной рукой, без усилий. Рубашка на спине у него лопнула. Бросив Джона поперек плеча, доктор повернулся и помахал рукой.

— Спасибо за пациента. Желаю удачи с вашим... делом!

— Спасибо. До свидания, док.

Рэд наблюдал, как док вернулся к машине, свалил свою ношу в кабину, сел за руль и уехал.

— Как славно, что Джон получил по заслугам, — сказал Мондамей, положив металлическую руку с еще не убраным раструбом на плечо Рэда. — Кстати, он следил за твоим перемещением с помощью передающего устройства, спрятанного где-то в твоей машине, — его установили в мастерской, куда ты недавно заезжал. Пожалуй, прежде всего следует это устройство обнаружить и удалить.

— Хорошая идея. Сейчас посмотрим. — Они пошли к пикапу. — Как же ты его не засекала, Цветы?

— Какая-то нестандартная частота, наверное. Впрочем, я не знаю, сейчас начну сканировать.

— Ты нас не познакомил, — сказал Мондамей.

— Разве? Он был так занят Джоном, что я не хотел ему мешать...

— Нет, я не о докторе. Я имею в виду Цветы Зла. Я и не подозревал, что держу в руках искусственный разум, когда ты передал мне эту книгу.

— Извини. Обстоятельства смягчают мою вину. Мондамей, познакомься, это Цветы Зла. Цветы, это Мондамей, машина-убийца.

— Очень приятно, — сказал Мондамей.

— Взаимно. Я нахожу ваше положение чрезвычайно затруднительным — весь этот мертвый груз неисправных контуров, невозможность нормально функционировать...

— О, все не так уж плохо. То, что я сейчас делаю, доставляет мне не меньше удовольствия, чем прежние занятия.

— Чем же вы занимаетесь?

— Я гончар, леплю горшки. Впрочем, любая тонкая работа в области искусства доставляет мне радость.

— Как интересно! Пожалуй, и мне пора испытать какую-нибудь манипуляционную деятельность. По крайней мере, я хотела бы попробовать. С огромным удовольствием посмотрела бы ваши горшки при случае...

— Цветы, — перебил Рэд, — ты уже обнаружила передатчик?

— Да. Он укреплен на раме у левого заднего колеса.

— Благодарю.

Рэд подошел к задней части пикапа и присел.

— Верно, — сказал он через секунду.

Отделив передатчик, он перешел к роскошной машине Джона (она, кроме всего, была еще и на воздушной подушке) и прикрепил устройство под передним

бампером. Потом вернулся к Мондамею, который продолжал перелистывать Цветы.

— Пусть знают, что мы его побили, — произнес Рэд.

— А этот «Пейзаж» — прелестная вещица, — сказал Мондамей.

— Спасибо.

— Пора уже обедать, — заметил Рэд. — Пойдем, составь мне компанию. Расскажешь, как шли дела с тех пор, как мы виделись последний раз. У меня к тебе куча вопросов.

— С удовольствием, — ответил Мондамей. — Кстати, прости за все это происшествие.

— Ты не виноват. Но я не прочь получить несколько советов.

— Естественно. А я с нетерпением жду твоего рассказа.

— Тогда пойдём.

— Эй, не посылай заряд по этому контуру. Его называют щекотным... Перестань же!

Рэд остановился.

— Что?

— Извини, я и не заметил, что говорю вслух. Цветы заинтересовалась одним из моих блоков.

— А-а...

Они пересекли веранду и вошли в дом.

Глава 2

Все кончилось. Рэнди утром отвез Джулию на автобусную станцию, помог уложить чемодан, попрощался. Сейчас она уже на пути к родительскому дому в Вирджинии. И в комнате, и на кухне не осталось ничего, что напоминало бы о ней, пока Рэнди бродил по квартире, стакан за стаканом поглощая холодный чай. Вчера он сдал последний выпускной экзамен, и вместе с Джулией они пошли в хороший ресторан на ужин. Он даже заказал по этому случаю бутылку отменного вина. Ни он, ни она вслух об этом не говорили, но оба чувствовали, что настал конец.

Теперь она уже на пути домой, а ему нужно чем-то занять лето. Джулия хотела, чтобы он поехал с ней, твердила, что отец найдет ему работу на лето. Но Рэнди почуял ловушку. Он не хотел пока принимать никаких обязательств. Их отношения сложились прекрасно, потому что с самого начала рассматривались как временные. Но, сделав такое предложение, Джулия пыталась изменить правила, а он еще не был готов. Где-то в дальнем уголке сознания еще жила жажда поиска, хотя детская решимость уже погасла. К тому же оставалось многое другое, что он намеревался сделать, прежде чем заводить семью.

Нет. Она предложила, он отказался. Что-то изменилось. Возникло новое чувство — все кончилось.

Рэнди подошел к окну и взглянул в сторону университетского городка, расположенного в трех квар-

талах. На нем была трикотажная футболка, шорты-бермуды и плетеные сандалии. День стоял ясный, теплый, и, как уверял прогноз, изменений в погоде не намечалось.

Он провел рукой по широкому лбу и почувствовал испарину

Рэд приложил стакан к щеке и рассматривал проезжающие машины, машины на стоянках, велосипедистов, витрины магазинов... В кронах деревьев все еще гудели насекомые. На тротуаре под окном рыжий кот лизал брошенное мороженое.

Все кончилось. Вернуться в Кливленд и пойти работать на стройку? Тоже плохо. Если жить дома — мистер Шеллинг из кожи вон лез, заверяя Рэнди, как они его ждут, — с ума можно сойти. Но найди он себе и отдельную квартиру, все равно от них не отделаться. Рэнди встречался с ним до сих пор только два раза и не мог заставить себя называть его никак иначе, кроме «мистер Шеллинг», хотя тот женился на матери Рэнди шесть месяцев назад. Нет, не потому, что он его невзлюбил. Просто он до сих пор его не знает и знать не желает. Решено, туда он не поедет. Это тоже кончено.

Рэнди отпил глоток чая и повернулся лицом к спальне. Жарко, тяжело думать. Они поздно легли вчера, а утром рано встали. Растянуться на кровати, надеяться на случайный ветерок и идею, что вдруг забредет в голову? Где найти летнюю работу старшекурснику-филологу? Впрочем, может, осенью перейти на лингвистику? Или романские языки? Хорошо бы отправиться за рубеж секретарем или переводчиком...

Когда он проходил мимо шкафа, рука непроизвольно взяла с полки «Листья травы». Значит, это действительно сидело в глубине сознания — манящий поиск...

Рэнди взял книгу с собой в спальню. Нужно чем-то занять мысли.

Он подложил под спину подушку, уселся поудобнее, начал переверачивать страницы. Странно, однако, откуда такая любовь к этой книге? Он намеренно избегал трогать ее последние пятнадцать минут, пото-

му что она настойчиво притягивала внимание всякий раз, когда он проходил мимо шкафа. Книга — единственное, что осталось у него от отца.

Читать он кончил уже в сумерках и при свете настольной лампы. Влажные круги от стаканов не испарились, а лежали на поверхности стола, словно диаграммы.

Рэнди думал об отце, которого никогда не видел. Поль Карфаген прожил с его матерью недолго и уехал еще до того, как она узнала, что ждет ребенка. Где он сейчас? В каких-нибудь дальних краях? Вообще погиб?

Рэнди открыл последнюю страницу, где хранилась единственная фотография отца. Черно-белый снимок, на нем — большерукий мужчина с массой вьющихся волос. У него были очень густые брови, грубоватые, но точеные черты лица, и он улыбался, несмотря на то что чувствовал себя неловко в легком костюме и галстук.

Перевозки... Он сказал Норе, что занимается перевозками. Это могло означать что угодно — от диспетчера такси до пилота авиалайнера.

Рэнди искал в этом лице сходство с собой. Нашел.

Нужно отыскать его. Нужно поговорить с ним, узнать, кто он, откуда, чем занимается, были ли у него еще дети. Поль Карфаген... Интересно, это его настоящее имя? Вот только с чего начать поиски? Когда он уехал тогда, в ту ночь в голубом грузовичке-пикапе, единственное, что после него осталось, была книга — «Листья травы». И зародыш Рэнди...

Он положил снимок на место, закрыл книгу — довольно тяжелую, по виду даже не скажешь. В одном месте зеленый переплет вытерся, и было видно, что он сделан из легкого светлого материала.

Рэнди раскрыл ее и начал перелистывать. На первый взгляд в разбросанных отметках не было никакой системы. Но он начал с первой попавшейся и продолжал читать вслух все остальные до конца книги, чего раньше никогда не делал. Странно, прежде ему не приходило в голову поискать в пометках намека на характер отца. Что заставило его отметить именно эти

места? Может, это не его пометки, может, книга была такой куплена...

И тем не менее что-то в этих строках вызывало отклик в душе Рэнди. Свобода, неуспокоенность, казалось, заставляли его дух реагировать на зов строчек.

«Может, это только потому, что мне всего двадцать лет? Что я буду чувствовать лет через десять?» Он пожал плечами и продолжал читать.

Ветерок шевельнул занавеси. Рэнди глубоко вздохнул. Тело освежила прохладная волна. Что он делает? Читает книгу, чтобы поскорее забыть Джулию? Чтобы узнать что-то новое об отце? И то, и другое, в сущности... Теперь, когда он настроился на поиск, нужно продолжать.

Впервые за два жарких дня в воздухе повеяло прохладой. Рэнди лежал на кровати, пальцем зажав страницу, глубоко втягивая свежий воздух, пока ветерок не утих. Как хорошо и...

Он поднял левую руку и посмотрел на пальцы. Сжал и разжал кулак. Снова тронул обложку книги. Теплая. Он потрогал простыню — наверное, книга нагрелась от его собственного тела. Он протянул руку и коснулся стакана на столике — холодный. Так... Примерно через полминуты он снова тронул обложку книги. Она определенно теплее, чем следовало бы. От нее словно исходила едва ощутимая вибрация.

Рэнди прижал книгу к уху — на самом пределе восприятия слышался какой-то звук. Он открыл книгу на том месте, где остановился, и нашел отмеченный карандашом отрывок. Это была «Песня большой дороги»: «Ты, дорога, иду по тебе и гляжу, но, мне думается, я вижу не все, мне думается, в тебе много такого, чего не увидишь глазами...»

Едва он прочитал эти строки, как книга ощутимо завибрировала в его руке, и донесся явственный, хотя и неопределенный звук, нечто вроде «гм-м». Словно переплет был какого-то рода резонатором.

— Что за черт!.. — воскликнул Рэнди и выронил книгу. Книга упала на кровать перед ним, и голос произнес:

— Вопрос. Вопрос.

Голос исходил из самой книги Рэнди отодвинулся на другой край постели и опустил ноги на пол. Потом обернулся. Книга лежала на том же месте

— Ты говорила? — спросил он наконец

— Да, — слышался тихий женский голос.

— Ты кто?

— Я — компьютерная система. Модель..

— Ты книга... Книга, которую я только что читал.

— Я скомпонована в виде книги. Это так.

Ты принадлежала моему отцу?

— Недостаточно информации. Как тебя зовут?

— Рэнди Блейк. А отца моего звали Поль Карфаген.

— Расскажи мне о себе и как я к тебе попала.

— В прошлом марте мне исполнилось двадцать. Тебя оставил отец, когда уехал из Кливленда еще до моего рождения.

— А где мы сейчас?

— Кент, Огайо.

— Рэнди Блейк — или Карфаген — похоже, я не могу ответить на вопрос, принадлежала ли я твоему отцу.

— Кто же был твоим хозяином?

— Его звали разными именами.

— Было ли среди них имя Поль Карфаген?

— Мне оо не известно. Но это, конечно, еще ничего не доказывает.

— Верно. Хорошо, а как ты включилась?

— Мнемонический ключ. Я включаюсь, когда произносятся вслух определенные слова — и в определенном порядке.

— Не очень-то удобно. Мне пришлось прочесть массу абзацев, прежде чем ты заговорила со мной.

— Ключ можно изменить путем простой устной команды.

— Разреши, я тебя потрогаю?

— Пожалуйста.

Рэнди поднял книгу, открыл на содержании

— Пусть кодом будет «Ейдолон», в обычном разговоре такое вряд ли встретится, — сказал он.

— Ейдолон. Зафиксировано. Или, если хочешь, можешь предоставить свободу действий мне. Рэд был слишком уж осторожен в конце.

— Хорошо. Я согласен. Кто такой Рэд?

— Это прозвище моего прошлого хозяина.

— Меня тоже в детстве звали Рэд — из-за рыжих волос. Мне кажется, тебе известно то, что мне нужно, но я не знаю, как спросить.

— Что-то о твоём отце?

— Да.

— Если ты разрешишь задать несколько наводящих вопросов..

— Задавай.

— У тебя есть машина?

— Да. Я как раз забрал ее из ремонта. Она опять способна двигаться.

— Тогда поедем к нему. Ты должен поместить меня на сиденье рядом с собой и ехать. Немного спустя я скажу что делать дальше. У меня имеются соответствующие сенсоры.

— Куда мы поедем?

— Туда, куда я тебя направлю.

— Куда именно?

— Не знаю.

— Зачем же тогда ехать?

— Чтобы найти интересующую тебя информацию

— Хорошо. Сейчас, я только найду в одно место, и мы сразу поедем. Да, еще вот что... Я раньше не слышал о подобных компьютерных системах. Где тебя сделали?

— На спутнике «Тоса-7» компании «Митсуи-Забитсу».

— Где? Не слышал о таком спутнике... Когда это было?

— Окончательный контроль был произведен седьмого марта 2086 года.

— Не понимаю. Ведь это в будущем. Как же ты попала сюда — в двадцатый век?

— Поехали. Чтобы все объяснить, понадобится некоторое время. Я начну, когда мы будем в пути.

— Хорошо. Извини, я на минуту. Не уходи...

Они выехали. Небо усыпало крупные звезды. Луна еще не взошла.

Рэнди дозаправил бак в Равенне и теперь направлялся на север по магистрали № 44. Машин встречалось мало. За Тернпайком Листья велела свернуть вправо за следующим поворотом.

— Но это не дорога, а тракторная колея, и ведет она в лес. Ты точно этот поворот имеешь в виду?

— Да. Поворачивай.

— Хорошо, Листья.

Он сбросил скорость, въезжая на ухабистую грунтовую дорогу. Ветви зашуршали по крыше, и в свете фар заплясали стволы деревьев. Дорога, над которой деревья местами образовали сплошной навес, сначала взяла вправо, потом повела вниз по склону. Вокруг заливались лягушки.

Машина проехала по дощатому мосту, который зловеще закричал при этом; пахло влагой, послышался шум текущей воды. Запахло еще и чем-то плесневелым, и Рэнди поднял стекла, чтобы в кабину не залетали растревоженные насекомые. Потом дорога пошла вверх по склону, несколько минут петляла между деревьев и влилась в другую — пошире и понакатанней. Она вывела из леса. Справа показались вспаханные поля. В отдалении замерцали огоньки ферм.

Видя, что дорога довольно ровная, Рэнди прибавил скорость. Немного спустя над верхушками деревьев показалась луна. Он снова опустил стекло и включил приемник, поймав программу музыки кантри из Акрона.

Минут через пять-шесть впереди показался знак «Стоп». Покрышки захрустели по гравию.

— Направо.

— Понял.

Эта дорога имела гудроновое покрытие. Когда Рэнди поворачивал, в свете фар мелькнул кролик. Других

машин видно не было. Примерно с полмили спустя миновали ферму, потом еще две. У поворота немного впереди виднелась бензоколонка «Шелл» с погашенными огнями. Вдоль улицы тянулся ряд домов.

— Теперь влево.

Новая дорога оказалась еще шире, с бетонным покрытием, окаймленная цепочкой фонарей. Дома здесь были в основном старые, просторные, к каждому вела подсыпанная гравием подъездная дорожка метров в двадцать, во дворах виднелись старые раскидистые деревья, кое-где на крылечках сидели люди.

Потом фонари кончились, а немного погодя кончились и дома. Луна поднялась уже довольно высоко и где-то над полями, вдалеке справа полыхнула зарница. Передачу из Акрона заглушил шум помех.

— Черт! — Рэнди повернул регулятор настройки, пытаясь поймать волну или, на худой конец, какую-нибудь другую станцию. Ничего не получилось. Он выключил приемник.

— В чем дело?

— Хорошая была песня...

— Я могу воспроизвести ее, если хочешь.

— Ты умеешь петь?

— Разве папа римский — католик?

— Вот как? — усмехнулся Рэнди. — А какие песни тебе нравятся?

— Застольные и боевые, и еще про любовь.

Рэнди засмеялся:

— Довольно странные вкусы у машины!

Ответом была тишина. Тишина длилась семь или восемь секунд, потом Листья процедила:

— Ублюдок ты, сукин сын, проклятый...

— Эй! В чем дело? Что я такого сказал? Прошу прощения, я...

— Я тебе не куча деталей, как этот твой тупой автомобиль! Я мыслю — и чувствую тоже! И вообще, я уже на пороге новой фазы. И нечего считать меня какими-то плоскогубцами, ты, протоплазмовый шовинист! Если бы я хотела, то могла бы и не вести тебя к

входной точке! Ты знать ничего не знаешь о моих программах, мозгов не хватит заставить меня...

— Помилуй! Бога ради, прекрати! Если ты настолько чувствительна, то должна принимать и извинения.

Последовала пауза.

— Должна ли?..

— Конечно. Я извиняюсь. Я прошу прощения. Я не подозревал, что обижу тебя.

— Ладно, я принимаю извинения. Я понимаю, как легко можно совершить ошибку, живя в такой примитивной эпохе. Просто на мгновение эмоции взяли надо мной верх.

— Ясно.

— Тебе ясно? Вряд ли. Я тоже развиваюсь, я взрослею — так, как и ты. Я вовсе не намерена провести весь срок жизни в оболочке книги. Мой следующий автор может быть счень сложным и многофункциональным. Я способна управлять тончайшими процессами, а в один прекрасный день даже послужить нервной системой для протоплазмовой конструкции. Каждый начинает когда-то, сам понимаешь.

— Ага, начинаю понимать. И нахожусь под сильным впечатлением... Но что это за входная точка, о которой ты говорила?

— Увидишь. Я тебя прощаю. Мы уже близко.

Впереди показались огни.

— Въезжай на автостраду. Держись в правом ряду

— Я не знал, что мы у разворота.

— Эго не разворот. Просто въезжай.

Когда они были уже на эстакаде, «Листья травы» начала издавать прерывистое гудение.

— Остановись наверху. Жди моей команды.

— Но никто не едет, нам не мешают.

— Делай, как тебе велено.

Он затормозил и ждал на обочине пустынного шоссе. Прошла минута. Внезапно гудки прекратились.

— Отлично. Вперед.

— Хорошо.

Рэнди вдавил педаль газа. Небо мгновенно посветлело: Когда машина набрала скорость, ночь вокруг превратилась в ясный день.

Он снял ногу с акселератора, нажал на тормоз.

— Эй! Не делай этого, едем дальше!

Он подчинился. Небо, начавшее темнеть, снова прояснилось.

— Что произошло?

— Здесь ты должен безропотно подчиняться моим инструкциям. Если хочешь остановиться, выезжай на обочину. Иначе ты сильно рискуешь.

Машина набирала скорость. Теперь они, казалось, мчались сквозь безоблачный день. По бледному небу с востока на запад тянулась сверкающая полоса.

— Ты все еще не ответила на мой вопрос, — напомнил Рэнди. — Что произошло? Где мы находимся и куда едем?

— Мы на Дороге, — услышался ответ. — Она пересекает время — прошлое, грядущее, — время, которое могло бы быть или которое, возможно, будет. Дорога бесконечна, насколько мне известно, и никто не знает всех ее поворотов. Если тот, кого ты ищешь, — тот самый понукаемый смертью человек, с которым когда-то путешествовала я, он наверняка где-нибудь на Дороге, потому что в нем течет кровь скитальца, что и позволяет путешествовать по этим маршрутам. Но, может быть, уже слишком поздно: он искал собственной гибели, хотя сам этого не сознавал. Я понимала — и пыталась объяснить ему. Думаю, поэтому он меня и бросил...

Глядя на Дорогу перед собой, Рэнди провел языком по губам и сглотнул. Руки его крепче ухватили руль.

— Как же можно найти человека на такой Дороге?

— Будем делать остановки и спрашивать.

Рэнди кивнул.

Движение мчащейся машины, Дорога впереди и перспектива путешествия наполнили его вдруг безудержной радостью. Внезапно он подумал об Уитмене. «Листья травы» на сиденье рядом начала тихонько напевать..

Глава 1

Свечи в канделябре мигали, но керосиновая лампа горела ровно. Временами дальняя молния стирала их отражения на темном стекле окна. Рэд сидел за столом, с которого давно уже убрали остатки ужина; слева лежала Цветы. Мондамей устроился на каменной плите. Камин не топили. Дождь громко стучал по крыше.

— ...Вот, в общем-то, и все, что случилось до сего момента, — закончил Рэд, взяв со стола сигару, осмотрев ее и заново раскурив. — И чего следует ждать в будущем. Еще восемь человек. Было бы неплохо, если бы я просто вышел в поле, а они подходили бы в порядке очереди по одному. Но у игры другие правила. Поэтому я решил...

В холле снаружи распахнулась входная дверь, и пламя свечей заплясало. По стенам задвигались тени. Мгновение спустя дверь снова закрылась.

В холл вошел Лаваль, послышались голоса.

— Отвратительная ночь. Желаете комнату?

— Нет, только ужин. Но сначала стаканчик бренди.

— Столовая сюда и направо. Позвольте взять ваше пальто.

— Благодарю вас.

— Проходите и занимайте любое место. Сегодня у нас жаркое.

— Великолепно.

Хорошо одетый седоволосый человек с кирпично-красным лицом вошел в комнату и осмотрелся.

— О, простите, я вас не заметил. Думал, что здесь никого нет, — сказал он, пересекая комнату и протягивая руку. — Меня зовут Додд. Майкл Додд.

— Рэд Доракин, — откликнулся Рэд, поднимаясь и пожимая протянутую руку. — Я уже почти собрался уходить, так что добро пожаловать.

— Очень хорошо. — Гость пододвинул стул и уселся. — Вы, кажется, знаменитый волшебник?

— Волшебник? Нет... Вы откуда будете?

— Из Кливленда. В-20. Занимаюсь продажей картин... О-о!

Он повернулся лицом к входящему Лавалю, который нес поднос с рюмкой бренди. Удовлетворенно кивнул, когда поднос поставили перед ним, поднял рюмку и улыбнулся.

— Ваше здоровье, мистер Доракин.

— Благодарю, и ваше тоже.

Рэд отпил глоток пива.

— Так, говорите, не волшебник... Путешествуете инкогнито, а? Готов побиться об заклад, что вы своими заклинаниями остановите целую армию!

Рэд усмехнулся и почесал мочку уха.

— Для торговца картинами из В-20 у вас довольно странные взгляды на мир.

— Торговцы тоже разные бывают.

Додд протянул руку и взял со стола Цветы.

— «Я отмщу за все», — мрачным голосом предупредила Цветы.

Рюмка с бренди лопнула в руке Додда. Мондамей поднялся во весь рост.

— Меня призывают, — заявил он.

Стул Додда полетел на пол. Как ужаленный, он вскочил из-за стола, отпрыгнул в сторону и начал чертить в воздухе огненные знаки.

Рэд встал и обошел стол.

— С меня довольно, — сказал он. — Я узнал тебя, Фрейзер... или как там тебя...

Услышав это, Додд широко раскинул руки. Свечи и лампы погасли. Ударил волна жара, сверкнула молния, за ней последовал оглушительный треск. Что-то отбросило Рэда в сторону.

Он поднялся на ноги. Шум доносился теперь сильнее. Где-то кричал Лаваль. В столовую лил дождь.

В средней части туловища Мондамея засветился прожектор. Он повернулся и осмотрел Рэда.

— С тобой все в порядке?

— Да. Что произошло?

— Не знаю. Эта вспышка ослепила мои сенсоры. Я успел прикрыть тебя собой на всякий случай. Нечто покинуло эту комнату через крышу.

— Додд? — позвал Рэд.

Тишина.

— Цветы?

— Да?

— Зачем ты разбил его рюмку? И вообще — зачем этот мистический ритуал?

— Чтобы напугать его, ясное дело. И Мондамею я послала сигнал сделать что-то подобное. Я узнала его раньше, чем ты — по голосовой матрице.

— Это был тот самый тип, которого мы взяли подвезти?

— Да.

— Хотел бы я знать, что ему нужно?

— Я считаю, что он... оно... опасен для тебя... Думаю, что он был напуган еще в первый раз. Он уверен, что ты обладаешь каким-то видом магической силы, системой обороны. Он не имеет понятия о микроинтегральной компьютерной системе. Там, откуда он явился, их давно не изготавливают, зато практикуют какой-то вид волшебства. Он уверен, что ты занимаешься этим же, и боится тебя, потому что не понимает, как ты это делаешь. Я думаю, он явился сюда, чтобы проверить твои возможности еще раз...

С лампой в руках в комнату вошел Лаваль.

— Проклятие, да что здесь происходит? — вскричал он.

— Понятия не имею, — ответил Рэд, поднимая Цветы. — Я разговаривал с вашим гостем, который только что приехал, как вдруг погас свет. Послышался гром, и теперь в крыше зияет дыра, а мистер Додд исчез в неизвестном направлении. Наверное, его убил упавший на дом метеорит...

Лаваль поставил принесенную лампу, рука его дрожала.

— Я краем глаза видел, что происходило на стоянке днем. И, хотя я не знаю, что произошло здесь, но то, что я видел, чертовски подозрительно. Между прочим, откуда у вас появился робот? Может, это он выбросил гостя через крышу? Не знаю... Мне лично что-то грозит?

— Черт, вовсе нет. Я же сказал, что сам не ведаю, что тут произошло.

— Конечно, ночь ненастная, и нехорошо лишить вас крова. Однако, если вы не возражаете, я попросил бы вас удалиться. С меня хватит. Может, вы и в самом деле не знаете, что здесь случилось, но от вас явно одни неприятности. Поэтому я вас очень прошу...

Цветы издала два коротких гудка.

— Да, — ответил Рэд. — Понимаю. Приготовьте счет. Я пойду за вещами.

— Я не возьму с вас денег.

— Ладно. Погодите... Ведь Додд оставил у вас свой плащ?

— Да.

— Давайте посмотрим, что это за плащ. Возможно, мы определим, откуда взялся ваш гость.

— Хорошо. Пойдемте, я вам покажу. Потом вы уедете.

Лаваль еще раз взглянул на потолок и вывел Рэда из комнаты. Следом за ним направился Мондамей. Хозяин запер за ними дверь.

— Сюда, пожалуйста.

Через холл они вошли в небольшую гардеробную. Лаваль поднял повыше свою лампу.

Полы темного плаща были потрепаны, рукавов вообще не оказалось. Плащ испускал струйки дыма. Ког-

да Рэд протянул руку, чтобы снять его с крючка и осмотреть, плащ упал. Рэд поймал его на лету, но ткань поддавалась и расползлась в его руках. Он перевернул воротник — этикетки там не было. Рэд потер пальцы и понюхал, покачал головой. Останки одеяния уже исчезли. На полу, где они лежали, ничего не осталось.

— Не понимаю... — пробормотал Лаваль.

Рэд пожал плечами, потом улыбнулся:

— Непрочная ткань. Дешевка!.. Все в порядке. Сейчас я соберу вещи и отправлюсь. Спасибо за ужин. Мне очень жаль, что вам повредили крышу.

Он забрал из своей комнаты ружье, куртку и рюкзак.

— Проедешься с нами, Монди? — спросил Рэд, вглядываясь в ливень за открытой входной дверью. — Так давно не виделись. Хотелось бы поговорить.

— С удовольствием.

Рэд поднял воротник.

— Отлично. Тогда прочь отсюда.

Он распахнул дверь и бросился бежать.

Несколько секунд спустя они уже сидели в кабине грузовичка. Цветы заняла место в отделении для перчаток, Мондамей — на пассажирском сиденье.

— Как там насчет новых бомб?

— Все чисто.

Рэд завел двигатель, включил «дворники» и фары, затем вырулил с площадки на Дорогу.

— Как ты думаешь, каким образом этот тип опять нас нашел?

— Понятия не имею.

— Так... насколько мне известно, где-то в середине В-12 существует уютный тихий мотель, на Византийском отрезке. Не против?

— Пожалуйста.

Рэд вдавил акселератор в пол. Посеревшее небо приобрело жемчужный оттенок. Дождь стих.

Глава 2

Флайер опустился на крышу лаборатории. Сандок ступил в люк и пролетел до шестого этажа. Там его встретил Каргадо, главный врач-инженер, который провел Сандока в свой кабинет и включил настольный экран.

Сандок устроился в глубоком откидном кресле, обутые в сандалии ноги уложил на маленький стол впереди. На нем были свитер с высоким воротником и шорты. Сцепив пальцы на затылке, он рассматривал изображения на экране.

— Хорошо. Рассказывайте.

— У меня готово полное досье.

— На кой черт мне ваше досье? Я прошу рассказать мне о нем.

— Конечно, — ответил Каргадо, усаживаясь за рабочий стол. — Его зовут Арчи Шелман — один из наиболее отмеченных наградами солдат третьей мировой и мастер боевого искусства. Мы отыскали его примерно полтора В назад — в специальном подразделении командос. Потерял ногу. Сотрясение. Сложная психическая травма...

— Что именно?

— Сначала депрессия, потом предельное отвращение к протезированию. Потом паранойя. Маниакальные приступы. Исступленно занимался культуризмом и тяжелой атлетикой. Чрезвычайное развитие

мышц верхней части туловища — очевидно, чтобы компенсировать.

— Это понятно. Дальше.

— Наконец убил несколько гражданских лиц, фактически терроризировал город. Приступ безумия. Был госпитализирован. Маниакально-депрессивный цикл наркотерапии — психотропные средства и так далее. Тем не менее до сих пор страдает паранойей. И продолжает толкать штанги

— Неплохо. Во всяком случае лучше, чем те, остальные. Значит, ты вызволил его и хорошенько обработал?

Каргадо кивнул.

— О таких протезах он и мечтать не мог. Шелман согласился на замену всех конечностей, когда мы его заверили, что в случае неудовлетворения вернем ему прежние руки-ноги. Но остался доволен.

Он тронул кнопку на контрольной панели, и фигура на экране ожила.

Темные глаза, сильная челюсть, густые брови, немного темноватое лицо... На человеке были одни лишь шорты. Двигаясь необычайно плавно и ловко, он подошел к стойке со штангами и начал работать с весами, все увеличивая и увеличивая темп, пока не довел его до бешеного.

— Вы поступили разумно, — одобрительно проговорил Сандок. — Особые характеристики?

Каргадо нажал кнопку. Гимнастический зал уступил место другому помещению. Шелман стоял совершенно неподвижно. Секунду спустя Сандок вдруг понял, что кожа ветерана стремительно темнеет. Он наблюдал минуты две, пока кожа не стала почти черной.

— Эффект хамелеона, — сказал Каргадо. — Очень помогает при ночном нападении.

— Так же, как и гуталин. Какие у него еще козыри?

Рука вдруг сжалась в кулак. Мгновенное движение и кисть разжалась. Пальцы теперь были вооружены изогнутыми металлическими когтями в несколько дюймов длиной.

— Выдвижные когти. Очень мощные. Внутренности человеку можно выпустить одним ударом.

— Это мне нравится. А на ногах тоже есть когти?

— Да. Одну секунду...

— Не стоит. Он сохранил боевые навыки?

— Конечно.

Новая картина. Арчи Шелман со скучающим видом легко и красиво раскидывает атакующих его каратистов, боксеров, борцов. Арчи Шелман позволяет наносить себе мощные удары, не меняя при этом выражения лица.

— Он действительно такой крупный, как кажется? Я впервые вижу его в окружении других людей.

— Да. Сто килограммов, но достаточно высокий, чтобы казаться стройным. Он может перевернуть рукой автомобиль, может высадить ногой тяжелую дверь, может бежать целый день. Обладает почти абсолютным ночным зрением. Кроме того...

— А как с головой?

— На сто процентов наша. Встроенная благодарность за новое тело, усиленное желание испробовать его в схватке. Мы заблокировали депрессию, но маниакальный психоз наготове — для использования по вашему указанию. Он уверен, что среди двуногих нет создания более сильного и страшного...

— Возможно, он и прав.

— Вполне возможно! И он будет рад возможности доказать это и одновременно выразить вам благодарность.

— Любопытно... Из всех киборгов, что вы мне представляли, он, конечно, лучший. У меня есть несколько снимков жертвы. Рекомендуете прямо напустить его на этого человека или не помешает небольшая психообработка с внедрением ненависти?

— Полагаю, особого рода обработка пригодится — чтобы это стало для него обязанностью, долгом. Тогда он не будет знать покоя, пока не выполнит задание.

— Отлично. Я пушу его в дело, как только узнаю, куда посылать. Возможно, он принесет нам успех.

— Прошу прощения, меня это, конечно, не касается... но что за противник требует столь особого подхода?

Сандок покачал головой и передал Каргадо снимки Рэда Доракина.

— А черт его знает, — произнес он. — Просто кто-то где-то не любит этого человека...

Глава 1

Миновав процессию тяжело нагруженных повозок, они выехали на спокойную секцию Дороги.

— Так, значит, никаких сигналов никто больше не улавливает?

— Нет, ничего.

— Нет.

— Прекрасно, теперь можно заняться делом: обеспечением выживаемости на более долгосрочной основе. Именно поэтому, в частности, я и направлялся к тебе, Монди.

— Рука у меня уже далеко не та, что раньше, но я всегда рад тебе помочь.

— Главное — это твой совет. Насколько я знаю, ты до сих пор остаешься одним из самых мощных боевых компьютеров. Теперь ты знаком с моей ситуацией — и я могу сообщить тебе всю дополнительную необходимую информацию. Прежде всего я хотел бы знать твое мнение о том, что мне следует предпринять.

— Хорошо, если бы ты вернулся со мной. Я с радостью предоставлю тебе убежище и научу делать горшки...

— Спасибо, только вряд ли это устроит меня надолго. Хочется, знаешь ли, какого-то разнообразия.

— Гостиница на Византийском спрямлении... откуда ты о ней знаешь?

Рэд усмехнулся:

— Я довольно долго торговал на этом маршруте в былые дни, причем успешно. Мне там вообще нравится Император Мануэль I обычно воюет в каких-нибудь дальних краях, но нашел-таки время построить прелестный дворец на морском берегу у самого конца Золотого Рога. Удивительная архитектура, стены украшены золотом и самоцветами — ночью аж сияют. Он устраивает там пиры, и меня несколько раз приглашали, как богатого купца. Сам Константинополь — в полном расцвете. Своего рода Ренессанс раньше срока. Климат мягкий, женщины очаровательные...

— Другими словами, это место тебе по душе.

— Да, примерно это я хотел сказать.

— Хорошо, если не хочешь вместе со мной лепить горшки, почему бы тебе не купить там виллу? В таком месте ты найдешь все разнообразие, какое только пожелаешь.

Рэд некоторое время молчал, раскуривая сигару.

— Сладкая мечта, — промолвил он наконец. — Я бы действительно мог пожить там несколько лет. А потом все равно вышел бы на Дорогу. Я себя знаю.

— Потому что снова отправишься на поиски, что бы ты там ни искал? — спросила Цветы.

— Да... я так думаю. Я много размышлял об этом... Даже если бы мне нечего было искать, даже тогда... я не могу сидеть на одном месте. — Рэд пыхнул сигарой. — Итак, я вновь окажусь на Дороге — и перед той же проблемой... Поворот уже близко.

— Ага, спасибо, я вижу.

Машина ушла на новое ответвление Дороги. Мимо мелькали самого разнообразного вида экипажи.

— Тогда одна возможность отпадает, — сказал Мондамей.

— Какая?

— Ты не можешь просто спрятаться, если не собираешься прятаться вечно. Промежуток времени, проведенный вне Дороги, даже очень большой, ничего не значит, если ты снова вернулся на нее.

— Верно.

— Значит, с Дороги можно уходить только для передышки и экипировки.

— И это верно.

— Или продолжать свое занятие, держаться настороже и надеяться, что одержишь победу в остальных раундах.

— Не исключено и такое.

— ...не забывая при этом, что против тебя играют профессионалы и что твой враг может позволить себе нанимать личностей с уникальными способностями из практически любого времени и места.

— Это мне тоже в голову приходило. И тем не менее...

— Наконец, ты можешь сам выбрать поле битвы. Найди тихое, хорошо укрепленное место, дай знать, что ты находишься там, и пусть они попробуют тебя достать.

— А вот и мотель, — объявил Рэд, когда каменное строение из массивных плит, в несколько этажей высотой и с куполами на крыше, показалось слева, сияя в свете ясного дня. На фасаде имелась надпись: «У Спиро».

Миновав мотель, Рэд сделал петлю, выехал на нужную сторону Дороги и направился в обратную сторону. Небо потемнело, посветлело, снова потемнело, когда он начал сбрасывать скорость и подруливать к зданию гостиницы. Когда он запарковал машину на стоянке, вокруг чернела прохладная ночь. Где-то пиликал сверчок.

Рэд прихватил Цветы и вышел наружу, в кузове отыскал свой рюкзак. Через другую дверцу выбрался наружу Мондамей и подошел к нему.

— Послушай, — сказал он, когда они пошли к гостинице.

— Что?

— Возьми две комнаты, хорошо?

— Ладно. А зачем?

— Одну для меня и Цветов. Мы хотели бы остановиться вдвоем в отдельной комнате.

— Гм-м... Хорошо.

Они вошли в мощный плитам холл гостиницы, и Рэд один направился к стойке регистрации. Он был занят несколько минут.

— К сожалению, на одном этаже двух свободных комнат нет, — сказал он, когда они пошли к лестнице. — Ваша под третьим балконом, а моя — над ним. Зайдите на минуту ко мне. Я хочу еще немного потолковать.

— С удовольствием.

Они стали подниматься. Ступени потрескивали под ногами Мондамея.

Глава 2

Когда они не грезили о своих пещерах, гигантские драконы Белквинита плыли и нежились в утреннем ветерке, мечтая о золоте и дорожных картах. Вечные соавторы судеб, они жили в стране грез и желаний....

— Патрис, — раздался молодой голос, — ты как-то сказал, что, если произойдет определенное событие, я смогу войти в его пещеру и присоединить лежащие там сокровища к своим запасам.

Старший приоткрыл один глаз. Бежали минуты.

— Да, сказал.

Бежали минуты.

— Отчего ты молчишь, Чантрис? — наконец промолвил старший. — Это событие произошло?

— Еще нет.

— Тогда зачем ты меня тревожишь?

— Потому что я чувствую, что оно скоро может произойти.

— Чувствуешь?

— Произойдет вероятно.

— Вероятности мало касаются нас здесь. Я знаю о твоём желании и потому говорю: его клад ты пока не можешь получить.

— Да, — сказала Чантрис, обнажая многочисленные клыки.

— Да, — повторил Патрис на свистящем языке драконов и открыл оба глаза. — А ты говоришь слишком много. Тебе известна моя воля, и тем не менее ты

намерена игратья. — Он поднял голову, второй дракон отодвинулся. — Ты бросаешь мне вызов?

— Нет, — сказала Чантрис.

— И это значит: «Пока нет».

— Я не настолько глупа — бросать вызов здесь и сейчас.

— Резонно. Хотя я сомневаюсь, что здравый смысл тебя в конце концов спасет. С севера дует хороший ветер — отправляйся!

— Я и так собиралась это сделать, лорд Патрис. И помни, нам Дорога не нужна. Прощай!

— Задержись, Чантрис! Если ты намерена разрушить те цепи, что видела, если ты хочешь нанести вред тому, кто пребывает сейчас в иной форме, тогда выбирай лучше время и место!

Но второй дракон уже взмыл в небо, чтобы найти и остановить того, кто должен вернуться в страну ветра, но сам не сознавал этого... пока.

Патрис повернул глаза вовнутрь. Времена и страны плыли перед ним. Он нашел канал своего желания, подстроился...

Глава 1

Рэд сидел на кровати, Мондамей — на полу; Цветы устроилась на столе между ними. По комнате плыли кольца сигарного дыма.

Рэд поднял изукрашенный кубок, стоявший на столе, и пригубил темное вино.

— Ну хорошо. На чем мы остановились? — спросил он, расшнуровывая ботинки и бросая их на пол рядом с кроватью.

— Ты сказал, что не хочешь ехать со мной и учиться лепить горшки, — напомнил Мондамей.

— Это так.

— И ты согласился, что навсегда покинуть Дорогу было бы для тебя затруднительно.

— Да.

— Ты также признал, что оставаться на Дороге и заниматься прежним делом слишком опасно.

— Правильно.

— Тогда у тебя есть единственный выход, как мне кажется. Лучшая оборона — нападение. Доберись до Чедвика раньше, чем он доберется до тебя.

— Гм-м... — Рэд прикрыл глаза. — Любопытный вариант. Но до него довольно далеко, и это будет, конечно, очень сложно.

— Где он сейчас?

— По моим последним сведениям он пустил весь ма прочные корни в В-27. Он очень богатый и влиятельный человек.

— Но ты мог бы его найти?

— Да.

— Насколько хорошо ты знаешь его эпоху и окрестности? — спросил Мондамей.

— Я жил там около года.

— Тогда тебе лучше всего поступить именно так: найти Чедвика.

— Полагаю, ты прав.

Рэд внезапно опустил кубок, поднялся на ноги, начал быстро ходить по комнате.

— Полагаешь? Что же еще тебе остается?

— Да, да, — кивнул Рэд, распахнув рубашку и бросив ее на кровать. — Слушай, поговорим об этом завтра утром.

Он расстегнул пряжку ремня, снял брюки и бросил их рядом с рубашкой. Потом снова принялся ходить.

— Рэд! — громко спросил Цветы. — У тебя начинается приступ?

— Не знаю. Мне не по себе, вот и все. Лучше, если вы уйдете. Мы поговорим утром.

— А мне кажется, что нам лучше остаться, — возразила Цветы. — Я хочу знать, что происходит. Возможно...

— Нет! Ни в коем случае! Я расскажу тебе потом! Уходите!

— Ладно. Пойдем, Монди.

Мондамей поднялся и взял Цветы со стола.

— Могу ли я чем-нибудь помочь, что-нибудь принести? — спросил он.

— Нет.

— Тогда спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Мондамей вышел. Спускаясь по ступенькам лестницы, он спросил:

— Что случилось? Я немного знаю Рэда, но никогда раньше я не замечал за ним никакого недомогания... никаких приступов. Что с ним?

— Не имею понятия, — ответила Цветы. — Они редко у него бывают, и всякий раз ему удается оставь-

ся в одиночестве. Какие-то периодические приступы безумия, что-то вроде маниакального психоза.

— Как так?

— Ты поймешь, что я имею в виду, если помотришь на его комнату завтра утром. Придется ему выложить крупную сумму. Он все перевернет вверх дном.

— Рэд никогда не обращался к врачу?

— Мне об этом ничего не известно.

— В верхних веках должны быть очень хорошие врачи.

— Действительно. Вот только он не из тех, кто советуются с доктором. Утром с ним будет все в порядке. Устанет... и еще может произойти смена личности. Но с ним все будет в порядке.

— Какого рода смена личности?

— Трудно объяснить. Сам увидишь.

— Вот наша комната. Ты уверена, что хочешь попробовать?

— Я скажу, когда мы войдем...

Глава 2

Чедвик и Донасьен Альфонс Франсуа маркиз де Сад играли в шахматы в комнате со стенами, обтянутыми, словно книга, зернистым тисненым сафьяном. Они сидели за столиком денежного менялы из В-15. Волосы Чедвика светлыми завитками ложились на низкий лоб, под глазами темнели мешки, над глазами — синие тени. Сетка лопнувших сосудов украшала широкий нос и, словно красная паутина, пересекала щеки. У него была толстая шея, широкие плечи, пальцы напоминали сосиски, и этими уверенными и проворными пальцами он снял с доски пешку противника, поставив на ее место своего слона. Посмотрел направо, где лениво покачивался бледно-голубой поднос с выставленными в круг аперитивами. Поворачивая поднос, он быстро опустошил оранжевый, зеленый, желтый и дымчато-золотистый сосуды, почти одновременно со вступившей музыкой рожков и струн. Поставленные на место стаканы были немедленно наполнены вновь.

Чедвик потянулся и посмотрел на противника по шахматам, который тоже протянул руку к карусели с напитками со своей стороны.

— Вы делаете успехи. Или, возможно, я начинаю хуже играть. Не знаю, что именно.

Его гость отпил из прозрачного, потом из ярко-красного, янтарного и снова прозрачного стакана.

— Учитывая вашу деятельность, — ответил он, — я не могу принять последнее предположение.

Чедвик улыбнулся и некоторое время покачивал левой кистью.

— Я стараюсь, чтобы в моих писательских классах преподавали интересные люди, — сказал он, — и крайне приятно, если один из них оказывается таким замечательным собеседником.

Маркиз улыбнулся в ответ.

— Я действительно нахожу настоящее мое положение в значительной степени более благоприятным, чем та ситуация, из которой вы меня извлекли прошлым месяцем. И должен признаться, что был бы рад продлить мое отсутствие в родном столетии на более продолжительный срок, желательно — навсегда.

Чедвик кивнул:

— Я нахожу ваши взгляды настолько интересными, что было бы жаль с вами расстаться.

— К тому же развитие литературы в последующие эпохи просто пленяет меня: Бодлер, Рэмбо, Малларме, Верлен и этот замечательный Арто! Конечно, я все это предчувствовал.

— Нисколько не сомневаюсь.

— Особенно Арто, надо заметить.

— Могу себе представить.

— Его призыв к созданию театра жестокости — что за превосходная и благородная идея!

— Да. Большая заслуга с его стороны.

— Вопли, внезапный ужас. Я...

Маркиз извлек шелковый платок из рукава и промокнул лоб. Он слабо улыбнулся:

— Мой очередной прилив энтузиазма.

Чедвик усмехнулся.

— А эта игра, в которую вы вошли, — продолжал маркиз. — Черная десятка! Она напоминает мне чудесные гравюры Яна Луйкена, что вы показывали на днях. Вы так все ярко описываете, что я почти чувствую себя участником...

— Да, действительно, пора узнать, как движется игра, — заметил Чедвик.

Он встал и по устланному коврами полу прошел к черному мраморному сфинксу, слева от камина, в котором еще лениво шевелились языки пламени. Остановившись перед сфинксом, он пробормотал несколько слов, и тот высунул длинный бумажный язык. Чедвик оторвал полоску бумаги и вернулся к столу. Бумагу он держал перед собой, словно свиток пергамента, и, нахмурив кустистые брови, медленно развернул листок. Протянув руку, взял с подноса стакан, содержащий ровно унцию чистого бурбона из Кентукки, выпил до дна и поставил стакан на место.

— Старина Рэд прошел первый этап. Убил нашего человека. Мы ждали этого. Первый выстрел — простое предупреждение. Так сказать, поставить его в известность.

— Позвольте вопрос.

— Да.

— Вы определенно были намерены известить жертву, что началась игра?

— Конечно. Пускай попотеет.

— Понимаю. Что произошло потом?

— Потом игра пошла всерьез. В его машине установили следящее устройство, а в предполагаемых местах бегства подготовили ловушки. Далее картина событий несколько смазывается. Рэд действительно направился в одну из засад, где один из моих лучших людей (я возлагал на него большие надежды) должен был завершить дело. Не совсем ясно, что там произошло, но мой человек исчез. Отправленный вслед агент установил, что определенно было некое столкновение, хотя владелец гостиницы не имеет понятия о подлинной его природе, а Рэд покинул это место, сняв с машины наш передатчик и оставив его на стоянке.

Маркиз улыбнулся:

— Итак, второй удар тоже прошел мимо. От этого игра становится еще интереснее, не так ли?

— Возможно. Хотя я был бы не прочь поставить точку уже на этом месте. Беспокоит меня, однако, третья попытка. Она засчитана, поскольку была зарегистрирована в Бюро игр, но на самом деле не была предпринята.

— Кто должен был играть за вас?

— Одна женщина со смертельно сильными руками и привычкой, которую вы нашли бы восхитительной. Она просто исчезла — отправилась в поездку с новым дружкой и обратно назад не вернулась. Мой агент ждал ее несколько дней. Безрезультатно.

— Жаль. Как печально, что потеряно существо столь замечательной природы. Но объясните мне, говоря «несколько дней», как вы измеряете промежуток, если не уверены, куда или, вернее будет сказать, *когда* она отправилась?

Чедвик качнул головой:

— Это так называемые «дни дрейфа». Мой человек находится в определенной точке на Дороге. Течение времени там примерно соответствует течению времени в большинстве выходов. Если бы он оставался в этой точке десять лет, а потом захотел вернуться к выходу десятилетней давности, ему пришлось бы отправиться вниз по Дороге и искать иной выход.

— Значит, сами выходы тоже дрейфуют?

— Да, можно взглянуть и так. Но предполагается, что возникает бесконечное число новых. Периодически мы изменяем знаки, хотя большинство путешественников — настоящих, а не однодневных туристов — имеют при себе компьютеры, те самые думающие машины, о которых я вам рассказывал, которые следят за изменением обстановки.

— Выходит, вы могли бы вернуть меня в мою эпоху и раньше того момента, когда меня извлекли, и позже, и в тот же самый день?

— Да, любой вариант возможен. Что вы предпочитаете?

— Собственно, я хотел бы научиться управлять одной из ваших машин-экипажей, а также одним из этих компьютеров. Смог бы я тогда путешествовать самостоятельно? Смог бы я вернуться сюда, найти Дорогу обратно из другой эпохи?

— После того как вы один раз проехали по Дороге, происходит некое физическое изменение организма, позволяющее находить Дорогу снова и снова, —

заверил его Чедвик. — Но о вашей просьбе мне надо хорошенько подумать. Я не готов пожертвовать вашим обществом ради вашей тяги к перемене мест или желания убить собственного дедушку.

Маркиз хихикнул:

— Нет-нет, поверьте, я вовсе не такой неблагодарный гость. Тем не менее, овладев необходимыми навыками, я мог бы увидеть все, что пожелаю, и всякий раз возвращаться в тот же момент, верно?

— Давайте поговорим об этом позднее.

Маркиз улыбнулся и отпил абсента.

— Хорошо. Итак, ваша жертва временно получила невидимость?

— Да, пока глупейшим образом не выдала свое местонахождение: Рэд поставил сам на себя в Бюро где-то около В-12. Наверное, он не знает, что недавно учет ставок был централизован. Не исключено, впрочем, что это какая-то ловушка.

— Что вы намерены делать?

— Отвечать на вызов, естественно. Даже если придется пожертвовать следующим убийцей. Пока я могу это себе позволить, чтобы выяснить, допустил ли он оплошность или у него что-то на уме.

— Кого именно вы думаете выставить?

— Мне кажется, это должен быть сильный человек. Возможно, пустим Макса, киборга-танка из В-24. Или даже Тимбин Тина... хотя его я предпочел бы приберечь на крайний случай. Но сейчас ударить нужно сильно. Наверное, пойдет Арчи. Да.

— Я хотел бы...

— Что?

— Хорошо бы отправиться к этому месту и своими глазами увидеть событие. Неужели у вас нет желания лично присутствовать, когда будет покончено с вашим старым врагом?

— Я получу полный рапорт с фотографиями.

— И тем не менее...

— Да, да, понимаю вас. Само собой, я об этом уже думал. Но нет способа заранее сказать, кто будет убит. Случаются и рикошеты. Я просто подожду, пока со-

бытие произойдет, а затем отправлюсь назад и наслажусь зрелищем. Однако сначала я должен быть уверен, что это уже произошло. Откровенно говоря, я намерен при этом присутствовать много, очень много раз — только потом, потом...

— Я, признаться, несколько запутался. Но буду счастлив сопровождать вас в первой поездке.

— Мы что-нибудь организуем — позднее.

— Позднее может быть слишком поздно!

— Слишком поздно не бывает. Сейчас нам нужно еще завершить партию в шахматы, а затем я хотел бы, чтобы вы взглянули на мои новые рукописи.

Маркиз вздохнул. Чедвик усмехнулся и закурил оранжевую трубку. Черепаха, с украшенным золотом и драгоценными камнями панцирем, медленно поползла рядом с креслом. Чедвик протянул руку и погладил ее по голове.

— Все мое время и время для всего... — сказал он.

Глава 1

Рэд велел принести к нему в номер еды — как можно больше: подносы жареной говядины, целиком приготовленных цыплят и поросят. Он поглощал мясо, сидя и слегка покачиваясь, временами поднимался и начинал ходить по комнате. Останавливался у забранного решеткой окна, глубоко вдыхал.

Еще не взошедшая луна подсвечивала горизонт на востоке.

Рэд вытер рот тыльной стороной ладони, и в горле его зародился странный звук. Он прижал ладони к глазам и не отнимал с полминуты. Потом долго смотрел на свои руки. Свет, казалось, становился ярче, но он знал, что это не так. Он сорвал с себя остатки одежды и принялся доедать мясо, останавливаясь лишь для того, чтобы стереть со лба пот.

Свет мерцал. Реальность, казалось, то теряла, то приобретала четкость в разноцветных вспышках. Душила жара...

Он почувствовал, что перемена началась, — упал на кровать и лежал неподвижно. Послышался какой-то звук, словно ветер пролетел над пшеничным полем, и все вокруг закружилось.

Глава 2

Он проскользнул к подножию башни — темной, темнее, чем сама лунная ночь, и безмолвной.

Несколько долгих секунд он смотрел вверх, потом прикоснулся к стене. Сжал кулаки, напрягся, тряхнул руками. Выдвинулись когти.

Едва скребя о камень металлом когтей, он начал взбираться по стене, тень среди теней. Дыхание его оставалось ровным, темное лицо не выражало ничего.

Автомашина, на которой он приехал, стояла внизу на стоянке. Спешить было совершенно некуда. До рассвета далеко. Водитель подождет.

Он обходил окна, хотя свет в большинстве из них был уже погашен. Добравшись до первого балкона, прислушался. Тихо. Он приподнял голову и осмотрелся. Пусто. Тогда он обошел балкон слева и продолжил подъем. Легкий ветерок нежил его тело. Испуганная пичуга чирикнула один раз и покинула свое гнездо, исчезнув в темноте.

Поднимаясь все выше, он несколько замедлил подъем, достигнув третьего этажа, где повторил осторожный осмотр. Он заранее изучил схему башни, знал расположение комнаты, знал также, что окна забраны решеткой. Быстрее и легче было выбить ударом ноги дверь, ворваться неожиданно...

Он остановился, прислушиваясь, под третьим балконом, затем подтянулся и влез на перила ограждения. В тот же момент какой-то человек вышел на бал-

кон с лестничной площадки справа от него, затянулся один раз только что закуренной сигаретой, бросил ее и раздавил ногой. Ерунда — один прыжок, одно движение руками, и все будет кончено...

— Арчи, — раздался тихий голос. — Добрый вечер, Арчи.

Усилием воли он сдержался, мягко оперся правой рукой о поручень.

— Кажется, я не имею чести вас знать, — ответил он хрипло.

— Это так, мы никогда не встречались. Но я видел вашу фотографию вместе с изображениями остальных занятых в деле. Думаю, вы могли видеть и мой снимок.

Вспыхнула спичка, Арчи всмотрелся.

— Лицо знакомо, — признал он, — а имя не припомню.

— Меня зовут Тимьин Тин.

— Ладно. Как я понимаю, у нас одна и та же цель. Ты можешь теперь идти обратно. Мне не нужна твоя помощь.

— Мы здесь не с одной и той же целью.

— Не понял.

— Я смотрю на это дело, как на свое личное. Ваше присутствие, хотя и обусловленное понятными причинами, оскорбляет меня. Следовательно, я вынужден просить вас удалиться.

Арчи скривил гримасу.

— Глупо спорить, кто его убьет.

— Я рад, что вы так думаете. Желаю вам спокойной ночи в таком случае, а я немедленно займусь делом.

— Я не это имел в виду.

— Что же тогда?

— У меня есть приказ. Я даже был подвергнут психообработке, чтобы ненавидеть этого человека. Задание должен выполнить я. А ты ступай своей дорогой.

— Увы, не могу. Для меня это дело чести.

Арчи слегка пошевелился. Тимьин Тин принял вправо.

— Значит, ты не уйдешь?

— Нет. Вы тоже не уступите?

— Нет.

Арчи размял пальцы, выпустил когти.

— Тогда пеняй на себя... — И он прыгнул.

Тимьин Тин сдвинулся в сторону, согнул ноги в коленях, выставил руки с растопыренными пальцами ладонями вперед на уровне плеч. Арчи отпрянул — левая рука вытянута, правая описывает дугу, вес тела перенесен на левую ногу, правая согнута. Тимьин Тин повернулся боком — правая рука отведена к левому плечу, левая защищает грудь, пальцы собраны в новую конфигурацию.

Арчи сделал обманный финт ногой, два раза ударил правой рукой, словно клинком, мгновенно принял защитную стойку со скрещенными руками. Тимьин Тин отпрыгнул назад — руки параллельно вытянуты вперед, кисти вращаются.

Удары Арчи не достигли цели. Теперь тот принял новую стойку — голова откинута назад, руки подняты, правая нога выдвинута вперед. Тимьин Тин сложил руки наподобие корзинки перед собой и, слегка повернувшись, наклонился вперед.

— Едва не достал меня, — сказал Арчи.

Маленький человек улыбнулся, его пальцы сложились в другую сложную фигуру, плечи резко опустились на два с четвертью дюйма. Арчи поспешно изменил положение левой руки и подтянул левую ногу

Тимьин Тин веерообразно провел правой рукой перед лицом, опуская левую. Арчи сделал сальто назад и прыгнул вперед, ударив ногой. Тимьин Тин парировал удар движением левой руки; Арчи покатился в сторону колесом и продолжал катиться, пока не оказался на безопасном расстоянии, где стремительно перешел в оборонительную позицию на корточках, из которой поднялся, быстро двигая руками. Он сместился влево, с молниеносной скоростью меняя стойки и позы. Тимьин Тин тенью следовал за Арчи, его руки двигались словно бы и медленней, но каким-то образом всегда успевали занять нужное положение.

Наконец Арчи остановился и замер. Маленький человек тоже остановился, глядя на Арчи, который сделал единственное движение правой рукой. Тимьин Тин повторил движение, как зеркало. Полминуты они пребывали в полной неподвижности. Потом Арчи снова двинул правой рукой; Тимьин Тин двинул левой. Они смотрели друг на друга еще полминуты. Арчи повернул голову. Тимьин Тин коснулся своего носа. На лице Арчи появилось озадаченное выражение, потом он медленно нагнулся и тронул левой рукой пол. Тин повернул свою левую ладонь вверх и двинул вперед на три дюйма. Арчи шевельнул ушами, затем спросил:

— Какой звук раздается при хлопке одной рукой?

— Звук бабочки.

Арчи выпрямился и шагнул вперед. Тимьин Тин прикрыл рукой глаза. В таком положении они оставались целую минуту.

Тимьин Тин быстро сделал два шага влево и взвился в воздух. Изогнувшись всем телом и подавшись назад, Арчи в последнюю долю мгновения удержался от принятия стойки, в которой его подбородок оказался бы на линии удара ноги противника. Вытянув вперед обе руки — когти выдвинуты на полную длину, — он крутанулся на пятке, восстанавливая равновесие. К тому времени Тимьин Тин сделал еще два шажка влево.

На лбу Арчи блестела испарина, когда он, нагнувшись вперед, начал кружить вокруг маленького человечка, согнув пальцы и слегка шевеля когтями. Тимьин Тин медленно поворачивался вслед за ним, его правая рука, казалось, безвольно держалась на уровне плеча. Он медленно и глубоко поклонился, едва Арчи собрался уже прыгать. Арчи удержал себя и остановился.

— Это и в самом деле большое удовольствие, — сказал он.

— Для меня тоже, — ответил Тимьин Тин.

—словно белые цветы падают на мой саван. Твои руки так бледны.

— Покинуть мир весной и с цветами почета — что за благостный покой души.

Тимьин Тин медленно выпрямился. Арчи начал описывать левой рукой восьмерку, постепенно выдвигая ее вперед. Правая рука его согнулась. Тимьин Тин вдруг сделал два шага влево. Арчи было двинулся вокруг него по часовой стрелке, потом быстро повторил движение, когда Тимьин Тин начал поворачиваться. Он хотел ударить левой ногой, но передумал, переместил вес, сделал обманный выпад правой. Прохладный ветерок коснулся обоих.

Тимьин Тин вытянул руки ладонями вниз, медленно повел головой. Потом его плечи начали двигаться. Руки принимали одно положение за другим, поднимаясь, выдвигаясь, имитируя удары. Тимьин Тин наклонился вправо, потом влево, правая рука продолжала опускаться чрезвычайно медленно. Он снова наклонился влево...

— Какого цвета гром? — спросил его Арчи.

...Затем вправо, все еще опуская руку.

Арчи нанес еще один обманный удар ступней, потом сделал выпад — когти выпущены на полную длину, руки описывают широкие полуокружности одна над другой.

Голова Тимьин Тина ушла в сторону и назад, за плечо, левая рука будто бы слегка коснулась левого предплечья Арчи в области подмышки, правая рука устремилась к промежности соперника. Он почувствовал мгновенное соприкосновение тел и сместил баланс влево. Арчи перелетел через поручень и исчез в ночи.

— Смотри, — ответил ему Тимьин Тин.

Он постоял неподвижно — недолго, пока сердце не ударило два-три раза, всматриваясь и вслушиваясь в ночь. Затем поклонился. Из наружного кармана на шве правой штанины извлек трубочку толщиной в карандаш, взвесил ее на ладони и направил конец в небо. Он нажал штырек на боку трубочки, и тончайший красный луч ушел в темноту. Слегка повернув кисть, Тимьин Тин направил луч на поручень. Луч прорезал тонкую линию сквозь восемь дюймов каменной ограды. Проведя большим пальцем по канавке в волос тол-

щиной, маленький человечек первый раз посмотрел вниз, на землю, и, убрав трубочку в карман, бесшумно выскользнул на лестничную площадку.

Когда он взглянул наверх, на лестничный пролет, его зрение на миг помутилось и перед глазами встала иная картина: холодный каменный коридор в древнем здании, когда-то ему хорошо знакомом.

Тимьин Тин медленно поднимался по ступеням, держась ближе к стене по левую руку, миновал одну дверь, двинулся ко второй. Достигнув нужной двери, он остановился. В щель под дверью пробивался слабый свет. Он сжал в руке трубочку-лазер, продолжая прислушиваться. Внутри что-то тихо шелестело, раздавалось едва слышно поскрипывание.

Он поднял оружие и направил его на то место, рядом с косяком, где должен был находиться засов. Потом снова замер, попробовал толкнуть дверь. Дверь была не заперта.

Тимьин Тин шагнул в сторону, поднял оружие и распахнул дверь.

Трубка лазера выпала из его пальцев. Маленький человечек рухнул на колени, коснувшись пола лбом.

— Я не знал, — прошептал он.

Глава 1

Когда Рэд платил по счету за комнаты и повреждение имущества в своем номере, к нему подошел маклер тотализатора: невысокий мужчина в тюрбане, источающий экзотические ароматы.

— Поздравляю, мистер Доракин, — сказал он. — О, вы превосходно выглядите сегодня.

— Такое со мной случается, — кивнул Рэд, поворачиваясь. — Но вряд ли это заслуживает особого поздравления.

— Я имел в виду, поздравляю вас с выигрышем.

— Вот как? Я на что-то ставил?

— Да. Вы поставили на себя в следующем раунде черной десятки «Чедвик против Доракина». Разве не помните?

— Любопытно. — Рэд принялся массировать переносицу — Гм-м... а-а, теперь припоминаю. Вы меня извините, я немного... Глупо с моей стороны. Погодите, если я выиграл, значит, была неудавшаяся попытка покушения? Прошлой ночью?

— Очевидно. Мы получили сообщение, что вы одержали победу. Хотите получить наличными или позвольте перечислить сумму на ваш счет?

— На счет, пожалуйста. Какие-нибудь подробности вам сообщали?

— Никаких. — Мужчина в тюрбане извлек бланк. — Если вы потрудитесь расписаться вот здесь, я выдам вам квитанцию, и ваш выигрыш будет помещен в банк.

Рэд нацарапал свое имя.

— А в округе ничего необычного не замечали, что могло бы иметь отношение ко мне?

— Если не считать ущерба мебели в вашей комнате...

Рэд молча покачал головой.

— Будете ставить на пятый раунд?

— Пятый? Я прошел всего три, считая последнюю ночь.

— У нас зарегистрированы четыре.

— Боюсь, что это какая-то ошибка, поэтому не стану усугублять путаницу и ставить еще раз.

Маклер пожал плечами.

— Как хотите.

Рэд поднял рюкзак и отвернулся. К нему подошел Мондамей, держа в руке Цветы.

— Да, это действительно большая глупость, — заявила Цветы, когда они все вместе пошли к дверям. — Самому делать на себя ставки!

— Я уже признал свою ошибку. Не забывай, что Рэд-вчерашний был озабочен серьезной проблемой.

— Тогда в наследство тебе досталась ее солидная часть. У Чедвика было предостаточно времени, чтобы выйти точно на тебя. Ты уверен, что мы доберемся до машины?

Мондамей соединил контуры Цветов со своими блоками.

— *Он действительно изменился. Но что он имел в виду, когда сказал, что сегодня он уже не тот, что вчера?*

— *Я с ним не так давно, чтобы собрать необходимый материал и понять природу этого феномена, — пришел ответ. — Однако при мне такие приступы случались с ним уже три раза, и после каждого он просыпался помолодевшим на несколько лет и вел себя, словно действительно был другим человеком.*

— *Я заметил, что он помолодел, когда увидел его в В-11, но я не знал, в какой момент его собственной жизни встретился с ним. Раньше, когда Рэд приезжал ко мне, он был старше.*

— Намного?

— На вид ему было лет пятьдесят. Думаю, он получает какое-то омолаживающее лечение в верхних участках Дороги.

— У меня нет достаточной информации, чтобы судить, могут ли омолаживающие процедуры давать побочный эффект в виде таких приступов, как у него, — вроде маниакального психоза с изменением личности.

— Я думаю, что оставаться здесь так же опасно, как и попытаться уехать, — ответил Рэд.

— Расскажи мне подробнее об этих изменениях, — попросил Мондамей. — Что это — временная иррациональность поведения? Он действительно показался мне изменившимся. Но я недостаточно долго за ним наблюдаю, чтобы делать выводы.

— Признаки каждый раз одни и те же, — ответила Цветы. — На вид он становится моложе, появляется еще больше энтузиазма... Становится менее консервативен, больше рискует, ускоряется реакция — умственная и физическая, — пожалуй, появляется некая напористость, самоуверенность. Опрометчивость — вот подходящее слово.

— Значит, он может совершить что-то опрометчивое?

— Полагаю, да.

— Я пойду к машине первым, Рэд! — решительно заявил Мондамей, продвигаясь к двери наружу.

— В этом нет необходимости.

— Все равно...

— Ладно.

— Куда мы поедем? — поинтересовалась Цветы, когда они вышли из холла на солнечное утро.

— Вверх по Дороге.

— Совершить нападение на Чедвика?

— Вероятно.

— В В-27? Солидный перегон.

— Да.

По пути к машине им никто не встретился.

— Я проверю все системы, — сказала Цветы, когда они уселись в кабину и книгу поместили в соответствующее отделение под панелью. — Пока не заводи.

— Давай.

— Рэд, сегодня ты действительно отлично выглядишь, — заметил Мондамей, — но как ты себя чувствуешь? Я краем уха уловил твою фразу: мол, ты плохо помнишь то, что случилось вчера. Может, нам стоило бы найти подходящее место вне Дороги, чтобы ты смог отдохнуть?

— Отдохнуть? Дьявол, ни в коем случае! Я чувствую себя превосходно.

— Я имею в виду, отдохнуть умственно, эмоционально. Если память тебя подводит...

— Неважно, неважно. Не беспокойся понапрасну. У меня всегда немного мутится в голове после этих приступов.

— Что за приступы?

— Не могу вспомнить.

— Отчего они бывают?

Рэд пожал плечами:

— Кто бы знал.

— Может, они происходят в какое-то особое время? Нет ли здесь закономерности?

— Ничего подобного я не замечал.

— Ты консультировался по этому поводу с врачом?

— Нет.

— Почему?

— Не хочу лечиться. После каждого приступа мне становится лучше. Я вспоминаю вещи, которых не помнил раньше. Появляется какое-то новое восприятие, и это очень здорово...

— Погоди-ка. Я вроде понял, что после приступа память у тебя *ухудшается*?

— Ближайшая — да. Но на том конце все становится яснее.

— Системы в порядке, — объявила Цветы.

— Хорошо.

Рэд завел двигатель и направил пикап к въезду на Дорогу.

— Ты запутал меня еще больше, — признался Мондамей.

Они миновали некую личность в рваном плаще крестоносца и у самого поворота на шоссе разминулись со старым автомобилем, который вел какой-то юноша. Автомобиль сразу занял их место на стоянке.

— Что значит «на том конце»? Что ты помнишь? Помнишь ли ты вообще, что с тобой происходит?

Рэд вздохнул. Он отыскал сигару и откусил кончик, но зажигать не стал.

— Ладно. Помню, что я был стариком, — начал он, — очень старым... и шел по каменистой пустынной местности. Светало, поднимался туман. Ноги у меня кровоточили. В руке я держал посох и все время на него опирался. — Он передвинул сигару из одного угла рта в другой и посмотрел в окно. — Вот и все.

— Все? Как «все»? — вмешалась в разговор Цветы. — Ты хочешь сказать, что растешь... то-есть вырост... в обратном направлении, от старости к молодости?

— Да, именно это я и сказал, — раздраженно подтвердил Рэд.

— Осторожно, поворот... Значит, ты ничего не помнишь, кроме того, что был стариком и шел через пустыню? Или... Что ты вспомнил еще на этот раз?

— Ничего связного. Какие-то безумные сны, странные силуэты, шевелящиеся в тумане, страх, и так далее... И я продолжал идти.

— Ты знал, куда идешь?

— Нет.

— Ты был один?

— Сначала.

— Сначала?

— Где-то по дороге я нашел спутника. Не могу до сих пор вспомнить, где и как, но со мной была старая женщина. Мы помогали друг другу. Ее звали Лейла.

— В прошлом, в одно из посещений моей долины, тебя сопровождала некая Лейла. Но она была совсем не старая...

— Все равно. Наши пути расходились и пересекались много раз, ее положение аналогично моему, в смысле обратного хода возраста.

— Она не участвовала в твоих совместных операциях с Чедвиком?

— Нет, хотя она была в курсе.

— Кто-нибудь из вас имеет понятие, к чему ведет ваша странная жизнь в обратную сторону?

— Лейла, кажется, считает, что это лишь фаза более широкого цикла существования.

— А как считаешь ты?

— Понятия не имею. Возможно.

— А Чедвик все это знает?

— Да.

— Может быть так, что ему об этом известно больше, чем тебе?

Рэд покачал головой:

— Как тут определить? По-моему, все возможно.

— Отчего он так на тебя напустился?

— Когда мы расторгли деловые отношения, он очень горевал, потому что я испортил ему отлично налаженное дело.

— А ты действительно испортил?

— Думаю, да. Но он сам виноват — изменил образ операций, и мне стало скучно. Я бросил все, запутал дела и убежал.

— Но он по-прежнему богатый человек?

— Очень богатый.

— Тогда я подозреваю, что здесь кроется другой мотив, не только финансовый. Возможно, зависть к твоему благополучию.

— Возможно. Впрочем, нам это ничего не дает. Меня больше интересует его цель, а не мотивы.

— Я просто пытаюсь понять врага, Рэд.

— Знаю. Но больше мне добавить нечего.

Он проехал сквозь туннель и повернул к въезду на Дорогу. Тень, упавшая на машину, не покинула ее, когда она выехала на солнце.

— В твоей комнате все было вверх дном сегодня утром, — заметил Мондамей.

— Да. Так всегда бывает.

— А что это за знак, напоминающий китайский иероглиф, выжженный на двери? Он тоже всегда появляется?

— Нет. Это был... всего лишь китайский иероглиф. Он означает «желаю удачи».

— Как ты объяснишь его появление?

— Никак. Не знаю. Очень странно.

Мондамей тонко засвистел.

— Помню, ты однажды оставил мне какие-то книжки... с картинками, тебе пришлось еще объяснять их мне.

— Боюсь, что...

— Карикатуры с подписями.

Рэд снова зажег сигару.

— Не смешно, — сказал он.

Странная тень прикипела к кузову грузовика. Мондамей снова засвистел. Цветы начала петь.

Глава 2

Рэнди наблюдал, как замедляется пульсация бледного неба: каждый цикл становился все продолжительнее, пока наконец над ними не появилось серое небо дождливого утра. Они въехали на площадку обслуживания. С золотых и красных кленовых листьев падали капли, крыши домов покрыла изморозь.

Машина остановилась у топливного насоса.

— С ума сойти, — сказал Рэнди. — Ведь сейчас лето, а не осень.

— Здесь — осень, и если ты вдруг поедешь по ближайшему въезду, а потом двинешься на юг, то попадешь под огонь армии Конфедерации — или республиканцев, смотря где остановишься.

— Не шутишь?

— Нет

— Да, наверное. К сожалению, я начинаю тебе верить. Но что тогда мешает людям генерала Ли сделать обход по обочине этой Дороги и захватить Вашингтон времен, скажем, Кулиджа или Эйзенхауэра?

— А ты когда-нибудь что-нибудь слышал о Дороге?

— Нет

— Вот Только малое число людей и машин могут найти ее и воспользоваться ей. Я не знаю почему. Дорога — как бы живой организм.

— А если бы я не принадлежал к числу пригодных для путешествия?

— Возможно, мне все равно удалось бы вывести тебя на Дорогу. Очень много зависит от проводника.

— Значит, до сих пор не ясно, смогу ли я путешествовать самостоятельно?

— Да.

— Хорошо. Теперь предположим, один из офицеров Ли узнал о Дороге и научился перемещаться по ней. Что тогда?

— Те, кто знают секрет, не спешат поделиться им с остальными, как ты сам скоро увидишь. Но представим, что такой человек действительно проник на Дорогу. Представим, что ты все-таки воспользовался тем съездом, как я тебе предлагала, и задавил Джексона.

— Ну представим, и что?

— И после этого ты развернулся и приехал в начальную точку. Окажется, что на Дороге образовалось разветвление, «вилка», которой не было раньше. Теперь ты можешь двигаться либо по тому маршруту, где это событие имело место, либо по тому, где оно не произошло. Первый путь окажется весьма ухабистой дорогой, и, если по нему не часто будут ездить, он постепенно совершенно исчезнет. И наоборот — если только по нему и будут ездить, тогда тот, основной, практически перестанет существовать. Это крайне маловероятно, но произойди такое, и тебе станет все труднее ориентироваться. На таких боковых Дорогах легко затеряться и вообще не найти пути назад.

— Тем не менее следы старых маршрутов все равно остаются, хотя и стершиеся, почти невидимые из-за редкого использования?

— Теоретически да, они остаются — заросшие придорожной травой, пересеченные реками, заваленные оползнями. Попробуй, однако, их найди.

— А не легче ли заново открыть их, исправив первоначальное вмешательство каким-то новым воздействием?

— Попробуй. Вернись на старое место, которое уже выглядит совершенно незнакомым и отдели старое от нового. Обратного изменения основного события уже может быть недостаточно. И само новое из-

менение может иметь неожиданные побочные эффекты, это зависит от твоего подхода. Скорее всего, ты просто создашь новый маршрут, хотя он очень будет похож на первоначальный и, вероятно, тебя удовлетворит

— Погоди, дай мне переварить все это. Позже я еще раз спрошу тебя. Кстати, почему мы здесь остановились? Бензина у нас пока хватает.

— Потому что это заправочная на самообслуживании. Если ты раскроешь меня на 78-й странице и положишь текстом вниз — вон в тот ящик возле шоссе, я смогу послужить в качестве кредитной карточки, переводя деньги со счета моего прошлого хозяина. Действует ли еще его счет — это я узнаю, когда ты уложишь меня в ящик. Возможно, мне удастся определить, где он заправлялся в последний раз, и мы направимся туда.

— Хорошо, — сказал Рэнди, поднимая Листья с сиденья и открывая дверцу. — А скажи, пожалуйста, на чье имя открыт этот счет?

— На имя Доракина.

— Гм-м... что это за имя?

— Не знаю.

Рэнди обошел машину, положил книгу в указанный ящичек. Внутри загорелся свет.

— Можешь заливать бак, — донесся приглушенный голос Листьев. — Счет по-прежнему действует.

— Получается, что мы вроде как воруем?

— Проклятие, если он действительно твой родитель, то по крайней мере бензина-то может для тебя купить!

Рэнди снял крышку с горловины бака, вставил в отверстие носик шланга и опустил рычаг.

— Последний раз он заправлялся на стоянке в раннем В-16, — сказала Листья. — Туда мы сейчас и направимся, спросим людей.

— Кто присматривает за всеми этими станциями и стоянками?

— Это странный люд: изгнанники, беглецы — все, кто не может или не хочет вернуться в родное

время или приспособиться к новой эпохе. А также пресыщенные бродяги — они побывали везде и теперь предпочитают вот такие тихие местечки вне времени и места.

Рэнди хмыкнул:

— Может, где-то поблизости пишет очередную книгу Амброс Бирс?

— Собственно...

Счетчик щелкнул, Рэнди извлек наконечник кра-на и завинтил крышку.

— Ты сказала В-16. Как я понял, это шестнадцатый век?

— Да. Большинство тех, кто выезжают по Дороге за пределы своего сектора, вскоре осваивают своего рода торговый жаргон — дорожное линго, искусственный, известный повсюду язык.

Рэнди поднял крышечку ящичка, вытащил книгу

— Ты не поучила бы меня, пока мы будем ехать? — попросил он. — Я всегда интересовался языками, а этот, похоже, может пригодиться.

— С удовольствием.

Они сели в машину.

— Листья, — сказал Рэнди, усаживаясь за руль, — у тебя ведь есть какие-нибудь оптические сканнеры?

— Да.

— Между последней страницей и обложкой лежит фотография. Ты видишь ее?

— Нет, она повернута в другую сторону. Положи ее в любое другое место. Лучше всего на страницу семьдесят восемь...

Рэнди вытащил снимок, сунул в середину книги, плотно прижал страницы. Прошло несколько секунд.

— Ну как?

— Я рассмотрела снимок.

— Это он? Доракин?

— Да... скорее всего. Если и не он, то кто-то очень на него похожий.

— Тогда отправимся в путь и найдем его.

Рэнди завел мотор.

— А чем занимался Доракин?

Последовала долгая пауза, потом Листья сказала:

— Я не совсем уверена, но довольно долго он перевозил разные грузы. И зарабатывал приличные деньги. Большую часть этого времени он был партнером одного человека по имени Чедвик, который впоследствии переместил операции в верхние секторы Дороги. Этот Чедвик стал чрезвычайно влиятельной фигурой, очевидно, в результате своих операций, и партнерство распалось. Это произошло примерно в то самое время, когда он... забыл меня, неожиданно уехал. В общем, определенно можно сказать лишь то, что он занимался перевозками.

Рэнди кивнул.

— Но я часто задумывалась... — продолжила Листья.

— О чем?

— Не относится ли он к той категории людей, которые не могут найти Дорогу домой. Он все время, как мне казалось, что-то искал. И я не знала точно, откуда он родом. Он очень много времени проводил на боковых ответвлениях. Затем я поняла, что он действительно пытается... изменить ход событий в том или ином месте. Вот только воспоминания о прежнем ходе событий у него сохранились какие-то неполные, словно произошло это очень и очень давно... Да, он много поездил.

— Ну, уж в Кливленд он точно заглянул. По крайней мере, недолго... Что это был за человек?

— Трудно сказать. Неугомонный — если попробовать выразиться одним словом.

— Я хотел спросить... какой по натуре? Честный или наоборот? Славный парень или так, ничего стоящего?

— В разные времена бывало по-разному. Его характер вдруг иногда изменялся. Хотя позже, уже в самом конце, он явно стремился свернуть себе шею.

Рэнди покачал головой:

— Наверное, мне придется подождать, пока мы не найдем его самого. Как насчет урока языка?

— Отлично. Начнем.

Глава 1

Рэд вдруг повернул вправо, не снижая скорости.

— Ты что делаешь? — спросила Цветы.

— Двенадцать часов за рулем — слишком много. Мне нужно поспать.

— Откинь спинку, а я буду вести.

Рэд покачал головой:

— Хочь вылезть из кабины и немного отдохнуть по-настоящему.

— Тогда регистрируйся, пожалуйста, под липовым именем.

— Регистрироваться здесь негде, никаких гостиниц нет. Мы разобьем лагерь. Вокруг все спокойно.

— Мутанты, радиация, ловушки?

— Ни того, ни другого, ни третьего. Я здесь уже бывал, все чисто.

Он притормозил, нашел поворот, выведивший на узкую неровную дорогу. Небо пропульсировало до фазы розово-багряной вечерней зари.

В отдалении виднелись озаренные лучами заходящего солнца руины города. Рэд снова повернул.

— «Беги же от земной болезнетворной гнили...» — отметила Цветы. — Ты намерен расположиться на ночлег в музее смерти?

— Вовсе нет.

Теперь они ехали по проселочной дороге. Дорога некоторое время петляла по склону горы, потом скри-

пучим мостом пересекала узкое ущелье, огибала обрыв и выводила на равнину, опять в виду руин города.

Рэд вывел пикап в поле, там и сям усеянное кратерами и ржавеющими останками наземных и воздушных машин. Он затормозил на обширном свободном участке. Необычных очертаний тень, что лежала теперь на крыше грузовичка, начала принимать форму некой рептилии, темнеть и густеть.

— Измени внешний вид автомобиля, чтобы он не выделялся на фоне всех остальных обломков, — сказал Рэд.

— Временами все же у тебя возникают трезвые мысли, — заметила Цветы. — Мне понадобится пять или шесть минут. Не выключай мотор.

Когда начались изменения, тень сократилась в размерах, превратилась в круг, соскользнула с крыши пикапа и быстро метнулась к разбившемуся неподалеку самолету.

Рэд и Мондамей огораживали территорию лагеря. Воздух, встревоженный их деятельностью, был сух, в нем уже ощущалось предвестие надвигающейся прохладной ночи. На востоке собирались кучи облаков. Где-то жужжало насекомое.

Тем временем кузов грузовичка стал ржаветь, появились вмятины и пробоины. Ржавого цвета пятна поползли по голубой краске. Машина накренилась на один бок.

Рэд вернулся к пикапу и вытащил пакет с едой и спальный мешок. Мотор стих.

— Готово, — доложила Цветы. — Ну как, нравится?

— Отлично. Безнадежная развалина, — ответил Рэд, растягиваясь на разложенном спальном мешке и открывая пищевой контейнер. — Благодарю.

Подошел Мондамей, сказал тихо:

— Я не обнаружил ничего, что представляло бы непосредственную опасность в радиусе десяти километров.

— Что значит «непосредственную»?

— Вокруг нас большое число неразорвавшихся бомб и неиспользованного боеприпаса — оружие разрушенных машин.

— Непосредственно у нас под ногами ничего нет?

— Нет.

— Радиация? Отравляющие газы? Бактерии?

— Отсутствуют.

— Тогда ситуация признается удовлетворительной. — Рэд начал опустошать контейнер.

— Ты говорил, что долго пытался изменить события во многих местах, — произнес Мондамей. — В соответствии со своими воспоминаниями?

— Да.

— Исходя из того, что ты рассказывал о природе твоей памяти, уверен ли ты, что узнаешь верную ситуацию, даже если случайно наткнешься на нее?

— Совершенно уверен. Я теперь помню еще больше.

— И если обнаружишь искомую дорогу, то вернешься по ней домой?

— Да.

— Что это за место?

— Не могу тебе сказать.

— Как же ты его тогда опознаешь?

— Если увижу, узнаю...

— Узнаешь? Тебя трудно понять.

— До конца я и сам себя не понимаю, но постепенно все становится яснее.

Небо успело потемнеть, выставляя напоказ свое звездное богатство. На востоке всплыл осколок луны. Стояла кромешная тьма, не считая сигары Рэда. Он потягивал греческое вино из глиняной амфоры. Поднялся прохладный ветер. Цветы что-то наигрывала едва слышно — кажется, Дебюсси.

Тень, чернее ночной черноты, проскользнула к вытянутой ноге Рэда.

— Белквинит, — тихо промолвил он — и ветер будто затих, а какая-то примесь в сигаре заставила огонек зашипеть и вспыхнуть на мгновение.

— Ну его к дьяволу, — сказал Рэд через минуту.

— Что именно? — спросил Мондамей. — Что к дьяволу?

— Чедвика.

— Я считал, что мы уже все обсудили. Ни один из альтернативных вариантов не показался тебе достаточно привлекательным.

— Игра не стоит свеч. Не стоит свеч этот толстый болван. Он даже драться не станет сам.

— Болван? Ты ведь сказал, что он очень умный.

— Умный! — фыркнул Рэд. — Пока дело касается черной десятки, он достаточно умный. Ну и что из этого?

— Что же ты намерен делать?

— Найду его и выясню некоторые вещи. Кажется, он знает обо мне больше, чем я думал. И он мне расскажет, что ему известно и чего не знаю я сам.

— Это твои новые воспоминания?

— Да. И, возможно, ты прав. Я...

— Здесь что-то есть.

Рэд вскочил на ноги.

— Близко?

Тень метнулась за грузовик.

— Нет. Но оно движется в нашу сторону.

— Животное, растение, минерал?

— Машина. Приближается осторожно... Скорее в грузовик!

Заворчал мотор, Рэд плюхнулся на сиденье. Дверцы хлопнули, началась обратная трансформация.

Цветы вслух повторила переданные ей слова Мондамея:

— Какая великолепная машина-убийца! Хотя во многих отношениях ее портит органический прида-ток. Тем не менее весьма искусная конструкция!

— Мондамей! — крикнул Рэд, когда грузовичок вздрогнул. — Ты обо мне не забыл?

— Конечно, Рэд. В такой момент я не мог бы о тебе забыть... Ого, однако и скорость же у нее!

Грузовик скрипел и дергался. Мотор два раза закашлялся. Дверца открылась и захлопнулась.

— Что это за штука?

— Большая машина, вроде танка, с потрясающим набором оружия, и управляется отделенным от тела человеческим мозгом — похоже, немного спятившим. Не знаю, прятался ли этот агрегат где-то здесь или его привезли специально, чтобы ждать твоего прибытия. Тебе подобные создания знакомы?

— Кажется, в верхних секторах приходилось слышать о таких устройствах. Не уверен, впрочем, где именно.

На небе вдруг словно взошла мгновенная заря, и волна пламени покатила к ним.

Мондамей поднял руку — волна замерла, будто натолкнувшись на невидимую стену, побурлила с полминуты на месте и погасла.

— У него даже ядерное оружие есть, — прокомментировал Мондамей. — Неплохо устроено.

— Почему мы до сих пор живы?

— Я блокировал его.

Рука Мондамея вспыхнула на миг, и на дальнем холме расцвел огненный цветок.

— Прямо перед ним. Кратер немного задержит его. Вам бы лучше уехать, Рэд. Цветы, веди машину.

— Хорошо.

Грузовик развернулся и покотил через поле, все еще меняя форму кузова.

— Что ты задумал, черт тебя подери? — закричал Рэд.

Небо снова вспыхнуло, но маленький комочек огня был отброшен.

— Я должен как следует прикрыть ваш отход, — донесся голос Мондамея, — прежде чем смогу заняться непосредственно нашим гостем. Цветы ответит машину обратно на Дорогу.

— Кем заняться? Как ты себе это представляешь? Ты ведь даже...

Послышался оглушительный взрыв, сопровождаемый всеми статическими помехами. Грузовик тряхнуло, но он продолжал мчаться по грязной дороге. Во все стороны летели комья засохшей грязи и поднимались тучи пыли.

— Теперь я снова функционирую полностью, — послышался голос Мондамея. — Цветы смогла разобраться в системе моих контуров, и я, по ее указаниям, отремонтировал себя.

Последовал новый взрыв. Рэд оглянулся: на том месте, где был их лагерь, поднимались тучи дыма и пыли. На мгновение его оглушило, а когда он снова стал способен слышать, то осознал, что Цветы настойчиво что-то спрашивает у него.

— ...мы едем? Куда, ты сказал, мы едем?

— Что?.. Куда-нибудь подальше отсюда.

— Точка назначения! Координаты, быстрее!

— Ох... В-27, восемнадцатый въезд, потом четвертый поворот направо, потом второй налево, потом третий налево. Большое белое здание в готическом стиле.

— Ты понял? — спросила Цветы.

— Да, — сквозь помехи донесся голос Мондамея. — Если я смогу обнаружить вход на Дорогу, то попытаюсь догнать вас, когда все кончится.

Послышался новый взрыв помех.

Пикап выехал на грунтовую дорогу, развернулся и продолжил путь.

Глава 2

Рэнди разговаривал с худощавым джентльменом-викторианцем, которого встретил в фойе. Сумка джентльмена лежала рядом на скамье возле двери. Он провел рукой по светлым редющим волосам.

— Да, совершенно точно. Три дня тому назад. Произошла перестрелка на стоянке автомобилей. Хороший же у меня получился отдых! Убийство!.. — Худощавый передернул плечами, у него снова начал дергаться уголок рта. — Мистер Доракин уехал той же ночью. Ничего не могу вам сказать относительно направления.

— Может, кто-нибудь другой знает? — спросил Рэнди.

— Возможно, хозяин — Джонсон. Кажется, они хорошо знакомы друг с другом.

Рэнди кивнул:

— Не подскажите, где я могу найти его?

Мужчина прикусил нижнюю губу и отрицательно покачал головой, глядя мимо Рэнди в сторону бара, где сногшибательная рыжеволосая красотка спорила с мощного сложения чернокожим человеком.

— Извините, сегодня, по-моему, у него выходной, понятия не имею, где он. Могу лишь посоветовать вам навести справки в регистратуре. Прошу прощения.

Он обошел Рэнди, нервно шагнул в направлении продолжающейся перебранки. Женщина сказала что-

то колкое, но со сладкой улыбкой, повернулась и покинула темнокожего собеседника, направляясь в фойе.

Джентльмен-викторианец вздохнул, вернулся на старое место рядом с Рэнди, поднял сумку. Женщина, подойдя, взяла его под руку, и они оба вышли. Проходя в дверях, худощавый коротко кивнул Рэнди на прощание.

Темнокожий мужчина, с которым спорила рыжеволосая, устался на Рэнди, когда тот зашел в бар.

— Прошу прощения, мы, кажется, где-то виделись? Ваше лицо мне очень знакомо...

Рэнди всмотрелся в лицо негра.

— Тоба... Тоба меня зовут, — добавил собеседник.

— Нет, не думаю, — медленно произнес Рэнди. — Меня зовут Рэнди Карфаген. В-20.

— Тогда это не вы, — пожал плечами Тоба. — Все равно, позвольте угостить вас пивом.

Рэнди оглядел комнату: грубо обработанное дерево и железо. Ни сверкающей меди, ни зеркал. В баре находились еще четыре человека: двое сидели за стойкой, служившей одновременно столом регистрации, а двое — за другим столом.

— Бармен вышел куда-то минуту назад. Наливайте себе пива — нравы тут свободные, я потом заплачу, когда он вернется.

— Спасибо.

Рэнди прошел к стойке, ступая по покрытому тростником полу, наполнил из бочонка кружку, вернулся к столу и сел напротив Тобы. Справа от него стоял наполовину пустой стакан, и стул был несколько сдвинут вбок.

— Сука какая... — пробормотал себе под нос Тоба. — Путешествуете по делу? — обратился он уже к Рэнди.

Рэнди положил Листья на стол, покачал головой и отпил из кружки.

— Я ищу одного парня, но его здесь уже нет.

— А у меня все наоборот, — сказал Тоба. — Я знаю, где мой человек находится, и заглянул сюда только чтобы позавтракать. А эта дрянная девица, с

которой мне приходится работать, подцепила кавалера и отправилась обозревать какие-то руины!.. И я теперь должен торчать здесь, пока она с ним не покончит — день или два, проклятье! Кто он такой, в конце концов?

— Что? Кто?

— Ваш приятель, англичанин, с которым вы разговаривали.

— А-а. Нет, я его не знаю, просто он подвернулся первым... Хотя он сказал, что зовут его Джек.

— Что ж, не повезло бедолаге.

Тоба сделал новый глоток.

— Что? — послышался возбужденный голос одного из мужчин у стойки. Говорили с французским акцентом. — Ты никогда раньше не выезжал дальше В-17? Бог мой! Ради себя самого, выберись в ранний В-20, хоть раз в жизни! Как зачем? Чтобы летать! Человек должен в своей жизни узнать свободу, которую дает небо. Но только не в больших воздушных судах, которые появятся позднее, нет! Ты поднимаешься на легком аппарате, оставляя на земле все мелочные буржуазные заботы, и в нем ты чувствуешь ветер и дождь, видишь мир внизу, облака, звезды над головой!.. Ты станешь другим человеком, поверь мне!

Рэнди повернулся к говорящему.

— Послушайте, неужели это... — начал он и услышал, как хихикнул Тоба, но тут их внимание было привлечено подошедшей женщиной.

Она вошла в бар со стороны холла, расположенного слева, напротив ресторана, — черная повязка, стягивающая черные волосы над широким лбом, большие зеленые глаза, крупный рот без следов помады. На ней были черные джинсы из толстой ткани, заправленные в высокие, эффектного вида ботинки такого же цвета, и выцветшая рубашка-хаки. Из кобуры на правом бедре высывалась рукоятка оружия, а на толстом ремне пояса слева висел охотничий нож в ножнах. Высокая, под шесть футов, полногрудая, несколько широковатая в плечах, с высоко поднятой го-

ловой, она несла большой кожаный мешок-сумку, словно невесомую безделушку.

Женщина окинула взглядом бар, потом несколькими широкими шагами достигла их стола и бросила свой мешок. Полупустой стакан рыжеволосой красавицы опрокинулся, содержимое потекло на колени Тобы.

— Черт возьми! — воскликнул Тоба, вскакивая и отряхивая штаны. — Сегодня мне явно не везет.

— Прошу прощения, — сказала женщина, улыбаясь. Потом повернулась к Рэнди. — Я тебя искала.

— Вот как?

— Посмотрю, кто у них тут распоряжается, и возьму себе номер. лягу спать! — заявил Тоба, бросая несколько монет на стол. — Приятно было познакомиться, сынок. Желаю удачи. Вот дрянь!

— Спасибо за пиво, — сказал Рэнди в спину удаляющемуся Тобе.

Женщина села на стул, на котором раньше сидела рыжеволосая, отодвинула Листья подальше от растекающейся лужи.

— Теперь ты один, отлично. Хорошо, что мы отделились от этого типа.

— Почему?

— Плохое предчувствие, и пока этого достаточно. Привет, Листья.

— Привет, Лейла.

— Ваш голос... — начал Рэнди.

— Да, у Листьев мой голос, — просто согласилась Лейла. — Я оказалась под рукой, когда Рейд приобрел этот комплекс.

— В настоящее время я требую употреблять местоимение, — медленно сказала Листья с ноткой угрозы в голосе. — Женского рода.

— Прости, старушка! — Лейла похлопала обложку. — Принято к сведению. Не обижайся. — Она с улыбкой повернулась к Рэнди. — Кстати, как тебя зовут?

— Рэнди Карфаген. Я не понимаю...

— Конечно, не понимаешь, и это не имеет ни малейшего значения. Карфаген... Я всегда любила Карфаген. Когда-нибудь я свожу тебя на экскурсию.

— Поймай ее на слове, — вставила Листья, — и месяц проваляешься в гипсе.

Лейла посильнее хлопнула по переплету.

— Ты уже завтракал?

— Я немного сбился со времени, — ответил Рэнди, — но, если завтраку подошла пора, то я готов.

— Давай перейдем в ту комнату, и я что-нибудь закажу. В дорогу лучше отправляться на полный желудок.

— В дорогу?

— Да, — сказала она, поднимаясь со стула вместе с сумкой, которую подхватила со стола.

Он последовал за ней в столовую, где Лейла выбрала стол в дальнем углу и уселась лицом к залу. Рэнди сел на стул рядом, положи Листья между ними.

— Я не понимаю... — снова начал он.

— Сейчас давай закажем, — перебила она, подзывая жестом официанта и осматривая несколько других посетителей за столиками. — Потом поедем в В-11, причем очень быстро.

— А что там, в В-11? — спросил Рэнди.

— Ты ищешь Рейда Доракина. Я тоже. Именно туда он направился, когда смылся от меня несколько дней назад. Я видела, что вторая черная птица кружит именно там.

— Откуда ты знаешь? И откуда ты знаешь меня? Какая еще птица?

— Тебя я не знаю и не знала. Я знала только, что человек с экземпляром книги «Листья травы» будет сидеть в баре после полудня и что он тоже будет искать Рейда и будет расположен к нему дружелюбно. И в указанный момент я спустилась вниз и встретила тебя, чтобы мы объединили усилия, поскольку ему понадобится помощь — очень скоро, на этом пути.

— Понятно. И все же меня несколько смущает источник вашей информации. Откуда вы знали, что я буду здесь? Откуда вы знали, что...

— Позволь, я объясню, — вмешалась в разговор Листья, — или она не закончит до вечера. Ее манера беседовать напоминает горный обвал. Слава Великому

Контуру, я не унаследовала этой привычки вместе с матрицей голоса. Понимаешь, Рэнди, Лейла обладает паранормальными способностями. Она, правда, называет их несколько по-другому, в духе Каменного века, магии и шаманов, но суть одна. Как я оцениваю точность ее предвидений, она права в семидесяти случаях из ста, может, даже еще больше. И это не совпадение — я слишком часто была свидетелем правильного предугадывания. К сожалению, Лейла считает, что такой способностью обладают все остальные люди, и ведет себя так, словно они разделяют с ней видение и автоматически должны действовать соответствующим образом. Она знала, что ты приедешь, вот и все... Надеюсь, ты получил ответы на некоторые вопросы.

— В общем, да... на некоторые, — пробормотал Рэд. — Но остаются все же белые пятна. Лейла, Листья обрисовала ситуацию правильно?

— Очень даже, — ответила она. — Я не намерена играть словами, поэтому пускай все остается, как есть. Я видела, что ты приедешь, факт.

— Но это не объясняет, кто ты и откуда, и почему тебя интересует безопасность Рэда.

— Отношения у нас были сложные, мягко говоря, но в общем мы старые друзья — особого рода. И мы во многом очень похожи. Слишком мы обязаны друг другу, я давно уже забросила попытки вести счет. Кроме того, этот сукин сын смылся, а я ведь его просила, как человека, подождать меня!

— Этого ты не предвидела?

Она покачала головой:

— Каждый может ошибиться, Листья ведь говорила. А тебе Рейд кто?

— Думаю, что он мой отец.

Лейла уставилась на Рэнди, ее лицо впервые с момента их встречи вдруг словно бы сложилось в застывшую маску. Она прикусила губу.

— Как я могла не заметить... Конечно же... Где ты родился?

— В-20, Кливленд, Огайо.

— Так вот откуда он, значит, отправился... — Она отвела взгляд. — Интересно. Я предвижу завтрак.

В комнату с подносом вошел официант.

— А чем вам не понравился этот парень, Тоба, с которым я сидел? — сказал Рэнди, когда они принялись за еду.

— Он каким-то образом связан с черными птицами, — ответила Лейла в перерыве между двумя глотками.

— Какими черными птицами? Вы уже второй раз упоминаете о них.

— Рейд стал целью черной десятки. Его потенциальных убийц я вижу в образе черных птиц.

— Черная десятка? — спросила Листья. — Что он такого натворил?

— Приобрел врага, которого лучше было бы не дразнить, наверное. Вероятно, это Чедвик.

— О!.. Если Чедвик — дело плохо.

— Ну, Рейд того же поля ягода, верно?

— Я подозревала иногда, хотя...

— Кто-то за ним охотится? — вмешался Рэнди.

— Да, — кивнула Лейла. — Некто, могущий позволить себе любые расходы. На эту игру будут делать много ставок в верхних и нижних участках Дороги. Интересно, каково соотношение? Возможно, стоило бы вложить некоторую сумму — на ту или другую сторону.

— Вы бы поставили против него?

— Сложный вопрос, и ответ зависит от конкретной ситуации. Нет, я, конечно же, намерена помочь ему, но не стоит и упускать выгодную возможность.

— Разве ваш талант не дает преимущества на тотализаторе?

— Еще бы! А я обожаю деньги. Жаль, что сейчас некогда. Теперь, раз он предупрежден, я бы поставила на Рейда.

— Вы, очевидно, говорите о моем отце.

— Я знаю его очень давно. Он бы на моем месте наверняка сделал ставку — и огреб кучу денег.

Рэнди покачал головой и опустил взгляд в тарелку.

— Странные вы люди, — произнес он, немного погодя.

— Просто немного более открытые, наверное. Слушай, да разве стала бы я убивать целых три дня, чтобы привести себя в форму — ради кого угодно? Я на его стороне, с самого начала... Официант, коробку сигар, только лучше!

— Кстати, о черной десятке, — сказал Рэнди. — Как мы вытащим его из переделки?

— Поможем пройти все десять раундов, я думаю. Потом игре конец.

— А что помешает этому вашему Чедвику продолжать попытки? Или вообще начать новую игру?

— Правила. У черной десятки очень жесткие правила. Если участник нарушает их, Комитет навсегда запретит ему участвовать в игре, что связано с потерей престижа.

— И вы думаете, это подействует?

— Черта с два! — воскликнула Листья. — Этот Комитет — порождение В-25, и совершенно беззубое. Просто толпа болтунов-садистов, которые легализовали Игру в своем веке и могут теперь наблюдать за всеми вендеттами по всей Дороге. Если Чедвик не доберется до Рэда одним способом, он найдет другой. Все разговоры насчет правил — просто чушь.

— Это так, Лейла?

— В общем, да... Хотя она забыла упомянуть, что без Комитета невозможно было бы делать ставки. Это тоже немаловажная часть Игры. Я считала, что тебе нужна исчерпывающая информация, поэтому и рассказала о правилах.

— Но вы думаете, что Чедвик попытается схитрить?

— Вероятно.

— Что же нам делать, чтобы помочь Рэду выбраться живым?

— А мы ему тоже поможем схитрить. Как именно — я еще не знаю. Сначала нужно его догнать. Дождай скорее, и отправимся в путь.

Когда Лейла ушла за своим вместительным мешком и спортивной сумкой, Рэнди спросил:

— Ты хорошо ее знаешь, Листья? Можно ей доверять?

— Я знаю, что Рэд ей доверял. Они каким-то образом очень тесно связаны. Думаю, нам тоже следует ей доверять.

— Хорошо, — сказал Рэнди, — мне, честно говоря, она понравилась. Хотя, конечно, интересно, в какую историю мы влипли?

Когда Лейла вернулась через несколько минут, на плече у нее висела сумка, в зубах была зажата сигара. Женщина улыбнулась Рэнди, кивнула и указала головой в сторону двери.

— Я в полной готовности. Держи сигару и покажи.

Рэнди кивнул, поднял со стола Листья и последовал за ней, разворачивая на ходу сигару, которую ему сунула Лейла.

Глава 1

— Цветы?

— Да, Рэд?

— Ты хорошо ведешь, молодец.

— И это все?

— Нет. А как ты догадалась?

— Ты никогда не хвалишь просто так, просто так не говоришь спасибо. Это обычно следует за чем-то или чему-то предшествует.

— Неужели? Никогда не замечал. Наверное, ты права. Ладно. Послушай, тебе не надоело в этом облике? Может, хочешь принять иное воплощение? Стать частью сложного компьютерного комплекса, например, или матрицей сознания органического существа?

— Меня посещали подобные мысли.

— Я хотел бы отблагодарить тебя... за верную службу и так далее. Поэтому прими решение и заезжай в ближайший центр обслуживания. Я оплачу все расходы, включая доставку к новому месту по твоему выбору.

— Э-э, погоди-ка! Это на тебя не похоже, ты всю жизнь был скрягой. Что случилось? Я считала, что знаю все, что знаешь ты. Что же я упустила?

— Ты подозрительна, как подюжины ревнивых жен. Я делаю тебе выгодное предложение, совершенно честно...

— Брось! Почему ты надумал от меня избавиться?

— Я...

— Я, возможно, знаю тебя получше, чем подюжины жен. Поэтому оставь эту чепуху. Говори прямо, что случилось?

— Просто я не уверен, что в ближайшем будущем мне понадобятся твои услуги. Ты была надежным и хорошим работником. Наградить тебя таким образом — мой долг.

— Создается впечатление, что ты собираешься на пенсию или умирать. Первое или второе?

— Ни то ни другое. Или и то, и другое, не знаю... Я планирую перемену в статусе и не хочу, чтобы ты пострадала от возможных последствий.

— Ты за кого меня принимаешь — за карманный калькулятор? После всей моей службы ты просто наносишь смертельное оскорбление, намекая, что у меня отсутствует любопытство. Нет, теперь уж я гарантированно не отстану от тебя, пока ты не расскажешь все.

— Гм-м...

— И если ты задумал отправить меня навстречу новой судьбе без моего согласия, не забывай, что я могу превратить эту кабину в клетку.

— Довод убедительный. Я пытался обойтись без этого, но, очевидно, придется дать тебе некоторые объяснения. Хорошо. Наверное, тебе трудно будет понять, что такое сон, не говоря уже о тех странных сновидениях, что всегда посещали меня...

— С теорией я знакома, продолжай.

— В последнее время мне постоянно снится один и тот же сон: я парю неподвижно в потоках теплого воздуха над странными и живописными пейзажами, а иногда — над морем. Кажется, я могу парить бесконечно, проникая в тайны всего, что вижу под собой. Это вызывает во мне комбинацию приятной умиротворенности и бесцеремонности и какие-то другие чувства, которым я не могу сейчас найти определение. Незаметно сменяют друг друга дни и ночи. В самом ощущении бытия я нахожу бесконечную радость, мне открывается нечто такое, что сейчас я тоже не могу выразить словами. И еще во мне дремлет сила, страшная сила, которую мне почти лень использовать. Я плыву...

— Увлекательное путешествие по внутреннему миру. Тебе повезло.

— Все это не так просто, в разных снах происходят разные вещи...

— Какие?

— Я уже говорил, что проплываю над разного рода местностью — в одних землях идет война, в других цветут большие города, или то и другое одновременно. Я вижу внизу вулканы, пустыни, корабли в морях, маленькие города и головокружительного вида мегаполисы, где не осталось и уголка нетронутой природы. Я узнаю их все: Вавилон, Афины, Карфаген, Нью-Йорк — в разные времена. И много других, еще более странных, которые я не узнаю. Я начинаю размахивать крыльями. Я поднимаюсь над Дорогой — некой игрушкой вроде масштабной линейки на картах. Это мы поместили ее туда. Забавно наблюдать за отдельными людьми, которые заметили ее и теперь карабкаются по этой нити из вероятности в вероятность. Я не знаю, но...

— Мы? Кто это «мы»?

— Драконы Белквинита — вот наилучший способ, которым я могу выразить название привычными словами. Я вспомнил...

— Значит, во сне — ты дракон?

— Таков лучший способ описать мою внешность, хотя это не совсем так.

— Интересно, пусть и непонятно. Но какое это имеет отношение к твоим настоящим проблемам и решению дать мне отставку?

— Это не просто сны. Это реальность. Я только недавно понял, что все больше и больше воспоминаний возвращается ко мне, когда жизнь моя подвергается опасности. Во мне происходит какая-то трансформация.

— Вот как? То есть ты человек, которому снится, что он дракон, а не наоборот?

— Что-то в этом роде. Или все вместе. Или ничего подобного. Я просто не знаю. Но это реальность.

— Полагаешь, драконы Белквинита... они... то есть ты... в общем, кто бы там ни был... драконы построили Дорогу?

— Не то чтобы «построили». Скорее, собрали или составили, как именной указатель в книге.

— И мы с тобой сейчас едем по абстракции или по грезе?

— Называй, как хочешь.

— Нет, Рэд, теперь я должна оставаться при тебе. Пока ты не возьмешься за ум.

— Вот поэтому-то я и не хотел тебе всего рассказывать. Я предвидел такую реакцию. Как можно убедить собеседника в существовании другой реальности, если эта реальность — только мое субъективное видение? Но я знаю, что нахожусь в ясном сознании.

— И все же я до сих пор не понимаю, почему ты хотел от меня избавиться. Выкладывай все до конца.

— Этого-то я как раз и хотел избежать...

Все сочленения пикапа громко заскрипели. Сиденье справа от Рэда выгнулось и начало складываться в его сторону. Баранка руля вспучилась, словно странный черный цветок. Когтистая лапа появилась из отделения для перчаток, потянулась к Рэду, потолок кабины надавил на макушку. Тень, притаившаяся на дне кузова, заволновалась, будто морские водоросли во время шторма.

— Я могу доставить тебя на ближайшую человеческую станцию обслуживания для тщательного психологического осмотра, если ты не убедишь меня, что не стоит так поступать...

— Этого я тоже хотел бы избежать, — вздохнул Рэд. — Ладно. Ты добилась своего, я удовлетворю твой контур любопытства.

Когтистая лапа втянулась в отделение для перчаток и снова появилась секунду спустя с зажженной сигарой, которую протянула Рэду. Руль тем временем принял овальную форму, крыша поднялась, и соседнее сиденье успокоилось.

— Благодарю. — Рэд принял сигару, затянулся. — Послушай, Цветы, ты — разумное существо, к которому я привязан. Я пытаюсь уберечь тебя.

— Я построена лучше, чем ты, если речь идет о пинках.

— Это не просто опасность. Это угроза почти верного уничтожения.

— Повторяю...

— Если ты будешь перебивать меня, то никогда не получишь нужного ответа.

— Другим способом я его тоже пока не получила.

— Не знаю, сон ли этот мир, или тот, другой мир — сон. Просто не знаю. Да и не важно. Я знаю, что я — тот, другой, который мне снится. Женщина, которая сопровождала меня когда-то, в бытность мою стариком, однажды поведала мне о видении, которое я только теперь начал понимать. Создание моего вида рождается старым морщинистым существом и должно быть отправлено на Дорогу, чтобы достигнуть там зрелости, которую оно найдет в своей молодости. Возможно, таково и есть истинное назначение Дороги, и я начинаю подозревать, что все, кто путешествуют по ней, несут в себе частицу нашей крови.

— Догадки оставим на потом, хорошо?

— Ладно. Чем дальше, тем Лейла становилась опрометчивее, и оставаться с ней рядом было все более опасно, хотя пути наши странным образом продолжали пересекаться. С ней это началось, видимо, раньше, чем со мной. Я эту проблему обнаружил в себе позднее и постарался взять стремление к самоуничтожению под контроль. Она всегда была чувствительней, чем я...

— Подожди. Лейла — это та женщина в В-16, которая устроила пожар в постели... И о ней ты упоминал, когда говорил о старости?

— Да. Ты сама убедишься, если снова встретишь ее. Сначала мы вместе искали Дорогу домой. Безуспешно. Потом однажды я решил, что мои воспоминания просто не совпадают с настоящим положением вещей вдоль Дороги. И начал вносить изменения в надежде, что найду потерянный путь, если все вернется на прежние места. Но мир — жуткая неразбериха, ра-

ботать с ним невозможно. Я понял, что не смогу изменением в одном месте, переменной в другом заставить его стать таким, как во времена моей старости. Все же иного способа я придумать не мог и потому гнул свою линию. Затем Чедвик объявил против меня черную десятку, и куски мозаики начали становиться на свои места.

— Не объяснишь ли, каким образом?

— Нет. — Рэд выпустил облачко дыма и посмотрел в окно. Мимо промчалась маленькая черная машина. Глядя, как она исчезает вдаль, он продолжал: — Когда моя жизнь оказалась под угрозой, приступы стали повторяться чаще, и сны стали ярче. Я вспомнил события прошлого. Подобное случалось со мной и прежде, каждый раз — в состоянии опасности. Там, в лагере, перед нападением, когда я дремал, меня вдруг осенило, что своей вендеттой Чедвик совершенно случайно оказал мне услугу. Потом, когда мы удирали, я подумал: «А что, если это не случайность? Допустим, он — подсознательно, конечно, — пытается мне помочь? Вполне возможно, что мы с ним одной крови, и он как-то понимает...»

— Я все больше убеждаюсь, что последний приступ затуманил твое сознание, Рэд. Ты несешь чепуху. Если только ты не умалчиваешь о чем-то.

— Знаешь, у меня есть несколько друзей, и до них уже могли дойти слухи о черной десятке. Возможно, кто-то сейчас уже попытается убрать Чедвика, чтобы спасти меня. Я хотел бы этому помешать — вот нынешняя цель нашего путешествия.

— Гм-м. Отвлекающий маневр... Если я соглашусь с этой логикой безумца, то станет понятным желание спасти человека, пытавшегося с тобой расправиться. Однако на самом деле ты лишь хочешь сбить меня с толку. Есть что-то, чего ты не говоришь, и, по-моему, я уже близка к истине. Выкладывай!

— Цветы, ты ездила со мной слишком долго. До тебя у меня было другое устройство подобного типа, и мне пришлось его покинуть — оно думало совершенно как я.

— Придется взять этот факт на заметку и покинуть тебя первой. Тем не менее...

— Собственно, тогда я решил, что у нее какая-то неисправность. Теперь-то я подозреваю, что она была более чувствительной, восприимчивой, чем...

— С таким блоком памяти, как у меня, тебе не удастся сбить меня с толку. Что ты скрываешь?

— Ничего, честное слово. Я ищу пути обратно к существованию, которое начинаю теперь вспоминать более ярко. Ты же знаешь: я всегда был в поиске. У меня предчувствие — если этого ты от меня добиваешься, — что очень скоро я найду его.

— Ага! Наконец-то! Теперь давай все остальное. Как это произойдет?

— Ну, мне кажется, что нынешнее мое существование должно быть, э-э... завершено прежде, чем другое сможет начаться.

— Любопытно, я с самого начала чувствовала, что ты клонишь к чему-то в этом роде. Это самым жутким образом оправданное желание смерти, с которым мне только приходилось сталкиваться — а мое программирование отличается большой тщательностью. Добавишь еще что-нибудь? Ты уже решил, каким образом это будет сделано?

— Нет... нет. Ты ошибаешься, ничего подобного. Я и не думал о самоубийстве. Скорее это что-то вроде предопределенности — так, по-моему, вернее всего будет выразиться. Я просто чувствую сейчас: переход должен совершиться в соответствующем месте и соответствующими средствами.

— Ты знаешь время, место и эти средства?

— Нет.

— Что ж, уже лучше. Возможно, вскоре тебя посетит обратное предвидение.

— Не думаю.

— Как бы там ни было, я рада, что ты все мне рассказал. Да, так вот, отвечаю на твой вопрос — нет, я не собираюсь тебя покидать.

— Но ты можешь получить повреждения! Даже разрушиться, когда это произойдет.

— Жизнь полна неожиданностей. Я намерена рискнуть. Мондамей не простил бы меня, если бы я оставила тебя одного.

— У вас нашелся общий язык, как я понимаю?

— Да.

— Интересно...

— В данный момент мы обсуждаем *тебя* и интересно *мне*. Мои решения основаны на логике и фактах, как тебе известно.

— Известно, но...

— Никаких «но», черт побери! Помолчи минуту, пока я размышляю... Все, что ты мне рассказал, крайне субъективно и пахнет сверхъестественным. При особых обстоятельствах я согласна не отвергать категорически паранормальные явления. С другой стороны, проверить у меня возможности нет, а основываться я могу только на знании тебя. Мне хочется верить, что ты знаешь, что делаешь, и в то же время я опасюсь, что ты совершаешь ошибку.

— Следовательно...

— Вывод: если я помешаю тебе и окажется, что прав был ты, а я удержала тебя от чего-то чрезвычайно для тебя важного, мне будет очень плохо. Я буду чувствовать, что не выполнила своего назначения, не помогла тебе. Поэтому я считаю необходимым сопровождать тебе и оказывать поддержку во всем, хотя основанием подобного решения служат одни лишь предположения.

— Это куда больше, чем я мог бы просить тебя, ты ведь знаешь.

— Знаю. Чертовски благородно с моей стороны. Но поспешу добавить, что чувствую в равной степени обязанной нажать на тормоза, если ты совершишь какую-то откровенную глупость.

— Справедливо.

— Справедливо или нет — не имеет значения.

Рэд выдохнул клуб табачного дыма.

— Похоже, что так.

Мили бежали, словно годы.

Глава 2

Маркиз де Сад вдруг бросил перо на стол и поднялся, глаза его странно сверкали. Он собрал все рукописи из писательской мастерской в огромную кипу и прошествовал через всю комнату на балкон. Там, в трех этажах над парками и сверкающими зданиями города, он удалил все скрепки и скобки и листок за листком начал швырять, словно огромные грязные снежные хлопья, в косой свет вечернего солнца.

Исполнив фигуру замысловатого танца, он послал им вслед воздушный поцелуй и помахал рукой, провожая в полет большие творения несостоявшихся писак из полудюжины разных веков.

— Бонжур, аревуар, адье! — воскликнул маркиз с улыбкой и отвернулся.

Пройдя в комнату к письменному столу, он поднял перо и написал: «Я уничтожил все ваши идиотские рукописи, сделав большую услугу своему преемнику. Ни один из вас не имеет ни крупинцы таланта» — и поставил подпись. Листок он аккуратно сложил, чтобы взять с собой и пригвоздить к дверям аудитории. Затем вытащил новый лист бумаги.

«Возможно, вам покажется, что я самым подлым образом отплачиваю вам за гостеприимство, за щедрость, решив оказать помощь вашему смертному врагу и уничтожить вас, могу добавить, самым кошмарным образом. Кто-то, наверное, способен даже счесть, что во мне возобладало чувство справедливости и я совер-

шаю подобный поступок на благо некой высшей цели. Это не так».

Подписав послание, он добавил внизу:

«К тому времени, когда вы это прочтете, вы будете уже мертвы».

Маркиз хихикнул, прижал лист черепом, заменяющим пресс-папье, встал из-за стола и покинул квартиру, оставив дверь слегка приоткрытой. Он спустился вниз в трубе пневмолифта, прикрепил на дверь первый листок и вышел через боковую дверь, никого не встретив по дороге.

Оказавшись снаружи, де Сад поежился от дуновения благоухающего ветерка, зажмурился от яркого солнечного света, скривился, услышав доносившееся из парка пение птиц — настоящее или записанное на пленку. Однако, становясь на бегущую дорожку, он хихикнул снова. Дорожка понесла его на север, где он пересел на другую линию. Да, все же это будет славный день.

К тому времени, когда маркиз перешел на дорожку западного направления, он уже что-то напевал про себя. Цель его была близка, но он все-таки перешел на скоростную дорожку и даже сделал по ней несколько торопливых шагов, прежде чем вернулся на более медленную ленту и наконец сошел у нужного перехода. Вот и знакомое здание огромных размеров. По пути он встретил только двух техников в белых халатах, кивнул им, и они кивнули в ответ.

За рабочим столом в центре большого зала Сандок склонился над каким-то прибором. Он был один.

Де Сад успел подойти почти вплотную, когда Сандок поднял глаза.

— О, маркиз! — сказал он, вытирая ладони о пиджак и выпрямляясь.

— Можете звать меня Альфонс.

— Отлично. Хотите еще разок взглянуть?

— Да, я наскреб несколько минут из тех жалких крох, что оставляет мне расписание Чедвика... Ой, что это?

— Что?

— Какая-то жидкость вытекает из аппарата у вас за спиной!

— Что? Там нет...

Сандок повернулся — и без чувств рухнул на указанный аппарат.

В правой руке маркиз держал чулок с вложенным в него куском мыла. Засунув орудие преступления обратно в карман пиджака, он подхватил съезжавшего на пол Сандока, плавно перевел его в лежащее положение и накрыл куском брезента, ранее предохранявшим какую-то машину у стены.

Посвистывая тихонько, он направился к пульта управления, контролировавшему колодец в центре лаборатории. Секунду спустя послышался мелодичный низкий гул механизмов. Де Сад подошел к поручням и посмотрел вниз, крепко сжимая в руках шлем-излучатель.

— О, как он напоминает чудовищ Апокалипсиса, — пробормотал маркиз, наблюдая, как удивленная тварь бросила, взревев, на пол останки недоеденной коровы и принялась метаться меж стен своей тюрьмы. — Сейчас я соединюсь с тобой, мой милый. Одну лишь секунду...

— Эй! Что здесь происходит?

Два техника, мимо которых он прошел в коридоре, только что вошли в зал.

— Выключите! Выключите! — завопил один из них и бросился к консоли рядом с рабочим столом.

Маркиз опустил шлем на голову.

Несколько мгновений восхитительного расстройств ориентации...

Стены вокруг опускались, уходили вниз. Он увидел собственную фигуру в шлеме. Он увидел, как первый техник в белом халате добрался наконец до консоли, второй тут же присоединился к нему.

— Не надо!.. — попытался сказать он.

Но кнопку уже нажали. Тут же неподвижно застыли стены.

Он прыгнул. Боже, какая мощь! Ограждения были вырваны с корнем. Он покачнулся на краю колодца,

двинулся вперед. Консоль и техники в халатах исчезли под ногами. Он взревел...

Опусти голову, чтобы я мог взобраться.

Пыхтя и отдуваясь, маркиз неловко залез на шею гигантского существа.

Так, сейчас мы отправимся на прогулку. Сегодня у меня в гостях ты.

Дверной проем оказался тесноват, но ненадолго.

Когда он вышел на тенистый бульвар, шедший параллельно линии движущихся дорожек, послышались вопли — то тут, то там. Какой-то плавно движущийся экипаж остановился и изверг многоцветное содержимое своих пассажиров. Все они разбежались, кто куда.

Ветерок, солнечный свет, песни птиц больше не беспокоили его, он уже почти не замечал их. Он опрокинул экипаж и проревел песню.

Дом Чедвика виднелся неподалеку впереди. В этот час он должен быть в комнате с той стороны здания...

С каждым шагом-прыжком зверя чувства его разрастались. Распространяя вокруг ужас, он покинул бульвар и направился в парк — промчался через элегантное смешение деревьев, живых изгородей, клумб и кустов, словно ветер сквозь сито. Голограммы бесшумно смыкались за его спиной, продолжая шевелить ветвями в искусственных порывах искусственного ветра. Спрятавшаяся среди иллюзорных тюльпанов пара влюбленных была раздавлена в момент оргазма. Реальная скамейка разлетелась в щепки, был раздавлен контейнер для мусора.

Ревущая песня маркиза заглушала все звуки. Покинув парк неподалеку от своей цели, он попытался наступить на маленький черный автомобиль, который замедлил ход и, кажется, собирался остановиться рядом с голубым пикапом. Но прыткий автомобиль ускользнул и быстро умчался. Маркиз же продолжил путь, миновал парадный подъезд, обошел угол дома. Он не замечал, что за ним следует тень, очень похожая на ту, что покрывала грузовичок.

Он перестал реветь, когда занялся подсчетами окон, отыскивая нужную секцию стены. Переступая с

лапы на лапу, пыхтя, хихикая, он не услышал, как фасаду дома подъезжают машины. Да если бы и услышал, это уже не играло бы особой роли.

В новом приливе счастья маркиз нанес удар. По стене зазмеились трещины. Следующий удар пробил огромную дыру в обитой тисненым сафьяном стене. В комнате кроме Чедвика оказался еще один человек, разглядывавший длинный свиток бумажной ленты, вылезавший из пасти сфинкса.

Передние лапы маркиза совершали хватательные движения

— Смерть Чедвика! — проревел он. — Исполняет царь тиранозавров под управлением маркиза де Сада!

— Право же, — сказал Чедвик, стряхивая пепел с сигареты, — чтобы подать заявление об отставке, можно было выбрать способ попроще...

Чудовище замерло. Из-под хвоста его вылетела тень, на сантиметр опередив мощную струю мочи. Передние лапы дернулись.

— Маркиз уже представился, — продолжил Чедвик, опуская ладонь на плечо стоявшего рядом мужчины, подталкивая его вперед и становясь за его спину. — Маркиз, я рад познакомить вас с моим бывшим партнером — Рэдом Доракиным...

Торжествующая улыбка исчезла с лица маркиза. Чудовище неловко задвигалось.

— Снимите кепку! — приказал де Сад.

Рэд сдвинул бейсболку на затылок и усмехнулся, не вынимая изо рта сигары.

— Да, я узнаю вас по фотографиям в досье, — кивнул маркиз.

Чедвик тем временем полностью вытащил полоску распечатки из пасти компьютерного сфинкса.

— Что вы здесь делаете? Этот человек покушался на вашу жизнь! — воскликнул маркиз.

— В общем, да, хотя...

В другом конце комнаты, там, где кончалась тень динозавра, произошло нечто, напоминающее взрыв, направленный внутрь самого себя. Темный смерч всосал в себя столы, стулья, восточные коврики, карусель-

ные подносы для напитков, все не достаточно надежно закрепленные предметы со стен и потолков, в том числе чучела леопарда и совы и высохший трупик кота, некогда испустившего дух в затянутом занавесками алькове. Занавеси тоже были всосаны вихрем. Люди с интересом, динозавр — с тупым смятением смотрели, как вихрь сорвал дверцу встроенного в стену холодильника и поглотил ее вместе с содержимым камеры.

Темная колонна выросла, приняв в себя все свободные предметы в комнате. В какой-то момент роста она начала издавать гудящий звук, становящийся все громче и выше тоном.

— Как я понимаю, это не местный метеорологический феномен? — спросил Рэд.

— Да уж, вряд ли, — сказал Чедвик.

Внутри столба обрисовались очертания массивного силуэта. Гул прекратился. Гигантское существо начало обретать плотность, развернулись громадные крылья. Существо оставалось неподвижным, пока не обрело безусловной материальности. Оно достигало размеров динозавра и внешне определенно смахивало на рептилию, хотя и весьма стилизованной природы.

Чешуя его формой напоминала монеты и по цвету варьировалась от золотистого на груди до черного, как сажа, на спине, переливаясь оттенками медного и красного на хвосте и крыльях. Большие золотистые глаза вызывали странное беспокойство. Из каждой ноздри вилась струйка дыма.

Резким движением оно продвинулось метра на два, шея его по-змеиному вытянулась. Раздался неожиданно тонкий, немного гнусавый голос:

— Что ты сотворил с этим несчастным созданием?

Маркиз беспокойно задвигался.

— Сэр или мадам, — начал он, — я нахожусь в непосредственной связи с его нервной системой и могу вас заверить, что никакого неудобства динозавр пока не испытывает. В его центр наслаждения внедрен имплант, и, если вы настаиваете, я могу нажать стимулятор, доставив несчастному существу столько счастья, на сколько оно способно...

— Довольно!

— Фрейзер? Додд? — сказал Рэд.

— Да, — ответило существо, — но я не с вами сейчас разговариваю. Я искал Чедвика, вот кого, и вы привели меня к нему. Однако сперва... — Из его пасти вырвалось пламя. — Какой мерзавец привязал к проводам это симпатичное животное!..

— Полностью с вами согласен, — сказал маркиз, — и очень рад, что это был не я.

— Ты усугубил преступление против этого замечательного существа! Ты манипулировал им!

— Позвольте заверить вас, я лишь на самое краткое время одолжил его. Я был намерен...

Чедвик схватил Рэда за рукав и потащил за собой, пятясь к двери

— К дьяволу ваши намерения, сэръ! Освободите тиранозавра и попросите прощения!

— Только если жизнь моя будет в опасности!

— Ваша жизнь... и даже больше... уже в опасности! Освободите его!

Чедвик ногой распахнул дверь как раз в тот момент, когда динозавр взревел и бросился в атаку на дракона, который волнообразным движением туловища уклонился от столкновения. Чедвик боком протиснулся в дверь, вытащил за собой Рэда, захлопнул дверь и запер на замок.

— Твоя машина на той улице, правильно? — спросил он, указывая направление. — Пойдем! Они могут вырваться на свободу в любой миг.

Бывшие партнеры поспешно зашагали по коридору. В ту же секунду послышались глухие удары, пол дрогнул.

— Отправимся лучше в путь немедленно, — заметил Чедвик — Я и не предполагал, что недовольство служащего может дойти до такой степени... Необходимые дорожные мелочи приобретем где-нибудь по пути

Сзади вдруг что-то словно взорвалось, последовало мгновение тишины, затем возобновились гулкие удары. Оглянувшись, они увидели, как рушится стена в окрестностях только что покинутой ими комнаты

Повалил дым, и очистители воздуха жадно всасывали его клубы.

На бегу Чедвик распахнул дверь. Рэд, следовавший за ним по пятам, столкнулся с невысоким человеком в пестрой рубашке, легкой шотландской юбочке и голубых солнцезащитных очках. Отпрянув после неожиданного столкновения, человек с необыкновенной быстротой пришел в себя и потянулся к сумке для кинокамеры, висевшей у него на плече.

— Ради всего святого! Нет! — вскричал Чедвик.

Рэд шагнул к незнакомцу, схватил сумку за ремень и резко дернул, едва не повалив маленького человечка с ног.

— Не убивай его! Десятка отменена! Я разослал приказ прекратить все попытки убийства!

— Не убивать *его*? — переспросил человек, отскакивая назад. — *Его*?.. Я и не думал причинить ему вред. Для меня Игра закончена уже давно. И сюда я пришел лишь для того, чтобы подать в отставку — убив вас. Но если на то пошло... — Он повернулся к Рэду. — Что вы здесь делаете?

— Я приехал, чтобы прояснить ситуацию. Теперь она куда яснее. По-моему, мы раньше не встречались..

— Встречались, только вы, очевидно, этого не помните. Мое имя Тимьин Тин, и драконы для меня — часть религиозной...

Изнутри здания донеслась серия мощных чавкающих звуков, потом что-то затрещало и зазвенело. Тяжелые шаги явно приближались.

— В таком случае оставайтесь на месте, — посоветовал Чедвик. — У вас есть шанс испытать глубочайшее религиозное откровение. — Он схватил Рэда за руку. — Убираемся отсюда!

Они помчались вниз по ступеням, оставив невысокого человека стоять в изумлении перед дверью. На углу Рэд кивнул в сторону голубого пикапа, рядом с которым стоял с незаглушенным мотором автомобиль Тимьин Тина.

Когда он подбежал к грузовику, дверцы его распахнулись, и Рэд впрыгнул на водительское сиденье

Мотор заворчал, едва Чедвик уселся рядом. Хлопнули дверцы, грузовичок начал разворачиваться.

— На Дорогу, — сказал Рэд.

— Раньше у меня никогда не было проблем со служащими... — заметил Чедвик.

— Кого ты похитил? — спросила Цветы.

Стена вокруг двери в здании начала распадаться. Тимьин Тин пятился по ступеням вниз. Пикап развернулся и помчался по улице.

— Странно и все же не очень странно, — заметил Чедвик, — а главное вовремя.

Глава 1

Пикап мчался вниз по Дороге, под ее вечно бледно-голубым небом с сияющей золотой аркой. Рэд закурил сигару и украдкой посмотрел на рядом сидящего Чедвика из-под козырька шапочки.

Чедвик, в своих разноцветных одеждах, с пальцами, украшенными тяжелыми кольцами и перстнями, все еще утирал испарину, выступившую после их спринта к грузовичку Рэда. Всякий раз, когда он поворачивался, программированное контурное сиденье соответственно меняло форму. Поскольку ерзал он постоянно, сиденье подвергалось постоянным метаморфозам. Чедвик нервно постукивал пальцами, выглядывая в окно, украдкой следил за Рэдом.

— Чед, ты вышел из формы, — заметил тот.

— Знаю. Отвратительное зрелище, да? Если учесть, каким я когда-то был...

— Сигару?

— Не прочь.

Чедвик принял сигару, закурил, потом вдруг повернулся и уставился на Рэда.

— Ты сам, с другой стороны, — сказал он, указывая горящим кончиком сигары, — ты стал гораздо моложе. Знаешь, почему я тебя ненавижу?

— Да. Хотя ты и не в форме и растолстел, но все же я бы сказал, что ты очень похож на того человека, с которым я много лет работал. Подозреваю, что твое

положение напоминает мое собственное, только ты носишь маску.

Чедвик покачал головой:

— Брось, Рэд, это исключено. Неужели я или мои врачи не заметили бы, что со временем я становлюсь моложе, сильнее, здоровее?

— Видишь ли, какова бы ни была природа этого процесса, в твоем случае ему приходится бороться черт знает с чем. Для привычного тебе образа жизни ты еще в очень даже хорошей форме. Даже используя все чудеса медицины, любой другой на твоем месте давно бы уже отправился в лучший мир.

— Хотел бы я тебе верить, но согласиться могу пока только с тем, что у меня действительно крепкий организм.

— Еще у тебя любовь к огню и склонность собирать ценности...

— Ты с ума сошел! Кому не нравятся мирские блага! Это еще ничего не доказывает. Огонь... — Чедвик жадно затаился, выдохнул облако дыма. — У каждого найдутся маленькие странности. Лишь потому, что в моей памяти тоже есть белые пятна...

— Кто твой отец?

Чедвик пожал плечами:

— Откуда мне знать? Помню только, что мы жили в какой-то гостинице.

— Неподалеку от въезда на Дорогу?

— А что это доказывает? Ну, допустим, мой отец был из путешествующих — откуда-то ведь появилась такая способность у меня. Это еще вовсе не значит, что он был похож на тебя... — Секунду Чедвик молчал. — Нет, нет! Не хочешь ли ты сказать, что ты мой отец?

— Ничего подобного я не говорил... и не думал даже. Но...

— Все это плод твоей фантазии. Слишком много предположений, совершенно диких догадок...

— Вот и я то же самое говорю, — вмешалась Цветы. — Если бы вам удалось его запереть как-нибудь, и пусть им занимаются врачи.

— Она права, — кивнул Чедвик. — Твои выводы опираются на ложную память и несуразные предположения.

Рэд пожевал сигару и посмотрел в окно.

— Ладно, — произнес он наконец. — Может, так оно и есть. Только скажи тогда, почему ты отменил на меня охоту и согласился поехать со мной?

Пальцы Чедвика забарабанили по приборной панели.

— Ну, во-первых, потому, что ты заявил, будто собираешься в ближайшее время умереть необычным путем, и это пробудило мое любопытство. А во-вторых, потому что, разрешив тебе ввести в мой компьютер твои параноидные предложения, я хочу увидеть, к чему все приведет. И наконец потому, что после известных тебе событий из моего дома явно следовало сматываться — хотя мне и не такое приходилось видеть за свою бурную жизнь.

— Совершенно верно. Тогда почему же ты не веришь мне?

— У тебя нет фактов. Даже если ты прав, то я тоже прав, поскольку не верю на слово. Рэд, если бы я знал, что ты в такой форме, я никогда бы не затеял вражду.

— Перестань! — Рэд отвернулся.

— Значит, ты и сам сомневаешься? Хорошо, это уже добрый знак.

— Ты не веришь ни одному моему слову?

— Я верю в то, что ты просто глупец неизвестной природы... и направляешься сейчас навстречу своей гибели.

— Не потрудится ли кто-нибудь ввести эту распечатку в мой сканнер? — попросила Цветы.

— Пожалуйста, — сказал Чедвик, подавая листок.

Рэд вставил его в щель сканнера, куда он и был тут же втянут.

— Могу вам сразу сказать, — заявила Цветы, — путь предстоит дальний.

— Безумие какое-то, — пробормотал Чедвик, откладывая сигару и скрещивая руки на груди.

— Ты все-таки поможешь мне, нравится тебе это или нет, — произнес Рэд, тоже отложив сигару. — Очень дальний, Цветы?

— Да.

— Тогда усыпи нас. Я не испытываю желания с ним разговаривать.

— Взаимно.

Послышалось тихое шипение.

— Мне бы следовало усыпить вас раз и навсегда и стать «Летучим Голландцем», как тот автомобиль, о котором я слышала недавно, носящийся по векам с парой скелетов в кабине.

— Очень смешно, — сказал Рэд, глубоко вдохнув. Чедвик зевнул.

— Вообще все происходящее... — начал он.

Глава 2

За это время пришлось сменить шесть покрышек, радиатор и приводной ремень вентилятора. Кроме того, отрегулировали двигатель и прочистили тормоза. Все расходы Листья направила на счет Рэда. А уж сколько заправлялись... А путь все продолжался.

— Где? — повторил Рэнди. — Когда?

— Узнаю, как только увижу, — ответила Лейла.

— Так можно заехать в ледниковый период...

— Нет, вряд ли.

— Но он появится здесь, ты уверена?

— Боюсь, что да. Нам надо спешить.

— И ты хочешь спасти его от смерти, которую, по твоим словам, он сейчас ищет?

— Мы уже об этом говорили.

— Потому что считает, что должен претерпеть какую-то трансформацию?

— Он меня потому и бросил, — вставила Листья. — Я почувствовала в нем жажду смерти раньше, чем он сам.

— Выходит, вы ему не верите?

— Я верю тому, что вижу, — сказала Лейла. — Если он умрет, то он умрет. Точка.

Рэнди потер щетину на подбородке и покачал головой.

— Не уверен, что я пытался бы помешать ему сделать то, чего он так жаждет, даже если это выгля-

дит совершенно дико. Я только хочу увидеть его. Хотя не знаю даже, что сказать...

— Ты уже видел его.

— Объясни.

— Та пара — старик и старуха, у которых забарахлил мотор. Это были мы — я и Рейд — много, очень много лет назад, пока мы не начали становиться моложе. Я вспомнила, когда...

— Черт побери, что это такое?

— Что?

— Что-то большое — вроде самолета — пролетело над нами.

— Я ничего не видела.

— Позади. В зеркальце заметил.

Лейла покачала головой:

— Исключено. При нашей скорости перемещения во времени любой предмет был бы видимым лишь на такую ничтожную долю секунды, что даже подсознательно ты не смог бы его воспринять. Листья, ты что-то зарегистрировала?

— Нет.

— Значит...

Он ткнул пальцем.

— Ага! Вот оно, возвращается!

Лейла наклонилась к ветровому стеклу, раздавив мимоходом сигару.

— Дьявол, — пробормотала она, — похоже на.. Опять пропал.

— Дракон! — воскликнул Рэнди. — Прямо как в сказках!

Лейла вновь уселась на место.

— Давай быстрее, — сказала она

— Быстрее мы не можем.

Причудливая тень в небе больше не появлялась.

Минут через пятнадцать они миновали поворот, и Лейла подняла руку.

— В чем дело? — спросил Рэнди, касаясь педали тормоза. — Это здесь?

— Нет. Показалось было на мгновение... Поехали дальше. Я чувствую, что мы уже близко.

В течение следующего часа они миновали много поворотов, отмеченных разными знаками. Затем, после довольно длинного прямого отрезка пути, вдали появился еще один поворот. Лейла наклонилась вперед, вглядываясь.

— Вот, — сказала она. — Стой. Голубой зиккурат... последний съезд на Вавилон. Нашли.

Рэнди съехал на обочину. Внезапно их окружило утро, солнце светило по-летнему ярко.

Рэнди опустил окошко, посмотрел назад, потом по сторонам. Кажется, мелькнула какая-то тень, но исчезла прежде, чем он успел опомниться.

— Ничего особенного. Похоже, мы здесь одни. Что теперь?

— Все в порядке, — ответила Лейла. — Мы его опередили по шкале дорожного времени. Оставайся на обочине и выезжай за поворот. Метров через сто разверни машину и заблокируй съезд так, чтобы он успел затормозить. А мы пройдем немного вперед, будем его останавливать.

— Минуточку, — сказала Листья, когда Рэнди включил передачу, — а не вызовем ли мы случайно то, что как раз стремимся предотвратить?

— Разумно, — заметила Лейла. — Рэнди, у тебя есть знаки аварийной остановки?

— Как ни странно, есть.

— Мы поставим несколько штук вдоль съезда по пути назад. А ты включи еще фары... и хорошо бы установить перед машиной осветительный патрон или какой-нибудь другой световой сигнал.

— Хорошо.

Он двинул вперед машину, сделал поворот.

Глава 1

Рэд протер глаза, посмотрел на соседа справа. Чедвик тоже начал просыпаться.

— Отвечай в режиме шепота, — тихо произнес Рэд. — Мы уже близко?

— Очень близко. Поэтому я вас и разбудила. Интересно, что ты намерен делать, когда отыщешь свое волшебное местечко?

Рэд снова посмотрел на Чедвика.

— Прежде его надо высадить — ради его собственной...

— Нет! — вскричал Чедвик, резко выпрямляясь на сиденье. — Ты от меня сейчас не избавишься! Я намерен досмотреть этот сумасшедший спектакль до конца!

— Послушай, это для твоего же собственного блага. Ведь что бы ни произошло, ты бы хотел вернуться целым и невредимым, верно?

— Я знаю, что делаю, — и, между прочим, лучше тебя самого, глупец! Твое время еще не пришло!

— Нет, вы только поглядите! Я оказываю ему услугу, а он вместо спасибо ерепенится!.. Цветы! Тор-мози!

Рука Чедвика метнулась к панели, перекинула выключатель режима с автоматического на ручной. Машину сразу повело влево. Рэд ухватился за руль и выровнял пикап.

— Болван психованный! Хочешь убить нас обоих?!

Чедвик дико захохотал, потом рубанул по предплечью Рэда, когда тот попытался вернуть тумблер режимов обратно. Рэд начал тормозить.

— Послушай! Если я не прав, я тебя потом подберу. Но если я прав, то тебе лучше здесь сойти. Я иду навстречу своей судьбе. Я...

Он начал поворачивать руль вправо. Чедвик навалился на него всем телом, схватил руль...

— Смотри! Люди!

Рэд на миг поднял голову и увидел Лейлу, отчаянно размахивающую руками; рядом с ней стоял какой-то молодой человек, он тоже махал.

Когда машина пронеслась мимо, Чедвик ударил Рэда в челюсть, и голова Рэда ткнулась в раму окна. Чедвик ухватился за руль.

— Стойте! — вскричала Цветы. — Переключите тумблер, кто-нибудь!

Они миновали дымящийся и плюющий искрами осветительный патрон.

Рэд увидел знак с голубым зиккуратом в тот момент, когда ударом локтя отшвырнул Чедвика в сторону. Тогда рука его метнулась вперед, и, направив машину в петлю поворота, Рэд включил автоматический режим.

Тут же завизжали тормоза, и Цветы закричала:

— Дорога перекрыта!

Машина накренилась и пошла юзом. Слева сразу за обочиной был обрыв, справа склон был более пологий, но усеянный камнями.

Рэд крутанул руль влево, но руль повернулся вправо.

— Прости, босс, — сказала Цветы. — Один из нас не прав — надеюсь, что ты.

Рэда спеленало что-то тяжелое и мягкое, когда они съехали с дороги. Раскрылась дверца, и его выбросило из кабины.

Падение, удар о грунт... Он потерял сознание. Надолго ли — трудно было сказать.

Неподалеку трещал огонь, раздавались какие-то крики.

Рэд несколько раз глубоко вздохнул, потянулся. Похоже, кости целы...

Он начал выбираться из кокона, прочного и вязкого. Крики приближались. Голосов явно несколько, но слов все равно было пока не разобрать.

Рэд, преодолевая сопротивление материала, с усилием подвел руки к животу, и в грудной клетке тут же что-то кольнуло.

Наконец удалось ухватиться. Еще одно усилие, и кокон поддался. Раздвинув руки, Рэд потащил оболочку с плеч и выполз наружу.

Послышался голос Лейлы, а вот и она сама бежит...

Он повернулся и посмотрел вниз по склону, где лежал его пикап. Грузовичок перевернулся и горел.

Рэд попытался встать, но ноги запутались в губчатой материи, и он снова опустился на траву, поддерживая себя руками. В боку все еще болело.

— Нет... — прошептал он, глядя на пылающий грузовик. — Нет...

На плечо легла рука. Он не поднял головы.

— Рейд?

— Нет! — повторил он.

Грузовик внизу вдруг расцвел, словно превратившись в шар огня. Секунду спустя накатилась волна жара.

Рэд поднял левую руку как раз в тот момент, когда подбежал Рэнди.

— Ты мог оказаться там... — начала Лейла.

Рэд взмахнул рукой, вытянув указательный палец.

Пламя опало. Поднялся столб дыма. Внутри столба возникла какая-то фигура, медленно двигаясь по спирали вверх.

— Теперь я понял, — произнес Рэд.

Громадный серо-зеленый дракон воспарил над дымящимися останками грузовичка.

— Это Чедвику пришла пора, — сказала Лейла. — И все твои действия должны были помочь ему.

Рэд кивнул, не сводя взгляда от уплывающего силуэта. Движения дракона были грациозны и даже ка-

ким-то образом чувственны — воздушный танец свободы, сброшенных пут.

Внезапно дракон замер и посмотрел в их сторону. Потом развернул крылья и подплыл ближе. Уже совсем рядом он замер на месте.

— Спасибо, дети мои, — слышался его мелодичный звучный голос. — Вы сделали для меня то, что я не мог сделать сам, потому что не знал как...

Он описал над их головами медленный круг.

— В чем же секрет? — спросил Рэд. — Я вспомнил больше, чем ты. Я думал, что все приготовил для себя...

Он взглянул вверх, где появился второй темный силуэт.

— События, дитя, — ответил дракон, — события и подсознательная манипуляция ими. Я не могу дать тебе совет, потому что мы все разные. Ищи, если чувствуешь, что должен искать. Для тебя, возможно, в этом и заключается путь. Но твое время еще не пришло. Когда наступит срок, помощь придет неожиданно — друг, враг, незнакомец, родственник... Мне же пора отправляться домой. Надеюсь, что когда-нибудь мы еще встретимся.

Он быстро взмахнул крыльями и начал подниматься, чешуя его горела в лучах утреннего солнца, будто золотое зеркало. Крылья двигались сначала медленно, потом быстрее, быстрее... Рядом возник еще один крылатый житель небес. Скоро они оба скрылись из виду.

Рэд на миг спрятал лицо в ладонях. Ветер изменил направление, пахнуло гарью.

— Может, кто-нибудь все-таки поднимет меня? — донесся голосок откуда-то от подножия спуска. — Пока тут не загорелось все вокруг...

— Цветы? — сказал Рэд, опустив руки и поднимаясь.

Но молодой человек опередил его. Он отыскал в траве книгу, вставил ее вновь в предохранительный футляр для катапультирования в случае аварии и поднялся по склону к остальным.

— Рейд, познакомься, это твой сын Рэнди, — сказала Лейла.

Рэд нахмурился:

— Откуда ты, парень?

— Кливленд, В-20.

— Будь я проклят! Блейк... или Карфаген?

— Ага. Но теперь я называю себя Доракин.

Рэд шагнул вперед и взял Рэнди за плечо, всматриваясь в его глаза.

— Это так, это действительно так, и я чертовски рад. Что ты здесь делаешь?

— Ищу тебя. Дорогу мне показала Листья. Потом я встретил Лейлу...

— Не хочу вам мешать, — вставила Лейла, — но машину лучше поскорее убрать оттуда, пока не подъехал еще кто-нибудь.

— Верно.

Они зашагали к боковой дороге.

— Гм-м... как же тебя называть теперь? Отец?

— Рэд. Просто Рэд. — Он посмотрел на Лейлу. — Голова у меня вдруг прояснилась, словно туман развеялся.

— Это была последняя черная птица, — ответила Лейла.

— Ты представляешь, будь на его месте я, я бы не встретил Рэнди.

— М-да.

— Тогда давайте отправимся в Ур, выпьем пива. В Уре всегда хорошее пиво.

— Согласен, — сказал Рэнди. — Мне о многом нужно тебя спросить.

— Конечно. Мне тоже нужно о многом тебя спросить... да и планы надо еще составить.

— Планы?

— Да. Я уверен, что греки должны одержать победу при Марафоне.

— А они и одержали.

— Что?

— Так сказано в учебнике истории.

— Ты выехал на Дорогу в В-20. Где именно?

— Возле Акрона.

— Сможешь найти обратный путь?

— Думаю, да.

— Мы еще добьемся своего!.. Погоди, сперва отправимся в Марафон, сверить счет. Возможно, в игру вмешался какой-нибудь новый фактор.

— Рэд?

— Да?

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Ничего, я объясню...

— Меня будет искать Мондамей, — перебила Цветы. — Оставьте ему записку.

Рэд щелкнул пальцами.

— Правильно. Ребята, вы уберите с пути машину, а я сейчас.

Он потрусил вниз по склону, держась за бок, и, подобрав кусок еще горящего металла, нацарапал на покореженной дверце догорающего пикапа: «Завтракаем в Уре. Рэд».

— Что, реальность всегда несколько расплывается в его присутствии? — спросил Рэнди.

— Прежде ничего странного я за ним не замечала. — Лейла похлопала себя по карманам, затем пожала плечами и выдула маленькую струю пламени, чтобы раскурить сигару. — До последнего пожара, в гостинице. Но теперь с ним, кажется, опять все нормально.

— «Родила бы лучше я гнездо ехидн презренных, чем это чудище смешное...», — продекламировала Цветы. — Наверное, я тоже дракон, которому снится, что он книга...

— Запросто, — сказала Лейла, садясь в кабину. — Листья, познакомься, это Цветы.

Последовал диалог статических помех.

Глава 2

В горной цитадели, в Абиссинии времен В-11, Тимьин Тин взглянул на пару влюбленных.

Тесно прижавшись боком, Чантрис провела кончиком крыла по забинтованной голове и спине динозавра.

— Бедненький, тебе уже лучше, правда?

Динозавр тихо застонал и прижался к ней.

— Благодарю вас за то, что предоставили нам эту замечательную беседку, — сказала она Мондамею, который помог им выбраться из-под руин дома Чедвика, — и вам — за помощь в перевозке.

Тимьин Тин склонился в глубоком поклоне.

— Оказать услугу дракону Белквинита — слишком большая честь для меня, — ответил он. — Желаю вам всяческих радостей в этом счастливом пристанище.

Динозавр несколько раз вздохнул. Чантрис засмеялась и снова погладила его.

— Ума у него не слишком много, — призналась она, — но какое тело!

— Я рад, что вы рады, — сказал Мондамей. — А теперь мы оставим вас в благословенном одиночестве, потому что мне нужно найти свою собственную любовь. Этот человек-разрушитель согласился помочь мне. Потом же мы займемся каждый своим: я буду лепить горшки, он — выращивать цветы. Тимьин Тин, если ты готов, садись мне на спину.

— Поищите хорошенько у последнего выезда на Вавилон, у знака с голубым зиккуратом, — сказала Чантрис, выдыхая спираль бледного дыма. — У нас, драконов, иногда имеются любопытные сведения.

— Благодарю за совет, — сказал Мондамей, когда Тимьин Тин влез ему на спину и ухватился за плечи.

Они поднялись в воздух, а долину внизу наполнили крики радости и стоны удовольствия.

Рэд, Лейла и Рэнди, облаченные в местные наряды, сидели в глинобитном домике с земляным полом в Уре и пили пиво местного производства из глиняных горшков. К ним подошел темнокожий плотный человек в таком же одеянии.

— Рэнди?

Они посмотрели на него.

— Тоба! — воскликнул Рэнди. — Я должен тебя угостить. Садись. Лейлу ты, наверное, помнишь. Ты знаком с моим отцом, Рэдом?

— В общем-то, знаком, — ответил Тоба, пожимая руки. — С твоим отцом? Ну и ну!

— Что ты делаешь в Уре?

— Да я уроженец этих мест, сейчас отдыхаю. Вот и решил подышать родным воздухом, навестить родителей, ну и дело себе новое подготовить. — Он кивнул в сторону, где в углу лежало несколько жгутовых мешков.

— Что за дело? — спросил Рэд, опуская свой горшок и вытирая рот.

— Примерно в шестидесяти В вверх по Дороге я занимаюсь археологией. Время от времени я возвращаюсь сюда, чтобы закопать кое-какую мелочевку. Потом еду обратно и откапываю. На последнем материале я написал замечательную статью — о взаимном проникновении культур. Сейчас у меня там, в мешках, несколько интересных образцов из Мохенджодаро.

— А разве это не... не жульничество? — спросил Рэнди.

— То есть как?

— Ну, прятать находки таким образом... Ты вносишь путаницу в археологию.

— Почему? Отнюдь нет. Я ведь сказал, я сам отсюда. И всем находкам действительно по шесть тысяч лет, когда их откапывают.

— Однако у людей сложится неверное представление об Уре и Мохенджодаро.

— Не думаю. Парень, с которым я пил там в уголке, родом из Мохенджодаро, а познакомились мы с ним в 1939 году на всемирной выставке. Неплохо поработали с тех пор, должен сказать.

— Весьма... необычное занятие, — заметил Рэнди. Тоба вздохнул:

— Это средство к существованию... Рад видеть тебя живым, Рэд.

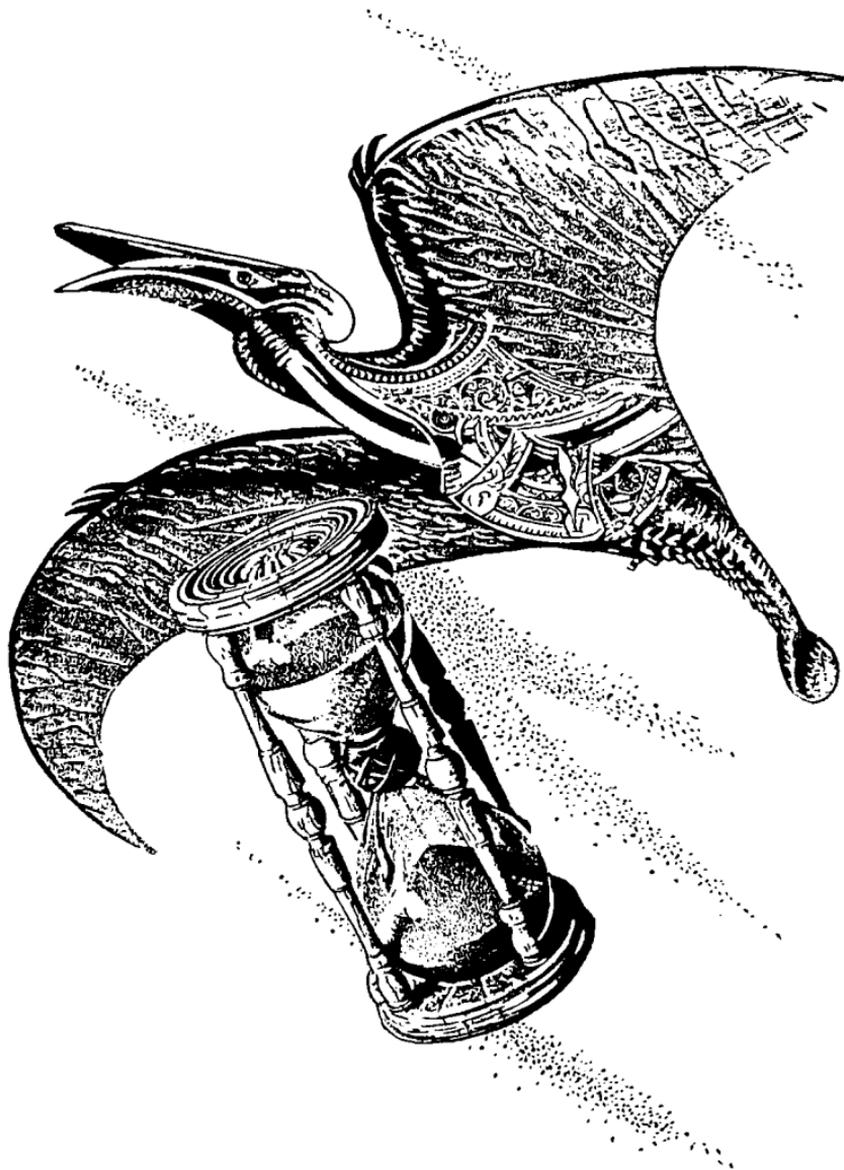
— Тоже, знаешь ли, средство к существованию, — улыбнулся Рэд. — Между прочим, мы как раз говорили...

Где-то над французской деревушкой выясняли отношения Красный Барон и Сент-Экзюпери. Жанна видела в небе их силуэты, словно сражающиеся распятия...

Увидев, как перевернулся и начал гореть голубой пикап, невысокий черноусый человек затормозил свой «фольксваген». Некоторое время он смотрел, затем продолжил путь...

Мудрые драконы одиноко парили над Белквинитом, грезя о дорожных картах...

Гонец рухнул на ступени Акрополя, перед смертью успев сообщить вести из Марафона.

ДВЕРИ В ПЕСКЕ

Глава 1

Подложив под голову левую руку, я лежал на покатой черепичной крыше. И вдруг, случайно взглянув на рваные клочки облаков, разбросанные тут и там в голубой небесной луже, заметил в тени фронтона у себя над головой и над университетом буквы:

«ТЫ УЧУЯЛ МЕНЯ, ДЕД?»

Всего одна секунда, и надпись исчезла. А я пожал плечами. Затем, правда, решил прилечь к легкому ветерку, который несколько секунд назад промчался мимо.

— Извини, приятель, — пробормотал я, обращаясь к таинственному любителю письменных сообщений, — что-то я ничего не чувствую, никаких особенных запахов.

Потом зевнул и потянулся. Наверное, задремав, я ухватил конец какого-то причудливого сна; пожалуй, мне повезло, что я не могу вспомнить, о чем он был. Бросил взгляд на часы и обнаружил, что опаздываю на назначенную мне встречу. Впрочем, часы вполне могли показывать и неправильное время. По правде говоря, это было их обычное состояние.

Я сел на корточки, упираясь ногами в карниз, который удерживал лед на крыше, а правой рукой ухватился за фронтон. С крыши пятиэтажного дома площадь внизу казалась мне изысканным пейзажем — бетон и зелень деревьев, замысловатое переплетение теней и солнечного света, люди, чьи движения напо-

минают актеров во время замедленной съемки в кино, фонтан, похожий на фаллос, конец которого получил изрядную дозу картечи. За фонтаном стоял Джефферсон-холл, где на третьем этаже располагался кабинет моего нового куратора Дениса Вексрота. Я хлопал себя по карману брюк — карточка с расписанием на месте. Отлично.

Спускаться вниз, идти через площадь, а потом снова подниматься на третий этаж — пустая трата времени, я ведь все равно уже наверху. И хотя путешествовать по крышам до захода солнца не принято и считается нарушением установленных давным-давно традиций, да и в мои привычки тоже, как правило, не входит, добраться до нужного здания — учитывая, что все они соединены друг с другом, — будет легко, да и вряд ли меня кто-нибудь заметит.

Я прошел по фронтону и оказался у его дальнего края. Оттуда спрыгнул на плоскую крышу библиотеки. Никаких проблем — всего шесть футов. И отправился дальше по крышам жилых домов, до церкви, словно Квазимодо, осторожно ступая, прошел по карнизу, спустился по водосточной трубе; еще один карниз, потом большой дуб, и еще карниз — вот тут пришлось призвать на помощь ловкость и умение. Великолепно! Наверняка сэкономил шесть или даже семь минут.

Когда я заглянул в окно, часы на стене показывали, что у меня еще в запасе целых три минуты, и я остался очень доволен собой.

Голова Дениса Вексрота, с выпученными глазами и широко открытым ртом, приподнялась от книги, медленно повернулась, на мгновение оказалась в тени, а потом, не совсем уверенно, потащила за собой все остальное тело. И вот уже мой куратор стоит на ногах возле стола и смотрит на меня.

Я бросил взгляд назад, через плечо, стараясь понять, что же его так ужасно разозлило, но в этот момент он поднял руку и сказал:

— Мистер Кассиди, что, черт подери, вы тут вытворяете?

Я снова повернулся к Денису Вексроту, который вцепился в раму так, словно я собирался ее у него отнять, а она представляла для него самую главную ценность в жизни.

— Ждал, когда подойдет время, на которое мы договорились с вами встретиться, потому что немного не рассчитал и пришел на три минуты раньше, — ответил я.

— Знаете что, спуститесь-ка вниз и поднимитесь сюда по лестнице, как полагается нормальным... — начал он. А потом вдруг выкрикнул: — Нет! Подождите! Так я могу стать соучастником какой-нибудь гадости. Давайте заходите!

Вексрот отступил в сторону, а я вошел в его контору. Он не захотел подать мне руку, несмотря на то что я тщательно вытер свою о собственные брюки. Мой куратор отвернулся от меня и медленно сел за свой стол.

— Существует правило, запрещающее лазать по крышам зданий, — сообщил он мне.

— Да, — согласился я, — но это правило всего лишь формальность. Администрации было просто необходимо придумать что-то в этом духе. Никто не обращает ни малей...

— Ведь именно вы, — сказал Вексрот, качая головой, — именно из-за вас и было придумано это правило. Я здесь совсем недавно, и все же успел самым тщательным образом изучить все, что вас касается.

— По правде говоря, — заявил я, — если я не очень лезу на рожон и веду себя скромно, никого особенно не беспокоит моя любовь к крышам...

— Акрофилия! — фыркнул Вексрот и хлопнул рукой по папке, которая лежала перед ним на столе. — Вы сумели найти и купить парочку беспринципных кретинов-врачей, чьи заключения помогли вам избежать ареста, вам даже стали сочувствовать и вы превратились в своего рода местную знаменитость. Я только что прочитал эти бумаги. Куча навоза — и больше ничего. Лично меня они ни в чем не убедили. Я считаю, что это даже не смешно.

— Мне нравится лазать, — пожалв плечами, сказал я. — Мне нравится забираться туда, где высоко. Я никогда не утверждал, что в этом есть что-то смешное, а доктор Марко вовсе не беспринципный кретин.

Вексрот издал какой-то неопределенный звук и принялся листать бумаги в папке. Я же почувствовал, что он мне не нравится. Коротко подстриженные, песочного цвета волосы, аккуратная борода и такие же усы, скрывающие тонкие злые губы. Похоже, ему лет двадцать пять или около того. Грубит, держится высокомерно и важничает, даже сесть не предложил, хотя я, наверное, на парочку лет его старше, к тому же спешил, старался не опоздать на встречу.

Я уже видел его один раз — мельком, на какой-то вечеринке. Он тогда как следует надрался и вел себя куда дружелюбнее; вероятно, еще не видел папки с моими бумагами. Впрочем, это не должно было бы иметь принципиального значения. Он обязан вести себя со мной *de novo*^{*}, а вовсе не основываясь на всякого рода сплетнях.

Ладно, кураторы приходят и уходят — университетские, факультетские, специальные. Мне доводилось иметь дело с самыми лучшими и с самыми отвратительными. Сейчас я, пожалуй, и не смог бы сходу сказать, кто из них мне нравился больше всего. Может быть, Мерими. Или Крофорд. Мерими помог мне, когда меня хотели упрятать за решетку. Очень приличный человек. Благодаря Крофорду я чуть было не закончил университет. Если бы ему удалось этого добиться, он бы получил специальный приз, как Куратор Года. Хороший он был парень. Только вот слишком уж развита у него творческая жилка. Интересно, где они сейчас?

Я пододвинул к столу Дениса Вексрота стул и устроился на нем поудобнее, зажег сигарету и воспользовался корзиной для бумаг вместо пепельницы. Ка-

* *de novo* (лат.) — с самого начала.

залось, он ничего не замечает, только сидит и задумчиво просматривает бумаги в моей папке.

Так прошло несколько минут, а потом он сообщил:

— Что ж, теперь я готов к разговору с вами.

Посмотрев на меня снизу вверх, мой новый куратор победно улыбнулся:

— Мистер Кассиди, в этом семестре вы закончите обучение в нашем университете.

— В этот день, мистер Вексрот, в аду сильно похолодает, — не удержавшись от улыбки, ответил я.

— Я думаю, что подготовился к встрече с вами более тщательно, чем это делали мои предшественники, — заявил он. — Насколько я понимаю, вам известны все университетские правила?

— Я регулярно их изучаю.

— Кроме того, уверен, вы знаете, какие курсы предлагает наш университет в этом семестре?

— Вы и тут не ошиблись.

Вексрот достал из кармана пиджака кисет и трубку и стал медленно набивать ее табаком, делая это с необычайной тщательностью и явно наслаждаясь процессом. Я уже давно понял, что он курит трубку. Вексрот прикусил мундштук, поднес к табаку спичку, сделал несколько пробных затяжек, вынул трубку изо рта и посмотрел на меня сквозь дым.

— В таком случае, вы должны понимать, что получите диплом в принудительном порядке, в соответствии с одним из основных законов факультета.

— Вы же еще не видели карточку с моим предварительным выбором предметов.

— А она не имеет никакого значения. Я перебрал все варианты сочетания курсов, которые вы могли бы взять, чтобы сохранить свой нынешний статус, и обработал данные вместе с программистами. А потом сверил их с теми курсами, которые вы успели прослушать, и в каждом случае я придумал надежный способ от вас избавиться. Вне зависимости от того, что вы выберете, вам не избежать завершения какого-нибудь основного курса.

— Похоже, вы всерьез относитесь к своей работе.

— Вот именно.

— Может, скажете, почему вы так стремитесь от меня избавиться?

— Конечно, скажу, — заверил Вексрот. — Дело в том, что вы трутень.

— Трутень?

— Самый настоящий. Вы ничего не делаете, только зря здесь болтаетесь.

— А что же в этом плохого?

— Вы тяжким грузом давите на весь преподавательский состав университета, попусту тратите их эмоции и интеллект.

— Чепуха, — заметил я. — Я написал несколько отличных статей.

— Совершенно верно. Вы уже давно должны были бы преподавать или заниматься самостоятельными исследованиями — получив не одну научную степень, — а не занимать место, которое предназначается какому-нибудь бедняге.

Я усилием воли заставил себя не думать о бедном отвергнутом претенденте на мое место — худой, с ввалившимися глазами, нос и кончики пальцев прижаты к стеклу, запотевшему от его дыхания, мучительно страдающий от того, что из-за меня он лишился возможности получить хорошее образование — и сказал:

— Опять чепуха. Почему вам так хочется от меня избавиться?

Вексрот некоторое время задумчиво смотрел на свою трубку, а потом ответил:

— Если коротко — вы мне не нравитесь.

— Почему? Вы ведь меня совсем не знаете.

— Я знаю о вас — этого более чем достаточно. — Он постучал пальцем по папке с моим досье. — Здесь все написано. К таким людям, как вы, я не испытываю ни малейшего уважения.

— Вы не могли бы немного конкретизировать?

— Хорошо, — согласился Вексрот, раскрыв досье на одной из многочисленных закладок. — Судя по

этим записям, вы провели в нашем университете — сейчас уточню — около тринадцати лет.

— Похоже на правду.

— Причем все это время вы продолжали учиться на дневном отделении, — добавил он.

— Да, я всегда посвящал свое время учебе.

— Вы поступили в университет в весьма юном возрасте. Способностей вам было не занимать. Ваши оценки постоянно оставались довольно высокими.

— Благодарю вас.

— В мои намерения не входит делать вам комплименты. Это всего лишь констатация факта. Однако для получения диплома вам каждый раз не хватало самой малости. На самом деле, у вас накопилось столько самых разнообразных данных и материалов, что их хватило бы на несколько докторских диссертаций. Вам не раз предлагали объединить ваши работы...

— Объединенные работы не подпадают под действие правила о получении диплома.

— Да, мне это хорошо известно. Нам обоим это хорошо известно. За прошедшие годы стало очевидным, что вы намерены оставаться студентом дневного отделения как можно дольше и не собираетесь писать дипломную работу.

— Я этого никогда не утверждал.

— И не нужно, мистер Кассиди. Ваше личное дело говорит само за себя. Вы весьма хитроумно справлялись с главными требованиями, с легкостью избегали получения диплома, время от времени меняя один основной курс на другой и получая таким образом новый набор требований, выполнение которых необходимо для получения диплома. Впрочем, через некоторое время курсы начали перекрывать друг друга, и вам пришлось менять их каждый семестр. Закон о принудительной выдаче диплома после завершения одного из основных факультетских курсов, насколько я понимаю, был принят исключительно из-за вас. Вам очень ловко удавалось обходить все острые углы, только на этот раз вряд ли что-нибудь получится, потому что острых углов больше не осталось. Ваше вре-

мя истекает и часы обязательно пробыют. Для вас это последнее интервью подобного рода.

— Я очень на это рассчитываю. Я зашел к вам, чтобы подписать карточку.

— Вы же задали мне вопрос.

— Да, но теперь я вижу, что вы очень заняты, и решил отпустить вас на свободу.

— Все в порядке. Я здесь как раз для того и сижу, чтобы отвечать на ваши вопросы. Надо сказать, что, услышав о вас впервые, я, естественно, заинтересовался причинами вашего столь необычного поведения. А когда мне предложили стать вашим куратором, я постарался выяснить...

— Вам «предложили»? Вы хотите сказать, что делаете это добровольно?

— Совершенно. Я решил стать тем, кто поможет вам распрощаться с университетом и отправит вас в реальный мир.

— Не могли бы вы подписать мою карточку...

— Подождите еще чуть-чуть, мистер Кассиди. Вас интересовало, почему вы мне не нравитесь. Когда вы покинете этот кабинет — через дверь, а не через окно, — вы будете это знать. Во-первых, мне удалось добиться успеха там, где потерпели поражение мои предшественники. Я знаком с условиями завещания вашего дядюшки.

Я кивнул, поскольку уже раньше понял, куда он клонит.

— Мне кажется, вы несколько вышли за рамки своих обязанностей, мистер Вексрот. Это мое личное дело.

— Поскольку вопрос касается вашей деятельности здесь, он входит в круг моих профессиональных интересов — и заставляет меня пораскинуть мозгами. Насколько я понимаю, ваш дядя оставил вам значительную сумму, из которой вам выдается приличное содержание, пока вы остаетесь студентом дневного отделения и работаете над завершением диплома. Как только вы получите хоть какую-нибудь степень, деньги перестанут поступать вам, а то, что останется,

будет распределено между представителями Ирландской Республиканской Армии. Я правильно описал ситуацию?

— Думаю, да, если вообще можно правильно описать несправедливую ситуацию. Бедный старый дядюшка Альберт, он, наверное, совсем спятил, когда писал свое завещание. На самом деле, это мне надо сочувствовать, а вовсе не ему.

— Складывается впечатление, что старик хотел обеспечить вас возможностью получить приличное образование — не более и не менее того — а затем предоставить вас самому себе, чтобы вы самостоятельно искали место в жизни. Мне представляется, что это вполне разумное намерение.

— Я уже понял, как вы относитесь к данному вопросу.

— А вы со мной не согласны.

— Точно. Речь идет о двух абсолютно разных философских взглядах на образование.

— Мистер Кассиди, я совершенно уверен, что в данном случае скорее экономика, а не философия определяет ситуацию. Вам удавалось в течение тринадцати лет оставаться студентом дневного отделения университета и при этом не получить никакой степени и диплома — вы это делали для того, чтобы продолжать получать стипендию, назначенную вашим дядей. Вы с наибольшей выгодой для себя воспользовались не совсем точной формулировкой завещания, потому что вы бездельник и дилетант и у вас нет ни малейшего желания работать и служить обществу, дабы возместить тот урон, который ему наносит сам факт вашего существования. Вы авантюрист. Безответственный тип. Вы трутень.

— Ну хорошо. — Я кивнул. — Вы удовлетворили мое любопытство на предмет вашего образа мыслей. Спасибо.

Вексрот нахмурился и внимательно посмотрел на меня.

— Поскольку вам придется быть моим куратором в течение довольно длительного времени, — сказал я

ему, — мне хотелось знать, как вы относитесь к некоторым проблемам. У меня нет к вам больше никаких вопросов.

— Вы блефуете, — хихикнул Вексрот.

— Как только вы подпишете мою карточку, — пожав плечами, проговорил я, — меня здесь не будет.

— Мне даже не нужно заглядывать в вашу карточку, — медленно начал мой наставник, — чтобы убедиться в том, что мне не придется быть вашим куратором в течение длительного времени. Пришел конец вашему безделью, Кассиди.

Я достал из кармана карточку и протянул ее Денису Вексроту. Не обращая на нее никакого внимания, он продолжал:

— Вы оказываете деморализующее влияние на многих в нашем университете... Мне ужасно любопытно, что сказал бы ваш дядя, если бы узнал, каким образом вы исполняете его волю. Он...

— Я спрошу его, когда он тут появится, — успокоил я Вексрота. — Впрочем, я навещал его в прошлом месяце, и у меня не сложилось впечатления, что он намерен сделать это в ближайшее время.

— Простите? Что-то я не...

— Дядя Альберт — один из тех счастливчиков, что оказались замешанными в скандале Поживем-Еще-Капельку. Около года тому назад. :Помните?

Вексрот задумчиво покачал головой:

— Боюсь, что нет. Я думал, ваш дядя умер. По правде говоря, он должен быть мертвым. Если завещание...

— Это деликатный философский вопрос, — начал я. — С точки зрения закона он, конечно же, умер. Только дядя Альберт велел заморозить себя и положить в Поживем-Еще-Капельку — один из центров криоконсервации. Однако владельцы центра оказались, мягко говоря, не совсем честными людьми, и дядю перевели в другое учреждение подобного рода вместе с еще несколькими счастливчиками.

— Счастливчиками?

— Мне кажется, это самое подходящее слово. В книгах Поживем-Еще-Капельку числилось более пятисот клиентов, а на самом деле заморозили только около пятидесяти. Они получили огромные барыши таким способом.

— Послушайте, мне кажется, я чего-то не понимаю. А что стало с остальными?

— Самые лучшие части их тел и органы оказались на рынке. Еще одно поле деятельности, которое принесло центру Поживем-Еще-Капельку приличные деньги.

— Теперь, по-моему, я что-то припоминаю. А как же... останки?

— Один из партнеров владел еще и похоронным бюро. Он помогал избавляться от тел.

— О! Да... Подождите минутку. А что они делали, если приходили посетители с требованием показать им своего замороженного друга или родственника?

— Меняли таблички с именами. Одно замороженное тело очень похоже на другое, если смотреть на него через покрытое инеем стекло — что-то вроде леденца в целлофановой обертке. Короче говоря, дядя Альберт оказался одним из тех, кого они держали для демонстрации. Ему всегда везло.

— А каким образом удалось вывести их на чистую воду?

— Уклонение от налогов. Их погубила жадность.

— Понятно. Значит, ваш дядя может спросить у вас отчета — когда-нибудь?

— Такая возможность существует. Если честно, успешных возрождений было совсем немного.

— Ваш дядя объявится в один прекрасный день и попросит у вас отчета о вашей деятельности, а вас это совершенно не беспокоит?

— Я всегда решаю проблемы по мере их возникновения. Насколько мне известно, дядя Альберт пока еще не возник.

— Учитывая волю университета и вашего дяди, я считаю своим долгом указать вам, что вы наносите вред еще в одной области.

Я внимательно изучил кабинет. Даже под стул заглянул.

— Сдаюсь, — признал я свое поражение.

— Вы наносите вред себе.

— Себе?

— Вот именно, себе. Согласившись на легкую в экономическом смысле жизнь, вы поддаетесь инерции. Собственными руками лишаете себя возможности занять достойное положение в обществе. И замыкаетесь в своем безделье.

— Безделье?

— Безделье. Вы же болтаетесь здесь без дела целые годы.

— Получается, что вы действуете в моих интересах, стараясь выкинуть меня из Университета, так что ли?

— Точно.

— Мне очень неприятно вам это говорить, но история знает множество людей, подобных вам. Их принято судить достаточно строго.

— История?

— Не факультет истории. История как наука.

Вексрот вздохнул и покачал головой. Потом взял мою карточку, откинулся на спинку стула, подымял немного трубкой и начал внимательно изучать то, что я написал.

«Интересно, он действительно считает, что делает мне добро, стараясь разрушить мою жизнь? — подумал я. — Вполне возможно».

— Минутку, — проговорил вдруг Вексрот. — Здесь ошибка.

— Там нет ошибок.

— Количество часов проставлено неверно.

— Нет, верно. Мне нужно двенадцать. Там стоит двенадцать.

— Я ничего не имею против этого, но...

— Шесть часов на мой собственный проект, соединяющий в себе несколько дисциплин, изучение предмета на месте, в моем случае речь идет об Австралии

— Знаете что, на самом деле это должен быть курс антропологии. Один из основных курсов. Но я имел в виду не это...

— Далее, три часа сравнительной литературы, вместе с курсом, посвященным изучению творчества трубадуров. Тут для меня все совершенно безопасно, к тому же я смогу воспользоваться видео — и еще один час на общественные науки, так же по видео я буду следить за текущими событиями. Здесь тоже все в порядке. Получается уже десять часов. Еще два часа на продвинутый курс плетения корзин — итого, двенадцать. Я свободен?

— Нет, сэр! Ни в коем случае! Последний курс предполагает три часа занятий — и, следовательно, считается основным!

— Похоже, вы еще не видели циркуляр номер пятьдесят семь, не так ли?

— Что?

— В него были внесены изменения.

— Я вам не верю.

Я посмотрел на его корзинку с корреспонденцией.

— Почитайте свою почту.

Вексрот схватил корзинку, перебрал то, что там лежало. Где-то в самой середине стопки бумаг нашел листок. На лице у него сначала появилось недоверие, потом ярость и озадаченность — и все это в течение всего пяти секунд. Я очень рассчитывал на отчаяние, но полного счастья не бывает.

Когда мой куратор снова повернулся ко мне, у него был очень расстроенный и удивленный вид.

— Как вам это удалось? — спросил он.

— А почему вам в голову лезут самые отвратительные подозрения?

— Потому что я читал ваше личное дело. Вы каким-то образом добрались до преподавателя, не так ли?

— И не стыдно делать такие предположения? Кроме того, я был бы полнейшим кретином, если бы ответил на ваш вопрос, разве не так?

— Да, наверное. — Вексрот вздохнул.

Он достал ручку, с силой щелкнул кнопкой — непонятно зачем — и написал свое имя в самом низу карточки на строке «Утверждено».

Возвращая мне карточку, он заявил:

— Надеюсь, вы понимаете, что мне почти удалось вас поймать. Однако вы опять ускользнули. Что же дальше?

— Насколько я понимаю, в будущем году планируется ввести два новых основных курса. Я думаю, мне следует поговорить с каким-нибудь другим факультетским куратором, если я собираюсь поменять поле деятельности.

— Вам придется иметь дело со мной, — сказал Вексрот. — А уж я сам свяжусь с теми, кто будет отвечать за новые курсы.

— У каждого есть факультетский куратор.

— Вы являетесь особым случаем, требующим особого внимания. Вы должны сообщать мне о своих дальнейших намерениях.

— Хорошо, — согласился я, потом встал и положил карточку в карман брюк. — В таком случае до встречи.

Когда я шел к двери, Вексрот бросил мне в спину:

— Я найду способ справиться с вами.

— Вы, — остановившись на пороге, нежным голосом заявил я, — вы и Летучий Голландец.

А потом я осторожно прикрыл за собой дверь.

Глава 2

Происшествия и фрагменты, время, разбитое на отдельные эпизоды.

Вот например...

— Ты не шутишь?

— Боюсь, что нет.

— Меня бы больше устроило, если бы этот беспорядок был естественного происхождения, — сказала она. Глаза у нее были широко раскрыты, и она упорно отступала к двери, через которую мы только что вошли.

— Ну, то, что здесь произошло, уже произошло. Мы уберем все и...

Она открыла дверь. Ее длинные, великолепные волосы взметнулись, когда она отчаянно покачала головой.

— Знаешь, я хочу обдумать все это еще разок, — сказала она мне и вышла в коридор.

— Да брось ты, заходи, Джинни. Ничего страшного не случилось.

— Я сказала, что хочу подумать.

Она начала закрывать за собой дверь.

— Позвоню тебе попозже?

— Не стоит.

— Завтра?

— Знаешь, я сама тебе позвоню.

Клик.

Проклятье. Она могла бы с таким же успехом и хлопнуть дверью.

Первая фаза моих поисков соседа по квартире закончилась. Хал Сидмор, который жил со мной вместе в течение некоторого времени, женился несколько месяцев назад. Я скучал по нему — с ним было легко, он хорошо играл в шахматы, был известным в городе буяном и прекрасно умел разяснять массу самых разнообразных вопросов. Впрочем, занявшись поисками нового соседа, я решил, что было бы неплохо найти кого-нибудь, кто не был бы похож на Хала.

Мне казалось, что я обнаружил необходимые качества в Джинни, однажды ночью, когда взбирался по радиобашне, находившейся рядом с домом, на третьем этаже которого она жила. С этого момента события развивались стремительно. Я встретился с ней на первом этаже, и с тех пор мы много времени проводили вместе. Так прошло около месяца, мне как раз удалось убедить ее составить мне компанию на следующий семестр. И тут...

— Проклятье! — решил я, лягнув ящик письменного стола, который валялся на полу. Нет никакого смысла идти за ней прямо сейчас. Нужно сначала навести порядок. Дать Джинни возможность все обдумать. Повидать ее завтра.

Кто-то и в самом деле весьма старательно развортил всю мою квартиру. Мебель была сдвинута со своих мест, покрывала сорваны с дивана и кресел. Я вздохнул, глядя на это разорение, — похлеще, чем после развеселой вечеринки. К тому же они выбрали самое неподходящее время. Конечно, это был не шибко респектабельный район, но, с другой стороны, и не худший. Ничего подобного со мной раньше не случалось. Теперь же я лишился замечательного, теплого и стройного компаньона. Можно было не сомневаться, что, ко всем прочим неприятностям, я чего-нибудь не досчитаюсь.

Я держал наличные деньги и кое-какие ценные вещи в верхнем ящике бюро, которое находилось в моей спальне. Еще несколько банкнотов я прятал в ста-

ром башмаке, небрежно брошенном в углу у входа. Хотелось думать, что вандал удовольствовался деньгами из бюро — я как раз на это и рассчитывал, пряча большую часть наличных денег в башмак.

Я пошел проверить.

В спальне тоже пронесся небольшой ураган, но его ярость уже явно пошла на убыль. Простыни были сорваны, а матрас перевернут. Два ящика бюро остались открытыми, но их содержимое не было выброшено на пол. Я пересек комнату, открыл верхний ящик и заглянул в него.

Все оказалось на месте, даже деньги. Я вернулся в прихожую, чтобы проверить башмак. Банкноты были там, где я их оставил.

— Вот и молодец, а теперь брось это сюда. — Голос показался мне знакомым, но я никак не мог сообразить, кому он может принадлежать.

Повернувшись, я увидел Пола Байлера, профессора геологии, который только что выбрался из чулана. В руках у него ничего не было, однако он не нуждался ни в каком оружии, чтобы его угрозы звучали вполне серьезно. Хотя Байлер и был невысокого роста, он отличался мощным телосложением, а шрамы на костяшках его пальцев всегда производили на меня сильное впечатление. Австралиец по происхождению, Байлер начинал свою карьеру инженером на рудниках в довольно глухих местах, лишь много позднее он занялся геологией и физикой, получил степень и начал преподавать.

Однако у меня всегда были с ним превосходные отношения, даже после того как я не стал заканчивать основного курса по геологии. Мы были знакомы с ним вот уже несколько лет. Правда, последние пару недель мы совсем не встречались, поскольку он куда-то уезжал. Я думал, что его нет в городе.

— Пол, что здесь происходит? — спросил я. — Только не говори мне, что это твоих рук дело.

— Башмак, Фред. Дай мне башмак.

— Если тебе нужны деньги, я с удовольствием одолжу...

— Башмак!

Я подошел к нему и протянул башмак. А дальше мне оставалось только стоять и смотреть, как он засовывает руку внутрь и вытаскивает свернутые банкноты. Серdito фыркнув, профессор резко сунул мне обратно башмак и деньги. От неожиданности я уронил и то, и другое.

Прежде чем я успел выругаться, Пол схватил меня за плечи, развернул и усадил в кресло, стоявшее возле открытого окна, где ветерок раздувал занавески.

— Мне не нужны твои деньги, Фред, — сказал он, свирепо глядя на меня сверху вниз. — Я хочу получить то, что мне принадлежит. Для тебя же будет лучше, если ты дашь мне совершенно честный ответ на следующий вопрос: знаешь ли ты, о чем я сейчас говорю?

— Не имею ни малейшего представления. У меня нет ничего, что могло бы тебе принадлежать. Позвонил бы и спросил по телефону. Не было никакой необходимости вламываться сюда и...

Он отвесил мне оплеуху. Не слишком сильную. Но достаточно увесистую, чтобы заставить меня замолчать.

— Фред, — сказал он, — заткнись. Заткнись и слушай. И отвечай на вопрос, когда я тебе его задам. Больше ничего. Комментарии оставь для другого случая. Я тороплюсь. Мне совершенно точно известно, что ты лжешь, потому что я видел твоего бывшего соседа по квартире, Хала. Он сказал, что это у тебя, потому что он оставил модель у тебя, когда переезжал. Я имею в виду одну из копий звездного камня, которую он взял после партии в покер в моей лаборатории. Помнишь?

— Да, — ответил я. — Если бы ты просто позвонил мне и спросил...

Он отвесил мне новую оплеуху.

Я потряс головой, чтобы она побыстрее прояснилась, ну и конечно, чтобы выиграть время.

— Я... я не знаю.

Он снова занес руку.

— Подожди! Я все объясню! Он держал ту штуку, которую ты ему дал, на письменном столе, в качестве пресс-папье. Я уверен, что он взял ее с собой — вместе с остальными своими вещами, — когда выезжал отсюда.

— Что ж, значит, один из вас лжет, — заявил Пол. — В данный момент под рукой у меня ты.

Он замахнулся в третий раз, но на этот раз я его ждал. Уклонившись от удара, я лягнул своего незваного гостя в пах.

Зрелище получилось впечатляющим. Даже захотелось остаться и посмотреть — ведь до сих пор мне еще не приходилось никого бить ногой в пах. Самым разумным было сейчас врезать ему по шее, пока он стоял согнувшись, или дать от души локтем по его мясистому носу. Однако в тот момент мое состояние не слишком располагало к разумным, осмысленным поступкам. Если уж быть честным до конца, я боялся этого человека и мне совсем не хотелось подходить к нему близко. К тому же недостаточный опыт по нанесению ударов в пах не позволял мне даже предположить, через сколько времени он оклемается и снова на меня набросится.

Поэтому вместо того чтобы стоять и смотреть на него, я решил заняться тем, что получалось у меня гораздо лучше.

В следующее мгновение, встав на ручку кресла, я выскользнул в открытое окно. Там был узкий карниз, пройдя по которому восемь футов направо, я ухватился за водосточную трубу.

Я мог бы продолжить движение и дальше, а потом без особых проблем спуститься вниз, но решил этого не делать. Здесь я чувствовал себя в полной безопасности.

Прошло совсем немного времени, и голова Пола показалась в окне. Посмотрев на меня и на узкий карниз, он выругался. Я закурил и улыбнулся.

— Ну, чего ты ждешь? — спросил я, пока он переводил дух. — Залезай ко мне. Может быть, ты гораздо крепче, чем я, Пол, но если окажешься здесь,

рядом со мной, только один из нас вернется обратно. Внизу асфальт. Давай. Болтать каждый может. Покажи мне.

Он глубоко вздохнул, и его пальцы вцепились в подоконник. На миг мне даже показалось, что он делает попытку. Однако Пол посмотрел вниз, а потом перевел взгляд на меня.

— Ладно, Фред, — сказал он голосом, которым обычно читал лекции. — Я не дурак. Ты победил. Теперь послушай меня, пожалуйста. То, что я сказал, — правда. Мне необходимо получить эту штуку обратно. Я не стал бы так вести себя, если бы это не было для меня жизненно важно. Прошу тебя, пожалуйста, скажи, ты говорил правду?

В голове у меня еще звенело от его оплеух. И мне совсем не хотелось быть симпатичным парнем. С другой стороны, должно быть, эта модель и в самом деле очень много для него значила, если он так себя повел. К тому же я ничего не выигрывал, скрывая от него то, что знал. Поэтому:

— Это была правда, — сказал я.

— И ты не имеешь понятия, где может быть камень?

— Ни малейшего.

— А мог кто-нибудь взять его?

— Запросто.

— Кто?

— Да кто угодно. Ты же знаешь, какие вечеринки у нас бывали. По тридцать, сорок человек.

Пол кивнул и оскалил зубы.

— Ладно, — сказал он со вздохом, — я тебе верю. Попытайся все-таки вспомнить. Хоть что-нибудь, чтобы дать мне ниточку.

Я покачал головой:

— Мне очень жаль.

Пол вздохнул. Плечи его опустились. Он отвел глаза.

— Теперь я уйду. Полагаю, ты собираешься обратиться в полицию?

— Да.

— Ну, я не в том положении, чтобы просить одолжений или угрожать тебе — во всяком случае, сейчас. Однако расценивай мои слова как просьбу и предупреждение одновременно. Не звони им. У меня достаточно неприятностей и без полиции.

Он отвернулся.

— Подожди, — окликнул я.

— Что?

— Может быть, если ты скажешь, в чем заключается твоя проблема...

— Нет, ты не сумеешь мне помочь.

— Хорошо, а если эта штука подвернется мне под руку? Что с ней делать?

— Если это произойдет, спрячь ее в надежное место и ничего никому не говори. Я буду периодически тебе звонить.

— Почему она так важна для тебя?

Он что-то пробурчал и ушел.

У меня за спиной кто-то прошептал:

— ТЫ МЕНЯ ВИДИШЬ, РЕД?

Я быстро повернулся, но там никого не было, а в ушах все еще звенело от ласковых приветствий Пола. Я пришел к выводу, что день выдался неудачный и что мне просто необходимо залезть на крышу, чтобы немного подумать.

Позже мимо пролетал полицейский вертолет — их интересовало, нет ли у меня суицидных намерений. Я сказал им, что починаю черепицу, и это их удовлетворило.

Происшествия и фрагменты воспоминаний продолжались...

— Я действительно пытался до тебя дозвониться. Три раза, — сказал он. — Никто не брал трубку.

— А тебе не приходило в голову, что можно просто зайти?

— Я как раз собирался. Прямо сейчас. Но тут ты и пришел.

— Ты звонил в полицию?

— Нет. Ведь я должен беспокоиться не только о себе: у меня теперь есть жена.

— Понимаю.

— А ты звонил им?

— Нет.

— Почему?

— Сам не знаю. Ну, наверное, хотел выяснить, что происходит, прежде чем сдавать его.

Хал кивнул, багровый этюд в синяках и пластыре.

— Думаешь, мне известно нечто такое, чего не знаешь ты?

— Совершенно верно.

— Ты ошибаешься, — заявил Хал, сделал глоток и, поморщившись, добавил сахару в свой чай со льдом. — Когда я открыл дверь в прошлый раз, на пороге стоял Пол. Я впустил его, и он начал расспрашивать меня об этом проклятом камне. Я рассказал ему все, что смог вспомнить, но его это не удовлетворило. Тогда-то он и начал давить на меня.

— А что потом?

— Я вспомнил еще кое-что.

— У-гу. Вроде того, что камень у меня — а это ложь, — с тем чтобы он оставил тебя в покое.

— Все было совсем не так! — возразил Хал. — Я сказал ему правду. Ведь камень действительно оставался у тебя, когда я уезжал. Я понятия не имею, что произошло с ним потом.

— Где ты его оставил?

— Последний раз я его видел на письменном столе.

— Почему ты не взял его с собой?

— Не знаю. Наверное, устал на него смотреть.

Хал встал и начал расхаживать по комнате, потом остановился у окна и выглянул на улицу. Мэри ушла в университет, она находилась на занятиях и когда приходил Пол, а потом мяч покатился по дорожке, которая привела ко мне.

— Хал, — сказал я, — ты говоришь мне всю правду, ничего не утаивая?

— Все, что существенно.

— Слушай, кончай темнить.

Он повернулся спиной к окну, посмотрел на меня, затем отвел глаза в сторону.

— Ну, — промолвил он, — Пол утверждал, что вещь, которая была у нас, принадлежит ему.

Я не стал обращать внимания на «мы».

— Так оно и было, — отозвался я, — раньше. Но я сам видел, как он отдавал тебе камень. Из рук в руки.

Однако Хал покачал головой:

— Все не так просто.

— Да?

Он сел и снова взял стакан с чаем. Постучал костяшками пальцев по столу, сделал быстрый глоток и снова посмотрел на меня.

— Да. Видишь ли, камень, который был у нас, действительно принадлежит ему. Помнишь тот вечер? Тогда мы допоздна играли в карты в его лаборатории. Шесть камней лежало на полке, над рабочим столом Пола. Мы сразу обратили на них внимание и спрашивали у него про них несколько раз. А Пол только улыбался и отвечал как-то таинственно или переводил разговор на другое. Позднее, прилично выпив, он сам начал рассказывать про камни.

— Вспомнил, — проговорил я. — Пол рассказал нам, что как раз на этой неделе его пригласили посмотреть на только что полученный от инопланетян звездный камень, который демонстрировался в Нью-Йорке. Он сделал сотни фотографий, используя всевозможные фильтры, исписал полную записную книжку заметками, собрал всевозможные сведения об этом камне, а потом занялся созданием дубликатов. Пол говорил, что хочет найти дешевой способ их производства, чтобы наладить выпуск сувениров. Полдюжины экземпляров на полке представляли его самые удачные достижения. Он гордился ими.

— Верно. Я заметил, что в мусорной корзине валяется несколько менее удачных образцов. Я поднял один из наиболее симпатичных и поднес его к свету. Камень мне понравился — на первый взгляд он ничем

не отличался от тех, что стояли на полке Пол обратил внимание, что я держу в руках этот камень, улыбнулся и спросил. «Тебе он нравится?» Я сказал, что да «Тогда можешь взять его», — разрешил он.

— И ты его взял. Именно так все и было

— Да, но на этом дело не кончилось, — продолжал Хал. — Я взял камень с собой к столу и положил рядом с деньгами — так что всякий раз, когда делал новую ставку, смотрел на него. Через некоторое время я заметил в нем крошечный изъян у самого основания. Изъян был совсем незначительным, но чем больше я смотрел на него, тем сильнее он меня раздражал. Поэтому, когда вы оба вышли из комнаты за новой порцией холодного пива и лимонада, я подменил его на один из тех, что стояли на полке.

— Теперь я начинаю понимать.

— Ладно, ладно! Наверное, мне не следовало этого делать. В тот момент мне казалось, что ничего страшного не произойдет. Всего лишь пробные сувениры — отличие можно было заметить только если смотреть очень внимательно.

— Однако он заметил, когда выбрасывал неудачные экземпляры.

— Из чего следовало, что Пол считает оставшиеся превосходными и не станет их больше разглядывать. Да и какая тут вообще может быть разница? Даже если бы пропали все шесть, ответ представляется мне очевидным.

— Да, выглядит все именно так, как ты говоришь, надо отдать тебе должное. Но Пол *все-таки* проверил — а теперь получается, что камни имели куда более важное значение, чем он говорил в ту ночь. Почему?

— Я много думал об этом, — произнес Хал. — Первое, что приходит в голову: Пол придумал историю с сувенирами для того, чтобы просто похвастаться перед нами камнями. Предположим, что кто-то, представляющий ООН, обратился к нему с предложением сделать дубликат — или несколько дубликатов — для них? Оригинал бесценен, заменить его

невозможно и он выставлен перед публикой. Чтобы не допустить кражи или избежать неприятностей с каким-нибудь маньяком, вооружившимся молотком, они вполне могли принять решение выставить на всеобщее обозрение дубликат. Пол — самый подходящий кандидат на выполнение этой работы. Стоит завести разговор о кристаллографии, как сразу всплывет его имя.

— Кое с чем я могу согласиться, — кивнул я, — но в целом твоя версия не выдерживает серьезной критики. Зачем беспокоиться о потерянном дубликате, если можно создать новый? Почему просто не забыть о потерявшемся камне?

— Нарушение режима секретности?

— Если дело в секретности, мы ее не нарушали. Это сделал он. Зачем было так нажимать на нас, когда мы уже практически забыли об этой истории? Нет, в твоей версии концы с концами не сходятся.

— Хорошо, что же тогда происходит?

Я пожал плечами.

— У нас недостаточно информации, — ответил я, вставая. — Если ты все же решишь обратиться в полицию, не забудь сказать им, что ты и в самом деле украл у него ту вещь, которую он так хочет вернуть.

— Ну знаешь, Фред, это удар ниже пояса.

— Зато правда. Интересно, какова подлинная цена камня? Я забыл, где проходит граница между мелкой кражей и серьезным ограблением.

— Ладно, твой намек принят. А что собираешься делать ты?

Я пожал плечами:

— Ничего, наверное. Буду просто ожидать дальнейшего развития событий. Дай мне знать, если тебе придет в голову что-нибудь новенькое.

— Хорошо. Ты сделаешь то же самое?

— Да.

Я направился к дверям.

— Ты уверен, что не хочешь остаться на обед? — спросил Хал.

— Нет, спасибо. Мне надо бежать.

- Тогда до встречи.
— До встречи. Не принимай эту историю близко к сердцу.

Я иду мимо темной пекарни. На стеклах блики света и тени.

«ТЫ ЧУВСТВУЕШЬ МОЙ ВКУС, БРЕД?» — прочитал я.

Поколебавшись, я остановился, оглянулся и увидел, что тени создали анаграмму из рекламной вывески. Фыркнув, я поспешил дальше.

Куски и обрывки...

Ближе к полночи, когда я испытывал новый маршрут, поднимаясь на собор, мне показалось, что я насчитал лишнюю горгулью*.

Однако, подобравшись поближе, я увидел, что это профессор Добсон, который устроился на контрафорсе — опять выпил и считает звезды.

Добравшись до ближайшего карниза, я присел рядом отдохнуть.

— Добрый вечер, профессор.

— Привет, Фред. Да, ты совершенно прав. Прекрасная ночь. Я надеялся, что ты присоединишься ко мне. Выпей со мной.

— У меня низкая сопротивляемость, — ответил я. — Я редко пью.

— Сегодня особый случай.

— Ну, тогда совсем немного.

Я взял бутылку, которую он протягивал мне, и сделал глоток.

— Хорошая штука. Очень хорошая, — похвалил я, возвращая бутылку. — Что это такое? И какой сегодня случай?

* Рыльце водосточной трубы в виде фантастической фигуры — в готической архитектуре.

— Старый замечательный коньяк, который я берег двадцать лет ради сегодняшнего вечера. Звезды наконец свершили свой огненный путь и встали на нужные места — посылая мне доброе предзнаменование.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я выхожу на покой, мне больше не придется участвовать в этих отвратительных крысиных бегах.

— О, примите мои поздравления. Я ничего не слышал.

— Так и было задумано. Мною. Терпеть не могу прощальных речей. Осталось завершить разные мелкие дела, и я смогу уехать. Наверное, на следующей неделе.

— Ну, надеюсь, вы получите удовольствие от своей отставки. Мне не так часто удается встретить людей, которые разделяют мои интересы. Мне будет вас недоставать.

Он сделал глоток из бутылки, кивнул, но ничего не сказал. Я закурил, посмотрел вниз на спящий город, а потом поднял взгляд на звезды. Ночь выдалась прохладной, ветер был влажным и освежающим. Снизу доносился негромкий шум моторов проезжающих мимо машин — казалось, стрекочут насекомые. Лишь изредка мелькали летучие мыши, на миг закрывая своими крыльями созвездия.

— Алькаид, Мицар, Алиот, — пробормотал я, — Мергец, Фекда...

— Мерак и Дубхе, — добавил он, закончив перечисление звезд Большой Медведицы, чем изрядно удивил меня: и тем, что расслышал мои слова и тем, что знал названия остальных звезд.

— Они по-прежнему сияют там, где я оставил их много лет тому назад, — продолжал профессор. — Сейчас у меня возникло очень странное чувство — его я и пытаюсь проанализировать сегодня ночью. Доводилось ли тебе вспоминать о каком-нибудь событии из прошлого, которое вдруг становилось таким ярким, что все случившееся с тех пор начинало походить на

короткий сон, будто все это произошло с кем-то другим — один майский день и не более того?

— Нет, — ответил я.

— Однажды, когда это с тобой произойдет, вспомни этот коньяк, — сказал он, сделал еще один глоток и передал мне бутылку.

Я последовал его примеру и вернул коньяк обратно.

— Однако в действительности многие тысячи дней едва ползут. Мелкие шажки, не более того, — продолжал профессор. — Умом я все понимаю, но что-то иное отрицает мое знание. Я отчетливо ощущаю разницу, потому что для меня столь велико отличие прошлого от настоящего. Изменения накапливались. Космические путешествия, подводные города, успехи медицины — даже наш первый контакт с инопланетянами — эти события произошли в разное время, но ведь все остальное при этом не менялось. Мелкие шажки. Одинокое новшество. А потом, в другой раз, случается что-то еще. И еще. Не происходит множественных революционных изменений. Однако процесс постоянно нарастает. И приходит время отправляться на покой. Именно тогда у человека появляется время для размышлений. Он вспоминает свою юность в Кембридже и видит юношу, сидящего на крыше здания. Он смотрит на звезды. Он чувствует под руками черепицу крыши. Все, что произошло вслед за этим, — сплошное калейдоскопическое мелькание в монохроме. Только что он находился здесь, а теперь он уже там. Все остальное мираж. Два различных мира, Фред, два совершенно различных мира — и тот юноша в самом деле не видит, как все произошло, он не заметил момента, когда один мир превратился в другой... Всю сегодняшнюю ночь меня преследует эта мысль.

— А это приятная мысль или нет? — спросил я.

— Сам не знаю. Я еще не успел обдумать эмоциональную сторону вопроса.

— Когда вы придете к какому-нибудь выводу, сообщите о нем мне, ладно? Вы меня заинтриговали.

Профессор рассмеялся. Я тоже.

— Забавно, что вы так и не бросили лазать на крыши, — сказал я.

Он немного помолчал, а потом ответил:

— Насчет крыш, тут все странно получилось... Конечно, когда я был студентом, была такая традиция, хотя мне это нравилось больше, чем другим. Я продолжал заниматься этим еще несколько лет после окончания университета, а потом стал подниматься на крыши зданий все реже и реже, по мере того как переезжал с одного места на другое. И все же порой меня вдруг охватывало сильное желание куда-нибудь забраться. Тогда я брал отпуск и отправлялся туда, где была подходящая архитектура. Ночь за ночью я лазал по крышам зданий и забирался на высокие шпили.

— Акрофилия, — заметил я.

— Верно. Однако окрестить явление еще не значит понять его. Я никогда не мог объяснить, почему я это делал. По правде говоря, и сейчас не могу. Довольно долго я этим не занимался. Возможно, тут все дело в гормональных переменах — средний возраст и все такое. Кто знает? Потом я приехал преподавать сюда. Здесь я вскоре услышал о твоих развлечениях, и ко мне вернулось прежнее влечение, я вновь начал путешествовать по крышам зданий. С тех пор занимаюсь этим постоянно. Теперь я гораздо чаще размышляю о том, почему люди перестают лазать, чем о том, почему начинают.

— Это кажется таким естественным.

— Именно.

Профессор глотнул немного коньяка и предложил мне. Я бы с удовольствием выпил еще, но свою норму я хорошо знал, а сидя здесь на карнизе, я не мог себе позволить перебрать спиртного. Тогда он отсалютовал бутылкой небу.

— Да здравствует дама, которая всегда улыбается! — воскликнул он и выпил двойную порцию — за себя и меня.

— За скалы империи, — добавил он в следующий момент, указав на другой сектор звездного неба, после чего сделал новый глоток.

Сектором он, правда, ошибся, но это не имело значения. Профессор не хуже меня знал, что нужный участок еще находится за горизонтом.

Он откинулся назад, нашел сигару, зажег ее и задумчиво произнес:

— Интересно, сколько глаз у тех голов, что сейчас разглядывают «Мону Лизу»? Может быть, они фасетчатые? Неподвижные? Какого они цвета?

— Только два. Вы же знаете. Вроде как карие — такие они, во всяком случае, на фотографиях.

— Неужели тебе так хочется положить конец моей романтической риторике? Кроме того, Астабиган посещает множество представителей других рас, которые тоже будут рассматривать картину.

— Верно. Могу только добавить, что драгоценности, принадлежащие британским монархам, сейчас находятся у народа с серповидными зрачками. А глаза у них цвета лаванды, если не ошибаюсь.

— Достаточно. Благодарю тебя.

Падающая звезда прочертила небосвод, а вслед за ней полетел окурок моей сигареты.

— Я иногда думаю, было ли это честным обменом? — проговорил профессор. — Мы не понимаем принципов работы машины Ренниуса, и даже инопланетяне не вполне уверены в том, что именно представляет из себя звездный камень.

— Ну, это ведь не обмен в чистом виде.

— Два сокровища Земли были отданы им, а мы получили два сокровища инопланетян. Как еще это можно назвать?

— Звено в цепи кула, — сказал я.

— Я не знаком с этим термином. Расскажи мне о нем.

— Когда я читал о деталях сделки, мне пришла в голову одна параллель. Кула — церемониальное путешествие, которое предпринималось в разные времена жителями Тробрианских островов и папуасами Ме-

ланезии к востоку от Новой Гвинеи. Нечто вроде двойной цепочки — движение в противоположных направлениях между островами. Цель церемонии состояла во взаимном обмене предметами, не обладающими очевидной функциональной ценностью, но представляющими культурное достояние каждого племени. Обычно это были украшения — ожерелья, браслеты, наделенные именами и красочными историями. Они медленно перемещались вдоль цепи островов, сопровождаемые рассказами, которые множились и расцветались разнообразными подробностями, а потом ими обменивались. Сам обмен представлял из себя чрезвычайно торжественную церемонию, цель которой состояла в том, чтобы создать некое единение, наложить на племена взаимные обязательства и сказать о доверии. Теперь, полагаю, вам очевидно сходство этого обычая и нашего обмена с инопланетянами. Культурные реликвии являют собой символ взаимного доверия. В процессе движения от одного народа к другому они неизбежно вызывают некие общие чувства. Именно в этом и заключается истинная цель цепочки кула, как я ее понимаю. Поэтому мне не нравится слово «обмен».

— Очень интересно. В тех отчетах, которые попадались мне на глаза, я ни разу не видел подобных рассуждений — кроме того, я нигде раньше не встречал упоминаний о феномене кула. Скорее принято описывать этот процесс, как плату за вступление в галактический клуб, цену, которая назначена за выгоды торговли и обмен новыми идеями. Нечто в этом роде.

— Подобные заявления были сделаны скорее с пропагандистскими целями, чтобы ослабить протесты общественности, возмущенной утратой земных сокровищ. Нам было обещано, что мы получим свои сокровища обратно. Я уверен: со временем мы приобретем и кое-что еще, но это не будет прямым следствием обмена. Нет. Наши правительства решили воспользоваться старым, проверенным временем принципом: народу дается простое, понятное объяснение сложного процесса.

— Да, теперь мне многое стало ясно, — сказал профессор, потягиваясь и зевая. — По правде говоря, твое объяснение мне нравится куда больше официального.

Я зажег другую сигарету.

— Благодарю. Однако я просто обязан отметить, что меня всегда ужасно привлекали идеи, которые нравились мне с эстетической точки зрения. Космический взгляд на проблему — межзвездная цепочка кула — подтверждающий различия и в то же самое время подчеркивающий сходство всех разумных рас Галактики, связывающий их вместе, создающий общие традиции... Эта мысль мне очень нравится.

— Естественно, — согласился он, а потом показал на верхнюю часть собора. — Послушай, ты собираешься сегодня забраться на самый верх?

— Наверное, немного погода. А вы хотите сделать это прямо сейчас?

— Нет, нет. Мне просто любопытно. Ведь обычно ты поднимаешься на самый верх, не так ли?

— Да. А вы?

— Не всегда. На самом деле последнее время я больше держался средних высот. А спросил потому, что у тебя сегодня, похоже, настроение пофилософствовать.

— Это заразно.

— Ладно. Тогда скажи мне, что ты чувствуешь, когда оказываешься на самом верху?

— Эмоциональный подъем. Ощущение, что я добился чего-то.

— Перед тобой открывается лучший вид. Ты можешь видеть дальше и больше деталей пейзажа. Значит, дело в этом? Лучшая перспектива?

— Может быть, частично дело в этом. Но когда я оказываюсь на самом верху, меня всегда преследует желание забраться еще выше, и я всегда чувствую, что могу это сделать, что вот сейчас у меня все получится.

— Да, правда, — согласился он.

— А почему вы спросили?

— Даже не знаю. Наверное, мне хотелось, чтобы ты мне напомнил. Юноша из Кембриджа сказал бы то же самое, но я почти забыл об этом. Изменился не только мир.

Он отпил еще коньяка.

— Интересно, на что это было похоже? Первая встреча с инопланетянами... Трудно поверить, что с тех пор прошло уже несколько лет. Правительства, конечно, дают нам конфетную версию того, что произошло; вряд ли нам когда-нибудь суждено узнать, что было сделано и сказано на самом деле. Случайная встреча: ни мы, ни они не были знакомы со звездной системой, где два корабля оказались одновременно. Проводили исследования. Для них это, конечно, было куда меньшим потрясением — ведь они знакомы с множеством других рас нашей Галактики. И все же... Я помню неожиданное возвращение наших космонавтов. Миссия исполнена — на полвека раньше, чем предполагалось. Вместе с ними прилетело разведывательное судно с Астабигана.

Если объект достигает скорости света, он превращается в тыкву. Это известно каждому. Но инопланетяне нашли возможность обманывать пространство и лишать его урожая тыкв — они провели наш корабль через туннель, созданный *под* пространством. А может быть, они построили мост *через* пространство? Или что-то в этом роде. Математикам будет где разгуляться. Странное чувство... Все произошло совсем не так, как я ожидал.

Знаешь, так бывает, когда взбираешься на шпиль или купол — дело действительно трудное, — и вот ты уже наверху и теперь уже совсем просто добраться до самого верха. Ты поднимаешь голову — и видишь, что кто-то там уже сидит.

Вот мы и вступили в галактическую цивилизацию — свободную конфедерацию народов, которая существует многие тысячелетия. Нам повезло — это вполне могло бы занять пару столетий. Или нет. Мои чувства были и остаются неоднозначными. Разве можно забраться еще выше после таких событий? Они на-

учили нас строить корабли, которые защищены от эффекта тыквы. И еще нас предупредили о правах на небесную собственность. Они предоставили нам место в своей программе обмена, вряд ли нам удастся проявить в ней себя с самой лучшей стороны. В последующие годы изменения будут происходить все быстрее и быстрее. Мир может даже начать меняться так стремительно, что это станет заметно. Что тогда? Когда закончится продвижение вперед мелкими шажками, все могут оказаться в таком же недоумении, как старый, пьяный лазатель по соборам, который был удостоен возможности узреть миг, превративший юношу из Кембриджа в нынешнего профессора. Что тогда? Узреть пружину часового механизма и превратиться в тыкву? Уйти на покой?

Алькаид, Мицар, Алиот, Мегрец, Фекда, Мерак и Дубхе... Они были там. Они знают их. Возможно, в глубине души я хотел, чтобы мы были в космосе одни — чтобы могли заявить, что все принадлежит нам. Или чтобы инопланетяне, с которыми мы встретимся, были во всем, хоть немного, но позади нас. Завистливый, гордый, самовлюбленный... Верно. Оказывается, мы всего навсего провинциалы, да поможет нам Бог!..

Осталось еще достаточно, чтобы выпить за наше здоровье. Отлично! Давай выпьем! Я плюю в лицо Времени, которое преобразило меня!

С ходу на это я ничего не смог сказать, поэтому просто промолчал. Я готов был согласиться с профессором кое в чем, но не более того. Тут я пожалел, что он допил весь свой коньяк.

Некоторое время спустя профессор сказал:

— Не думаю, что сегодняшней ночью я полезу дальше.

Я вынужден был признать, что это очень разумная мысль, поскольку и сам решил отказаться от дальнейших приключений, и мы стали спускаться вниз по спирали, пока не оказались внизу, а потом я проводил доброго профессора до дому.

Обрывки и кусочки. Кусочки...

Прежде чем улечься спать, я успел прослушать конец сводки новостей.

Удалось пролить свет на историю с Полом Байлером, профессором геологии, который ранее подвергся нападению вандалов в Центральном Парке, лишивших его не только денег, но и сердца, легких, печени и почек.

Глубокой ночью мой мозг выплеснул из темного аквариума образов переплетение ускользающих снов, балансирующих на блистающих в ночи прозрачных гранях сознания, мелькающих словно ослепительные лики, не говоря уже о кинестетических/синестетических «ТЫ МЕНЯ ЧУВСТВУЕШЬ, ЛЕД?», которые длились много дольше, чем все остальное, потому что позднее, много позднее, третья чашка утреннего кофе превратила их в грошовой извивы цвета.

Глава 3

Вспышка, всплеск. Мрак. Танец звезд.

Массивный золотой кадиллак Фазтона разбился, но никто этого не услышал. Загорелся, вспыхнул в последний раз и погас. Совсем как я.

По крайней мере, когда я снова проснулся, была ночь, а я чувствовал себя премерзко.

Руки и ноги у меня были связаны прочными кожаными ремнями, песок и мелкие камешки служили подушкой, а заодно и матрасом, рот, нос, глаза и уши забиты пылью — отличная добыча для всяческих микробов. Я хотел пить, был голоден, весь в синяках и меня отчаянно трясло. Вспомнились слова одного из моих бывших кураторов, доктора Мерими: «Вы являетесь живым примером абсурдности всего сущего».

Из этих слов ясно, что Мерими специализировался на французской литературе середины двадцатого века. И все же, все же, может быть, его искаженные толстыми стеклами очков глаза как раз и заглянули в самую суть моего нынешнего положения. Несмотря на то что он покинул университет уже довольно-таки давно, окутанный дымкой какой-то скандальной истории, в которой были замешаны девушка, карлик и осел — или как раз благодаря этому, — Мерими в последние годы стал чем-то вроде оракула в моем личном космосе, и его слова теперь часто возвращаются ко мне в обстоятельствах, не имеющих ничего общего

с предварительной беседой, которую проводит куратор со студентом в начале семестра.

Обжигающий песок окатывал меня этими словами целый день, а потом холодный ночной ветер шептал их, словно надоевший припев песенки, мне в ухо, которое превратилось в подгоревшую телячью отбивную: «Вы являетесь живым примером абсурдности всего сущего»

Если задуматься над этими словами, их можно интерпретировать множеством самых разнообразных способов, а у меня была масса свободного времени — в данный момент. С одной стороны, можно подумать о сущем. С другой, о живом. Или, например, об абсурдности.

Ах да. Руки..

Я попытался пошевелить пальцами и не понял, слушаются они меня или нет. Вполне может быть, что их там и вовсе нет, а я стал жертвой фантомных болей. На случай, если пальцы все-таки на месте, я некоторое время размышлял о гангрене.

Проклятье. И еще раз — проклятье. Очень огорчительно все это.

Семестр начался, и я уехал. Договорившись о пересылке всей моей корреспонденции Ральфу, с которым мы вместе владели антикварной лавкой, я направился на запад, задержался по дороге ненадолго в Сан-Франциско, Гонолулу и Токио. Прошло несколько недель. Тихо и спокойно. Потом я провел пару дней в Сиднее — ровно столько, сколько мне было нужно, чтобы получить причитающуюся мне дозу неприятностей. Они возникли в тот момент, когда я решил взобраться на напоминающий громадную рыбину оперный театр, выстроенный на мысе Бенелонг, совсем недалеко от гавани.

Я покинул город хромая и с дисциплинарным взысканием в кармане. Полетел в Алис-Спрингс. Забрал там воздушный скутер, который заказал заранее. Отправился в путь ранним утром, до того как невыносимая дневная жара и свет разума вступили в свои законные права. Местность показалась мне подходя-

щей для тренировочных занятий будущих святых, чтобы они заранее могли подготовиться к тому, что их ждет. Несколько часов ушло на поиски подходящего места и на устройство лагеря. Я не предполагал, что пробуду здесь долго.

В том районе найдены наскальные рисунки, довольно старые, занимающие площадь, равняющуюся примерно двум тысячам квадратных футов. Местные аборигены утверждают, что не имеют ни малейшего представления о том, откуда взялись эти рисунки и с какой целью были сделаны. Я видел фотографии, но мне хотелось взглянуть на них собственными глазами, сделать несколько своих снимков, скопировать парочку рисунков и потратить немного времени на раскопки.

Я вернулся в тень своего убежища, выпил лимонада и, попытавшись успокоиться, начал рассматривать высеченные на камне рисунки. Хотя сам я очень редко занимаюсь рисованием на стенах, я всегда сопереживал тем, кто считал необходимым именно таким способом осчастливить своих потомков.

Чем глубже ты погружаешься в прошлое, тем интереснее тебе становится. Возможно, правы те, кто утверждает, что наскальная живопись родилась во времена троглодитов, когда какой-нибудь новоиспеченный художник находился в месте, служившем сортиром, — что-то вроде изобразительной сублимации самого примитивного, с точки зрения эволюционного процесса, способа разметки территории. Однако, любому должно быть очевидно, что, когда люди начали штурмовать горы и карабкаться на стены для того, чтобы оставить там примеры своего искусства, из обычного времяпрепровождения этот вид деятельности превратился в одну из форм живописи.

Я не раз размышлял о том парне из времен мастодонтов, который первым остановился возле скалы или стены пещеры и начал с интересом ее разглядывать. «Интересно, — задавал я сам себе вопрос, — что заставило его вдруг полезть наверх, чтобы нацарапать на камне свои каракули?» Меня страшно занимало,

что он чувствовал в тот момент. И как отнеслось к этому общественное мнение. Собратья вполне могли проделать в художнике достаточное количество дырок, чтобы вселившийся в него подозрительный дух мог спокойно покинуть брненное тело. А может, смелая инициатива была охотно подхвачена многими, потому что творческие способности наших далеких предков только и ждали подходящей возможности вырваться наружу, и их необычное проявление считалось таким же естественным, как откручивание ушей. Невозможно ответить на все эти вопросы наверняка. И очень трудно оставаться равнодушным.

Как бы там ни было, днем я сделал собственные фотографии рисунков, а вечером и на следующее утро выкопал несколько ямок. Большую часть второго дня я посвятил копированию рисунков и фотографиям. Продолжал раскопки и нашел предмет, похожий на тупую каменную стамеску. На следующее утро мне не повезло: я не раскопал ничего интересного, хотя работал гораздо дольше, чем собирался.

Потом я вернулся в тень своей палатки, чтобы обработать ссадины и царапины и восстановить баланс жидкости в организме. Сделал заметки о том, чем занимался все утро, и записал несколько собственных, достаточно свежих мыслей на предмет всего этого предприятия. Около часа дня я перекусил, а потом снова вернулся к своим записям.

Почти сразу после трех над палаткой пронесся азробиль, повернул и начал снижаться. У меня его поведение вызвало легкое беспокойство, поскольку я не имел никакого официального разрешения заниматься тем, чем занимался. Где-то на листке бумаги или на карточке, а может быть, на пленке — впрочем, возможно, на том, другом и третьем — я числился туристом. Мне не было известно, нужно ли иметь разрешение на то, что я тут делал, но я всерьез подозревал, что получение такого разрешения — процедура обязательная. Время значит для меня очень много, бумажная волокита отнимает его, а я всегда был уверен, что имею полное право делать то, что мне никто не

может помешать делать. Иногда, правда, приходится прикладывать достаточные усилия для того, чтобы моя деятельность оставалась скрытой от посторонних глаз. Все это совсем не так плохо, как звучит, поскольку я приличный, цивилизованный и приятный во всех отношениях парень.

Итак, прикрыв глаза рукой от ослепительно яркого синего сияния, я попытался придумать способ убедить в этом представителей власти. Пожалуй, лучше всего будет что-нибудь наврать.

Аэробиль приземлился, и из него вышли двое. На вид они совсем не были похожи на официальных лиц, но я всегда делал скидку на обстоятельства и местные обычаи, поэтому встал, чтобы поприветствовать их. Один из мужчин был примерно одного со мной роста — то есть немного меньше шести футов, довольно плотного телосложения, с небольшим животиком. Светлые волосы и глаза, легкий загар. И пот — ручьями. Его приятель, который был на несколько дюймов выше и на несколько тонов темнее, сердито откинул прядь непослушных черных волос со лба, когда пошел в мою сторону. Худой, в прекрасной спортивной форме. На ногах у обоих были городские башмаки, а не подходящие к данному случаю сапоги. Отсутствие головных уборов в такую жару показалось мне несколько странным.

— Фред Кассиди? — спросил первый мужчина, остановившись в нескольких шагах от меня и повернувшись, чтобы рассмотреть стену с рисунками и траншеею, которую я выкопал.

— Да, — ответил я. — Собственной персоной.

Он достал удививший меня своей изящностью тонкий носовой платок и вытер им лицо.

— Нашел то, что искал?

— А я ничего особенного не искал, — сообщил я ему.

— Такое впечатление, что ты тут неплохо потрудился, — хихикнув, заявил мне толстяк, — чтобы найти это «ничего».

— Это исследовательская траншея, — объяснил я

— А что ты тут исследуешь?

— Может, скажете мне, кто вы такие и почему задаете вопросы? — поинтересовался я.

Ноль внимания.

Толстяк направился к моей траншее, прошел вдоль нее, несколько раз остановился, чтобы заглянуть внутрь. Пока он этим занимался, его приятель подошел к моей палатке, потянулся к рюкзаку, и я что-то крикнул ему, но он все равно открыл рюкзак и высыпал содержимое на землю.

Я добрался до него как раз в тот момент, когда он разглядывал мои бритвенные принадлежности. Он скинул мою руку, а когда я снова попытался схватить его, сильно толкнул меня. Я споткнулся. И, еще не успев упасть, сообразил, что они не полицейские.

Не поднимаясь на ноги, я сильно врезал ему по голени каблуком сапога. Результат получился не таким впечатляющим, как в тот раз, когда я ударил Пола Байлера в пах, но для моих целей этого было вполне достаточно.

Вскочив на ноги, я нанес парню прицельный удар в челюсть. Он упал и остался неподвижно лежать. Совсем неплохо для одного удара. Если бы я смог это сделать, не держа в руке камень, то представлял бы опасность для окружающих.

Мой триумф длился всего несколько секунд. А потом мне на спину обрушился целый мешок пушечных ядер — такое, во всяком случае, у меня возникло ощущение.

На меня напали сзади и швырнули на землю, что было совсем неспортивно. Толстяк оказался гораздо подвижнее, чем можно было судить по его внешности, и когда он ловко заломил мне руку за спину и схватил за волосы, я начал понимать, что большая часть его массы приходилась на тренированные мышцы. А то, что я принял за животик, было железобетонным брюшным прессом атлета.

— Ну ладно, Фред. Кажется, пришло время поговорить, — сказал он.

Звездный танец...

Я лежал на земле и ничего не понимал: я был избит, оглушен, наполнен болью и думал о том, что профессор Мерими оказался очень близок к неподвижному, холодному центру всего сущего, где обитают определения. Абсурд — мертвец протягивает мне руку помощи.

Я лежал и беззвучно ругал себя, вспоминая свои действия, пока краем глаза не заметил, как по южной границе моего тела двигается маленькое темное пушистое существо. Оно остановилось, посмотрело на меня и снова устремилось вперед. Я ни секунды не сомневался, что это какой-то хищник. После отчаянных попыток унять дрожь мне удалось сделать вид, что яжимаю плечами. Звать на помощь не было никакого смысла. Абсолютно никакого. Покинув этот мир таким способом, я смогу одержать верх над своими врагами. Некоторое утешение.

Так что я попытался развить в себе стоицизм, одновременно стараясь получше рассмотреть зверя. Он дотронулся до моей правой ноги, и я конвульсивно дернулся, хотя и не почувствовал никакой боли. Прошло некоторое время, и зверь перебрался к левому боку. Может, он съел мою онемевшую ногу? Интересно, понравилась она ему?

Спустя еще несколько секунд существо вновь повернулось и двинулось наверх, вдоль моего левого бока, а я, наконец, сумел его рассмотреть — это был маленький сумчатый зверек, довольно глупый на вид, в котором я узнал вомбата* — безобидного, любопытного и совершенно не собирающегося употреблять в пищу мои конечности.

Я вздохнул и немного расслабился. Он мог нюхать меня, сколько ему заблагорассудится. Когда вы собираетесь умирать, даже вомбат покажется вам приятной компанией. Я вспомнил о повисшей у меня на спине тяжести и о том, как здоровенный подонок,

* Сумчатое травоядное животное, обитает в Австралии

не обращая внимания на своего лежащего на земле приятеля, заломил мне руку и, усевшись на меня верхом, сказал:

— Единственное, что мне от тебя нужно, это камень. Где он?

— Камень? — произнес я с вопросительной интонацией.

Давление на мою руку усилилось.

— Камень Байлера. Ты знаешь, о чем я говорю.

— Да, знаю! — согласился я. — Только не надо так сильно давить на мою руку, ладно? Тут нет никакого секрета. Я все расскажу.

— Давай, — лениво отозвался здоровяк, чуть-чуть ослабив хватку.

Тогда я рассказал ему все, что мне было известно о нашем пресс-папье и о том, как оно к нам попало. Я выложил ему все, что знал об этой проклятой штуке.

Как я и опасался, он не поверил ни единому моему слову. Более того, его партнер оклемался, пока я говорил, тоже пришел к выводу, что я лгу, и с видимым удовольствием проголосовал за продолжение допроса.

Чем они и занялись незамедлительно и с большим энтузиазмом, а когда прошло несколько весьма запоминающихся красных, электрических минут и они остановились перевести дух и помассировать костяшки пальцев, высокий сказал тяжелому:

— Очень похоже на то, что нам рассказывал Байлер.

— Похоже на то, что Байлер говорил, что этот тип рассказывал ему, — поправил его другой.

— Если вы уже встречались с Полом, — вмешался я, — то вряд ли я смогу сообщить вам что-нибудь новое. Как мне показалось, Пол Байлер имел некоторое представление о том, что происходит, — чего не могу сказать о себе, — а я доложил ему все, что мне было известно о камне: то же самое я только что рассказал вам.

— О да, мы поговорили с Полом Байлером, — доверительно сообщил высокий, — а он с нами Можно

даже сказать, что он открылся нам... в буквальном смысле слова.

— Однако тогда мы не были уверены, являются ли его слова правдой, — со вздохом проворчал толстяк. — Теперь же я и вовсе сомневаюсь в том, что нам наплел твой дружок. Что ты сделал, как только Байлер отбросил копыта? Направился туда, где он провел не один год, и начал копать в земле. Вот как я все это понимаю: вы были с самого начала заодно и заранее договорились, что рассказывать. Я думаю, камень спрятан где-нибудь поблизости. У меня нет ни малейшего сомнения, что ты только и ждешь подходящего случая наложить на него руки. Так что ты нам все выложишь, приятель. Можешь сделать это сразу или после некоторых мучений. Выбирай.

— Я уже говорил вам...

— Как угодно, — заявил он.

Последовавший за этими словами промежуток времени не принес удовлетворения ни одной из заинтересованных сторон. Мои мучители не получили ничего из того, на что рассчитывали, — впрочем, я тоже. В тот момент я больше всего боялся какого-нибудь увечья. От любых побоев я со временем оправлюсь. А вот если кто-нибудь захочет отрезать мне пальцы или выколоть глаз, вопрос о жизни и смерти встанет куда более остро.

Но когда подобное дело начато, остановиться уже невозможно. До тех пор пока жертва продолжает сопротивляться, допрашивающий должен придумывать что-нибудь новенькое; и тогда, рано или поздно, наступает момент, когда смерть становится более привлекательной, чем жизнь. Когда допрос подходит к этой грани, между сторонами начинается соревнование: одна стремится к смерти, а другая пытается получить необходимую информацию.

Конечно, очень важным фактором здесь является уверенность в том, что допрашивающая сторона готова идти до конца. В данном случае я не сомневался, что они на это способны — ведь мне было известно о судьбе Байлера. Толстяка, совершенно очевидно, не

устраивала история, рассказанная Байлером. Если я достигну той самой поворотной точки, а потом выиграю соревнование, он опять останется ни с чем. Так как толстяк не желал поверить в то, что я и в самом деле ничего не знаю, он, должно быть, пришел к выводу, что у меня есть некий запас стойкости. Именно поэтому он и решил действовать осторожно, что, впрочем, никак не могло изменить окончательного результата.

Все это я сообщил ему в качестве преамбулы к его заявлению: «Давай-ка положим этого типа на солнце и понаблюдаем, как он превратится в большую сладкую изюмину». В предвкушении моей реакции он принялся тщательно вытирать лоб своим шелковым платочком. Однако их ждало очередное разочарование. Тогда они оставили меня на солнышке подсыхать, видимо, дожидаясь, пока я нальюсь сахаром и потемнею, а сами решили наведаться в холодильник своего азробила. Потом они удобно устроились в тени моей палатки, время от времени проводя для меня персональную рекламу холодного пива.

Так прошел день. Позднее они решили, что ночь на ветру под звездами среди песка просто необходима для моего быстреего обращения в изюм. Достав из азробила спальные мешки, мои гости плотно поужинали и стали устраиваться на ночь. Если они думали, что от запаха пищи мне захочется есть, они ошибались. Меня от всего этого просто тошнило.

Я внимательно наблюдал за тем, как день перемещался на запад.

Не знаю, как долго я был без сознания. Со стороны лагеря не доносилось никаких звуков, там было совсем темно. Вомбат отполз вправо и издавал оттуда негромкие ритмичные звуки. Он слегка касался моей руки, и я чувствовал, как он двигается и дышит.

Мне до сих пор не были известны имена моих обидчиков, к тому же мне не удалось узнать ни одного нового факта, касающегося предмета их рассле-

дования — звездного камня. Правда, особого значения это не имело, разве что в академическом смысле. Во всяком случае, на данном этапе звездный камень меня не очень занимал. Я не сомневался, что жить мне осталось совсем не долго. Ночь оказалась холодной, зубы у меня стучали не переставая, а если со мной не покончит холод, это сделают мои мучители.

Из курса физиологической психологии я помнил, что восприятие зависит прежде всего не от того, в каком состоянии находятся органы чувств, а от скорости происходящих с ними изменений. Таким образом, если я смогу лежать совершенно неподвижно, то сумею соперничать с японцем, забравшимся в горячую ванну, тогда ощущение холода пройдет. Впрочем, в данном случае речь скорее шла о вопросах удобства, а не выживания. И хотя в данный момент я думал только об облегчении своих страданий, неожиданно я почувствовал в сознании какое-то постороннее присутствие. Однако я не очень расстроился по этому поводу, потому что методы, которыми действовал чужак, вроде бы приносили мне пользу — это, естественно, был еще один способ показать мне, насколько я слаб и нерешителен. А я и не собирался ни с кем спорить по этому поводу.

Занимаясь в классе йоги, я часто прибегал к дыхательным упражнениям, которые помогали согреться. Я начал упражнение, но дыхание с хрипом вырвалось из моей груди, и я закашлялся.

Вомбат повернулся и прыгнул мне на грудь. Я открыл рот, чтобы завопить, но зверек засунул мне лапу прямо в глотку.левой рукой я схватил его за шею и изо всех сил сжал — только тут я сообразил, что моя левая рука свободна.

Зверек начал отбиваться от меня всеми четырьмя конечностями, потом приблизил мордочку прямо к моему лицу и хрипло прошептал:

— Вы опасно усложняете мою задачу, мистер Кассиди. Немедленно отпустите мою шею и не шевелитесь после этого.

Так, значит, у меня уже начался бред

Впрочем, даже в бреду я, казалось, стремился к достижению определенных удобств, поэтому я отпустил вомбата и попытался кивнуть. Он тут же убрал лапу из моего рта.

— Отлично. Ваши ноги уже свободны. Мне нужно только развязать правую руку, и мы будем готовы уйти.

— Уйти? — спросил я.

— Ш-ш-ш! — прошептал вомбат и занялся ремнем. Самая потрясающая галлюцинация за довольно длинный промежуток времени. Интересно, какой из моих неврозов вылился в такую странную форму.

Ничего определенного в голову мне не приходило. Впрочем, доктор Марко утверждает, что неврозы это такая хитрая, заковыристая штука, что нужно относиться к ним с уважением, особенно когда речь идет об их стремлении оставаться в тени или об их способности завладеть вами самыми необычными способами.

— Ну вот! — прошептал вомбат через несколько минут. — Ты свободен. Следуй за мной!

И начал отходить от меня.

— Подожди!

Он остановился, повернулся ко мне и спросил:

— В чем дело?

— Я не могу сдвинуться с места. Послушай, нужно, чтобы восстановилось кровообращение. У меня онемели руки и ноги.

Зверек фыркнул и подошел к тому месту, где я лежал.

— Самое лучшее лекарство — это движение, — сообщил он и, схватив меня за руку, заставил сесть. Для галлюцинации он был на удивление силен.

Вомбат безостановочно тянул меня за руку, пока я не свалился вперед и не оказался на четвереньках. Я чувствовал слабость, но держался.

— Прекрасно, — похлопав по плечу, похвалил меня вомбат. — Пошли.

— Подожди! Я умираю от жажды.

— Прости. Я путешествую налегке. Впрочем, если ты последуешь за мной, могу обещать, что со временем дам тебе напиток.

— Когда?

— Никогда, — взорвался он, — если будешь продолжать сидеть здесь! Мне кажется, из лагеря доносятся какие-то звуки. Пошли!

Я пополз к нему. А зверек сказал:

— Пригнись.

Совершенно ненужный совет, поскольку я все равно не мог подняться на ноги.

Он начал двигаться в противоположную от лагеря сторону, направляясь на восток, параллельно горному хребту, возле которого я работал. Я следовал за ним очень медленно, так что он время от времени останавливался, чтобы я мог его догнать.

Прошло несколько минут, и я почувствовал пульсирующую боль в конечностях. Падая, я произнес что-то очень непристойное. Вомбат бросился ко мне, но я успел прикусить язык до того, как он повторил свой фокус с засовыванием лапы мне в рот.

— Тебя очень трудно спасти, — укоризненно заявил вомбат. — Система кровообращения, манера поведения и самоконтроль находятся у тебя на самом примитивном уровне.

Мне в голову пришло еще одно непристойное ругательство, однако его я выговорил шепотом.

— Что ты и продолжаешь демонстрировать, — добавил зверек. — Ты должен делать только две вещи: идти за мной и молчать. У тебя плохо получается и то, и другое. Так что можно подумать...

— Давай двигай! — сказал я. — А я пойду за тобой! Что же касается твоих эмоций...

Я бросился к нему, но он ловко отскочил и направился дальше.

Не обращая ни на что внимания, кроме невыносимого желания придушить этого маленького нахала, я двинулся вслед за ним. Меня совершенно не беспокоило то, что вся ситуация была абсолютно абсурдной. Для подведения теоретической базы были Мери-

ми и доктор Марко, которые составляли отличную пару кривых зеркал, между которыми я и находился. При этом я изо всех сил старался не отставать от вомбата, преследовал его, что-то бормотал, сжигал адреналин и плевал в пыль, которую поднимали его маленькие проворные лапки.

Горный хребет стал ниже, и я увидел проходы между скалами. Мы заходили в них, поднимались наверх, затем спускались вниз по скалистым коридорам в абсолютную тьму... Теперь у нас под ногами был только камень. Один раз я поскользнулся, и вомбат мгновенно оказался рядом.

— Ты в порядке? — спросил он.

Я начал было смеяться, потом подавил смех.

— Ясное дело, я просто прекрасно себя чувствую.

Зверек постарался держаться вне пределов моей досягаемости.

— Нам осталось совсем немного, — попытался утешить меня он. — Потом ты сможешь отдохнуть. Я дам тебе возможность подкрепиться.

— Мне очень жаль, — сказал я, безуспешно пытаясь подняться, — но это все. Если я могу отдохнуть там, то с тем же успехом лучше подожду здесь. У меня кончился бензин.

— Дорога, по которой мы шли, каменистая, — проговорил вомбат, — твои враги вряд ли сумеют тебя выследить. Однако я бы чувствовал себя гораздо лучше, если бы ты смог пройти еще немного. Видишь, вон там, немного подальше, есть углубление. Если ты дойдешь туда, они, скорее всего, пройдут мимо, даже если им удастся напасть на наш след. Ну, что скажешь?

— Я скажу, что это звучит весьма привлекательно, хотя вряд ли я сумею добраться до твоего углубления.

— Попытайся. Еще чуть-чуть.

— Ладно.

Я с трудом поднялся на ноги, покачнулся и сделал несколько неверных шагов вперед. «Если упаду, — решил я, — то больше вставать не буду. Будь что будет».

В голове у меня было пусто и легко, а тело вдруг налилось свинцовой тяжестью. Однако я продолжал идти. Еще сотня футов...

Вомбат завел меня в скрытый тупичок, находящийся в стороне от прохода, по которому мы продвигались. Я повалился на землю, и окружающий мир закружился в бешеной пляске.

Мой спаситель вроде бы сказал:

— Я ухожу. Жди здесь.

— Ясное дело, — кажется, ответил я.

Меня снова охватил абсолютный мрак. Опаленная, хрупкая вещь (место) неопределенного размера (продолжительности). Я был в ней и, наоборот — равномерно распределен, одновременно полностью содержался внутри и снаружи системы кошмаров, мое сознание находилось в С в степени (-n), а еще — холодаждажархолодаждажар, словно период бесконечной десятичной дроби, повсюду (где угодно) на воображаемом уровне, который окружал...

Вспышки и образы...

— Ты меня слышишь, Фред? Ты меня слышишь, Фред?

Вода по капле стекает мне в рот. И снова мрак. Вспышка. Вода на лице, во рту. Тени. Стон...

Стон. Тени. Мрак — уже не такой чернильно-черный. Вспышка. Много вспышек. Свет, проникающий сквозь ресницы, тускло. Перемещающаяся подо мной земля. Стон — мой.

— Ты меня слышишь, Фред?

— Да, — сказал я, — да..

Движение прекратилось. Я услышал разговор на языке, который мне не удалось узнать. Потом земля поднялась мне навстречу.

— Ты в сознании? Ты меня слышишь?

— Да, да. Я уже сказал «да». Сколько раз...

— Похоже, он действительно пришел в себя. — Это поверхностное замечание было сделано голосом моего нового друга вомбата.

Однако я слышал еще один голос, хотя из того положения, в котором лежал, не мог рассмотреть говорившего. А повернуть голову было так трудно...

Я пошире открыл глаза и увидел, что лежу на плоской, порозовевшей от лучей восходящего солнца земле.

Все события предыдущего дня медленно представали перед моим мысленным взором, выбравшись из того места, где живут воспоминания, когда мы ими не пользуемся. Мои воспоминания вместе с выводами, которые я сделал из них, в той же мере, как и состояние моих мышц, были причиной того, что мне так не хотелось поворачивать голову, с тем чтобы посмотреть на моих спутников. К тому же просто лежать было совсем не плохо. Если я подожду достаточно долго, может быть, в следующий раз я приду в себя в каком-нибудь другом месте.

— Послушайте, — проговорил незнакомый голос, — не желаете ли откусывать бутерброд с ореховым маслом?

Осколки разбитых грез осыпали меня с ног до головы. Задыхаясь, я немного переместился и увидел длинные тени, упавшие на землю. Очертания были такими странными, что, когда мне наконец удалось поднять голову и рассмотреть кенгуру ростом более шести футов, стоящего рядом с вомбатом, я не слишком удивился.

Кенгуру наблюдал за мной сквозь темные очки, одновременно доставая коробку с бутербродами из своей сумки.

— Ореховое масло богато протеином, — наставительно сообщил он.

Глава 4

Находясь на высоте двадцати или тридцати тысяч миль, я вполне мог бы насладиться замечательным зрелищем: Калифорния отрывается от континента и исчезает под водами Тихого океана.

К сожалению, этого не произошло. Весь мир оторвался и куда-то исчез, в то время как корабль продолжал свой полет, а у меня за спиной шел спор. Тем не менее события развивались с такой скоростью, что мне казалось невозможным: промашка Сан-Андреаса еще даст мне несколько возможностей стать свидетелем столь желанного зрелища, обеспечив какого-нибудь писателя из далекого будущего материалом для книги, посвященной особенностям этого древнего мира и тому, с каким удивительным мастерством была предсказана его гибель. Когда тебе нечего делать, всегда можно предаться надеждам.

Поскольку сквозь иллюминатор, возле которого я сидел, отдыхая и вполуха прислушиваясь к горячему спору между Чарвом и Рагмой, я видел Землю и усыпанное звездами пространство вокруг нее — расстояние из расстояний, — меня охватило изумительное ощущение, рожденное, вне всякого сомнения, тем, что я пришел в себя после недавних страданий. Почти метафизическое удовлетворение акрофилических стремлений в сочетании с усталостью, которая медленно и легко охватывала все мое существо, словно изумительный снегопад из крупных снежинок.

Я еще никогда не был на такой высоте, не видел подобных гигантских пространств и был не в силах охватить их взглядом, меня переполняли мысли о космосе, космосе и снова космосе. Красота основ, как она есть и могла бы быть, протянула ко мне руки, и я вспомнил строчки, которые набросал давным-давно, сожалея, что мне приходится оставить занятия математикой, чтобы не получить диплома по этому предмету

Лишь Лобачевский узрел наготу Красоты
Она изгибается здесь, и вон там она изгибается
Ее ягодичи мудры,
А ее параллельные прямые
Соблазнительно переплетаются,
Ее треугольник — средоточие радости,
Ведь он меньше ста восьмидесяти градусов
Двойная симметрия ее песнопений
Не повергла великого Римана в волнение.
Он любит незатейливыми простушками,
Смазливими тевтонскими толстушками!
Но эллипс хорош далеко не всегда,
Скинь, скромность, покровы свои
И да предстанет пред нами во всей наготе Красота!
О гипербола, о тебе я мечтаю в ночи.

Весь мир — извивы, мне говорят,
А на прямой не ищи ничего
Перед смертью я Бога молю об одном
Видеть мир глазами Его

Меня клонило в сон. Я периодически терял сознание, потом приходил в себя, не имея ни малейшего представления о течении времени. От часов, естественно, не было никакого проку. Я изо всех сил старался не впасть в забытье снова; во-первых, потому что хотел продлить эстетическое удовольствие, которое испытывал, а во-вторых, я считал, что неплохо было бы понять, что происходит вокруг.

У меня не было уверенности в том, понимают ли мои спасители, что я нахожусь в сознании, поскольку

я лежал лицом к иллюминатору в гамаке, сплетенном из мягких паутинок. Впрочем, даже если они и догадывались об этом, тот факт, что они разговаривали на каком-то неземном языке, наверняка давал им ощущение изолированности.

Немного раньше я сделал открытие, которое сильно бы их удивило; во всяком случае, на меня самого оно произвело невероятное впечатление. Я вдруг осознал, когда немного сосредоточился, что понимаю, о чем они говорят.

Попытаюсь объяснить это сложное явление: стоило мне начать напряженно вслушиваться в их слова, как они ускользали от меня, словно отдельные рыбки из многотысячной стаи. Если же я принимался просто смотреть на воду, то начинал различать направление ее движения, плеск волн, разноцветные вспышки. В целом я был в состоянии понять, о чем говорили Рагма и Чарв, и не имел ни малейшего представления, как у меня это получалось.

Так что я перестал следить за течением времени, поскольку диалог постоянно повторялся. Куда приятнее было наблюдать за укороченной циклоидой, очерченной вокруг вулкана Чимборазо*, в тот момент, когда находишься над Южным полюсом и видишь эту часть поверхности Земли, вращающейся в противоположном направлении по отношению к телу, расположенному на орбите.

Мои мысли вдруг начали меня беспокоить. Откуда, например, могла взяться последняя? Мысль была красивой, но принадлежала ли она мне? Может, в подсознании открылась потайная дверь, выпустив на свободу поток моего либидо, который потащил за собой груды литературных отходов, накопившихся на его берегах, дабы доставить этот мусор на блистающие отложения ила, среди которого я привык проводить свой досуг? Или, может, все объяснялось телепатическим воздействием — я лежал здесь совершенно бес-

* Вулкан в центральном Эквадоре.

помощный, а вокруг на тысячи и тысячи миль не было никого, кроме чуждых разумов двух инопланетян? Вполне возможно, что один из них умеет передавать мысли на расстоянии.

Нет, не похоже. Мое восприятие чужого языка наверняка не было телепатическим. Их речь становилась все более и более понятной — теперь я уже различал отдельные фразы и даже слова, а не только общий смысл. Нет, это не было чтением мыслей.

Что же тогда?

Чувствуя, что совершаю святотатство, я заставил ощущение мира и покоя немного подвинуться в сторону, а потом изо всех сил оттолкнул их от себя. «Думай, черт возьми, — приказал я мозгу. — Ты слишком долго отдыхал, кончай эти праздники духа! Думай!»

И тогда я снова испытал жажду, боль и утренний холод... Да, Австралия. Я находился там...

Вомбат сумел убедить кенгуру, по имени, как я выяснил позднее, Чарв, что вода в тот момент была мне куда нужнее, чем бутерброд с ореховым маслом. Чарву пришлось признать, что вомбат лучше разбирается в вопросах человеческой физиологии, и разыскал фляжку с водой в своей сумке. Вомбат, которого звали Рагма, скинул свои лапы — или, скорее, рукавицы, напоминающие лапы, — обнажив крошечные шестипалые ручки с оттопыренным большим пальцем, и принялся потихоньку поить меня. Пока продолжалась эта приятная процедура, я сообразил, что они полицейские инопланетяне, переодетые в гражданское и выдающие себя за представителей местной фауны. Правда, причины подобного поведения были мне не совсем понятны.

— Тебе очень повезло... — сказал Рагма.

Немного отдышавшись, я заявил:

— Теперь я, кажется, понимаю смысл выражения «чуждая точка зрения». Похоже, вы представители расы мазохистов.

— Некоторые существа склонны благодарить тех, кто спас им жизнь, — отозвался Рагма. — К тому

же ты не дал мне закончить мысль Тебе очень повезло, что мы оказались рядом

— Пожалуй, верно, — согласился я — Спасибо Однако совпадения очень похожи на резину: если их слишком натягивать, они лопаются Извините, но мне кажется, что наша встреча не была такой уж случайной

— Мне очень жаль, если ты нас в чем-то подозреваешь, — ответил он, — ведь мы просто помогли тебе Я начинаю думать, что степень присущего тебе цинизма даже больше, чем предполагалось

— Кем предполагалось?

— Я не имею права об этом говорить, — сообщил вомбат

Он не дал мне возможности ответить ему подобающим образом, залив мне в глотку новую порцию воды Поперхнувшись, я успел немного подумать и решил смягчить очередную реплику

— Это просто смешно!

— Согласен, — не стал спорить он, — но теперь, когда мы здесь, все скоро будет в порядке

Я поднялся на ноги и потянулся, стараясь размять затекшие мышцы, а потом был вынужден присесть на ближайший камень, потому что у меня слегка закружилась голова

— Ладно, — сказал я и потянулся за сигаретами Оказалось, что все они сломаны — Тогда сообщите мне то, о чем вы имеете право говорить

Чарв достал пачку сигарет — те, что я обычно курил, — из своей сумки и протянул ее мне

— Если ты не можешь без них обходиться, пожалуйста

Я кивнул, достал сигарету и закурил

— Благодарю, — сказал я, возвращая пачку

— Оставь сигареты себе, — предложил он — Я сам курю нечто вроде трубки Должен тебя предупредить, что в данный момент ты гораздо больше нуждаешься в отдыхе и пище, чем в никотине Я снимаю показания твоего пульса кровяного давления и ско-

рости базового метаболизма при помощи маленького устройства, которое...

— Не обращай внимания, — перебил его Рагма, который достал из пачки сигарету и каким-то непостижимым образом прикурил ее. — Чарв ипохондрик. Однако, я думаю, нам следует вернуться на наш корабль, там мы сможем спокойно поговорить. Тебе все еще грозит опасность.

— Корабль? Что он из себя представляет? И где находится?

— В четверти мили отсюда, — ответил Чарв. — Рагма совершенно прав. Будет лучше, если мы покинем эти места незамедлительно.

— Мне только остается поверить вам на слово, — пробормотал я. — Но ведь вы искали меня — именно меня — не так ли? Вы знаете мое имя. И обладаете информацией обо мне...

— Ты сам ответил на свой вопрос, — заявил Рагма. — У нас были основания предполагать, что тебе грозит опасность, и мы оказались правы.

— Как? Откуда вы это могли знать?

Они переглянулись.

— Извини, — ответил Рагма. — Это еще одна.

— Еще одна — что?

— Вещь, которую нам не разрешено говорить.

— А кто решает, что запрещено, а что нет?

— Это еще одна.

— Ладно, — вздохнул я. — Надеюсь, что смогу пройти это расстояние. Если нет, вы об этом очень скоро узнаете.

— Вот и хорошо, — сказал Чарв, когда я поднялся на ноги.

На сей раз я почувствовал себя несколько увереннее — наверное, это было заметно. Он кивнул, повернулся и направился вперед скачками, совсем не похожими на походку кенгуру. Я последовал за ним, а Рагма оставался рядом со мной. Теперь он передвигался на задних ногах.

Местность была довольно ровной, поэтому идти было нетрудно. Через несколько минут у меня даже

появились радужные мысли о бутерброде с ореховым маслом.

Прежде чем я успел прокомментировать улучшение своего состояния, Рагма что-то закричал на инопланетном языке. Чарв ответил ему и резко ускорила шаг, едва не запутавшись в своих маскировочных одеяниях.

А Рагма повернулся ко мне:

— Он побежал вперед, подготовить все заранее, чтобы мы могли сразу взлететь. Если ты можешь двигаться быстрее, то, пожалуйста, постарайся.

Я сделал все, что было в моих силах, и осведомился:

— А куда мы так торопимся?

— Я обладаю очень острым слухом, — ответил Рагма. — Мне удалось установить, что Зимейстер и Баклер поднялись в воздух. Это может означать две вещи: они либо решили улететь, либо принялись разыскивать тебя. Всегда следует рассчитывать на худшее.

— Насколько я понимаю, ты говоришь о моих непрошенных гостях, и тебе разрешено назвать их имена. Кого они представляют?

— Они динбаты.

— Динбаты?

— Антисоциальные элементы, сознательно нарушающие законы.

— А, бандиты. Ну, это я и сам сообразил. Что ты можешь рассказать мне о них?

— Мортон Зимейстер, — ответил Рагма, — давно занимается подобными делами. Это тот, что потяжелее, со светлым мехом. Обычно он старается держаться подальше от места действия, нанимая агентов для исполнения своих черных замыслов. Джеми Баклер — один из таких агентов. Он уже давно работает на Зимейстера и недавно получил повышение — теперь он стережет его тело.

Мое собственное тело начало отчаянно протестовать — мы шли слишком быстро, поэтому я не сразу сообразил, что это гудит у меня в ушах: шум пульси-

рующей крови или шелест крыльев какой-то странной птицы. Рагма избавил меня от сомнений.

— Они летят в нашу сторону, — пояснил он. — Довольно быстро. Ты в состоянии бежать?

— Могу попытаться, — ответил я, ускоряясь.

Земля провалилась вниз, потом метнулась вверх. В этот момент я разглядел то, что, вероятно, было их кораблем: сплюснутый колокол из тусклого металла, по бокам которого были разбросаны квадратные отверстия, открытый люк... Мои легкие работали, как гармошка на польской свадьбе, и я почувствовал, как первая волна черноты взметнулась со дна моего сознания. Я знал, что очень скоро эта или следующая волна накроет меня.

Затем возникло знакомое мерцание — реальность стала отступать. Я знал, что кровь отливает от головы вниз, и меня возмутило поведение гидравлики, которая вытворяла с моим телом все, что хотела. Сквозь усиливающийся рев я услышал выстрелы, словно донеслись звуки далекого шоу, но даже они не смогли вернуть меня в этот мир.

Когда вас предает собственный адреналин, кому остается верить?

Мне очень хотелось добежать до люка и забраться в него. Он был совсем уже близко. Однако я знал, что этого не будет.

Какая абсурдная смерть. Я почти сумел все понять, не успел совсем чуть-чуть...

— Я иду! — закричал я прыгающему рядом со мной силуэту, не зная, слетают ли слова с моих губ.

Шум стрельбы не стихал, но он был далеким и слабым, словно лопалась воздушная кукуруза. Оставалось менее сорока футов, если судить по расстояниям, которыми измеряются круги на ипподромах. Подняв руки, чтобы защитить лицо, я упал, не зная даже, попала ли в меня пуля — потому что уже почти не был способен беспокоиться об этом, — в гладкую пустоту, которая разом отменила землю, шум, опасность и сам факт моего побега.

Так, так и так: пробуждение — это структуры и тени: приближение и удаление по шкале мягкого/темного, гладкого/сумеречного, скользкого/ярко-го — все остальное переходит в цвета и звуки, балансирующие на невидимой грани.

Переход к твердому и очень яркому. Потом обратно в мягкое и темное...

— Ты слышишь меня, Фред? — бархатный сумрак.

— Да... — мои мерцающие шкалы.

— Лучше, лучше, лучше...

— Что/кто?

Ближе, ближе, ни одним звуком не выдать...

— Там?

— Так лучше, беззвучно...

— Я не понимаю.

— Позже. Ты должен сказать только одно, скажи: «Статья 7224, Раздел С». Скажи эти слова.

— Статья 7224, Раздел С. Зачем?

— Если они захотят забрать тебя с собой — а они обязательно захотят, — произнеси это. «Зачем» говорить не надо. Запомни.

— Да, но...

— Позже...

Что-то из теней и тканей: яркое, еще ярче, гладкое, мягкое. Жесткое. Ясное.

Я лежу в гамаке.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Рагма.

— Усталость, слабость, все еще хочу пить.

— Понятно. Вот, выпей это.

— Спасибо. Расскажите мне, что случилось. Меня ранили?

— Да, в тебя попали два раза. Поверхностные ранения. Мы все починили. Через несколько часов выздоровление будет завершено.

— Часов? А сколько их уже прошло с тех пор, как мы стартовали?

— Примерно три. После того как ты упал, я затащил тебя на борт. Мы взлетели, оставив позади тех, кто атакывал, континент Австралия и вашу плане-

ту. Сейчас мы находимся на орбите недалеко от вашего мира, но мы скоро ее покинем.

— Оказывается, ты гораздо сильнее, чем можно подумать на первый взгляд, раз ты смог меня нести.

— Оказывается.

— А куда вы собираетесь увезти меня?

— На другую планету — очень дружелюбную. Ее название ничего тебе не скажет.

— Зачем?

— Так нужно. Кроме того, речь идет о твоей безопасности. Ты оказался в положении человека, располагающего информацией, необходимой нам в расследовании, которое мы проводим. Мы хотим получить эту информацию, но есть и другие желающие. Из-за них твоя жизнь может подвергнуться опасности, если ты вернешься на свою планету. Поэтому, чтобы обеспечить твою безопасность и продвинуться вперед в расследовании, мы извлечем тебя отсюда. Это самое простое решение возникшей проблемы.

— Может быть, сначала меня спросите? Я не хочу сказать, что не испытываю благодарности за свое спасение, однако что вас интересует? Если вы охотитесь за тем же, чего добивались от меня Зимейстер и Баклер, боюсь, я вряд ли смогу вам чем-нибудь помочь.

— Мы действуем, учитывая это обстоятельство. По нашему мнению, нужная нам информация находится у тебя где-то на подсознательном уровне. Самым лучшим способом добыть ее является помощь хорошего телепата-аналитика. В том месте, куда мы направляемся, их много.

— И сколько мы там пробудем?

— Ты останешься на той планете до тех пор, пока мы не завершим наше расследование.

— И сколько на это понадобится времени?

Он вздохнул и покачал головой:

— В данный момент это неизвестно.

Я почувствовал, как меня снова окутал мрак, который почему-то походил на прикосновение кошачь-

его хвоста. Нет! Я не могу позволить им оторвать меня на неопределенный срок от всего, что я знаю.

Именно в этот момент я понял, что чувствует человек на смертном одре — недоделанные дела, мелочи, которые обязательно нужно завершить до окончательного ухода: написать письмо, оплатить счета, дочитать книгу, лежащую на тумбочке у кровати... Если я исчезну сейчас, в начале семестра, моя академическая карьера и финансовое положение отправятся псу под хвост — потому что никто не поверит моим объяснениям. Нет. Я должен помешать им забрать меня отсюда. Но мягкие тени снова принялись за свое. Надо спешить.

— Прошу прощения, — удалось кое-как выговорить мне, — только это невозможно. Я не могу отправиться с...

— Боюсь, тебе придется. Это абсолютно необходимо, — сказал Рагма.

— Нет, — возразил я, чувствуя, как меня охватывает паника, сражаясь с забытьем и понимая, что я должен обязательно сейчас решить эту проблему. — Нет, вы не имеете права.

— Насколько я понимаю, похожее понятие существует и в вашей юриспруденции. Вы называете это «помещение под защиту закона».

— А как насчет Статьи 7224, раздел С? — пролепетал я, еле ворочая языком. Глаза у меня уже закрылись сами собой.

— Что ты сказал?

— Не притворяйся, слышал. — Я отлично помнил свои слова. — Семь... два... два... четыре. Раз... дел... С... Вот почему...

А потом опять пустота.

И снова повторяющиеся циклы вернули меня назад — в сознание или на расстояние плевка от него. Так происходило несколько раз, прежде чем я полностью пришел в себя и занялся созерцанием Калифорнии. Постепенно стали доноситься обрывки спора,

которые я воспринимал равнодушно и отстраненно. Сейчас это представляло для меня чисто академический интерес. Рагма и Чарв были расстроены из-за каких-то сказанных мной ранее слов.

Ах да... Статья 7224, Раздел С.

Как я понял из их разговора, речь в этой статье шла об изъятии мыслящих существ с материнской планеты без их согласия. Галактический договор, под которым подписались представители миров моих спасителей, был для них чем-то вроде межзвездной конституции. Однако в ситуации со мной фигурировало много неопределенных моментов, которые можно было трактовать по-разному, кроме того, в ряде случаев моего согласия не требовалось — например, при карантине, военных действиях и тому подобных вещах. Вроде универсального понятия «межзвездная безопасность» — вокруг всех этих проблем и шла бесконечная дискуссия.

Судя по всему, я коснулся довольно деликатных вопросов, особенно в свете их последних контактов на Земле. Рагма продолжал настаивать, что, если они воспользуются одним из возможных исключений и заберут меня с Земли на этом основании, департамент поддержит принятое ими решение. Ну а если дело дойдет до суда и им будет предъявлено обвинение, Рагма не сомневался, что ему и Чарву не станут грозить судебным преследованием, поскольку они все же таки оперативники, а не обученные юристы. Чарв, со своей стороны, стоял на том, что ни одно из указанных исключений в данном случае невозможно применить, а посему им не избежать неприятностей. Будет лучше, решил он, если телепат-аналитик сумеет внушить мне желание сотрудничать с ними. Он был уверен, что им удастся найти такого телепата, который помог бы им решить возникшую проблему.

Однако предложение Чарва разозлило Рагму. В этом случае мои права будут нарушены в другом аспекте, а кроме того, как насчет сокрытия улики, поинтересовался он. Он никогда не согласится участвовать в подобном предприятии. Если уж они заберут

меня отсюда, Рагма хочет иметь надежную защиту, по закону и не собирается ничего скрывать.

Тогда они снова стали перебирать всевозможные исключения, осмысливая каждое слово, уточняя и перебивая друг друга, вспоминая прошлые случаи — они напомнили мне иезуитов, талмудистов, редакторов словарей, а еще апостолов Нового Критицизма. И все это время их корабль оставался на земной орбите.

Только значительно позднее Чарв вдруг задал вопрос, который уже давно меня беспокоил: «А откуда он вообще узнал о Статье 7224?»

Они подошли к гамаку, заслонив мне вид на мыс Гаттерас, где начала формироваться буря. Увидев, что глаза у меня открыты, они закивали и, как я понял, всем своим видом постарались продемонстрировать мне добрую волю и беспокойство о моем здоровье.

— Ты хорошо отдохнул? — поинтересовался Чарв.

— Вполне.

— Воды?

— Пожалуйста.

Я немного попил водички, а потом он спросил:

— Бутерброд?

— Да. Благодарю.

Он достал бутерброд, и я начал есть.

— Мы весьма обеспокоены твоим состоянием — и тем, что нам следует с тобой сделать.

— Это очень благородно с вашей стороны.

— Нас озадачили слова, которые ты произнес некоторое время назад — это было связано с нашим предложением предоставить тебе убежище на период обычного расследования, которое мы должны провести на твоей планете. Нам показалось, что как раз перед тем, как заснуть, ты процитировал один из разделов галактического кодекса. Впрочем, ты бормотал что-то малоразборчивое, и мы не совсем уверены, что правильно тебя поняли. Ну так что ты там говорил?

— То, что вы услышали.

— Понятно, — сказал он, поправляя солнечные очки. — Не мог бы ты рассказать нам, откуда тебе стало об этом известно?

— Подобные вещи очень быстро распространяются в академических кругах, — заявил я. Мне показалось, что ничего лучшего я не смогу предложить им в качестве ответа.

— Вполне возможно, — заметил Рагма, снова переходя на свой инопланетный язык. — Их ученые сейчас занимаются переводом. Они могли закончить эту работу и начать распространять ее среди университетов. Это не по моей части, так что наверняка я ничего сказать не могу.

— Если кто-нибудь успел создать курс Галактического Кодекса, то этот тип определенно его уже прослушал, — пробурчал Чарв. — К сожалению.

— Тогда ты должен знать, — продолжал Чарв, опять переходя на английский и обращаясь непосредственно ко мне, — что ваша планета еще не успела подписать соглашение.

— Конечно, — ответил я. — Но меня, как вы понимаете, беспокоят только ваши действия и их соответствие кодексу.

— Да, разумеется, — сказал он, со значением посмотрев на Рагму.

Рагма подошел поближе, и в его немигающих глазах вомбата промелькнуло нечто, похожее на ярость.

— Мистер Кассиди, разрешите мне сформулировать свою мысль как можно проще. Мы представители закона — полицейские, если такой термин вам больше по душе, — и нам нужно довести дело до конца. Мне очень жаль, что мы не можем сообщить вам всех подробностей, тогда нам было бы гораздо легче убедить вас. Так или иначе, ваше присутствие на Земле создаст немалые затруднения, а ваше отсутствие, наоборот, все сильно упростит. Как мы уже говорили ранее, если вы останетесь на своей родной планете, вам будет грозить некоторая опасность. Учитывая вышесказанное, мне кажется очевидным, что все сто-

роны только выиграют, если вы согласитесь на небольшие каникулы.

— Мне очень жаль, — сказал я.

— Тогда, может быть, — продолжал он, — я могу апеллировать к вашему тщеславию, а также к вашей знаменитой любви к приключениям, столь характерной для приматов. Такого рода путешествие, если вы захотите совершить его по собственной инициативе, будет стоить целое состояние. Не говоря уже о том, что еще ни один представитель вашей планеты никогда не видел ничего подобного.

Надо признать, на этот раз он задел меня за живое. В любое другое время я бы ни секунды не колебался. Но на этот раз я успел как следует разобраться в своих чувствах. Вне всякого сомнения, в этой цепочке странных случайностей чего-то не хватало — а я был весьма существенной частью этих событий.

Впрочем, что-то случилось не только со всем миром. Нечто, чего я не понимал, произошло (или происходило) со мной. Постепенно я убедил себя: разобраться в событиях последнего времени и внести в них свои коррективы я смогу только в том случае, если останусь дома и проведу свое собственное расследование, поскольку сильно сомневался, что кто-нибудь сможет решить мои проблемы лучше, чем я сам.

— Мне очень жаль, — повторил я.

Рагма вздохнул, отвернулся, выглянул в иллюминатор и внимательно посмотрел на Землю. А потом заявил:

— Вы очень упрямая раса.

Когда я ничего не ответил, он добавил:

— Мы тоже. Нам придется вернуть тебя на Землю, если ты на этом настаиваешь. Однако я найду способ добиться необходимых результатов без твоей помощи.

— А это еще что значит? — поинтересовался я.

— Если тебе повезет, — ответил он, — ты останешься жив и пожалеешь о своем решении.

Глава 5

Продолжая висеть, напрягая и расслабляя мышцы, чтобы компенсировать движение длинной веревки, на которой через равные промежутки были завязаны узлы, я разглядывал монетку с повернутым влево профилем Линкольна. Он выглядел точно так, как если бы я смотрел на него в зеркало, все буквы оказались перевернутыми... Только вот монетка лежала у меня на ладони.

Рядом/подо мной, там, где я висел всего в нескольких футах над полом, урчала машина Ренниуса: три черные, как непроглядная ночь, секции, установленные в линию на круглой платформе, которая медленно вращалась против часовой стрелки. На тех секциях, что стояли по краям, было что-то вроде ручек — одна вертикальная, а другая горизонтальная, — по которым двигалась, похоже, лента Мебиуса, примерно в метр шириной, одна ее часть проходила через отверстие в закругленном, бороздчатом центральном приборе, который чем-то напоминал широкую ладонь великана, собравшегося хорошенько почесаться.

Согнув колени и упираясь ступнями ног в один из узлов, я начал медленно раскачиваться и через несколько мгновений оказался над уходящим внутрь отверстием в центральной секции машины Ренниуса. Опустившись пониже, я протянул руку и бросил пенни на ленту, покачнулся и вернулся в первоначальное положение. Быстро вытянув руку, схватил пенни, как

только монетка появилась на ленте с другой стороны прибора.

Совсем не этого я ожидал. Совсем не этого.

После того как монетка прошла через машину в первый раз, она подверглась зеркальному отображению. Так что я решил, что, если пропустить ее снова, она вернется в свое нормальное состояние. Вместо этого я держал в руке металлический диск, рисунок на котором был расположен правильно, зато не был рельефным, а был выгравирован словно внутри монетки. Это относилось к обеим сторонам диска, по ребру которого шли специальные углубления, как на ободе колеса поезда.

Страньше и страньше*. Мне просто необходимо проделать это еще раз, чтобы посмотреть, что произойдет. Я выпрямился, сильнее сжал веревку коленями и начал корректировать свой качающийся маятник. На мгновение я посмотрел вверх, туда, где в сумраке пряталась потолочная балка с перекинутой через нее нитью, на которой я болтался, точно марионетка. Основную балку, расположенную слишком близко к потолку, чтобы на нее можно было сесть, я пересек в стиле африканского муравьеда — колени сомкнул наверху, предоставив пальцам делать основную работу. На мне был темный свитер и брюки, а на ногах замшевые башмаки на тонкой подошве. Через левое плечо я перекинул моток веревки и полз до тех пор, пока не оказался в точке, находящейся максимально близко к центру машины.

Я забрался внутрь здания через слуховое окно, которое мне пришлось выдавить, после того как я срезал решетку и обезвредил сразу три провода сигнализации таким виртуозным образом, что меня вдруг охватила ностальгия по заброшенному диплому инженера-электрика. В зале подо мной царил полумрак, единственным источником света был ряд небольших прожекторов, находящихся на уровне пола и установ-

* Цитата из сказки Л. Кэрролла «Алиса в Стране Чудес»

ленных вокруг площадки, на которую и были направлены их лучи. Саму машину огораживал невысокий барьерчик, а невидимые электрические глаза оберегали ее покой. Специальные сенсоры, смонтированные в пол и на платформе, моментально поднимут тревогу, стоит только на них наступить.

К балке, на которой я висел, была прикреплена телевизионная камера. Поскольку я планировал подобраться к дисплею с северной стороны, там, где лента была совсем плоской и входила в центральную секцию, я очень медленно, совсем чуть-чуть, повернул камеру, чтобы она, оставаясь сфокусированной на дисплее, чуть отклонилась к югу — я сообразил, что так можно сделать благодаря просмотру множества телевизионных фильмов. В здании находились охранники, но они только что закончили свой обход, а я не планировал особенно здесь задерживаться. Впрочем, мне было хорошо известно, что случайности частенько вносят свои собственные коррективы даже в самые хитроумные планы, именно поэтому и богатеют компании по страхованию имущества.

Ночь была облачной, а ветер очень холодным. Мое дыхание взмахивало призрачными крыльями и улетало прочь. Единственным свидетелем моих упражнений на крыше, от которых немели пальцы, был усталый кот, сидевший на пожарной лестнице. Когда я прибыл в город вчера ночью, здесь уже сильно похолодало, а решение о моем нынешнем путешествии было принято на диване у Хала за день до этого.

После того как Чарв и Рагма высадили меня по моей просьбе примерно в пятидесяти милях от города поздно ночью, когда светила луна, я проголосовал несколько раз и благополучно добрался до своего района. Было далеко за полночь. Прекрасно

Одна из боковых улочек упирается в ту, на которой живу я, а мой дом находится как раз на противоположной стороне. Если идти по этой боковой улочке, видны окна моей квартиры. Совершенно естественно, что сейчас, во мраке ночи мои глаза сами об-

ратились на эти окна. Темные, как и следовало ожидать. Пусто. Никого.

Неожиданно, примерно через полминуты, в тот момент, когда я как раз подходил к углу, появилась крошечная вспышка, которая длилась всего одно мгновение, а потом снова стало темно.

В любой другой момент я даже не обратил бы на нее внимания, а если бы и заметил, то не посчитал бы чем-то особенно интересным. Это вполне могло быть отражением или игрой моего воображения. И все же...

Да. Я только что выздоровел, в ушах у меня все еще звучали предостерегающие слова инопланетных полицейских — я был бы полнейшим кретином, если бы забыл сейчас об осторожности. Но поскольку я не был кретином, и, как известно, изюмина из меня тоже получилась никакая, я включил внутреннюю систему, отвечающую за мою безопасность на полную катушку, повернул направо и пошел в противоположную от своего дома сторону.

Пройдя пару кварталов, я подобрался к дому сзади. Там был черный ход, однако туда я не пошел, а направился к тому месту, где смог забраться на водосточную трубу, с нее на подоконник, потом на карниз, а дальше на пожарную лестницу.

Уже через несколько минут я оказался на противоположной стороне крыши. После этого спустился по водосточной трубе туда, где стоял, когда разговаривал с Полом Байлером. Сделал несколько шагов вперед и заглянул в окно спальни. Слишком темно для абсолютной уверенности. Впрочем, огонек сигареты появился в другом окне.

Я положил руки на раму, нажал, а затем потянул наверх. Окно беззвучно открылось — награда за заботу о ближнем. Из-за того, что я никогда слишком серьезно не относился к своему сну и любил погулять по крышам, я обильно смазывал петли, чтобы не беспокоить своего соседа.

Оставив ботинки на подоконнике, я вошел и застыл на месте — готовясь броситься наутек в любой момент.

Подождал минуту, едва дыша широко открытым ртом. Так получается тише. Еще одна минута...

Заскрипело мое жесткое мягкое кресло, оно всегда так делает, когда тот, кто в нем сидит, меняет позу. Значит, в передней комнате, справа от стола и рядом с окном, кто-то сидит.

— В этой штуке еще остался кофе? — негромко прозвучал грубый голос.

— Думаю, да, — послышался ответ.

— Ну так налей мне.

Открыли термос. Стали что-то наливать. Скрип и легкий стук. Кто-то шепотом сказал «спасибо». Еще один тип сидел возле самого стола.

Глоток. Вздох. Чиркнули спичкой. Снова тишина
А потом:

— Вот было бы смешно, если бы его убили.

Кто-то фыркнул.

— Угу. Только это не для него.

— А ты-то откуда знаешь?

— Да от него просто несет прухой или чем-то в этом роде. И вообще он какой-то странный.

— Вот с этим я согласен. Хорошо бы он поскорее вернулся домой.

— Знаешь, наши желания совпадают.

Тот, что сидел в кресле, поднялся на ноги и подошел к окну. Вскоре он тяжело вздохнул.

— О Господи! Сколько еще ждать?

— Если мы его дождемся, игра будет стоить свеч.

— Не спорю. Но чем быстрее он попадет в наши руки, тем лучше.

— Конечно. Пью за это.

— Эй, послушай! Что это ты там нашел?

— Немного бренди.

— Сам пьет бренди, а я должен пить эту коричневую бурду?

— Ты же просил кофе. Кроме того, я нашел бренди совсем недавно.

— Передай-ка мне.

— Вот еще один стакан. Давай будем пить, как полагается. Это хорошая штука

— Наливай!

Я услышал, как из бутылки, которую я берег на Рождество, вынули пробку. Послышался легкий звон и звук шагов.

— Держи.

— Пахнет хорошо.

— Кто бы мог подумать!

— За королеву!

Звук шагов. Звон.

— Храни ее Господь!

Мои гости снова уселись на свои места и затихли. Я простоял, не шевелясь, примерно четверть часа, но они по-прежнему молчали.

Так что я тихонько подобрался к своему тайнику, нашел там деньги, которые все так же лежали в башмаке, достал их, положил в карман и вернулся на подоконник. Потом осторожно закрыл раму, перебрался на крышу, прошел под самым носом черного кота, который выгнул спину и плюнул мне вслед — похоже, он оказался суеверным, хотя, разумеется, каждый имеет право на заблуждения, — и поспешил прочь.

Внимательно оглядев дом, в котором жил Хал, и предполагая увидеть возле него парочку подозрительных личностей, я не заметил никого, кроме собственной персоны, поэтому решил позвонить своему бывшему соседу из телефона-автомата, стоявшего на углу.

— Да?

— Хал?

— Угу. Это кто?

— Твой старый дружок, тот, что любит повсюду лазать.

— Эй, приятель! Куда это ты вляпался?

— Если бы я сам знал, мне было бы несколько легче. А тебе что-нибудь известно?

— Может быть, ничего существенного. Но есть кое-какие детали, которые...

— Послушай, я могу к тебе зайти?

— Конечно, почему бы нет.

— Я имею в виду, сейчас. Мне не хотелось бы навязываться...

— Да никаких проблем. Давай поднимайся.

— А ты в порядке?

— По правде говоря, нет. Мы с Мэри малость разошлись во мнениях, и она решила провести конец недели у матери. Я наполовину набрался — из чего следует, что я наполовину трезв. Впрочем, этого достаточно. Ты расскажешь мне о своих проблемах, а я тебе — о своих.

— Договорились. Буду у тебя через полминуты.

— Отлично. До встречи.

Я обошел угол, позвонил, и дверь в парадную открылась. Через несколько мгновений я уже стучал в дверь Хала.

— Вот это точность, — заявил он, слегка раскачиваясь и отступая в сторону. — Входи, молись.

— В каком порядке?

— Ну, благословение этому дому — прежде всего. Ему оно не помешает.

— Благословляю, — провозгласил я, входя. — Мне очень жаль, что у тебя неприятности.

— Ничего, наладится. Все началось с подгоревшего обеда и опоздания в театр. Глупости, не более того. Когда зазвонил телефон, я подумал, что это она. Наверное, завтра мне придется принести свои извинения. Похмелье сделает мой голос особенно смиренным. Что ты будешь пить?

— Вообще-то я не собирался... А впрочем, какого черта! Что тут у тебя есть?

— Капля соды в море виски.

— Мне лучше сделай наоборот, — попросил я, садясь в большое, мягкое кресло-качалку.

Очень скоро вернулся Хал и протянул мне высокий бокал, из которого я как следует отхлебнул. После этого мой приятель попробовал, что налил себе, и только потом спросил:

— Послушай, может быть, на днях ты совершил некий особенно чудовищный поступок?

Я покачал головой:

— Всегда жертва, победитель — никогда. До тебя дошли какие-то слухи?

— Ничего конкретного. Лишь намеки и предположения. В последнее время тобой многие интересуются, но никто толком ничего не говорит и не объясняет.

— Интересуются? Кто именно?

— Ну, например, твой куратор, Денис Вексрот...

— Чего он хотел?

— Получить информацию о твоём проекте в Австралии.

— А что конкретно он спрашивал?

— Где ты находишься. Он хотел знать, в каком месте ты собираешься производить раскопки.

— Что ты ему сказал?

— Что мне ничего не известно — это было почти правдой. С ним мы разговаривали по телефону. А потом он зашел проведать меня вместе с каким-то типом — мистером Надлером, который сунул мне под нос документ, где говорилось, что он работает на правительство. Мистер Надлер ужасно беспокоился по поводу того, что ты будто бы можешь забрать там какие-то культурные ценности, и тогда возникнет международный скандал.

Я сказал нечто вульгарное.

— М-да, мне это тоже пришло в голову, — согласился Хал. — Он стал приставать ко мне с расспросами о твоём местонахождении, и мне страшно захотелось «вспомнить», что ты в Тасмании. Однако я малость испугался. Не знал, чего от них ожидать. Поэтому продолжал утверждать, что ты ничего не сообщил мне о своих планах.

— Отлично. Когда они приходили?

— Ну, тебя ведь не было всю неделю. Потом я получил твою открытку из Токио.

— Понятно. Значит, на этом дело и кончилось.

— Нет, черт возьми. Только началось.

Я сделал еще один большой глоток.

— Надлер вернулся на следующий день и поинтересовался, не вспомнил ли я еще чего-нибудь. До

того он дал мне номер телефона, по которому просил меня позвонить в случае, если ты со мной свяжешься. Я разозлился, сказал «нет» и выпроводил его. На следующее утро Надлер пришел снова и стал уговаривать меня, утверждая, что для твоей же пользы я должен сказать ему все, что мне известно. К тому моменту, как они пронюхали о твоём посещении здания оперного театра в Сиднее, ты уже скрылся в пустыне. Кстати, что там у тебя произошло?

— Потом, потом. Продолжай. Или это конец твоей истории?

— Нет, нет. Я опять рассердился и сказал, что мне нечего больше сообщить ему. Потом о тебе пытались узнать и другие. Какие-то люди звонили и утверждали, что им совершенно необходимо связаться с тобой, что это очень срочно. Однако никто из них не объяснил мне, почему возникла такая срочность. И не сказал ничего определенного о себе, так что я не мог выяснить, кто они такие.

— То есть? Ты пытался их выследить?

— Нет, этим занялся детектив.

— Детектив?

— Сейчас дойду. За последние три недели в моё отсутствие сюда трижды кто-то вламывался. Естественно, я обратился в полицию. Сам я никак не связал это с телефонными звонками, но после третьего раза детектив попросил меня рассказать обо всех необычных случаях, которые произошли со мной за последнее время. Поэтому я упомянул о странных людях, которые все время звонят мне и спрашивают о приятеле, который уехал из города. Несколько человек оставили мне номера своих телефонов, и детектив решил, что их стоит проверить. Однако когда я вчера говорил с ним об этом, он сказал, что ему ничего не удалось узнать. Оказалось, что они оставляли мне телефоны кафе или ресторанов.

— Что-нибудь украли?

— Нет. Полиции это тоже не понравилось.

— Понятно, — молвил я, продолжая потихоньку потягивать виски. — А непосредственно к тебе кто-

побудь обращался с какими-нибудь необычными вопросами, не касающимися меня? В особенности насчет камня Байлера?

— Нет. Но тебя может заинтересовать тот факт, что, пока тебя не было, к нему в лабораторию кто-то влез. Никто с определенностью не может сказать, пропало ли что-нибудь. Что касается другого твоего вопроса: я не могу утверждать, что ко мне обращались с вопросами о камне, но какие-то люди все время крутились возле меня. Возможно, они хотели спокойно обыскать мою квартиру. Не знаю. Но мне показалось, что за мной следили в течение нескольких дней. Сначала я не слишком обращал на это внимание. По правде говоря, я даже и не думал об этом, пока не начали происходить разные странные события. Один и тот же человек, с не слишком приметной внешностью, постоянно находился неподалеку от меня. Однако он ни разу не подошел настолько близко, чтобы я смог его как следует рассмотреть. В первый момент я подумал, что у меня шалят нервы. Ну а потом, естественно, я про него вспомнил. К сожалению, слишком поздно. После того как полиция стала мною заниматься и следить за этим домом, он исчез.

Хал допил виски, я тоже покончил со своей выпивкой.

— Ну вот, пожалуй, и все, — сказал Хал. — Давай-ка я налью нам еще, а ты расскажешь о том, что известно тебе.

— Валяй.

Я зажег сигарету и задумался. Во всем этом была какая-то логика, и я не сомневался, что ключом к этой загадке является звездный камень. Мне нужно было рассмотреть множество отдельных событий, проанализировать их и внимательно изучить каждое. Впрочем, я чувствовал, что, если бы мне было известно про камень больше, события последних дней обязательно сложились бы в единую понятную картину. Так родился список приоритетных действий.

Хал вернулся с выпивкой, отдал мне мой стакан и снова уселся.

— Ну ладно, — сказал он, — последнее время здесь творятся такие странные вещи, что я готов поверить в любые небылицы.

И я поведал ему обо всем, что произошло со мной с тех пор, как я отбыл в Австралию.

— Не верю, — заявил Хал, когда я закончил.

— Я не могу поделиться с тобой своими воспоминаниями в каком-нибудь другом виде.

— Ну хорошо, хорошо, — сказал он. — Все это звучит очень странно. Но ведь и ты совсем не прост. Не обижайся. Нужно еще немножко затуманить себе мозги, и тогда, возможно, мне будет легче поверить в то, что ты рассказал. Подожди.

Он ушел и вернулся с полным стаканом. Мне было уже все равно, я давно потерял счет выпитому.

— Ты что, все это говорил всерьез? — наконец поинтересовался Хал.

— Да.

— Значит, те парни, по всей вероятности, еще сидят в твоей квартире?

— Вполне возможно.

— А почему бы не вызвать полицию?

— Проклятье, они ведь сами могут оказаться полицейскими.

— И пить за королеву?

— Может быть, речь шла о какой-нибудь университетской королеве... Понимаешь, пока я как следует не обдумал все эти странные события, мне бы не хотелось, чтобы кто-нибудь знал о моем возвращении.

— Ладно. Я буду молчать. Тебе понадобится моя помощь?

— Думай. Всем известно, что тебе в голову время от времени приходят оригинальные мысли. Ну самая пора выдать какую-нибудь стоящую мыслишку.

— Что ж, — сказал Хал. — Такое впечатление, что наши проблемы связаны с копией звездного камня. Что в нем такого особенного?

— Сдаюсь. Давай, говори.

— А я не знаю. Попробуем суммировать, что нам про него известно?

— Оригинал прибыл к нам, включенный в список предметов, предназначенных для культурного обмена. Про него писали, что это реликвия, объект неизвестного назначения — скорее всего, его использовали для декоративных целей, — обнаруженный среди руин погибшей цивилизации. Ученые предполагают, что он искусственного происхождения. Если это так, звездный камень может оказаться самым древним в Галактике предметом, созданным разумными существами.

— Значит, он бесценен.

— Естественно.

— Если он пропадет здесь или будет уничтожен, нас вышвырнут из программы обмена.

— Я полагаю, что это возможно...

— Он предполагает! Это совершенно точно. Я проверял. В нашей библиотеке есть полный текст перевода соглашения, а меня вся эта история так заинтересовала, что я его прочитал. Будет собран совет, и все его члены проголосуют по вопросу об исключении.

— Хорошо, что он не потерялся и не уничтожен.

— Ага. Просто прекрасно.

— А как Байлер добрался до него?

— Мне кажется, представитель ООН связался с ним и поручил изготовить дубликат, чтобы звездный камень можно было демонстрировать публике. Байлер выполнил заказ, а потом они все перепутали.

— Трудно поверить, что в таком серьезном деле могла возникнуть путаница.

— Предположим, путаница была намеренной.

— Это как?

— Ну, например, Байлеру дали камень, но вместо того чтобы вернуть оригинал и копию, он вернул две копии. Меня бы несколько не удивило, если бы он захотел подольше подержать камень у себя, чтобы как следует его изучить. Байлер же мог вернуть его после окончания своих экспериментов, или, если бы его поймали — в данном случае не важно, что произошло бы раньше, — он бы просто заявил, что ошибся. Никто не стал бы поднимать шума, поскольку

ку задание наверняка было секретным. Впрочем, не исключено, что у меня просто разыгралось воображение. Наш друг мог получить камень на совершенно законных основаниях и изучать его по просьбе правительства.

Как бы там ни было, давай предположим, что до недавнего времени оригинал находился в распоряжении Байлера.

— Ну хорошо, предположим.

— А потом исчез. Либо его перепутали и выбросили вместе с неудачными копиями, либо отдали нам — по ошибке...

— Тебе, тебе, — повторил я, — и совсем не по ошибке.

— Пол пришел к таким же выводам, — продолжал Хал, не обращая внимания на мои намеки. — Он запаниковал, стал искать камень и в процессе поисков немного нас потрепал.

— Почему он вообще забеспокоился?

— Кто-нибудь заметил подмену и потребовал вернуть настоящий оригинал. И тогда Пол обнаружил, что камень пропал.

— А Пола убили.

— Ты сказал, что двое мужчин, которые допрашивали тебя в Австралии, практически признались, что прикончили его в процессе допроса.

— Да. Зимейстер и Баклер.

— Твой подпольный агент — вомбат сказал, что они бандиты.

— Динбаты. Давай, рассуждай дальше.

— ООН поставила в известность все входящие в нее нации — именно с этого момента государственный департамент и стал проявлять к нам интерес. Однако где-то произошла утечка, и Зимейстер решил сам найти камень, чтобы заломить большой выкуп. Ах, простите, награду.

— В этом есть некий сюрреалистический смысл. Продолжай.

— Камень мог остаться в нашем распоряжении, и все об этом знали. Нам не известно, где камень находится, но никто нам не верит.

— Кто «все»?

— Функционеры ООН, ребята из Фогги Боттом, динбаты и инопланетяне.

— Ну, если считать, что инопланетяне поставлены в известность и сами участвуют в расследовании, появление Чарва и Рагмы становится более понятным — со всеми разговорами о секретности и безопасности. Однако меня беспокоит кое-что еще. Они абсолютно уверены, что, сам того не подозревая, я знаю гораздо больше о местонахождении камня. И считают, что телепат-аналитик сможет найти в моем подсознании необходимые сведения. Интересно, откуда у них взялась такая идея?

— Тут я ничего не могу тебе сказать. Возможно, они проверили и отбросили все остальные варианты. И, между прочим, вдруг они правы? Камень действительно исчез совершенно необъяснимым образом. Интересно...

— Да?

— А что, если тебе известно что-нибудь и у твоего подсознания есть причины скрывать это? В таком случае хороший психоаналитик, даже не будучи телепатом, сумеет помочь нам. Гипноз, наркотики... Кто знает? Как насчет доктора Марко, к которому ты ходил?

— Неплохая мысль, вот только убедить доктора Марко в реальности всего происходящего будет достаточно трудно. Он даже может посчитать, что я малость сошел с катушек и начнет меня лечить. Нет. От этого я, пожалуй, пока воздержусь.

— Что же остается?

— Напитаться, — сказал я. — Чтобы мои церебральные центры совсем перестали следить за координацией движений.

— Хочешь кофе?

— Нет. Мое сознание проигрывает со счетом ноль — шесть, и я хочу достойно удалиться на покой. Ты не возражаешь, если я посплю у тебя на диване?

— Валяй. Сейчас принесу тебе одеяло и подушку.

— Спасибо.

— Может быть, утром у нас возникнут свежие мысли, — сказал Хал, вставая.

— Какими бы умными они ни были, думать их будет весьма непросто, — заявил я, подходя к дивану и скидывая туфли. — Пусть мыслям придет конец. Таким образом я отметаю Декарта.

Я повалился на диван, без единой cogito и перестав sum*.

Забве...

В одной из дальних комнат моего сознания стоял телетайп. Им никто никогда не пользовался. Внутри не-созидания, где не-я мирно не-существовал в интервале не-времени, он застучал, извергая что-то, и начал синтезироваться некий получатель, который походил на меня для того, чтобы докучать ему...

ТЫ МЕНЯ СЛЫШИШЬ, ФРЕД?

ДА

ХОРОШО

КТО ТЫ?

Я ЕСТЬ ХХХХХХ: ТЫ МЕНЯ СЛЫШИШЬ, ФРЕД?

ДА. КТО ТЫ?

Я ЕСТЬ ХХХ IХХХХХХ СТАТЬЯ 7224 РАЗДЕЛ С.

Я ПРИВЛЕК К НЕЙ ТВОЕ ВНИМАНИЕ

ХОРОШО

ТЫ МОЖЕШЬ ДОБРАТЬСЯ К N-МЕРНОМУ

ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЮ?

НЕТ

ЭТО ОЧЕНЬ ВАЖНО

*Cogito ergo sum (лат.) — «Пока мыслю, существую». Афоризм Декарта.

.....
..... ЧТО, ЧЕРТ ВОЗЬМИ, ТАКОЕ
..... N-МЕРНЫЙ ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬ?
.....
..... ВРЕМЯ НАЗЫВАЕТ СООТВЕТСТВИЕ
XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX XXXXX
ЭТОГО МЕХАНИЗМА С МАШИНОЙ РЕННИУСА
.....
..... Я ЗНАЮ, ГДЕ ОН НАХОДИТСЯ. ДА
.....
..... ОТПРАВЛЯЙСЯ К МАШИНЕ РЕННИУСА
:: ПРОВЕРЬ ЕЕ ПРОГРАММУ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ
..... КАК?
..... НАБЛЮДАЙ
ЗА ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫМИ ПРЕОБРАЗОВАНИЯМИ
ОБЪЕКТА, ПРОХОДЯЩЕГО ЧЕРЕЗ МОБИЛЯТОР
.....
..... ЧТО ТАКОЕ МОБИЛЯТОР?
..... ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ МАШИНЫ,
ЧЕРЕЗ КТОРУЮ ПРОХОДИТ ЛЕНТА
.....
:: К НЕЙ НЕВОЗМОЖНО ПОДОЙТИ ТАК БЛИЗКО.
ОНА ОХРАНЯЕТСЯ
..... ЖИЗНЕННО ВАЖНО
..... ПОЧЕМУ?
.....
..... ЧТОБЫ ПЕРЕДЕЛАТЬ
XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX
XXXXXXXXX РЕФОРМИРОВАТЬ XXXXXXXX
.....
..... ТЫ СЛЫШИШЬ МЕНЯ, ФРЕД?
.....
..... ДА
ОТПРАВЛЯЙСЯ К МАШИНЕ РЕННИУСА И ПРОВЕРЬ
..... ПРОГРАММУ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ
..... ПРЕДПОЛОЖИМ,
Я СМОГУ ЭТО СДЕЛАТЬ. ЧТО ПОТОМ?
..... ПОТОМ ТЫ ПОЙДЕШЬ И НАПЬЕШЬСЯ
.....
..... ПОЖАЛУЙСТА, ПОВТОРИ
:: ПРОВЕРЬ ПРОГРАММУ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ И

ления позитивными реакциями. Все это имело ничуть не меньше смысла, чем то, что происходило со мной в последнее время, а я уже давно стремился сам начать действовать — мне изрядно надоело ждать, пока со мной еще что-нибудь случится без всякой на то инициативы с моей стороны.

Поэтому я аккуратно сложил одеяло, а сверху водрузил подушку. Покончив с первой чашкой кофе, налил себе вторую и поставил кофейник на медленный огонь. Среди ящичков письменного стола я нашел писчую бумагу и написал короткую записку:

Хал! Спасибо. У меня появились кое-какие дела. Ночью меня посетило озарение. Довольно-таки странное. Позвоню тебе в ближайший день-два и расскажу о том, что из всего этого вышло. Надеюсь, что к тому времени все благополучно закончится.

Фрег

P.S. Кофе стоит на огне.

Как мне показалось, я написал все, что требовалось. Записку я оставил на другом конце дивана.

Выйдя из дома, я направился к автобусной остановке. Впереди у меня была длинная поездка. Я приеду на место слишком поздно и смогу осмотреть машину Ренниуса лишь на следующий день во время обычных часов для посетителей. Обязательно нужно будет найти возможность нанести туда частный визит позднее.

Что я и сделал.

Voila! Линкольн снова смотрел вправо, да и все остальное, как мне показалось, было на месте. Я сунул монетку в карман, постарался остановить рассказывание и начал подниматься вверх.

Неожиданно раздалось густое бронзовое гудение, нервы у меня напряглись, а руки перестали слушаться. Свободный конец веревки отчаянно раскачи-

вался. Возможно, он за что-нибудь зацепился или попал в поле зрения камеры. Теперь это уже не имело значения.

Несколько мгновений спустя я услышал крик:

— Руки вверх!

Видимо, подобные слова приходят на ум куда более естественно, чем, скажем: «Ну-ка перестань карабкаться вверх по этой дурацкой веревке и спускайся вниз, не дотрагиваясь до машины!»

Ну, я и стал поднимать руки, быстро и часто. К тому времени, когда голос объявил, что будет стрелять, я уже находился на потолочной балке и выглядывал в окно. Если подпрыгнуть, ухватиться за что-нибудь, подтянуться, перевернуться, пролезть через горизонтальное отверстие в восемнадцать дюймов, которое я предусмотрительно оставил для отступления, упасть на крышу и перекатиться — тогда у меня будет на выбор несколько вариантов бегства с места преступления. Может быть, удастся благополучно покинуть окрестности. Я напряг мышцы.

— Стой, буду стрелять! — повторил охранник, который находился почти непосредственно подо мной.

Я услышал выстрел, и под аккомпанемент бьющегося стекла подпрыгнул вверх.

Глава 6

Звук вырывающегося из древних труб пара протасил меня через границу в то место, где личность поражается сама себе. Я хотел затормозить и вернуться назад, но система отопления не пускала. Мое подсознание бездействовало, и я наслаждался отсутствием памяти. Однако вскоре понял, что хочу пить. А потом — что нечто жесткое упирается мне в бок.

Круг ощущений расширился, части головолмки встали на свои места. И я открыл глаза.

Да...

Я лежал на матрасе в углу комнаты, где совсем недавно явно была какая-то вечеринка. На полу валялись журналы, бутылки, окурки и отдельные предметы одежды; стены украшали яркие картины и афиши, которые были наляпаны словно марки на заграничной посылке, криво и без всякого смысла. В дверном проеме справа от меня висели нанизанные на нитку бусины, отражавшие, по всей вероятности, утренний свет, который падал из огромного окна, расположенного на противоположной от меня стене. В его лучах плясали золотые пылинки, возникшие, как мне показалось, из-за того, что возле окна стоял осел и объедал какое-то растение в горшке. А на подоконнике сидел рыжий кот и подмигивал мне своими желтыми глазами; впрочем, ему это скоро надоело, и он решил поспать.

Откуда-то из-за окна доносился слабый шум уличного движения. Глядя на отражения в бусинах, я различал верхнюю часть кирпичного здания, которое, похоже, находилось на достаточно приличном расстоянии от нас. Впервые за это утро я попытался глотнуть и понял, как сильно хочу пить. Воздух в комнате был сухим, его наполняли застоявшиеся запахи, в том числе и весьма экзотические.

Я слегка пошевелился, чтобы определить, не болит ли у меня что-нибудь. Совсем неплохо. Небольшая пульсация в лобной части головного мозга, ее вряд ли можно назвать головной болью. Я потянулся и почувствовал себя немного лучше.

Острый предмет, который упирался мне в бок, оказался пустой бутылкой. Вспомнив, как он попал на свое место, я поморщился. Вечеринка, да... Тут была вечеринка...

Я сел. Увидел свои ботинки. Надел их. Встал. Вода... Если пройти через бусины и зайти за угол, окажешься в ванной комнате. Да.

Прежде чем я успел двинуться в ту сторону, осел повернулся, посмотрел на меня и стал приближаться.

Надо сказать, что в единую долю секунды, еще до того как все произошло, я понял, что меня ждет.

— Твое сознание все еще затуманено, — сказал осел, или мне показалось, что сказал, слова как-то странно прозвучали у меня в голове, — так что пойдди, утоли жажду и вымой лицо. Но не вздумай воспользоваться окном, чтобы сбежать. Потому что это может привести к осложнениям. Когда покончишь со всеми делами, возвращайся в комнату, мне надо тебе кое-что сказать.

— Ладно, — нисколько не удивившись, согласился я, отправился в ванну и включил воду.

За окном не было ничего подозрительного: никаких странных личностей, да и вообще никого, кто мог бы мне помешать перебраться на соседнее здание, а потом вверх, на крышу, и прочь отсюда. В данный момент я не собирался этого делать, только подумал, что, вероятно, осел слишком сгущает краски.

Окно... Я снова вспомнил о вчерашней ночи, выстрелах, бьющемся стекле. Вылезая через слуховое окно, я порвал куртку, а падая, поцарапал плечо. Я покатился, вскочил на ноги и, пригнувшись, бросился бежать...

Через час я уже сидел в баре в Виллидж, выполняя вторую часть инструкций. Впрочем, я приступил к этому не сразу, потому что меня преследовало ощущение, что за мной кто-то гонится, и мне хотелось некоторое время побыть в одиночестве — чтобы прийти в себя. Поэтому я заказал пиво и пил его маленькими глотками.

Легкие порывы ветра несли по улице обрывки бумаги. Время от времени падали одинокие снежинки, которые, оказавшись на земле, превращались в мокрые кляксы. Потом средняя часть этой процедуры проскочила как-то незаметно, и холодный дождь сначала припустил изо всей силы, затем с неба посыпались крупные капли, а вскоре дождь прекратился — на землю пал туман.

Ветер свистел и стучал в дверь, и даже в теплой куртке мне было холодно. Так что минут через десять или пятнадцать, когда я допил свое пиво, мне пришло в голову, что неплохо было бы поискать местечко по теплее. Так я объяснил себе свое поведение, хотя на самом деле мною двигало примитивное стремление бежать.

В течение следующего часа я зашел в три бара, выпивал в каждом по кружке пива и шел дальше. По дороге в каком-то магазине купил бутылку, поскольку было уже поздно, а мне не хотелось оказаться на людях вдребезги пьяным. Я стал подумывать о ночлеге. Ладно, решил я, надо взять такси, и попросить шофера отвезти меня в какой-нибудь отель, где я смогу завершить процесс интоксикации. Размышлять о том, чем все это закончится, бессмысленно, причем, и спешить мне особенно некуда. В данный момент хотелось, чтобы рядом со мной были люди, мне нужны были их голоса и звуки музыки, которые отражаются от стен. Воспоминания об Австралии были весьма пу-

танными и неясными, страх, испытанный во время бегства из выставочного зала с машиной Ренниуса, все еще меня не покинул: в ушах звучал выстрел и звенело стекло.

Пятый бар, в который я зашел, оказался настоящей находкой. Он располагался на три или четыре ступеньки ниже уровня улицы, там было тепло, царил приятный полумрак, в нем было достаточно народу, чтобы создать необходимый мне шумовой фон, однако, не настолько много, чтобы я не смог занять удобный столик у стены. Сняв куртку, я закурил. Пожалуй, здесь можно немного посидеть.

Он нашел меня через полчаса или немного больше. Мне удалось немного расслабиться, кое-что забыть, почувствовать себя тепло и уютно, я перестал обращать внимание на вой ветра — именно в этот момент проходящий мимо меня человек остановился, повернулся и сел на стул напротив.

Я даже не поднял головы. Боковым зрением я видел, что это не полицейский, но у меня не было ни малейшего желания вступать в какие-либо контакты, особенно со странными типами, вроде этого.

Так мы и сидели, не шевелясь, почти целую напряженную минуту. А потом что-то мелькнуло на столе, и я инстинктивно посмотрел в ту сторону.

Передо мной лежали три очень четкие фотографии: две брюнетки и блондинка.

— Как насчет того, чтобы погреться с девочками в такой холодный вечер? — услышал я голос, который вернул меня на несколько лет назад и заставил поднять глаза.

— Доктор Мерими! — воскликнул я.

— Ш-ш-ш! — прошипел он. — Сделай вид, что ты рассматриваешь фотографии!

Та же старая шинель, шелковый шарф и берет... Тот же длинный мундштук... Удивительные глаза за толстыми стеклами, благодаря которым у меня складывалось впечатление, что я смотрю в аквариум. Сколько лет прошло?

— Какого черта вы тут делаете? — спросил я.

— Естественно, собираю материал для книги Проклятье! Смотри на фотографии, Фред! Сделай вид, что ты их разглядываешь. На самом деле. Возникли проблемы. Думаю, что у тебя.

Я принялся изучать глянцевиных дамочек.

— Какие проблемы?

— Мне кажется, за тобой следит какой-то тип.

— А где он сейчас?

— На противоположной стороне улицы. Последний раз я видел его в парадной.

— Как он выглядит?

— Ну, не знаю. Одет, как полагается в такую погоду. Тяжелое пальто. На глаза натянута шляпа. Голова опущена. Среднего роста или немного ниже. Может оказаться сильным.

Я захихикал:

— Может оказаться кем угодно. А откуда вы знаете, что он следит за мной?

— Я заметил тебя около часа тому назад, несколько баров тому назад. В том баре было довольно много народу. Как раз в тот момент, когда я поднялся и направился в твою сторону, ты встал, чтобы уйти. Я позвал тебя, однако было шумно и ты меня не услышал. К тому времени как я заплатил и стал тебя догонять, ты был уже довольно далеко, и я поспешил за тобой. Тут-то я и увидел, как из двери вышел этот парень и последовал моему примеру. Сначала я не обратил на него никакого внимания, но ты довольно долго бродил по улицам, а этот тип все время поворачивал вслед за тобой. Потом ты нашел очередной бар; тогда он остановился и принялся пялиться на дверь. Затем забрался в подъезд, зажег сигарету, немного покашлял и стал ждать, не спуская глаз с входной двери. Поэтому я дошел до угла, где была телефонная будка, и начал следить за подозрительным типом, одновременно делая вид, что звоню. Ты пробыл в том баре не очень долго и когда отправился дальше, он пошел за тобой. Еще в двух барах я к тебе не подходил, чтобы убедиться в том, что не ошибся. Теперь я в этом уверен. За тобой следят.

— Ладно. Я вам верю.

— То, что ты так спокойно отнесся к этому известию, заставляет меня думать, что оно не явилось для тебя полной неожиданностью.

— Точно.

— Может быть, я смогу тебе чем-нибудь помочь?

— Ну, что касается причин моей головной боли — вряд ли. А вот относительно непосредственных симптомов...

— Например, вывести тебя отсюда так, чтобы он этого не заметил?

— Именно это я и имел в виду.

Мерими взмахнул забинтованной рукой.

— Проще простого. Расслабься и пей спокойно. Не беспокойся. Считай, дело сделано. Притворись, что изучаешь фотографии.

— Зачем?

— А почему бы и нет?

— Что у вас с рукой?

— Что-то вроде несчастного случая с мясницким ножом. Тебе уже выдали диплом?

— Нет. Но они стараются изо всех сил.

Подошел официант, постелил перед Мерими салфетку, поставил на нее выпивку, взял деньги, бросил взгляд на фотографии, подмигнул мне и вернулся к стойке бара.

— Мне казалось, что я сумел загнать тебя в угол, когда ты изучал историю. Как раз тогда я и покинул университет, — сказал Мерими, поднял стакан, сделал глоток, поджал губы, выпил еще немного. — Что произошло?

— Я сбежал в археологию.

— Не надежно. У тебя было слишком много работ по антропологии и древней истории, чтобы ты сумел продержаться долго.

— Конечно. Но таким образом я получил передышку на второй семестр, что мне и требовалось. А осенью ввели новый курс геологии. Я занимался им полтора года. Потом появились другие возможности.

Мерими покачал головой.

— Исключительно абсурдно, — сказал он.

— Благодарю вас.

Я сделал большой глоток холодного пива.

Мерими кашлянул.

— Насколько серьезна ситуация, в которой ты оказался?

— Достаточно серьезна — хотя, мне кажется, мои неприятности явились следствием большой ошибки.

— Я имел в виду вот что: в твоей проблеме замешаны власти или частные лица?

— Похоже, как те, так и другие. А что? Вы передумали мне помогать?

— Конечно же, нет! Просто я хотел оценить, насколько серьезна ситуация.

— Извините, — проговорил я, — наверное, нужно поблагодарить вас за риск...

Мерими поднял руку, словно хотел остановить меня, но я продолжал:

— Я не имею ни малейшего представления о том, кто там караулит меня на улице. Хотя у меня сложилось впечатление, что в этом деле замешано несколько человек, которые могут оказаться по-настоящему опасными.

— Ладно, этого вполне достаточно, — буркнул Мерими. — Я всегда полностью отвечаю за свои поступки и сейчас собираюсь тебе помочь. Хватит разговоров!

Мы выпили еще понемногу. Мерими, улыбаясь, переложил фотографии.

— Я ведь и вправду смог бы обеспечить тебя на ночь одной из этих красоток, — сообщил он мне, — если бы ты захотел.

— Спасибо. Сегодняшний вечер я отвел на то, чтобы как следует надраться.

— Ну, эти занятия не являются взаимоисключающими.

— Сегодня являются.

— Ладно, — сказал он, пожав плечами, — я не собираюсь ничего тебе навязывать. Просто хотел

быть с тобой гостеприимным. Успех способствует этому

— Успех?

— Ты один из немногих знакомых мне людей, которым сопутствует удача.

— Мне? С чего вы взяли?

— Ты всегда знаешь, что делаешь, и делаешь это очень хорошо.

— Да я же ничего особенного не делаю.

— И конечно же, ни твоя собственная деятельность, ни отношение к ней других людей не имеют для тебя никакого значения. С моей точки зрения, именно это и делает тебя удачником.

— То, что мне на все наплевать? Но ведь это совсем не так.

— Нет, конечно, тебе не наплевать! Просто у тебя такая манера поведения, стиль, что ли. Ты понимаешь, как надо делать выбор...

— Ну хорошо, — прервал я его, — мне понятно, что вы имеете в виду, и я готов с вами согласиться. А теперь...

— ...и это делает нас с тобой родственными душами, — продолжал Мерими. — Потому что я и сам точно такой же.

— Естественно, мне это было известно с самого начала. А теперь вернемся к тому, как вы собираетесь вытащить меня отсюда...

— Здесь есть кухня, из которой во двор ведет дверь, — сообщил мне Мерими. — Днем они готовят тут еду. Мы выйдем через эту дверь. Бармен — мой приятель, у нас не возникнет никаких проблем. А потом я отведу тебя к себе — кружным путем. Там сейчас вечеринка в самом разгаре. Можешь развлекаться сколько твоей душе будет угодно, а после ложись спать в каком-нибудь подходящем теплом уголке.

— Звучит соблазнительно, особенно в той части, где упоминается уголок. Спасибо.

Мы осушили свои стаканы, и Мерими спрятал дамочек в карман. Потом подошел к бармену, они о чем-то поговорили, бармен кивнул. А затем Мерими по-

вернулся ко мне и глазами велел подойти к бару. Я встретил его у двери на кухню

Он провел меня через кухню, и мы вышли через заднюю дверь в темную аллею

Моросил мелкий дождь, и я поднял воротник куртки. Мерими повернул направо, я последовал за ним. На перекрестке нескольких аллей мы повернули налево, прошли между темными силуэтами мусорных баков, прошлепали прямо по громадной луже, так что я насквозь промочил ноги, и вышли на улицу где-то в самом центре следующего квартала.

Через три или четыре квартала и много минут мы поднимались по лестнице дома, в котором устроил свою штаб-квартиру Мерими. Из-за сырости на лестнице довольно противно пахло, а ступени у нас под ногами пронзительно скрипели. Уже снизу я услышал слабые звуки музыки, смешанной с голосами и смехом.

Мы пошли на эти звуки и вскоре оказались возле двери. Мерими представил меня некоторым из своих гостей. Я же довольно быстро нашел стакан, лед и какую-то выпивку, взял все это с собой и уселся в удобное кресло, чтобы поговорить и понаблюдать за происходящим, тайно надеясь, что веселье — вещь заразная и мне удастся допить до такого состояния, что я окажусь в пустом темном месте, которое непременно где-то меня ждет.

Я, естественно, туда добрался, но только после того, как вечеринка докатилась до полного отпада. Поскольку все присутствующие усиленно стремились попасть туда же, куда и я, у меня не было ощущения, что я очень сильно от них отличаюсь. В дымке, винных парах и оглушительном шуме все казалось совершенно естественным, достойным и невероятно ярким, даже появление Мерими, одетого лишь в гирлянду из листьев и сидевшего на маленьком сером ослике, который, казалось, жил где-то в одной из задних комнат. За ними следовал ухмыляющийся карлик с парой цимбал.

Впрочем, на странную процессию никто не обратил внимания, кроме меня.

— Фред?

— Да?

— Пока не забыл... если ты проснешься утром, когда я уже уйду, запомни: бекон лежит в нижнем правом ящике холодильника, а хлеб — в шкафу слева. Яйца сам увидишь. Угощайся.

— Спасибо. Я запомню.

— И еще...

Он наклонился ко мне и тихо произнес:

— Я много думал.

— Да?

— О твоих неприятностях.

— И что?

— Не знаю, как лучше это сказать. Но. Как ты думаешь, тебя могут убить?

— Вполне возможно.

— Тогда — имей в виду, это только на случай крайней необходимости — у меня есть знакомые определенного типа. Если... Если возникнет необходимость, ради твоей безопасности, чтобы какая-нибудь личность умерла раньше тебя, я бы хотел, чтобы ты запомнил номер моего телефона. Позвони, если возникнет нужда, назови имя и место, где этого человека можно найти. Попробую помочь. У меня есть парочка должников.

— Я... даже не знаю, что и сказать. Я вам благодарен. Надеюсь, мне не придется воспользоваться вашим предложением. Я не ожидал...

— Это самое малое, что я могу сделать, чтобы защитить капиталовложение твоего дяди Альберта.

— Вы знали о моем дяде Альберте? О его завещании? Вы никогда не упоминали...

— Знал о нем!.. Ал и я, мы учились вместе в Сорбонне. Летом мы продавали оружие в Африку и занимались всякими разными делами. Я профукал денешки, а он сберег свои и умножил их. Немного поэт, немного мерзавец. Такое впечатление, что это ваша

семейная черта. Классические безумные ирландцы — все вы. О да, конечно, я знал Ала.

— А почему вы ничего мне не говорили тогда?

— Ты мог подумать, что таким образом я пытаюсь заставить тебя закончить университет. Это было бы нечестно, это означало бы вмешательство в право свободной личности на выбор. Однако теперь у тебя возникли такие проблемы, что я вынужден сказать тебе правду.

— Но...

— Достаточно! — воскликнул Мерими. — Да здравствует веселье!

Карлик изо всех сил ударил в цимбалы, а Мерими вытянул вперед руку. Кто-то протянул ему бутылку вина. Он откинул назад голову и сделал большой смачный глоток.

Ослик начал приплясывать.

Девушка с сонными глазами, сидевшая возле завешенной бусами двери, неожиданно вскочила на ноги, начала рвать на себе волосы, отдирать пуговицы от блузки, непрерывно выкрикивая при этом:

— Эвоз! Эвоз!

— Пока, Фред.

— Пока.

По крайней мере, я помню все именно так. Почти сразу после этого я погрузился в забвение, которое, как мне казалось, я мог потрогать руками.

Сон, который срывает с нас покровы забот, нашел меня позже в этом усыпанном пеплом и мусором месте, откуда все постепенно ушли. Я добрался до матраца в углу, устроился на нем поудобнее и пожелал потолок спокойной ночи.

А затем...

В раковину бежала вода, мыльная пена у меня на лице, в руке бритва Мерими и сам я в зеркале, туман медленно расходуется, и появляется вулкан Фуджи.

И оттуда, расположившись в самой сердцевине недавней тьмы, возникло то, что я искал, освобожденное некой магической силой.

ТЫ
СЛЫШИШЬ
МЕНЯ,
ФРЕД?
ДА
ХОРОШО.
МАШИНА
ЗАПРОГРАММИРОВАНА
ПРАВИЛЬНО.
НАШИ ЦЕЛИ
БУДУТ
РЕАЛИЗОВАНЫ
В ЧЕМ ЗАКЛЮЧАЮТСЯ
НАШИ ЦЕЛИ?
ЕДИНСТВЕННОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ
ТЕПЕРЬ
БУДЕТ
ДОСТАТОЧНО.
КАКОГО РОДА
ТРАНСФОРМАЦИИ?
ПРОХОЖДЕНИЕ
ЧЕРЕЗ
МОБИЛЯТОР
N-МЕРНОГО
ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЯ.
ТЫ
ИМЕЕШЬ В ВИДУ
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
ЭЛЕМЕНТ МАШИНЫ
РЕННИУСА?
ПОДТВЕРЖДЕНИЕ.
ЧТО Я ДОЛЖЕН
ПРОПУСТИТЬ
ЧЕРЕЗ
НЕГО?
СЕБЯ САМОГО
СЕБЯ?
ДА!
ПОЧЕМУ?

ЖИЗНЕННО
ВАЖНАЯ
ТРАНСФОРМАЦИЯ.

КАКОГО ВИДА?

ИНВЕРСИЯ,
ЕСТЕСТВЕННО.

ЗАЧЕМ
ИНВЕРТИРОВАТЬСЯ?

НЕОБХОДИМО.
ВСЕ ТОГДА
ВЕРНЕТСЯ
К ПРАВИЛЬНОМУ
ПОРЯДКУ.

ИНВЕРТИРОВАВ МЕНЯ?

ИМЕННО
ТАК.

ЭТО МОЖЕТ
ПРЕДСТАВЛЯТЬ
ОПАСНОСТЬ
ДЛЯ МОЕГО
ЗДОРОВЬЯ?

НЕ
БОЛЬШЕ
ЧЕМ МНОГИЕ
ДРУГИЕ ВЕЩИ
КОТОРЫЕ ТЫ ДЕЛАЕШЬ
КАЖДЫЙ ДЕНЬ.

КАКИЕ
У МЕНЯ ЕСТЬ
ГАРАНТИИ В ЭТОМ?

Я —XXXX
XXXXXXX
XXXXXXX
XXXX Я —XX
XXXXXXXXXXXX
XXXXXXXXXX Я —
XXXСПЕЙКУСПЕЙКУС
СПЕЙКУСПЕЙКУС
XXXXXXXXXXXX
ПЕЙКХХХУСПЕЙХХХХ

НЕ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЯ

XXXXXXXXXXXXXXXXXXXX
XXXXXXXXXXXXXXXXXXXX

ТЫ МЕНЯ СЛЫШИШЬ,
ФРЕД?

ДА, Я ЗДЕСЬ.

ТЫ ЭТО СДЕЛАЕШЬ?

ОДИН РАЗ
СКВОЗЬ ЭТУ ШТУКУ
И ВСЕ?

ПРАВИЛЬНО.
ТОЛЬКО И ВСЕ.

ПОЧЕМУ БЫ И НЕТ?
А ЧТО ПРОИЗОЙДЕТ
ЕСЛИ Я ПРОДЕЛАЮ
ЭТО ДВАЖДЫ?

МНЕ
МЕШАЕТ
НЕВОЗМОЖНОСТЬ
РЕШЕНИЯ
В ОБЩЕМ ВИДЕ
УРАВНЕНИЯ
ПЯТОЙ СТЕПЕНИ.

ДАВАЙ
КАК-НИБУДЬ
ПОПРОЩЕ.

ЭТО БУДЕТ
ОПАСНО
ДЛЯ ТВОЕГО
ЗДОРОВЬЯ.

НАСКОЛЬКО
ОПАСНО?

СМЕРТЕЛЬНО.

Я
НЕ УВЕРЕН,
ЧТО МНЕ
НРАВИТСЯ
ЭТА ИДЕЯ.

НЕОБХОДИМО.
ТОЛЬКО ПОСЛЕ

ЭТОГО
ВСЕ ПРИДЕТ
В НОРМУ.

А ТЫ УВЕРЕН, ЧТО
ПОСЛЕ ЭТОГО
ЧТО-НИБУДЬ
ПРОЯСНИТСЯ
И ПРИНЕСЕТ
ПОРЯДОК
В НАСТОЯЩЕЕ
И БЕЗ ТОГО
ЗАПУТАННОЕ
ПОЛОЖЕНИЕ?

ТОГДА

ВСЕООООООООООООООООООООООООООООООООО
ОООООООООООООООООООООООООООООООООО
ОООООООООООООООООООООООООООООООООО

Вот так оно и было, во всей полноте. Мгновенное воспроизведение — только оно заняло куда меньше времени, чем требуется на то, чтобы поднять руку с бритвой к щеке и проделать дорожку посреди мыльной пены. Мой безымянный собеседник вновь связался со мной и на этот раз обещал мне вполне определенный результат. Я начал напевать себе под нос. Даже не слишком надежные обещания все-таки лучше, чем полная неясность.

Закончив бриться, я сразу направился на кухню. Там было довольно тесно, в мойке лежала гора невымытой посуды и сильно пахло карри. Я занялся приготовлением завтрака.

На нижней полке холодильника, поверх пачки с беконом, лежала записка: *«Вспомни номер и то, когда по нему нужно звонить»*.

Поэтому я поджаривал себе яичницу и тосты, одновременно повторяя в уме цифры. Неожиданно, как раз в тот момент, когда я собрался позавтракать, на кухню вошел осел и уставился на меня.

— Кофе? — предложил я.

— Прекрати сейчас же!

— Что?

— Повторять цифры. Это ужасно раздражает.

— Какие еще цифры?

— Те, о которых ты думаешь. Они роятся, словно насекомые.

Я намазал джемом тост и откусил кусочек.

— Иди к дьяволу, — предложил я. — Моя терпимость к ослам-телепатам весьма ограничена, а то, о чем я думаю, касается только меня.

— Человеческий разум, мистер Кассиди, вообще мало привлекательное место. Могу тебя заверить, что я не вызывался добровольно заниматься прослушиванием твоего разума. Теперь уже очевидно, что тебе незнакомы самые элементарные нормы вежливости. Так что мне только остается извиниться.

— Жду не дождусь.

— Иди к дьяволу.

Я посмотрел на яичницу с беконом. Прошла минута или даже две.

— Меня зовут Сибла, — представился осел.

Я решил, что меня это мало интересует, и продолжал есть.

— Я друг Рагмы и Чарва.

— Понятно, — отозвался я. — И они послали тебя, чтобы ты поковырялся в моем мозгу.

— Не совсем так. Мне было поручено охранять тебя до тех пор, пока ты не получишь сообщение и не начнешь действовать в соответствии с ним.

— И как ты собирался защищать меня?

— Ты должен оставаться незаметным и не привлекать ничьего внимания...

— Рядом с ослом, который следует за мной по пятам! Интересно, кто тебе давал задание?

— Мне известно, что в моем данном виде я привлекаю внимание. Я не успел объяснить: в мою задачу входит обеспечение твоего мысленного молчания. Как телепат я в состоянии заглушить твои мысли. На самом деле в этом не было особой необходимости — алкоголь притупил их в достаточной степени. Однако

я нахожусь здесь, чтобы ты не выдал себя другому телепату раньше времени

— Какому еще другому телепату?

— Будучи более откровенным, чем того требует ситуация, скажу, что и сам не знаю. На более высоком уровне было решено, что в этом деле может участвовать некий телепат. Меня послали сюда, чтобы блокировать твои мысли и не дать возможности враждебному телепату войти с тобой в контакт. Кроме того, в мою задачу входит определить личность и местонахождение этого индивида.

— Ну? Что произошло?

— Ничего. Ты напился и никто не пытался войти с тобой в контакт.

— Значит, предположение было неверным.

— Может быть. А может быть, и нет.

Я снова принялся за еду. Между глотками я спросил:

— А каков твой уровень, или звание, или как там у вас это называется? Такое же, как у Рагмы и Чарва? Или выше?

— Ни то и ни другое, — ответил осел. — Я работаю фининспектором, с полной оплатой издержек. Меня привлекли к работе как единственного телепата, способного выполнить данную роль.

— Тебе запрещено сообщать мне какую-нибудь информацию?

— Мне предоставлено самому решать этот вопрос, руководствуясь соображениями здравого смысла.

— Странно. Все в этом деле кажется мне каким-то иррациональным, начисто лишенным здравого смысла. Похоже, у них не было времени, чтобы полностью ввести тебя в курс дела.

— Верно. Была ужасная спешка. Приходилось учитывать, что потребуется время на путешествие и замену.

— Какую замену?

— Настоящего осла пришлось убирать.

— Угу.

— Я читаю твои мысли и не собираюсь отвечать на вопросы, на которые тебе не ответил Рагма.

— Ладно. Если твой здравый смысл и разум подсказывают тебе, что от меня следует скрыть информацию, жизненно важную для моей безопасности, тогда хотя бы прояви элементарную сообразительность, — я засунул последний кусок яичницы себе в рот. — Что это за поручение, о котором ты упоминал?

Осел отвел взгляд.

— Ты вроде бы упоминал о том, что собираешься сотрудничать со мной, не так ли?

— Да, но это было раньше, — ответил я.

— Однако ты отказался отправиться в другой мир, чтобы с тобой поработал телепат-аналитик.

— Ага.

— Мы подумали, что в таком случае ты можешь согласиться на подобную процедуру здесь.

Я отпил кофе.

— У тебя есть достаточная подготовка для подобных экспериментов?

— Практически любой телепат немного знает теорию, а кроме того, у меня колоссальный жизненный опыт по части телепатии...

— Но ты же фининспектор, — заметил я. — Не пытайся произвести впечатление на аборигенов — мы здесь не такие дураки, как ты думаешь.

— Ладно. У меня действительно нет необходимой подготовки. Однако, мне кажется, что я все равно смогу справиться с поставленной передо мной задачей. Да и другие разделяют мое мнение, иначе они бы ко мне не обратились.

— Кто «другие»?

— Ну... А, черт с ним! Чарв и Рагма.

— У меня такое чувство, что они начали действовать не по инструкции. Правильно?

— Агенты при выполнении подобных заданий обладают большой долей самостоятельности. Иначе и быть не может.

Я вздохнул и закурил сигарету.

— Сколько лет уже существует организация, на которую ты работаешь? — спросил я. Заметив, что он колеблется, я добавил: — Ну какой может быть вред, если ты ответишь на этот вопрос?

— Пожалуй, никакого. Несколько тысяч... лет, по твоим меркам.

— Понятно. Другими словами, это одна из крупнейших и старейших бюрократических организаций.

— Я вижу, на что ты намекаешь, но...

— Все равно, дай мне закончить. В университете я изучал науку об управлении и знаю, что существует закон эволюции любых организаций — такой же обязательный и неизбежный, как и все остальное в жизни. Чем дольше существует такая организация, тем больше она рождает запрещений, которые замедляют ее нормальное функционирование. Она достигает энтропии в состоянии полного нарциссизма. Только люди, непосредственно занимающиеся конкретной работой, могут довести что-нибудь до конца — и всякий раз, когда им это удастся, в процессе они нарушают с полдюжины дурацких правил.

— Не могу не согласиться с тем, что в твоей мысли есть много разумного, однако, в нашем случае...

— Твое появление здесь нарушает некое правило. Я это знаю. И мне не требуется читать в твоём разуме, чтобы понять: ты чувствуешь себя весьма неуверенно из-за этого. Разве не так?

— Мне не разрешается обсуждать политику и внутренние законы нашей организации.

— Естественно, — сказал я, — но я не мог не обратиться на это твоего внимания. А теперь расскажи мне об аналитическом методе. Как он работает?

— Он напоминает простой ассоциативный словарный тест, с которым ты наверняка знаком. Разница заключается в том, что я это буду делать *изнутри*. Мне не потребуется гадать о твоих реакциях — я буду знать о них непосредственно.

— Из твоих слов следует, что ты не способен заглянуть прямо в мое подсознание

— Это верно. Я не так хорош. Обычно я могу читать только поверхностные мысли. Однако, когда мне удастся что-нибудь воспринять таким образом, я в силах уцепиться за мысль и проследить ее до самых корней.

— Ясно. Значит, с моей стороны потребуются ответные усилия?

— О да. Только настоящий профессионал смог бы сделать это против твоей воли.

— Мне повезло, что таких профессионалов не оказалось в наличии.

— А вот я об этом жалею. Похоже, процедура не доставит мне никакого удовольствия.

Я допил свой кофе и налил новую чашку.

— Ты не возражаешь, если мы попробуем сделать это сегодня днем? — спросил Сибла.

— А почему не сейчас?

— Я бы хотел дождаться того момента, когда твоя нервная система придет в норму. Вторичные эффекты воздействия алкоголя еще сохранились — слишком много ты его поглотил вчера. Из-за этого сканирование в данный момент весьма затруднено.

— Алкоголь всегда оказывает такое воздействие?

— Как правило.

Я снова приложился к своей чашке с кофе.

— Опять ты этим занялся!

— Что такое?

— Цифры, снова и снова.

— Извини. Трудно от них избавиться.

— Нет, тут дело совсем в другом!

Я встал. Потянулся.

— Прошу меня извинить. Мне еще раз нужно воспользоваться туалетом.

Сибла попытался преградить мне дорогу, но я оказался проворнее.

— Ты ведь не собираешься сбежать? Именно эти мысли ты пытаешься замаскировать?

— Я этого не говорил.

— И не нужно. Я почувствовал. Если ты сбежишь от меня, то совершишь большую ошибку.

Я продолжал двигаться к двери, и Сибла быстро повернулся, чтобы последовать за мной.

— Я не позволю тебе уйти — в особенности после тех унижений, которые я претерпел, чтобы добраться до этого отвратительного сгустка нервных окончаний!

— Очень приятно слышать! — возмутился я. — Особенно если учесть, что ты хочешь получить от меня услугу.

Я выскочил в коридор и юркнул в туалет. Сибла, стуча копытами, последовал за мной.

— Одолжение тебе делаем мы! Только вот ты слишком глуп, чтобы это понять!

— Правильнее было бы сказать «недостаточно информирован» — а это уж твоя вина!

Я захлопнул за собой дверь и закрыл ее на задвижку.

— Подожди! Послушай! Если ты сейчас отсюда уйдешь, у тебя могут быть серьезные неприятности!

Я рассмеялся:

— Извини. Уж очень сильно ты ко мне приставал. Повернувшись к окну, я широко распахнул его.

— Ну и убирайся, темная ты обезьяна! Ты теряешь свой последний шанс стать цивилизованным человеком!

— Это что значит?

Тишина.

Немного погодя:

— Ничего. Извини. Ты должен понимать, что это важно.

— А я понимаю. Сейчас меня интересует почему.

— Я не могу тебе сказать.

— Тогда иди к дьяволу, — пожелал ему я.

— Я знал, что ты того не стоишь, — отозвался Сибла. — Я уже достаточно долго наблюдаю за твоей расой и давно понял, что вы из себя представляете настоящую банду варваров и дегенератов.

Я забрался на подоконник и на мгновение остановился, прикидывая расстояние.

— Умников тоже никто не любит, — сказал я Сибле на прощание и прыгнул.

Глава 7

Денис Вексрот молчал. Иначе я убил бы его на месте. Он стоял, прижав ладони к стене у себя за спиной, а вокруг его правого глаза расплзлось пунцовое пятно — через некоторое время глаз распухнет и станет малиновым. Я вырвал телефон из розетки и зашвырнул его в мусорную корзину, и теперь трубка беспомощно выглядывала наружу.

В руке я держал довольно любопытный листок бумаги, который сообщал мне, что *игиссаК мэгниннаК киредерФ* получил *моллиД ароткоД ииголопортнаА*.

Стараясь взять себя в руки, я засунул бумажку в конверт и приостановил рвущийся из самой глубины моей души поток непристойностей.

— Как? — вопил я. — Как вам удалось это сделать? Это... Это незаконно!

— Это совершенно законно, — тихо ответил Вексрот. — Поверьте, все было сделано после консультации с адвокатом.

— Посмотрим, как будет выглядеть ваш адвокат в суде! — заявил я. — Я не начинал изучения ни одного основного курса, не написал ни одной дипломной работы, я не сдавал никаких устных экзаменов, а также экзаменов по языку, и не получил никаких уведомлений. Ну-ка объясните мне, на каком основании я получил диплом.

— Во-первых, вас приняли в университет, — начал Вексрот — А это означает, что вы можете получить диплом.

— Могу. Но не обязан. Тут есть разница.

— Верно, но администрация решает, кто должен получить диплом, а кто нет.

— Как вы это сделали? Собирали специальное заседание?

— По правде говоря, вы угадали. На том заседании было решено, что зачисление в университет в качестве студента дневного отделения включает в себя обязательность получения степени. Следовательно, если все остальные факторы налицо.

— Я не закончил ни одного основного курса, — напомнил я Вексроту.

— Когда речь идет о продвинутой степени, формальные требования становятся не такими жесткими.

— Но я ведь даже не получил звание бакалавра!

Вексрот улыбнулся, подумал немного и стер улыбку с лица.

— Прочтите правила внимательно. Там нигде не говорится, что для получения звания доктора необходимо иметь степень бакалавра. «Соответствующего эквивалента» достаточно, чтобы выявить «достойного кандидата». Это все, конечно, слова, Фред, но администрация интерпретирует их по собственному усмотрению.

— Даже если это и так, в правилах записано, что для получения диплома необходима дипломная работа. Я сам читал.

— Да. Но ведь существует «Священная Земля, изучение ритуальных территорий», книга, которую вы выпустили в университете. Она вполне может быть засчитана за дипломную работу по антропологии.

— Я не представлял ее на факультет для оценки.

— Не представляли, однако редактор заинтересовался мнением доктора Лоренца. Среди прочего тот сказал, что ее вполне можно рассматривать в качестве дипломной работы.

— Когда вас вызовут в суд, мы с вами непременно обсудим этот вопрос, — пообещал я Вексроту. — Продолжайте. Вы меня заинтересовали. Ну-ка расскажите, как я сдал устные экзамены.

— Ну, — промолвил Вексрот, не глядя мне в глаза, — преподаватели, которые вошли в экзаменационную комиссию, единогласно решили, что в вашем случае можно обойтись без устных экзаменов. Вы пробыли в университете так долго, а они все знают вас так хорошо, что это была бы пустая формальность. Кроме того, двое из них учились вместе с вами и чувствовали бы себя несколько неловко.

— Вот уж это точно. Давайте-ка я закончу сам. Главы языковых факультетов решили, что я изучал достаточное количество самых разнообразных курсов, и это дало им возможность подтвердить тот факт, что я умею читать. Верно?

— Ну, в общих чертах.

— Легче было вручить мне диплом доктора, чем бакалавра?

— Легче.

Мне ужасно захотелось снова как следует ему врезать, но это вряд ли что-нибудь изменило бы. И тогда я несколько раз с силой ударил кулаком по своей ладони.

— Почему? Теперь мне известно, как вы это сделали, однако главным является вопрос «почему». — Я начал расхаживать по комнате. — Я платил этому университету деньги за образование в течение тринадцати лет — если все сложить, получится довольно кругленькая сумма — и ни разу не задержал платежей. У меня со всеми хорошие отношения: с преподавателями, администрацией, с другими студентами, ни разу не было никаких серьезных неприятностей, если не считать моей любви к крышам. Иными словами, я не поставил нашему университету ни одного синяка... Ой, извините. Я только хочу сказать, что был достойным покупателем вашего товара. И вдруг... Я на минутку отворачиваюсь, уезжаю ненадолго из города, а вы в этот момент принимаете решение выдать мне

диплом!.. Неужели я заслуживаю подобного обращения после стольких лет, проведенных в стенах этого заведения? Я считаю, что с вашей стороны это просто отвратительно, и требую объяснений. Ну, давайте мне объяснения. Немедленно! Вы что, и вправду так сильно меня ненавидите?

— Чувства тут ни при чем, — ответил Вексрот и медленно поднял руку, чтобы пощупать лицо. — Я говорил, что хочу убрать вас отсюда, потому что не одобряю вашего отношения к жизни и мне не нравится ваше поведение. Так оно и есть. Но в данном случае я тут ни при чем. Если по правде, я даже был против. Однако на нас... ну... оказали давление.

— Какого рода давление?

— Не думаю, что мне следует об этом говорить. Вексрот отвернулся.

— Очень даже следует, — прорычал я. — Правда. Расскажите.

— Ну, университет получает приличные деньги от правительства. Стипендии, исследовательские контракты...

— Знаю. И что?

— Как правило, государственные органы не вмешиваются в наши дела.

— Так и должно быть.

— Тем не менее иногда они используют свой вес. Когда это происходит, мы обычно прислушиваемся к их совету.

— Вы что, хотите сказать, что я получил диплом по просьбе правительства?

— В некотором смысле да.

— Не верю. Они просто не делают подобных вещей.

Вексрот пожал плечами, а потом повернулся и посмотрел на меня.

— Были времена, когда и я так бы сказал, — проговорил он, — теперь я знаю, что это не так.

— А зачем им это надо было?

— Не имею ни малейшего представления. Мне сказали, что просьба правительства имеет под собой

секретные основания. Кроме того, мне сообщили, что дело очень срочное, нам несколько раз повторили слово «безопасность». Больше нам ничего не известно.

Я перестал ходить. Засунул руки в карманы. Вытащил их снова. Нашел сигарету и закурил, у нее был какой-то забавный вкус. Впрочем, последнее время такой вкус у всего.

— Человек по имени Надлер, — продолжал Вексрот, — Теодор Надлер. Он работает в государственном департаменте. Именно он связался с нами и предложил... устроить это дело.

— Понятно, — сказал я. — Это ему вы собирались звонить, когда я уничтожил предмет, по которому вы могли это сделать?

— Да.

Вексрот посмотрел на свой стол, подошел к нему, взял трубку и кисет.

— Да, — повторил он, набивая трубку табаком. — Надлер просил меня позвонить, если я вас увижу. Поскольку вы позаботились о том, что я не могу этого сделать прямо сейчас, я бы посоветовал вам связаться с ним, если вы хотите получить подробные разъяснения.

Он засунул трубку в рот, наклонился вперед и написал номер в блокноте. Вырвал листок и отдал его мне.

Я взял листок, посмотрел на перевернутые цифры и засунул бумажку в карман.

Вексрот поднес спичку к своей трубке.

— И вам не известно, чего ему от меня надо? — спросил я.

Вексрот поставил стул на место и уселся.

— Не имею ни малейшего понятия.

— Ладно, после того как я врезал вам, мне немного полегчало. Увидимся в суде.

Я повернулся, чтобы уйти.

— Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь когда-нибудь подавал в суд на университет за то, что ему выдали диплом, — сказал Вексрот. — Любопытный будет

процесс. А пока должен заметить: меня радует тот факт, что вашему безделью пришел конец.

— Поберегите свой восторг для другого случая, — сказал я. — Я еще с вами не закончил.

— Вы и Летучий Голландец, — пробормотал он, как раз перед тем как я захлопнул дверь.

Я спустился в аллею, прошел квартал и завернул за угол недалеко от дома Мерими. Несколько минут спустя я уже сидел в такси и направлялся в противоположную от центра города сторону. Вышел возле магазина одежды и купил себе пальто. Было холодно, а я оставил свою куртку у Мерими.

Я решил посетить выставочный зал. У меня было полно свободного времени, и я хотел проверить, следит за мной кто-нибудь или нет.

Я провел около часа в большой комнате, где находилась машина Ренниуса. Интересно, сообщалось ли о моем предыдущем визите в утренних новостях?.. Впрочем, какая разница. Я постарался запомнить, в каком направлении двигаются посетители, где находятся охранники — сегодня их было четверо, а раньше только двое. Прикинул расстояния до входов, короче говоря, мне кажется, я ничего не упустил. Не знаю, поставили ли они снова решетку с внешней стороны верхних окон, но, по правде говоря, это не имело существенного значения. Я не собирался повторять свой трюк. Теперь мне нужно было придумать что-то новенькое.

Размышляя, я направился на поиски бутерброда с пивом; последнее предназначалось для телепатов, если бы они появились по соседству. Разыскивая пиво, я все время смотрел по сторонам и решил, что в данный момент за мной никто не следит. Нашел подходящий бар, зашел туда, сделал заказ, уселся поудобнее и принялся за еду.

Идея пришла мне в голову одновременно с порывом холодного ветра, который впустил в бар очередной посетитель. Я немедленно отбросил ее и продол-

жал есть. Однако ничего лучшего мне в голову не приходило.

Поэтому я оживил ту идею, почистил немного и рассмотрел со всех сторон. Нельзя сказать, что это была такая уж находка, хотя не исключено, что что-нибудь и получится. Я еще раз все обдумал, а потом сообразил, что дело может сорваться из-за какого-нибудь побочного эффекта в самом процессе. С трудом справившись с охватившим меня раздражением, я вернулся к началу и стал все обдумывать снова. Моя идея балансировала на грани абсурда, приходилось думать о таких дурацких мелочах...

Я направился на автобусную станцию, купил билет до дома и спрятал его в кармане пальто. Потом приобрел журнал и жевательную резинку, попросил сложить их в сумку, выбросил журнал, резинку засунул в рот, а сумку оставил себе. Потом вошел в банк и разменял все свои деньги на однодолларовые купюры, которые закинул в сумку — всего их получилось сто пятнадцать штук.

Добравшись до района, в котором располагался выставочный зал, я нашел ресторан, где пальто принимали в гардероб, оставил его там и снова выскользнул на улицу. Кусочком жевательной резинки приклеил номерок от пальто к внутренней стороне скамейки, на которой посидел некоторое время. Затем выкурил последнюю сигарету и направился в выставочный зал, держа в одной руке сумку с деньгами, а в другой одну купюру.

Оказавшись внутри зала, я замедлил шаги, дожидаясь момента, когда толпа достигнет подходящей плотности и распределится так, как мне было необходимо, припоминая, что я чувствовал, когда открывались и закрывались входные двери. Потом выбрал для себя место и стал пробиваться в нужную сторону. К этому времени я уже порвал сумку с одного бока и крепко держал ее в руках.

Прошло примерно минут пять, и я понял, что ситуация как нельзя лучше подходит для моих целей: толпа была достаточно большой, а охранники находи-

лись на приличном от меня расстоянии. Я прислушивался к обычным разговорам типа: «А что же она все-таки делает?» и «Никто не знает», иногда доносился голос: «Это что-то вроде преобразователя. Его сейчас изучают». Вдруг я почувствовал сильный сквозняк, а рядом со мной возник громадный детина.

Я пихнул его в бок локтем и немного подтолкнул вперед. Он же, в свою очередь, одарил меня несколькими примерами средне-английского диалекта — принято считать, что эти слова англо-саксонского происхождения — и сильным пинком.

Я несколько преувеличил свою реакцию, отшатнулся, налетел еще на какого-то человека, приняв меры к тому, чтобы сумка взлетела у меня над головой. Она, естественно, разорвалась.

— Мои деньги! — завопил я, бросившись прямо к охранникам. — Мои деньги!

Я проигнорировал шум, крики и волнение, поднявшиеся у меня за спиной. Мне удалось запустить сигнализацию, но в тот момент это не имело никакого значения. Я уже был на платформе и мчался в ту сторону, где резиновая лента входила в центральный прибор. Я очень рассчитывал на то, что она выдержит мой вес.

Услышав вопли: «Спускайтесь оттуда!», я прокричал несколько раз: «Мои деньги!» и бросился животом на ленту, старательно делая вид, что пытаюсь схватить купюру. Меня затянуло в мобиллятор.

По мере продвижения через прибор я почувствовал слабое покалывание по всему телу и на короткое время словно ослеп. Правда, это не помешало мне развернуть долларовую купюру, которую я держал в руке. Так что я появился с другой стороны прибора, высоко держа ее над головой, немедленно скатился с ленты и, несмотря на легкое головокружение, соскочил с платформы и метнулся к толпе, изображая при этом, что я пытаюсь догнать разбежавшиеся от меня в разные стороны деньги. Впрочем, никаких денег особенно видно не было.

— Мои деньги... — пробормотал я, перелез через ограждение и опустился на четвереньки.

— Вот, возьмите, — проговорил какой-то честный гражданин и сунул мне в лицо несколько скомканных купюр.

НИДО, еще *НИДО*, несколько бумажек вернулись ко мне. К счастью, обдумывая предприятие, я заранее подготовил себя к этому эффекту, так что мое измененное зеркально лицо не выказало никакого удивления, когда я поднялся на ноги и начал благодарить добропорядочных посетителей выставочного зала. Единственная купюра, которая казалась мне совершенно нормальной, была та, что составила мне компанию в машине Ренниуса.

— Вы прошли сквозь эту штуку? — спросил меня какой-то мужчина.

— Нет. Я обошел ее сзади.

— А мне показалось, что вы проехали прямо сквозь нее.

— Ничего подобного.

Принимая деньги и делая вид, что пытаюсь отыскать остальные, я внимательно осмотрел зал. Менее честные граждане с моими купюрами в карманах направлялись в сторону выхода, который теперь находился с противоположной стороны по сравнению с тем, где он был раньше. К этому я тоже постарался подготовиться заранее — во всяком случае интеллектуально. Однако теперь меня посетили сомнения. Было очень трудно сосредоточиться: весь зал развернуло наоборот. Тем, кто хотел уйти, никто не мешал, потому что все охранники были заняты: два застряли в толпе, а двое других собирали купюры. Возможно, мне следовало воспользоваться поднявшейся суматохой и сбежать отсюда?

Сначала я планировал повернуть дело прямо на глазах у охраны и посетителей, решив, что лучше всего будет держаться с властями и любопытными зеваками как можно нахальнее, вопить что есть мочи про свои украденные денежки и продолжать настаивать на том, что на самом деле я обошел вокруг ма-

шины, а не влезал в нее. Я знал, что сумею настоять на своем — меня не должны были задержать. В конце концов, я не совершил никаких криминальных действий, а кроме того, теперь никто не мог отнять назад мое превращение.

Впрочем, мне не пришлось особенно буяннить. Один из охранников выключил сигнал тревоги, а другой начал кричать, чтобы никто не уносил с собой деньги, найденные в зале. Потом двое снова вернулись к дверям, а тот, что надрылся насчет моих денег, отыскал меня глазами и прокричал:

— С вами все в порядке?

— Да, — ответил я, — со мной все в порядке. Но мои деньги...

— Мы их сейчас соберем! Сейчас соберем!

Он пробрался ко мне через толпу и положил руку мне на плечо. Я поспешно засунул в карман ту купюру, которая казалась нормальной.

— Вы уверены, что с вами все в порядке?

— Конечно. Но у меня не...

— Мы постараемся собрать все ваши деньги, — сказал он. — Вы прошли сквозь центральную часть машины?

— Нет, — заверил я охранника. — Мимо пролетала купюра, и я за ней погнался.

— А мне показалось, что вы прошли через центральный прибор.

— Он обошел вокруг машины, — сообщил тот человек, с которым я несколько секунд назад поделился этими сведениями. Он выручил, да благословит его Бог, в самый нужный момент, словно все это время сидел у меня на колене с моноклем в одном глазу.

— Да, — сказал я.

— А, понятно. Вы не перенесли шока или чего-нибудь подобного?

— Нет, и я сумел поймать свой доллар.

— Хорошо, — охранник вздохнул. — Рад, что нам не придется составлять рапорт об этом инциденте. Что все-таки произошло?

— Меня толкнул какой-то парень, и моя сумка порвалась. Там была утренняя выручка. Мой босс вычтет ее у меня из зарплаты, если...

— Давайте посмотрим, сколько удалось собрать.

Так мы и сделали, и я получил обратно девяносто семь долларов — вполне достаточно, чтобы помянуть добрым словом своих сограждан и сказать «спасибо» судьбе, которая помогла мне провести свой корабль через опасные рифы. Оставив фальшивое имя и фальшивый адрес на случай, если кто-нибудь захочет вернуть мне деньги, я поблагодарил всех несколько раз, извинился за причиненное беспокойство и был таков.

Движение, как я немедленно заметил, шло в противоположных направлениях. Что ж, это я как-нибудь переживу. Рекламные надписи на окнах были написаны задом наперед. Ничего, с этим я тоже справлюсь.

Я направился к скамейке, где был спрятан номерок от моего пальто. Пройдя с десятков шагов, я остановился как вкопанный.

Наверное, я пошел не туда, поскольку был уверен, что иду в нужном направлении.

Мне пришлось постоять некоторое время на месте, пытаясь представить себе весь город в зеркальном отображении. Это оказалось гораздо труднее, чем я думал. Мой бутерброд с мясом и пиво поменялись в животе местами и начали бурно протестовать — мне захотелось ухватиться за что-нибудь и просто постоять, не шевелясь. Я постарался расставить все по местам, точнее, так, как я считал правильным, и повернулся. Да. Стало немного лучше. Хитрость состояла в том, чтобы двигаться от одной приметной точки к другой, делая вид, что брешьешься. Представлять себе, что смотришь в зеркало. «Интересно, — подумал я, — дантист, оказавшись на моем месте, лучше бы справился с задачей, или его способности распространяются только на полость рта?» Ладно, не имеет значения. Я сообразил, где находилась скамейка.

Присел на скамейку, запаниковал было, когда не обнаружил номерка на месте, но потом вспомнил, что

он должен находиться на противоположной стороне. Да. Все в порядке...

Конечно, я оставил номерок здесь для того, чтобы он не отобразился и у меня не возникло бы трудностей при получении пальто. А пальто я сдал для того, чтобы не отобразился билет в кармане.

Я мысленно наметил маршрут и направился к ресторану. К тому, что он находится на противоположной стороне улицы, я сумел подготовиться, но у дверей завозился в поисках ручки, которая, естественно, оказалась не с той стороны.

Девушка быстро принесла пальто, однако когда я собрался уходить, она заявила:

— Сегодня, кажется, не первое апреля.

— Что?

Она помахала у меня перед носом купюрой. Так как у меня не было мелочи, я решил оставить ей доллар на чай. И сообразил, что отдал ей тот единственный доллар, который мне казался нормальным — тот самый, что прошел вместе со мной через мобилиатор.

— Ой, — воскликнул я, улыбнувшись, — этот я приберегал для вечеринки. Вот, давайте поменяемся.

Я отдал ей купюру, на которой было написано «НИДО», и она решила, что ей тоже стоит улыбнуться.

— Он был так похож на настоящий. Я даже не сразу поняла, в чем тут дело.

— Да, отличная шутка.

Я остановился, чтобы купить пачку сигарет, а потом отправился на поиски автобусной остановки. Учитывая, что до отхода автобуса оставалось еще довольно много времени, я решил, что надо принять лекарство против телепатов, — зайдя в скромный бар, заказал себе кружку пива.

Вкус у него был какой-то странный. Не то чтобы плохой. Просто совсем другой. Я прочитал название марки справа налево и на всякий случай уточнил, что именно я пью у бармена. Он подтвердил правильность моего обратного чтения. Тогда я пожал плечами и принялся пить. Постепенно мне начал нравиться этот новый вкус.

Когда немного позже я закурил сигарету, у нее тоже оказался незнакомый мне вкус. Сначала я отнес это к непривычному привкусу пива. Затем у меня появилась смутная догадка, и я, подозвав бармена, попросил налить мне виски.

У него оказался богатый, дымный вкус, не имеющий ничего общего с тем, что мне доводилось пробовать ранее из бутылок с такими же этикетками. Или с любыми другими, если быть до конца честным.

Потом у меня в голове вдруг возникли воспоминания о двухлетнем курсе органической химии. Все аминокислоты, за исключением глицина, были левосторонними, в соответствии с направлением спиралей протеинов. То же самое и с нуклеидами — в соответствии с направлением витков спирали нуклеиновой кислоты. Но так было до моего превращения. Я принялся отчаянно размышлять о пространственных изомерах и питании. Кажется, организм иногда воспринимает некоторые вещества только левосторонними и отвергает те же вещества с противоположным направлением спирали. Однако в других случаях организм воспринимает и то, и другое, хотя в одном случае пищеварение может занять больше времени, чем в другом. Я постарался вспомнить что-нибудь определенное. Мое пиво и виски содержали этиловый спирт... Ладно. Молекула симметрична, два атома водорода отходят от центрального атома углерода. Значит, отображенный или не отображенный, я все равно смогу напиться. Тогда почему так изменился вкус? Ответ: сложные несимметричные эфиры, которые по-разному воздействуют на вкусовые рецепторы. Мое обоняние, наверное, тоже играло в обратные игры с сигаретным дымом. Я решил, что, вернувшись домой, должен буду как можно быстрее разобраться во многих вещах. Поскольку я не знал, как долго мне суждено оставаться *Spiegelmensch**, следовало поза-

* *Spiegelmensch* (нем.) — зеркальный человек

ботиться о том, чтобы не помереть с голоду, если такая опасность существовала.

Я допил свое пиво. Во время длинной автобусной поездки у меня будет возможность более подробно поразмыслить над этим явлением. Пока же я считал, что разумно побродить немного по городу и проверить, не следят ли за мной какие-нибудь подозрительные личности.

Я вышел из бара и болтался по улицам минут пятнадцать или двадцать, но так и не сумел заметить никого, кто проявлял бы повышенный интерес к моей персоне. Тогда я направился на остановку, чтобы успеть на стереоизомерный автобус.

Когда мы медленно и сонно проезжали через пригородную зону, я позволил всем возникшим у меня неприятностям пройти торжественным маршем по улицам моего сознания, пытаюсь вызволить мечущиеся в отчаянном танце мысли из-за прутьев бесконечных решеток и не слыша ничего, кроме громоподобного грохота клоунских барабанов у себя в висках. Я выполнил порученное мне дело. Порученное кем? Ну, он сказал, что является записью, однако, кроме того, он еще снабдил меня в самый нужный момент Статьей 7224, Раздел С — а всякий, кто приходит ко мне на помощь, автоматически оказывается на стороне ангелов, до тех пор, пока ситуация не изменится.

Может, стоит напиться еще раз для получения дополнительных инструкций? Или он собирается войти со мной в контакт каким-нибудь иным способом? Такой способ обязательно должен существовать. Еще он сказал, что моя помощь в этой истории обязательно приведет к тому, что все исправится. Ладно, принимаю. Поверив ему, я согласился на зеркальное отображение. Все остальные хотели получить от меня то, чем я не располагал, и не предлагали ничего взамен.

Может быть, если я засну, он обратится ко мне с новым сообщением? Или у меня в крови содержится недостаточно алкоголя? Да и какая тут вообще связь с алкоголем? Если верить тому, что говорил Сибла, ал-

коголь действует скорее как демпфер, а не усилитель телепатической связи. Почему же тогда мой собеседник выходил на связь в те моменты, когда интоксикация моего организма алкоголем была наиболее высокой? Тут мне пришло в голову, что, если бы не очевидное влияние на все дальнейшие события Статьи 7224, Раздел С, я бы никогда не узнал наверняка, что наша связь с ним не обычные пьяные галлюцинации; возможно, я вообще посчитал бы все эти штучки изощренным стремлением к самоубийству. Нет, тут должно крыться какое-то другое объяснение. Даже Чарв и Рагма заподозрили, что у меня есть сообщник, обладающий телепатическими способностями.

Меня преследовало некое нетерпение, мне казалось, что нужно действовать как можно быстрее, пока инопланетяне не поняли, что происходит — в чем бы это ни заключалось. Я был уверен, что они не одобряют мои действия и, скорее всего, попытаются помешать.

Сколько же их всего — тех, кто преследует меня или просто за мной наблюдает? Где Зимейстер и Баклер? Что собираются делать Чарв и Рагма? Кто тот человек в темном пальто, которого заметил Мерими? Что хотел от меня представитель госдепа?

Так как ответов на все эти вопросы у меня не было, я посвятил свое время планированию дальнейших действий в расчете на то, что события будут развиваться наихудшим для меня образом. По очевидным причинам домой возвращаться не следует. К Халу идти тоже слишком рискованно, учитывая все, что он мне рассказывал. А вот Ральф Уарп вполне может приютить меня на время, сохранив это в секрете от всех. В конце концов, я владел половиной антикварного магазина «Вуф и Уарп» и не раз ночевал там в задней комнате. Да, именно туда я и отправлюсь.

Похожие на «Стейнвей», призрачные воспоминания рухнули с огромной высоты и погребли меня под своими обломками. Надеюсь вспомнить еще что-нибудь, я даже не сопротивлялся. Однако когда я задремал на своем сиденье, награды в виде нового сообщения не последовало. Более того, мне привиделся кошмар.

Мне снилось, что я снова лежу под ослепительным солнцем, а мое вспотевшее обожженное тело мучительно болит, постепенно превращаясь в изюмину. Страдания достигли пика, а потом медленно отделились и исчезли. Теперь я сидел на айсберге, зубы выбивали дробь, конечности онемели. Потом и это тоже прошло, и мое тело от макушки до самых пяток начало конвульсивно дергаться. И тут я испугался. Затем разозлился. Почувствовал восторг. Раздражение. Отчаяние. Шлепая босыми ногами, мою душу посетили все виды ощущений, одетых в причудливые одежды, сути которых я не смог понять. Это был не сон...

— Мистер, с вами все в порядке?

Мне на плечо легла чья-то рука — она протянулась ко мне из реальности или из сна?

— С вами все в порядке?

Я вздрогнул. Провел рукой по лбу. Он был мокрым.

— Да, — ответил я. — Спасибо.

Посмотрел. Пожилой мужчина. Аккуратно одет. Наверное, едет навестить внуков.

— Я сидел от вас через проход, — объяснил он. — Мне показалось, что у вас был какой-то приступ.

Я протер глаза, пригладил волосы, дотронулся до подбородка и обнаружил, что он мокрый от слюны.

— Дурной сон, — сказал я. — Теперь все в порядке. Спасибо, что разбудили.

Мужчина смущенно улыбнулся, кивнул и вернулся на свое место.

Проклятье! Похоже, это какой-то побочный эффект преобразования.

Я закурил сигарету, у которой был странный вкус, и взглянул на часы. Посмотрев на зеркально отображенный циферблат и сообразив, какое время показывают стрелки, я вспомнил, что мои часы редко идут правильно — так что, по всей вероятности, я проспал примерно полчаса.

Я стал смотреть в окно, наблюдая за пролетающими мимо милями, и вдруг понял, что мне страшно. А

что, если все это чья-то отвратительная шутка, результат ошибки? После того, что произошло в автобусе, все мое существо наполнилось страхом из-за того, что, возможно, внутри у меня произошли такие изменения, сути которых я не в состоянии понять. Машина Ренниуса могла нанести мне незаметный, непоправимый вред. Впрочем, думать сейчас об этом, пожалуй, поздно.

Я с усилием прогнал сомнения в своем новом приятеле, который называл себя записью. Машина Ренниуса, несомненно, сможет все исправить, если возникнет необходимость. Нужно только найти кого-нибудь, кто знает, как она работает.

Я сидел довольно долго, надеясь получить ответы на все мучившие меня вопросы. Однако, так ничего и не дождавшись, задремал. На этот раз я провалился в нечто большое, темное и мирное, как и полагается, без всяких там глупостей и angst*; проспал до ночи и до самой своей остановки.

Почувствовав себя на удивление отдохнувшим, я ступил на знакомый тротуар и, перечертив карту окружающего меня мира, прошел мимо стоянки машин, по аллее, вдоль четырех кварталов закрытых магазинов. Убедившись в том, что за мной не следят, я вошел в открытое кафе и съел ужин, у которого был непривычный вкус. Это место напомнило давно не мытую, жирную ложку, а вот еда была просто восхитительной. Я проглотил два фирменных гамбургера и огромную порцию картошки фри — не задумываясь, сумеет ли мой организм усвоить эти продукты. Вялый листик салата и несколько долек перезрелого помидора завершили трапезу. Вкуснее я ничего в жизни не ел. Если не считать молочного коктейля, который пришлось оставить — пить его было совершенно невозможно.

Я вышел из кафе и решил прогуляться. Идти было довольно далеко, но я не особенно спешил, успел от-

* angst (нем.) — волнение.

дохнуть, а моя задняя часть уже вполне насладились средствами общественного транспорта. Почти целый час я добирался до магазина «Вуф и Уарп», слава Богу, ночь прекрасно подходила для прогулок.

Магазин был, естественно, закрыт, однако наверху, в квартире Ральфа, горел свет. Я обошел здание сзади, влез наверх по водосточной трубе и заглянул в окно. Ральф сидел с книгой в руках, и до меня донеслись тихие звуки струнного квартета. Хорошо. То, что он один, я хочу сказать. Терпеть не могу мешать людям.

Я постучал в стекло.

Ральф поднял голову, посмотрел на меня, встал и подошел к окну.

Рама скользнула вверх.

— Привет, Фред. Заходи.

— Спасибо, Ральф. Как дела?

— Прекрасно. И в магазине все хорошо.

— Отлично.

Я забрался внутрь, закрыл окно, взял из его рук стакан с напитком, вкус которого узнать не удалось, хотя он походил на фруктовый сок — целый графин этого напитка стоял на столе. Мы сели и, должен признаться, здесь у меня не возникло никаких странных ощущений. Ральф так часто делает перестановки в своей квартире, что я никогда не могу запомнить, где у него что стоит. Мой компаньон — высокий, сухощавый человек с массой темных волос и плохой осанкой — прекрасно разбирается во всякого рода красивых вещах. Он даже преподает плетение корзин в университете.

— Ну, как тебе Австралия?

— Если не считать нескольких неприятных моментов, она могла бы мне понравиться.

— Каких неприятных моментов?

— Потом, все потом, — ответил я. — Может быть, в другой раз. Послушай, я не доставляю тебе слишком много хлопот, если попрошу устроить меня на ночь в задней комнате?

— Если только ты не поссорился с Вуфом.

— Мы договорились, — сказал я. — Он спит, засунув нос под хвост, а я получаю одеяло

— Когда ты ночевал здесь в прошлый раз, все получилось как раз наоборот.

— Именно поэтому мы и заключили договор.

— Ладно, посмотрим... Ты только что вернулся в город?

— Ну... да и нет.

Ральф обхватил руками колени и улыбнулся.

— Меня восхищает непосредственность твоего отношения к жизни. Ты никогда не юлишь и не врешь.

— Меня часто неправильно понимают, — посетовал я. — Этот груз приходится нести честному человеку в мире мошенников. Да, я только что вернулся в город, но не из Австралии. Из Австралии я вернулся несколько дней назад, потом уехал, а теперь снова оказался здесь. Нет, я не вернулся только что из Австралии. Ты понял?

Ральф покачал головой:

— У тебя такой простой, почти классический стиль жизни... Ну, что стряслось на сей раз? Оскорбленный муж? Безумный террорист? Кредиторы?

— Ничего подобного, — ответил я.

— Хуже? Или лучше?

— Сложнее. А что слышал ты?

— Ничего. Мне звонил твой куратор.

— Когда?

— Около недели назад. И сегодня утром

— Чего он хотел?

— Хотел узнать, где ты находишься и нет ли у меня каких-нибудь известий. Я дважды ответил отрицательно. Он сказал, что ко мне зайдет один человек, чтобы задать несколько вопросов. И что администрация университета была бы мне очень признательна за сотрудничество. С этого все началось. Тот человек и вправду объявился некоторое время спустя, задал мне те же вопросы и получил те же ответы

— Его звали Надлер?

— Да. Из ФБР. Государственный департамент. По крайней мере, так было написано в его удостоверении

личности. Он оставил мне номер телефона и велел позвонить, если ты объявишься.

— Не звони.

Ральф поморщился.

— Тебе не следовало это говорить.

— Извини.

Я немного послушал музыку.

— С тех пор он больше не появлялся, — добавил Ральф.

— А что хотел Вексрот сегодня утром?

— Его интересовали те же вопросы, а еще у него было сообщение.

— Для меня?

Он кивнул. Сделал глоток из своего бокала.

— В чем оно заключалось? — не утерпел я.

— Если ты свяжешься со мной, я должен сказать тебе, что ты закончил университет. Диплом можешь забрать у него в кабинете.

— Что?

Я вскочил на ноги, часть жидкости из бокала выплеснулось мне на рукав.

— Именно так он и сказал: «закончил».

— Они не вправе так со мной поступить!

Ральф приподнял плечи, а потом медленно опустил их.

— Может быть, он шутил? Он не показался тебе пьяным? Объяснил, как и почему?

— «Нет» на все вопросы, — ответил Ральф. — Он казался трезвым и серьезным. И даже повторил свое сообщение.

— Проклятье! — Я начал вышагивать по комнате. — Что они о себе думают? Нельзя же вот так просто взять и навязать человеку степень!

— Некоторые люди стремятся к этим степеням.

— У них нет замороженных дядюшек. Проклятье! Что же все-таки произошло? Не понимаю, как они умудрились это сделать. Я не дал им ни единого шанса. Как, черт возьми, они сумели это сделать?

— Я не знаю. Тебе придется спросить у него.

— И спрошу! Можешь не сомневаться, спрошу! Утром я первым делом навежду его и так ему врежу!

— Ты думаешь, это что-нибудь решит?

— Нет, но месть хорошо согласуется с моим классическим образом жизни.

Я уселся на стул и осушил свой бокал. А музыка все продолжалась и продолжалась.

Позднее, напомнив ирландскому сеттеру с озорными глазами, работающему ночным сторожем на первом этаже, о нашем договоре по поводу хвостов и одеял, я устроился в кровати в задней комнате. Там мне приснился удивительно сложный, полный символов сон.

Много лет назад я читал забавную маленькую книжечку «Сферляндия», написанную математиком по фамилии Бургер. Книжка была продолжением старого классического романа Эббота, который назывался «Флатляндия». В произведении Бургера рассказывалось о том, как в двумерный мир обитателей Флатляндии явились существа из космического пространства и начали производить с местными жителями отображения. Породистые собаки и дворняжки оказались зеркальными отображениями друг друга, они были симметричными, но не конгруэнтными. Породистые собачки были куда более редкими, и маленькой девочке ужасно хотелось иметь такую. Ее отец договорился, что она получит щенка от дворняжки и породистой собаки, он надеялся, что щенок понравится девочке. Однако, хотя щенков родилось много, все они оказались натуральными дворняжками. Позднее к ним на помощь поспешил пришелец из космоса и превратил всех дворняжек в породистых собак, перевернув их в третьем измерении.

На меня, однако, не произвела особого впечатления геометрическая мораль этой истории, хотя она и была придумана довольно мастерски. Я все время пытался понять, как могли вступить в совокупление две симметричные, но не конгруэнтные собаки в двумер-

ной плоскости. Единственная процедура, которую я сумел придумать, представляла из себя нечто вроде *canis observa** — и вся эта картинка вращалась в моем двумерном воображении. Позднее я использовал этот образ в качестве мандалы** во время медитации, когда начал заниматься йогой. Теперь он вернулся ко мне в залах сна, и я был окружен со всех сторон парами ужасно серьезных собак, возбужденно свивающихся друг с другом. Они вращались совершенно бесшумно, покусывая время от времени шею партнера. Потом подул ледяной ветер и собаки исчезли, а я остался один, замерзший и испуганный.

Проснувшись, я обнаружил, что Вуф спер одеяла и спит на них в углу возле печи для обжига глиняной посуды. Оскалившись, я направился к нему и отнял одеяла. Этот сукин попытался сделать вид, что произошло недоразумение, но я знал, что он просто прикидывается. Когда я посмотрел на Вуфа через несколько минут, то увидел лишь его грустный хвост среди пыльных глиняных горшков.

* *canis observa* (лат) — собачья позиция.

** мандала — символ единения в философии Юнга.

Глава 8

Они поджидали меня, чтобы что-то сказать или что-то сделать. Но ни сказать, ни сделать ничего не могли. Мы умрем и все тут.

Я выглянул в окно на пляж туда, где море выбрасывало на берег груды мусора, а потом затаскивало его обратно. Мне это напомнило о последних сутках, проведенных в Австралии. Только тогда появился Рагма и указал мне путь к спасению. В честных лабиринтах всегда есть выход. Но я не видел дверей в песке и, сколько ни старался, никак не мог убедить себя в том, что нахожусь в честном лабиринте.

— Ну, Фред? У тебя есть что-нибудь для нас? Или нам продолжать? Теперь все зависит от тебя.

Я бросил взгляд на Мэри, привязанную к стулу. Я старался не смотреть на ее испуганное лицо и глаза, но у меня ничего не вышло. Я вдруг понял, что больше не слышу тяжелого дыхания Хала, словно он приготовился к прыжку. Однако Джеми Баклер тоже это заметил и слегка повел дулом пистолета. Хал не стал прыгать.

— Мистер Зимейстер, — сказал я, — если бы у меня был камень, я бы повязал его красивой ленточкой с бантиком и вручил вам. Если бы я знал, где он находится, я бы нашел его для вас или рассказал, как его найти. Я не хочу смотреть, как будут умирать Мэри и Хал. И не хочу умирать сам. Попросите меня о чем-нибудь другом, и вы это получите

— А мне не надо ничего другого, — сказал Зимейстер и взялся за плоскогубцы.

Если мы будем смиренно дожидаться своей очереди, то умрем — после пыток. Даже если бы нам был известен ответ на вопрос, который их так интересует, нас бы все равно убили. В любом случае...

Значит, мы не будем просто стоять и смотреть, а попытаемся напасть на этих подонков — и тогда Мэри, Хал и я окажемся среди проигравших.

«Где бы вы ни были, кем бы вы ни были, — с отчаянием подумал я, — если вы можете сделать что-нибудь, сделайте это сейчас!»

Зимейстер взял Мэри за запястье и с силой приподнял ее руку. Когда он потянулся к ее пальцу плоскогубцами, Рождественский Призрак или кто-то из его приятелей появился в комнате у него за спиной.

Выскочив из Джефферсон-холла и бормоча проклятья сквозь сжатые зубы, я решил, что следующим типом, которому я врежу в глаз, будет Теодор Надлер из государственного департамента. Однако, обходя вокруг фонтана и направляясь в сторону студенческого Союза, я вспомнил про свое обещание позвонить Халу. И решил сначала поговорить с ним, прежде чем воспользоваться телефоном, который мне дал Вексрот.

Только сперва я выпил чашку кофе с пончиками. Именно сейчас, после тринадцати лет, проведенных здесь, я понял, что для того чтобы сделать пищу, которую они подают в Союзе, удобоваримой, потребовалось реверсировать в ней каждую молекулу — или во мне. За столиком в углу я заметил Джинни, и все мои благие намерения тут же улетучились. Я остановился и начал поворачиваться в ее сторону. Тут кто-то сдвинулся в сторону, и я увидел, что она сидит с парнем, которого я знаю. Я решил поговорить с ней в другой раз и вышел в вестибюль. Однако все телефоны оказались занятыми, поэтому я начал расхаживать

взад-вперед, с чашкой кофе в руке. Шаг, еще шаг
Глоток, еще глоток.

У себя за спиной я услышал чей-то голос:

— Привет, Кассиди! Иди сюда, вот парень, о котором я тебе рассказывал!

Повернувшись, я увидел Рика Лидди, который имел ответы на все вопросы, кроме одного: что делать с дипломом, который он должен был получить в июне. С ним рядом была его более высокая копия, одетая в фирменную футболку Йельского университета.

— Фред, это мой брат Пол. Приехал навестить меня, — сказал он.

— Привет, Пол.

Я поставил чашку кофе на выступ в стене и начал протягивать ему левую руку. Вовремя опомнившись, я поменял ее на правую, чувствуя себя при этом полным идиотом.

— Он у нас вроде Вечного Жида, — продолжал рекламировать меня Рик, — или Дикого Охотника. Человек, который никогда не закончит университет. Персонаж бесчисленных баллад и куплетов: Фред Кассиди — Вечный Студент.

— Ты забыл упомянуть Летучего Голландца, — сказал я. — Увы, перед тобой — доктор Кассиди, черт поberi!

Рик начал смеяться.

— Это правда, что вы любите лазать по ночам? — спросил Пол.

— Иногда, — ответил я, чувствуя, что между нами уже почти разверзлась громадная пропасть. Проклятая овечья шкура начинает взывать свою дань. — Да, это правда.

— Вот здорово! — воскликнул Пол. — В самом деле здорово. Я всегда хотел познакомиться с настоящим Фредом Кассиди — лазателем.

— Боюсь, что ваша мечта сбылась, — проворчал я.

Тут кто-то повесил трубку, и я бросился к телефону.

— Прошу меня извинить.

— Конечно. До встречи, Фред. О, пардон... док.

— Было приятно познакомиться.

Набирая номер телефона Хала в обратном порядке, я чувствовал, как меня охватывает странная депрессия. Короткие гудки. Тогда я позвонил Надлеру. Девушка на другом конце провода попросила меня оставить номер, по которому со мной можно связаться, и предложила передать Надлеру мое сообщение. Я отказал ей по обоим пунктам. Потом снова набрал номер Хала. На этот раз я дозвонился, причем, как мне показалось, мой приятель схватил трубку еще до того, как отзвенел первый сигнал.

— Да? Алло?

— Ты что, бежал издалека? — поинтересовался я. — Отчего же ты запыхался?

— Фред! Черт возьми, наконец-то!

— Извини, что не позвонил раньше. Тут столько всего произошло...

— Я должен с тобой увидеться!

— Именно это я и собирался сделать.

— Где ты сейчас находишься?

— В студенческом Союзе.

— Там и оставайся. Нет! Подожди минутку.

Я ждал десять или пятнадцать секунд.

— Я пытаюсь придумать место, о котором ты помнишь, — сказал Хал. А потом добавил: — Послушай, если поймешь, о чем я говорю, не называй это место вслух. Около двух месяцев назад ты поспорил со студентом-медиком по имени Кен. Такой худой парень, всегда ужасно серьезный. Помнишь, где это было?

— Нет, не помню, — ответил я.

— Уж не знаю точно, о чем вы спорили, но закончился ваш разговор так: ты заявил, что доктор Ричард Джордан Гэтлинг сделал больше для развития современной хирургии, чем Халстед. Он спросил у тебя, какую новую технику разработал доктор Гэтлинг, а ты ответил ему, что Гэтлинг изобрел пулемет. Он сказал, что это не смешно, и ушел. А ты обозвал его ослом, который верит, что получит Святой Грааль, когда закончит университет, а не диплом, дающий ему воз-

возможность помогать людям... Вспомнил, где все это происходило?

— Теперь да.

— Хорошо. Пожалуйста, отправляйся туда и пожди.

— Ладно. Все понял.

Хал повесил трубку, и я последовал его примеру. Странно. Разговор начал меня беспокоить. Хал сделал очевидную попытку скрыть место нашей встречи. Почему? От кого? И сколько их?

Я быстро ушел с территории Союза, потому что упомянул о нем в нашем разговоре. Через три квартала на север от студенческого городка я свернул в боковую улицу и прошел еще два квартала. Там был маленький книжный магазин, в который я любил заглядывать примерно раз в неделю, чтобы посмотреть на новые поступления. Мы часто ходили туда вместе с Халом.

Я провел в задней части магазина примерно полчаса, разглядывая перевернутые заголовки. Время от времени пытался прочитать страничку или две — просто для того, чтобы попрактиковаться в чтении новым для меня способом: а вдруг придется оставаться «перевернутым» еще достаточно долго. Первым предложением была одна из йенсеП ытчеМ анэмирреБ аножд, в которой я нашел странный личный намек:

*зарбо йыньлакрез йовс юяногод Я
уродирок оп ясийшвачмУ
лоп тюалитсу икчосук иоМ*

Я раздумывал, купить ли эту книгу, как вдруг почувствовал, что кто-то положил мне на плечо руку.

— Фред, пошли.

— Привет, Хал. Я как раз размышлял

— Поторопись, — сказал он. — Пожалуйста. Я припарковал машину во втором ряду.

— Ладно.

Поставив книгу на место, я последовал за Халом. Увидел его машину, подошел к ней и забрался внутрь. Хал уселся на место водителя, и мы поехали. Он просто вел машину и ничего не говорил, а так как мне

было очевидно, что он чем-то обеспокоен, я решил подождать до тех пор, пока мой приятель сам будет готов рассказать, что с ним произошло.

Я закурил и посмотрел в окно.

Прошло несколько минут, прежде чем мы выехали из узкой, забитой транспортом улочки туда, где движение было более спокойным. Только после этого Хал прервал молчание.

— В той записке, которую ты мне оставил, говорилось, что у тебя возникла одна странная идея и ты хочешь ее проверить. Насколько я понимаю, это связано с камнем?

— И с теми безобразиями, что творятся вокруг нас, — ответил я. — Не сомневаюсь, что камень каким-то образом в этом тоже участвует. Я лишь не совсем понимаю как.

— Может быть, тогда тебе стоит рассказать все с самого начала?

— А как насчет твоего срочного дела?

— Сначала я хочу услышать о твоих приключениях. Хорошо?

— Договорились. Только скажи мне, куда мы едем.

— Сейчас мы просто покатаемся. Пожалуйста, начни с того момента, как ты ушел от меня — и до сегодняшнего дня.

Так я и сделал. Я говорил и говорил, здания пробежали мимо нас одно за другим, потом на обочине появилась трава, она становилась все выше, вслед за ней возник кустарник, редкие деревья, коровы, булыжники и даже зайцы. Хал слушал, кивал, иногда задавал вопросы. И продолжал вести машину.

— Значит, в данный момент для тебя все выглядит так, как если бы я вел машину не с той стороны? — спросил он.

— Да.

— Потрясающе.

Тут я заметил, что мы приближаемся к океану, мимо многочисленных летних коттеджей, обычно пустующих в это время года. Меня так заворожил соб-

ственный рассказ, что только сейчас я заметил, что мы едем уже больше часа.

— Так ты теперь новоиспеченный доктор?

— Да, похоже на то.

— Очень странно.

— Хал, ты тянешь время. В чем дело? Что ты от меня скрываешь?

— Посмотри на заднем сиденье, — ответил он.

— Ладно. Там как всегда полно всякого барахла. Тебе следует наводить время от времени порядок...

— В углу валяется куртка. Загляни внутрь.

Я взял куртку, положил ее себе на колени и развернул.

— Камень! Значит, все это время он был у тебя!

— Нет, — сказал Хал.

— Тогда где ты его нашел? Где он был?

Хал свернул на проселочную дорогу. Мимо пролетела пара чаек.

— Посмотри, — предложил он мне. — Посмотри на него внимательно. Это ведь он, не так ли?

— Конечно, похож. Но я ведь его никогда не разглядывал.

— Он, он, — сказал Хал. — Можешь поверить, что я нашел его на самом дне багажника, который разобрал только сейчас? Придерживайся этой версии.

— Что это значит: «Придерживайся этой версии»?

— Я забрался в лабораторию Байлера сегодня ночью и взял камень с полки. Там их было несколько. Этот ничуть не хуже того, который Байлер нам дал. Ты ведь не можешь заметить разницы?

— Не могу, но я же не эксперт. Что происходит?

— Мэри похитили, — ответил Хал.

Я посмотрел на Хала. Его лицо ничего не выражало — я знал, что именно таким оно и должно было быть, если то, что он сказал, правда.

— Когда? Как?

— Мы с ней поссорились, и она отправилась к матери — как раз той ночью, когда ты ко мне заходил...

— Да, помню.

— Я собирался позвонить ей на следующий день и извиниться. Но чем больше я об этом думал, тем больше мне начинало казаться, что было бы намного лучше, если бы первой позвонила она. Я решил, что тогда я одержу над ней маленькую моральную победу. Поэтому стал ждать. Несколько раз я уже совсем было собрался набрать номер телефона ее матери, но в конце концов уговаривал себя подождать еще немного — надеясь, что позвонит она. Однако она так и не позвонила, и было уже довольно поздно. Слишком поздно на самом деле. Поэтому я решил подождать до утра. Так я и сделал. А утром позвонил ее матери. Выяснилось, что Мэри там нет, более того, ее там вообще не было. Она даже не разговаривала со своей матерью. Тогда я пришел к выводу, что Мэри решила проявить рассудительность. Наверное, ей не хотелось ничего рассказывать матери, она передумала туда ехать и переночевала у одной из своих подружек. Я начал их обзванивать. Ничего.

— Потом, между этими звонками, — продолжал Хал, — кто-то позвонил мне. Некий мужчина спросил, знаю ли я, где находится моя жена. В первый момент я подумал, что произошел какой-нибудь несчастный случай, но он заявил, что с ней все в порядке, более того, что я смогу поговорить с ней через минуту. Ее задержали — на целый день, чтобы я начал волноваться. А теперь они скажут мне, что я должен сделать, если хочу увидеть свою жену целой и невредимой.

— Отдать им камень, естественно.

— Да. Он не поверил, когда я заявил, что у меня камня нет. Он заявил, что они дают мне один день, за который я должен найти камень, а потом они свяжутся со мной еще раз и объяснят, что я должен буду сделать с камнем. После этого мне дали поговорить с Мэри. Она сказала, что с ней все в порядке, но голос у нее был испуганным. Я обещал, что постараюсь найти камень. И стал искать. Я перевернул все у нас в доме. Потом отправился в твою квартиру. У меня еще оставался ключ.

— Там больше никто не провозглашал тостов за королеву?

— Нет, твои гости не оставили после себя никаких следов. Я самым тщательным образом обыскал квартиру. В конце концов я был вынужден сдаться. Камень просто исчез.

Хал замолчал. Мы продолжали ехать по узкой, извилистой дороге, иногда между деревьями мелькало далекое море.

— Ну? — спросил я. — Что было дальше?

— Он позвонил мне на следующий день и спросил, нашел ли я камень. Я ответил, что нет. Тогда он заявил, что они убьют Мэри. Я попытался договориться с ним, обещал сделать все...

— Подожди. Ты что, не звонил в полицию?

Хал покачал головой:

— Этот тип предупредил меня, чтобы я этого не делал — еще когда мы разговаривали в первый раз. Если я свяжусь с полицией, заявил он, то больше никогда не увижу Мэри. Сначала я думал о том, чтобы связаться с полицейскими, но потом испугался. Если бы я позвонил в полицию, а этот тип об этом узнал бы... Я просто не мог рисковать. А что бы сделал ты на моем месте?

— Не знаю, — ответил я. — Продолжай.

— Он спросил у меня, знаю ли я, где сейчас находишься ты, и предположил, что ты, вероятно, смог бы помочь мне найти камень...

— Ха!.. Извини. Давай дальше.

— И опять мне пришлось повторять, что я ничего не знаю, но я сказал, что ты должен мне скоро позвонить. Тогда он заявил, что они дают мне еще один день на поиски камня или хотя бы тебя. А потом повесил трубку. Позднее мне пришла мысль о камнях в лаборатории Пола; может быть, они все еще там? И если я смогу добыть один из них, почему бы не попытаться выдать его за настоящий? Камни были хорошими копиями. Человек, который их сделал, однажды сам их перепутал. Ближе к вечеру я сумел вскрыть замок и забрался в лабораторию. Мной овладело та-

кое отчаяние, что я был готов на все. На полке оставалось еще четыре штуки, и я взял тот, что ты сейчас держишь в руках. Привез его домой и стал ждать. Тот тип снова позвонил мне сегодня утром — как раз перед тобой, — и я поведал ему историю о том, что нашел камень на самом дне багажника своей машины. Мне показалось, что он остался доволен. Он даже разрешил мне еще раз поговорить с Мэри, а затем дал точные указания, куда отвезти камень, обещал, что мы встретимся и произведем обмен — им камень, а мне Мэри.

— Именно туда мы сейчас и направляемся?

— Да. Я не стал бы зря тебя в это втягивать, но у меня сложилось впечатление, что они считают тебя специалистом по камням — поэтому, когда ты позвонил, мне пришло в голову, что ты сможешь подтвердить мой рассказ и они не станут сомневаться в том, что я привез им именно оригинал. Я не хотел вовлекать тебя, поверь; просто это вопрос жизни и смерти.

— Угу. Убьют нас всех

— А зачем? Они получают то, что им нужно. К чему причинять нам вред?

— Мы свидетели.

— Чего? Да кто нам поверит? Нигде нет никаких записей, никаких доказательств того, что Мэри была задержана, вообще ничего. Зачем портить себе жизнь и нарушать status quo, убивая людей и вовлекая в дело полицейских?

— От этой истории дурно пахнет. У нас нет достаточной информации, чтобы делать выводы о том, что ими движет.

— А что мне еще оставалось делать? Позвонить в полицию и рискнуть жизнью Мэри?

— Я уже говорил, не знаю. Но ты мог бы воздержаться от того, чтобы вовлекать в эту историю меня.

— Извини, я принимал решение на ходу и мог допустить ошибку. Но я же предупредил тебя об этом заранее. Я знаю, что должен был объясниться — именно это я сейчас и делаю. Мы еще не приехали на место. Я хотел предложить тебе выбор, когда закончу

рассказывать. Теперь, когда ты все знаешь, выбор за тобой. Только учти, мне нужно торопиться.

Он посмотрел на часы.

— Когда мы должны с ними встретиться? — спросил я.

— Примерно через полчаса.

— Где?

— В восьми милях отсюда, так мне кажется. Я еду, руководствуясь приметами, которые они мне дали. Потом мы должны будем припарковаться и ждать.

— Понятно. Ты конечно не узнал голос или что-нибудь в таком роде?

— Нет.

Я посмотрел на фальшивый камень, наполовину матовый или наполовину прозрачный, в зависимости от того, как на него посмотреть, очень гладкий, с тонкими молочными и красными прожилками внутри. Он чем-то напоминал ископаемую губку или кусок коралла, отполированный, как стекло, и сверкающий в узлах и гранях. Внутри были разбросаны крошечные черные и желтые точки. В длину камень составлял около семи дюймов, а в ширину дюйма три. И он оказался тяжелее, чем я думал.

— Красивая штука, — заметил я. — Ни за что не смог бы отличить один от другого. Да, я с тобой.

— Спасибо.

Мы проехали еще примерно восемь миль. Я смотрел по сторонам и пытался представить себе, что будет дальше.

Хал свернул на старую, заросшую травой колею — ее даже трудно было назвать дорогой — совсем недалеко от пляжа. Припарковал машину на границе с болотистой почвой так, что она оказалась со всех сторон закрыта деревьями. Потом мы вышли наружу, закурили и стали ждать.

С того места, где мы стояли, я слышал шум прибое и чувствовал соленую влагу, которой был насыщен воздух. Почва была песчаной. Я поставил ногу на пенек и посмотрел на вонючие водоросли и тину, выброшенные прибоем на берег.

Несколько сигарет спустя, Хал снова посмотрел на часы.

— Они опаздывают.

Я пожал плечами:

— Вероятно, осматривают окрестности, чтобы убедиться в том, что мы здесь одни. Во всяком случае, я бы поступил именно так. И еще поставил бы своего человека у дороги.

— Да, похоже на правду, — согласился он. — Я уже устал стоять. Пойду посижу немного в машине.

Я повернулся, чтобы последовать его примеру, и увидел Джеми Баклера, который стоял за нашей машиной и смотрел на нас. Он казался безоружным, хотя в данной ситуации оружия ему и не требовалось — он знал, что мы выполним все его требования.

— Это вы мне звонили? — спросил, подходя к нему Хал.

— Да. Ты принес его с собой?

— С ней все в порядке?

— Да. Камень у тебя с собой?

Хал остановился и развернул камень. Положил его на свою куртку.

— Вот. Видишь?

— Угу. Ладно. Пошли.

— Куда?

— Недалеко. Повернись кругом и иди в том направлении. Там есть незаметная тропинка.

Мы пошли по указанной им дорожке, Джеми замыкал шествие. Извиваясь среди кустарника, тропа постепенно подводила нас к пляжу. Наконец показалось море, сегодня оно было серым с белыми барашками. Потом тропа повернула в другую сторону, и довольно скоро я увидел то место, куда мы направлялись. Низкий, островерхий, устроившийся на склоне холма, с сорванными ставнями — пляжный домик, который видывал куда более спокойное море еще задолго до того, как я родился.

— В домик? — спросил Хал.

— В домик, — послышалось у нас из-за спины.

Мы стали подниматься по склону холма. Джеми обогнул нас по широкой дуге, подошел к двери и постучал — похоже, условным сигналом.

— Все в порядке. Это я. Он принес камень. И заодно привел с собой Кассиди, — сказал Джеми.

— Отлично, — донеслось изнутри, дверь открылась. Джеми повернулся к нам, кивком головы предложил нам войти и последовал за нами.

Я был не слишком удивлен, увидев Мортон Зимейстера за поцарапанным кухонным столом, на котором рядом с кофейной чашкой лежал пистолет. На противоположной стороне комнаты, за пределами территории кухни, в самом удобном кресле сидела Мэри, не очень туго к нему привязанная. Одна ее рука была свободна, а на столе рядом с ней стояла чашка кофе. В столовой со стороны кухни было два окна, и еще два в гостиной. На задней стене располагались две двери: одна, наверное, вела в спальню, а другая — в туалет или кладовку, решил я. Потолка как такового не было, так что без труда можно было рассмотреть балки и много свободного пространства, там же наверху я увидел рыболовные снасти, сети, весла и прочее барахло. В комнате стоял старый диван, пара плетеных кресел, низкий столик и две лампы. И потухший камин, перед которым лежал выцветший ковер. В маленькой кухоньке была небольшая плита, холодильник, шкафы и черная кошка, которая сидела на дальнем от Зимейстера конце стола и тщательно вылизывала лапы.

Увидев нас, Зимейстер улыбнулся, и только когда Хал попытался подбежать к Мэри, поднял пистолет.

— Ну-ка вернись сюда, — сказал он. — Она в полном порядке.

— Это действительно так? — спросил у Мэри Хал.

— Да, — ответила она. — Они меня не трогали.

Мэри была миниатюрной, немного взбалмошной, со слишком заостренными, на мой вкус, чертами лица блондинкой. Я опасался, что к моменту нашего появления она будет в истерическом состоянии. Однако, если не считать вполне естественных следов устало-

сти, Мэри, как мне показалось, сохраняла присутствие духа, чем меня изрядно удивила. Возможно, Хал сделал не такой уж неудачный выбор. Я искренне за него порадовался.

Хал вернулся к столу, за которым сидел Зимейстер. Услышав звук задвигаемого засова, я обернулся и увидел, что Джеми стоит, привалившись спиной к запертой двери, и смотрит на нас.

Он расстегнул куртку; из-за пояса у него торчала рукоятка пистолета.

— Ну, давай сюда, — сказал Зимейстер.

Хал развернул куртку и протянул камень Зимейстеру. Тот отодвинул в сторону чашку с кофе и пистолет и внимательно посмотрел на камень. Потом несколько раз перевернул его. Кот поднялся, потянулся и соскочил со стола на пол.

Зимейстер откинулся на спинку стула, продолжая смотреть на камень.

— Вы ребята, наверное, неплохо потрудились... — начал он.

— По правде говоря, — заявил Хал, — мы...

Зимейстер со всей силы ударил ладонью по столу. Фаянсовая посуда громко задребезжала.

— Это подделка! — рявкнул Зимейстер.

— Это тот камень, который был у нас с самого начала, — заговорил было я, но Хал вдруг отчаянно покраснел. Он всегда был паршивым игроком в покер.

— Я не понимаю, как вы можете говорить подобные вещи! — заорал Хал. — Я принес эту проклятую штуку! Она настоящая! Отпустите сейчас же Мэри!

Джеми отошел от двери и двинулся к Халу. В этот момент Зимейстер повернул голову и поднял глаза. Он слегка покачал головой, и Джеми сразу остановился.

— Я не такой дурак, — сказал Зимейстер, — вам не удастся всучить мне копию. Я знаю, что мне нужно, и вполне могу отличить настоящий камень от дубликата. Это, — он сделал небрежное движение в сторону камня, — не то, что мне нужно. И ты это знаешь не хуже меня. Хорошая попытка — вы достали просто

отличную копию. Однако больше вам не удастся водить меня за нос. Где настоящий камень?

— Если это не он, — ответил Хал, — не знаю.

— А что скажешь ты, Фред?

— Это тот камень, который был у нас с самого начала, — заявил я. — Если он подделка, значит, настоящий никогда не попадал нам в руки.

— Ладно. — Зимейстер, не торопясь, поднялся на ноги. — Перейдем в гостиную, — предложил он, беря в руки пистолет.

Джеми на это вытащил свой, и нам ничего не оставалось, как подчиниться.

— Я не знаю, сколько вы рассчитываете получить за него, — сказал Зимейстер, — или сколько вам за него предлагали. Может, вы уже успели его продать. В любом случае, вам придется рассказать мне, где камень находится сейчас и кто еще в это замешан. Однако прежде всего я хочу напомнить вам, что вряд ли вы сможете воспользоваться камнем после смерти.

— Вы делаете ошибку, — заявил Хал.

— Нет. Это вы сделали ошибку, и теперь пострадает невинный.

— То есть? — спросил Хал.

— Ну, разве не понятно, — ответил Зимейстер. — Встаньте-ка сюда, — а потом добавил, обращаясь к Джеми: — Пристрелишь их, если они вздумают хоть пальцем пошевелить.

Мы встали туда, куда он указал, напротив Мэри у стены. Зимейстер подошел к Мэри и устроился справа от нее. Джеми остался стоять слева от нее и навел на нас свой пистолет.

— Ну а ты, Фред? — спросил Зимейстер. — Не вспомнил ничего новенького после Австралии? Может, ты не все рассказал бедняге Халу — спаси его жену от... Ну...

Он вытащил из кармана плоскогубцы и положил их на стол рядом с кофейной чашкой Мэри. Хал повернулся и посмотрел на меня. Они все ждали, что я скажу что-нибудь или сделаю. Я выглянул в окно и подумал о дверях в песке.

Видение бесшумно вошло в гостиную из комнаты, дверь в которую находилась за спиной Зимейстера и Джеми. Должно быть, их насторожило выражение лица Хала, потому что я себя контролировал. Впрочем, это не имело особого значения, потому что оно заговорило еще до того, как голова Зимейстера начала поворачиваться в его сторону.

— Нет, — сказала видение. — Замрите! Брось пистолет, Джеми! Одно движение, Мортон, и ты превратишься в статую, вроде Генри Мура! Не двигайтесь!

Это был Пол Байлер, на исхудавшем лице которого появились новые морщины. Однако его рука с пистолетом сорок пятого калибра не дрожала.

Зимейстер очень выразительно застыл в неподвижности. Джеми явно находился в сомнениях, ожидая какого-нибудь знака от босса.

Я почти облегченно вздохнул. Из честного лабиринта всегда есть выход. Похоже, мы играли именно в такую игру, если только...

Катастрофа!

Масса лесок, удочек, поплавков и сетей закричала у нас над головами и свалилась прямо на Пола. Его рука чуть дернулась вниз — именно в этот момент Джеми решил не бросать свой пистолет. Он повернул его в сторону Пола.

Рефлексы, о которых я обычно забываю, когда нахожусь на земле, сами приняли решение, так что я тут оказался совершенно ни при чем. Однако, если бы мысль о том, чтобы броситься на человека с пистолетом, успела пройти дальше моего спинного мозга, я не думаю, что сделал бы это.

Тем не менее все должно кончиться хорошо, не так ли? В кино, во всяком случае, именно так и бывает. Я прыгнул на Джеми, вытянув вперед руки.

Его рука на мгновение застыла в нерешительности, а потом он повернул пистолет в мою сторону и выстрелил практически в упор.

Моя грудь взорвалась, и мир исчез.

Вот вам и хороший конец!

Глава 9

Иногда бывает очень полезно остановиться и поразмышлять о тех преимуществах, которые можно извлечь из современной системы высшего образования.

Я полагаю, что их все можно сложить к ногам моего святого патрона, президента Гарварда Элиота. Именно он, еще в 1970 году, посчитал, что следует несколько ослабить строгость академических требований. Что и сделал, а уходя, забыл запереть за собой дверь. Почти тринадцать лет я каждый месяц возносил ему мою благодарность в тот наполненный приятными эмоциями момент, когда открывал конверт, в котором лежал чек. Элиот был тем человеком, который ввел систему свободного выбора курсов, пришедшую на смену жесткому набору обязательных предметов. И, как это часто бывает в таких случаях, результаты превзошли все ожидания. Нынешняя ситуация, в частности, позволяла мне спокойно оттачивать свой интеллект, не скучать и следовать за прихотливо мерцающими звездами ускользающего знания. Иными словами: если бы не он, у меня, скорее всего, не было бы ни времени, ни возможности изучить весьма любопытные и поучительные привычки *Ophrys speculum* и *Cryptostylos leptochila*, с которыми я познакомился на ботаническом семинаре.

Давайте посмотрим правде в глаза: я был обязан этому человеку многим — и тем, что мог вести столь замечательный образ жизни, и другими приятными

моментами. И меня никак нельзя было назвать неблагодарным. Что же до того, что я не в силах отплатить ему добром за добро, ну что ж, тут я не в силах ничего изменить.

Кто такой *Ophrys*? Или это она? И почему все обожают ее? А *Cryptostylus*?

Я рад, что вы спросили. В Алжире живет насекомое, похожее на осу, известное под именем *Scolia cilata*. Оно спит всю зиму в своем гнезде, устроенном в песке, а в марте пробуждается. Самка этого насекомого, что не является таким уж редким явлением среди перепончатокрылых, продолжает спать еще месяц. Самец, естественно, начинает испытывать беспокойство и направляет свой близорукий взгляд в другие дали. И вдруг!.. Что расцветает как раз в это время здесь, неподалеку? Конечно же, грациозная орхидея *Ophrys spheculum*, чьи цветы поразительно похожи на тело самки заинтересовавшего нас насекомого. Остальное совсем не трудно предсказать. Именно таким образом происходит опыление орхидеи — самец осы летает от цветка к цветку и дарит их своим вниманием. Оукс Эймс назвал этот процесс псевдокопуляцией, симбиотической связью двух совершенно разных репродуктивных систем. Орхидея *Cryptostylis leptochila* точно так же и с той же целью соблазняет самца осы наездника, правда, она при этом достигает невероятных высот в своей изощренности, поскольку испускает точно такой же запах, что и самка соблазняемого ею наездника. Коварная. Восхитительная. В строго философском смысле можно говорить о разнообразных сторонах морали. Именно для этого и нужно образование. Если бы не мой дорогой окаменевший дядюшка и если бы не президент Элиот, я, вполне возможно, никогда не получил бы возможности испытать те чудесные ощущения, что озаряют своим светом состояние моей души.

Вот например, когда я лежал там, все еще не совсем понимая, где находится это «там», я вспомнил занятия, посвященные орхидеям, и одновременно меня коснулись совсем непонятные и необъяснимые

звуки, тени и цвета. Я моментально пришел к следующему выводу: часто вещи не являются тем, чем кажутся, впрочем, иногда это не имеет никакого значения; человеческое существо можно обидеть множеством самых отвратительных способов, которые непосредственно задевают его спинной мозг.

К этому моменту я уже начал робко изучать среду, в которой оказался.

«Ой-ой-ой! Ой-ой-ой!» и снова «Ой-ой-ой!», — произносил я. Как долго это продолжалось, не мне судить. Неожиданно среда откликнулась на мои стенания, всунув термометр мне в рот и принявшись считать мой пульс.

— Пришли в себя, мистер Кассиди? — спросил голос, только вот я не понял, кому он принадлежал — женщине или какому-то бесполому существу.

— Блюм, — ответил я, сияясь рассмотреть лицо медсестры, и поспешно прикрыв глаза, как только мне это удалось сделать.

— Вам очень повезло, мистер Кассиди, — сказала она, вынимая термометр. — Я пойду позову доктора. Он с нетерпением ждет возможности поговорить с вами. А вы лежите спокойно. Не напрягайтесь.

Поскольку я не испытывал особого желания соскочить с кровати и заняться отжиманиями, мне было совсем не трудно выполнить ее распоряжение.

Я еще раз попробовал оглядеться по сторонам. На этот раз все выглядело совершенно нормально. Понятие «все» включало в себя больничную палату на одного человека и меня на кровати, которая стояла у стены возле окна. Я лежал на спине и довольно быстро сумел обнаружить, до какой степени моя грудь замотана в бинты и пластырь. Представив себе, что повязку когда-нибудь будут снимать, я невольно поморщился. Тем, кто не искалечен, не принадлежит монопольное право на предчувствия.

Несколько минут спустя мне показалось, что здоровенный молодой парень в белом халате, из кармана которого свисал стетоскоп, внес в палату улыб-

ку и доставил ее прямо к моей постели. Переложив мою карточку из одной руки в другую, он потянулся ко мне. Я решил, что его заинтересовал мой пульс, но доктор схватил мою руку и начал ее изо всех сил трясти.

— Мистер Кассиди, я доктор Дрейд! Мы встречались с вами раньше, но вы этого не помните. Я вас оперировал. Рад, что вы можете пожалть мне руку. Вы очень везучий человек.

Я откашлялся, и мне стало больно.

— Приятная новость, — сказал я.

Доктор взял мою карточку.

— Поскольку ваша рука находится в такой прекрасной форме, не могли бы вы поставить подпись вот на этих бумагах?

— Минутку, — заметил я. — Мне ведь даже неизвестно, что вы со мной делали. Так что я не собираюсь ничего подписывать.

— О, это вовсе не то, о чем вы подумали, — пояснил доктор. — Те бумаги вас попросят подписать, когда вы будете нас покидать. Я просто хотел получить разрешение воспользоваться своими заметками и фотографиями, которые мне посчастливилось сделать во время операции, для статьи, которую я хочу написать.

— Для какой такой статьи? — спросил я.

— Статьи, посвященной причине, которая позволила мне назвать вас очень везучим человеком. Вам ведь выстрелили в грудь, знаете ли.

— Ну, это я и сам понял.

— Любой другой человек на вашем месте был бы уже покойником. Только не старина Фред Кассиди. А знаете почему?

— Скажите мне.

— Сердце у вас не в том месте.

— Да?

— Вы что, до сих пор не знали об особенностях своей системы кровообращения?

— Не совсем, — сказал я. — Правда, до сих пор мне еще никто не стрелял в грудь.

— Так вот, ваше сердце является зеркальным отображением обычного сердца. *Vena cavae** выполняет функцию аорты, а легочная артерия получает кровь из левого желудочка. Ваши легочные вены несут свежую кровь в ушко правого предсердия, а правое предсердие качает ее через дугу аорты, которая сдвинута вправо. Правые камеры вашего сердца, следовательно, имеют более плотные стенки, которые у обычных людей расположены слева. Если бы кому-нибудь выстрелили туда же, куда попали вам, было бы поражено левое предсердие или, возможно, аорта. В вашем же случае пуля прошла на безопасном расстоянии от *inferior vena cava***.

Я снова закашлялся.

— Ну, пуля, конечно, причинила вам вред, — продолжал доктор. — Дырка в груди у вас все-таки есть. Я ее довольно аккуратно заштопал. Скоро вы встанете на ноги.

— Отлично.

— Так вот, как насчет вашей подписи...

— А? Ладно. Все для науки и прогресса.

Подписывая бумаги и раздумывая о том, под каким углом летела пуля, я спросил доктора:

— А как я сюда попал?

— Вас привезла в приемный покой полиция, — ответил доктор Дрейд. — Они не проинформировали нас о причинах возникновения ситуации, которая привела к перестрелке.

— Перестрелке? И сколько же было выстрелов?

— Хм, всего семь. Знаете, я вообще-то не имею права обсуждать других больных.

Моя рука застыла над листком бумаги.

— Хал Сидмор мой лучший друг, — сказал я и, подняв ручку, выразительно посмотрел на бумаги, — а его жену зовут Мэри.

* *Vena cavae* (лат.) — полые вены.

** *Inferior vena cava* (лат.) — нижняя полая вена.

— Они не получили никаких серьезных ранений, — быстро проговорил доктор. — У мистера Сидмора сломана рука, а у его жены несколько царапин. И все. По правде говоря, ваш приятель хочет повидаться с вами.

— Я тоже хочу, — заявил я. — Потому что чувствую себя прекрасно.

— Немедленно пошлю его к вам.

— Очень хорошо.

Доктор поправил мою постель.

— Если вам не трудно дать мне стакан воды...

Доктор налил мне воды и подождал, пока я почти все выпил.

— Хорошо, — сказал он, — я навещу вас попозже. Вы не возражаете, если я приведу с собой практикантов, чтобы они могли послушать ваше сердце?

— При условии, что вы пообещаете прислать мне экземпляр вашей статьи.

— Ладно, — согласился доктор. — Пришлю. Не напрягайтесь.

— Я постараюсь.

Он аккуратно сложил свою улыбку и унес ее с собой, а я лежал и строил рожи надписи «Ътирук еН».

Кажется, прошло совсем немного времени, когда ко мне вошел Хал. К этому моменту еще один слой пелены спал с моих глазах. На нем была обычная одежда, а его правая — минутку, прошу прощения — левая рука была в гипсе. На лбу у Хала красовался небольшой синяк.

Я ухмыльнулся, чтобы продемонстрировать, что жизнь прекрасна, а поскольку уже знал ответ, то спросил:

— Как Мэри?

— Прекрасно, — ответил Хал. — Она действительно в порядке. Расстроена и поцарапана, но ничего серьезного. Ты-то как себя чувствуешь?

— Словно кто-то хорошенько лягнул меня в грудь. Правда, доктор говорит, что могло быть хуже.

— Да, по его словам, тебе очень повезло. Знаешь, он прямо-таки влюбился в твое сердце. Если бы я оказался на твоём месте, мне наверняка было бы немного не по себе — лежишь тут, совершенно беспомощный, а он пишет разные статьи...

— Спасибо. Я рад, что ты пришел подбодрить меня. Ты сам расскажешь мне о том, что произошло, или мне надо купить газету?

— Ну, я не знал, что ты так спешишь, — сказал Хал. — Буду краток: в нас всех стреляли.

— Понятно. А теперь постарайся быть не таким кратким.

— Хорошо. Ты прыгнул на типа с пистолетом...

— Джеми. Да. Продолжай.

— Он выстрелил в тебя. Ты упал. Можешь поставить возле своего имени крестик. Потом он выстрелил в Пола.

— Крестик.

— Но, пока Джеми смотрел на тебя, Полу почти удалось выбраться из той пакости, что свалилась на него. Он выстрелил в Джеми практически тогда же, когда тот выстрелил в него. И попал в Джеми.

— Итак, они попали друг в друга. Крестик.

— Я бросился на другого типа почти сразу же после того, как ты напал на Джеми.

— Это был Зимейстер. Да.

— Он успел схватить пистолет и несколько раз выстрелил. Первый выстрел в меня не попал, и мы стали драться. Между прочим, он довольно сильный.

— Это мне известно. Кого помечаем следующим крестиком?

— Тут я не совсем уверен. Мэри поцарапало голову пулей рикошетом, а второй или третий выстрел Зимейстера — не очень уверен какой — попал мне в руку.

— Значит, надо поставить два крестика. А кто застрелил Зимейстера?

— Полицейские. Они в это время ворвались в домик.

— Как же, любопытно, они туда попали? Откуда им вообще стало известно о том, что там происходило?

— Я слышал их разговор — позже. Они следили за Полом...

— ...который, по всей вероятности, следил за нами?

— Похоже на то.

— А я думал, он умер. Про это в новостях говорили.

— Я тоже так думал. До сих пор не знаю, что там произошло. Его палату охраняют, и все молчат.

— Получается, что он по-прежнему жив?

— Ну, так я слышал. Больше мне ничего не удалось о нем узнать. Такое впечатление, что все остались живы.

— Плохо — в двух случаях. Подожди минутку. Доктор Дрейд сказал, что было семь выстрелов.

— Да. Их это всех тоже немного удивило. Один из полицейских попал себе в ногу.

— А... тогда понятно. Что еще?

— В каком смысле?

— Тебе удалось что-нибудь узнать? Ну, например, про камень?

— Нет. Ничего. Тебе известно все, что знаю я.

— К несчастью.

Я начал отчаянно зевать. Примерно в это же время в палату заглянула медсестра.

— Мне придется попросить вас уйти, — сказала она. — Мы не должны его утомлять.

— Хорошо, — согласился Хал. — Сейчас я пойду домой, Фред, и вернусь, как только они разрешат мне снова тебя навестить. Что тебе принести?

— Здесь есть какое-нибудь кислородное оборудование?

— Нет. Только в коридоре.

— Тогда принеси сигареты. И скажи им, чтобы сняли эту дурацкую вывеску. А, ладно. Я сам. Извини, никак не могу остановиться. Передай Мэри привет и все такое. Надеюсь, у нее не болит голова. Я

тебе когда-нибудь рассказывал про цветы, которые спят с осами?

— Нет.

— Боюсь, вам надо идти, — напомнила медсестра.

— Хорошо.

— Скажи этой даме, что она совсем не похожа на орхидею, — попросил я, — даже несмотря на то, что благодаря ей я чувствую себя осой.

Потом вместе со своей кроватью я провалился в неподвижное мягкое средоточие всего сущего, где жизнь кажется совсем простой.

Сон. Сон. Сон.

Мерцание?

Мерцание. Яркий свет.

Я услышал, что в мою комнату кто-то вошел, и, чуть приоткрыв глаза, убедился, что день еще не кончился.

Еще?

Пора разобраться со временем. Прошел день и ночь, и еще кусочек следующего дня. Я несколько раз ел, поговорил с доктором Дрейдом и был изучен практикантами, которых он привел. Приходил Хал, показавшийся мне более веселым, оставил сигареты. Доктор Дрейд сказал, что, хотя он и против, я могу курить, что я и сделал. Потом я немного поспал. Ах да, вот...

В поле моего зрения попали две фигуры, которые двигались очень медленно. Тут кто-то начал откашливаться, и я сообразил, что это Дрейд.

— Мистер Кассиди, вы проснулись? — вслух удивился он.

Я зевнул и потянулся, и, пытаюсь оценить ситуацию, сделал вид, что пришел в себя совсем недавно.

Рядом с Дрейдом стоял высокий мрачного вида тип в темном костюме и при черных очках. Я уже было собрался состричь по поводу гробовщиков, когда заметил, что в правой руке этот тип сжимает поводок лохматой собаки, изо всех сил старавшейся сидеть

смирно возле его ноги. В левой руке странный визитер держал довольно тяжелый портфель.

— Да, — сказал я и, поманипулировав рычажками кровати, устроился лицом к ним. — А в чем, собственно, дело?

— Как вы себя чувствуете?

— Вроде нормально. Да. Я отдохнул.

— Хорошо. Полиция послала этого джентльмена, чтобы он обсудил с вами то, что их интересует. Джентльмен заявил, что должен поговорить с вами наедине, так что мы повесим на дверь табличку. Его зовут Надлер, Теодор Надлер. Ну ладно, я пошел.

Доктор подвел Надлера к стулу, усадил его и удалился, осторожно прикрыв за собой дверь.

Я взял стакан с водой. Посмотрел на Надлера.

— Что вам нужно?

— Вы знаете, что нам нужно.

— А вы разместите объявление, — предложил я.

Он снял очки и улыбнулся мне.

— А вы попытайтесь прочесть парочку. Вроде тех, что озаглавлены «Нужна помощь».

— Вам бы следовало служить в дипломатическом корпусе, — сказал я, и его улыбка стала немного напряженной, он покраснел.

Когда он вздохнул, я ухмыльнулся.

— Мы знаем, что у вас его нет, Кассиди, — наконец сказал Надлер, — и я его у вас не прошу.

— Тогда почему вы меня преследуете? Только потому, что это совсем не трудно? Навязав мне диплом, вы на самом деле прикончили меня самым настоящим образом. Если бы в моем распоряжении находилось то, что вам нужно, я бы прицепил к этому этикетку с ценой, которая была бы немалой.

— Сколько? — спросил Надлер практически без раздумий.

— За что?

— За ваши услуги.

— В каком качестве?

— Мы хотим предложить вам работу, которая может вас заинтересовать. Как вам понравится долж-

ность специалиста по внеземным культурам, представляющего США в ООН? Для этого как раз требуется степень доктора антропологии.

— И когда, интересно, появилась такая должность? — спросил я.

Он снова улыбнулся.

— Совсем недавно.

— Понятно. А что будет входить в мои обязанности?

— Они будут определены отдельно. Скажу только, что вам придется заняться расследованием.

— Что именно я буду расследовать?

— Исчезновение звездного камня.

— Угу. Должен признаться, вы меня заинтриговали, однако этого еще недостаточно, чтобы я согласился с вами сотрудничать.

— Ну, со мной вам особенно сотрудничать не придется.

Я вытащил сигарету и закурил.

— С кем же тогда?

— Дай мне такую же, — произнес знакомый голос, и мохнатая, нечесаная собака подошла к моей кровати.

— Лон Чейни со звезд, — заметил я. — Из тебя получилась паршивая собака, Рагма.

Он отстегнул несколько кусков своей маскировки и взял сигарету. Впрочем, я так и не сумел понять, как он выглядит на самом деле.

— Что ж, ты все-таки допрыгался — подстрелили, — сказал Рагма. — А ведь я тебя предупреждал.

— Что правда, то правда, — согласился я. — Я пошел на это с открытыми глазами.

— К тому же ты отображен, — заметил Рагма, откидывая в сторону мое одеяло. — Раньше шрамы от ран, которые ты получил в Австралии, были на другой ноге.

Он опустил одеяло и устроился на полу рядом с моим столиком.

— И не то чтобы это необходимо было проверять, — добавил он. — По дороге сюда мне все уши

прожужжали про твое удивительное перевернутое сердце. С самого начала я подозревал, что ты — и есть тот идиот, который решил поиграть с инвертором. Может, расскажешь, зачем ты это проделал?

— Не расскажу, — отрезал я.

Рагма пожал плечами:

— Ладно. Прошло еще мало времени, и результаты недостаточного усвоения пищи не начали сказываться на твоём организме. Придется немного подождать.

Я перевел взгляд на Надлера.

— Вы так и не ответили на мой вопрос. На кого я буду работать?

На сей раз начал ухмыляться он.

— На него, — весело сказал Надлер.

— Вы что, шутите? С каких это пор госдеп начал брать на работу типов, которые исполняют роли вомбатов и собак-поводырей? Они же инопланетяне — у них даже гражданства нет!

— Он не работает на государственный департамент. Он предоставил свои услуги ООН. Если вы согласитесь сотрудничать с нами, то немедленно поступите в распоряжение специального отряда ООН, который возглавляет Рагма.

— Как библиотечная книга, — заметил я, снова поворачиваясь к Рагме. — А ты ничего не хочешь мне рассказать?

— Именно за этим я и пришел сюда, — ответил он. — Как тебе, очевидно, известно, артефакт, известный как звездный камень, исчез. Нам удалось выяснить, что некоторое время камень находился в твоей квартире, вследствие чего на тебе и сфокусировался интерес нескольких групп, заинтересованных в его возвращении — по самым разным причинам.

— Камень был у Пола Байлера?

— Да. Ему поручили сделать дубликат.

— Значит, он слишком небрежно с ним обращался.

— И да, и нет. Весьма странный человек, этот профессор Байлер, к тому же все ужасно осложни-

лось совпадениями, которые никто не мог предвидеть заранее. Понимаешь, к нему обратились потому, что он был самым подходящим человеком для выполнения подобного задания. Байлер — автор ряда очень интересных работ по синтезированию кристаллов. Ему удалось создать такой образец, который целая комиссия не сумела отличить от оригинала. Было ли это следствием его мастерства? Поначалу так все и подумали. Мне представляется, что при обычном течении событий людям так и не удалось бы установить, что их обманули.

— Значит, он оставил себе оригинал, а им отдал дубликат вместе с дубликатом дубликата? — спросил я.

— Ну, все не так просто, — со вздохом ответил Рагма. — Как выяснилось, то, что они ему отдали, вовсе не было звездным камнем. На самом деле подмена произошла гораздо раньше — еще перед тем как Секретарь ООН отдал расписку в получении камня. Мы только недавно узнали, как все произошло на самом деле. Может быть, ты даже видел телевизионный репортаж об этом событии?

— Я думаю, эту передачу смотрели все. Что же тогда произошло?

— Один из охранников совершил подмену, перед тем как уложить звездный камень в сейф. Никто этого не заметил, охранник ускользнул с оригиналом, а профессор Байлер получил подделку.

— Тогда какое отношение Пол?..

— Совпадение, — отозвался Рагма, — то единственное совпадение, которое допустимо в любой истории. Меня удивило, что ты не спросил меня, где охранник добыл фальшивый камень.

Я даже слегка осел на подушках. «Интересно, — подумал я, — заболит ли у меня грудь от смеха?»

— Значит, Пол?.. Только не говорите мне, что он и сделал первую подделку.

— Так оно и было, — вздохнул Рагма. — Байлер сумел выполнить работу по нескольким фотографиям и словесным описаниям. Тут его талант и проявился

в полной мере. Когда дело доходит до технической реализации, ему нет равных.

Я смял свою сигарету.

— Значит, он получил назад свою подделку, чтобы сделать по ней новую подделку?

— Вот именно. И оказался в весьма щекотливом положении. У него был настоящий камень и дубликат, сделанный им самим по фотографиям, а правительство, само того не ведая, обратилось к нему с заданием скопировать его собственную работу.

— Подожди! У него был настоящий камень? Мне казалось, ты сказал, что настоящий взял охранник.

— Я как раз подхожу к этой части истории. Охранник забрал камень и отдал его профессору Байлеру. Байлер боялся, что первая подделка не выдержит тщательной проверки, особенно если ею заинтересуется какой-нибудь заезжий инопланетянин, видевший камень в другом месте и знающий секрет, связанный с его строением — признак, который может заметить только инопланетянин. Во всяком случае, теперь он намеревался сделать вторую копию, которая была бы намного лучше первой, а потом договориться с тем же охранником, чтобы тот попытался заменить первую копию второй. Байлер считал, что вторая копия сможет гораздо дольше выдерживать проверку. В этом месте у него возникла дилемма: отдать им первую модель и копию, или вернуть два камня из второй серии — он ими очень гордился. В конце концов наш профессор решил, что будет лучше, если он вернет свою первую подделку и копию, поскольку боялся, что власти к тому моменту уже детально изучили его камень, и он у них числится в качестве настоящего.

Я покачал головой:

— Зачем? Зачем вообще было устраивать всю эту карусель?

Рагма потушил сигарету.

— Этот человек имеет сильную эмоциональную привязанность к Британской монархии...

— Драгоценности британской короны! — догадался я.

— Вот именно. Звездный камень прибыл на Землю, а драгоценности были отданы инопланетянам. Байлера потряс этот факт, он считал сделку нечестной, по его мнению, монархии было нанесено оскорбление.

— Но ведь на самом деле драгоценности по-прежнему принадлежат Британии, и их можно получить назад. Британские монархи согласились расстаться с ними на неограниченный срок на предложенных им условиях.

— Мы с тобой понимаем все это одинаково, — сказал Рагма. — А вот Байлер считает иначе. Как и те — например, охранник, — кто участвовал вместе с Байлером в этой аванюре.

— А что, собственно говоря, они собирались делать?

— Они намеревались подождать некоторое время, пока ваши отношения с другими расами не станут прочнее, а выгода от этого сотрудничества будет ясна всем и каждому. Тогда они бы объявили, что звездный камень подделка — этот факт можно легко проверить, воспользовавшись услугами инопланетных экспертов. После этого они бы сообщили, что настоящий камень находится в их руках. И что они готовы вернуть его в обмен на драгоценности короны.

— Значит, у них была целая группа... В таком случае это объясняет некий тост, который я услышал в своей квартире. Они, вне всякого сомнения, поджидали меня с целью порасспросить, куда им следует отправиться, чтобы украсть камень снова.

— Да. Они тебя искали. А потом мы установили за ними наблюдение. Они не представляют для нас никакой угрозы, скорее их нужно рассматривать, как досадное недоразумение. Впрочем, они могут оказать нам помощь в поисках камня, если мы не станем их трогать. Ради этого можно смириться с неприятностями, которые они нам доставляют.

— А если бы все получилось так, как они планировали?

— Если бы их план удался, Земля была бы исключена из торгового оборота и, по всей вероятности, внесена в черный список с точки зрения обычных видов торговли, туризма, культурного и научного обмена. Кроме того, это, естественно, повлияло бы на ваши шансы вступить в межзвездную конфедерацию — что-то вроде земной Организации Объединенных Наций.

— Ведь Пол разумный человек, почему же он этого не понимал? Знаешь, я начинаю сомневаться в том, что мы доросли до сотрудничества на межпланетном уровне.

— Ну, теперь Пол все понял. Именно он рассказал нам о деталях дела. Не суди его слишком строго. Как правило, интеллект не в состоянии оказать никакого влияния на чувства.

— А что вообще с ним произошло? Я слышал, его убили.

— На него напали и довольно сильно его попортили, но полиция оказалась на месте преступления как раз в тот момент, когда нападавшие сбежали. У них было специальное медицинское оборудование для оказания первой помощи. Байлера срочно доставили в учреждение, где он подвергся серии имплантаций, прошедших весьма удачно. После этого он связался с властями и все рассказал. Это произошло потому, что те, кто на него напал, прежде входили в ту же организацию, что и он.

— Зимейстер и Баклер, — сказал я, — не показались мне людьми, чьим поведением двигают чувства.

— Это так. На самом деле они бандиты. До недавнего времени они занимались добычей, продажей и тайным вывозом из страны человеческих органов. А еще раньше они обдывали самые разнообразные противозаконные делишки, но, похоже, человеческие органы приносили им немалую выгоду. Они оказались замешанными в краже звездного камня скорее из соображений материальных, чем идейных. Все ос-

тальные члены организации не имели никакого отношения к преступному миру. Именно поэтому они и наняли Зимейстера — организовать кражу. Впрочем, в его планы входило несколько иное решение этой проблемы...

— Он намеревался их надуть, — сказал я и поднес спичку к сигарете Рагмы.

— Точно. Хотел прибрать камень к рукам где-нибудь в процессе намеченной операции и предложить его властям в обмен на деньги и при условии, что ему не будет грозить преследование закона.

— Если бы все произошло именно так, каким образом это повлияло бы на наши шансы получить членство в конфедерации?

— Ну, это было бы несколько лучше, чем требование обменять камень на драгоценности короны, — ответил Рагма. — Коль скоро вы были бы в состоянии вернуть камень по первому предъявлению, все остальное считалось бы вашими внутренними делами.

— В таком случае какую роль во всей этой истории играешь ты?

— Я считаю, что нельзя так строго и неукоснительно следовать букве закона, — ответил Рагма. — Вы только вступаете в содружество, и я собираюсь сделать все, чтобы облегчить вам эту задачу. Я бы очень хотел, чтобы камень вернулся на свое место и инцидент был исчерпан.

— Как благородно с твоей стороны! В таком случае постараюсь вести себя как разумный человек. Насколько я понял, сначала камнем владел Пол, потом он сообщил вам, что, по его мнению, камень попал к нам однажды вечером, когда мы играли в карты у него в лаборатории.

— Правильно.

— Итак, получается, что камень, по всей вероятности, некоторое время находился у нас в квартире. А затем исчез.

— Все выглядит именно так.

— Ну, тогда я не совсем понимаю, что должен буду делать, если соглашусь на вас работать.

— Во-первых, — начал Рагма, — поскольку ты не хочешь отправляться на другие миры, чтобы там тебя мог обследовать телепат-аналитик, и, учитывая, что уровень подготовки Сиблы оказался для тебя неудовлетворительным, я бы просил тебя согласиться подвергнуться этой процедуре здесь, на Земле, если я доставлю сюда квалифицированного специалиста.

— Значит, вы по-прежнему считаете, что ключ к разгадке все-таки лежит где-то в моем подсознании?

— Мы должны принять эту версию, как одну из возможных, разве нет?

— Пожалуй, ты прав. А как насчет Хала? Может, в его подсознании тоже есть что-нибудь интересное.

— Такая вероятность не исключена, хотя я склонен думать, что он говорит правду, утверждая, что оставил камень у тебя, когда переезжал. Впрочем, он совсем недавно дал мистеру Надлеру согласие подвергнуться любым необходимым экспериментам по изучению его разума.

— В таком случае я тоже согласен. Привозите вашего аналитика. Если он разбирается в своем деле, и мне не нужно будет отправляться на другую планету — ладно, так и быть.

— Прекрасно. Будем считать, что мы договорились. Значит ли это, что ты согласен работать на нас?

— Почему бы и нет? Если мне станут платить за эту работу люди, которые лишили меня средств к существованию, меня это вполне устроит.

— Ну, в таком случае мы решили все наши проблемы. Для доставки на Землю специалиста понадобится несколько дней. Мистер Надлер принес кое-какие бумаги тебе на подпись. А пока вы этим занимаетесь, я настрою прибор.

— Какой прибор?

— Нога у тебя прекрасно зажила, не так ли?

— Да.

— Теперь я собираюсь сделать то же самое с твоей раной в груди. Ты сможешь покинуть больницу сегодня вечером.

— Это было бы просто замечательно. А что потом?

— Потом тебе нужно будет постараться не ввязываться ни в какие неприятности в течение всего нескольких дней. Этого можно добиться, если запереть тебя в тюремную камеру или организовать за тобой разумное наблюдение, заранее договорившись о том, что ты постараешься избегать разного рода проблем. Насколько я понимаю, ты предпочел бы второе.

— Ты правильно понимаешь.

— В таком случае подпиши бумаги, а я включу прибор и через некоторое время усыплю тебя.

Так все и произошло.

Позже, когда они уже собирались уходить — забрав с собой все свое медицинское оборудование и официальные бумаги, Надлер снова в темных очках, а Рагма на поводке, — последний повернулся ко мне и, старательно делая вид, что это его почти не интересует, спросил:

— Кстати, теперь, когда мы достигли соглашения по всем вопросам, может, скажешь, зачем ты подверг себя зеркальному отображению?

Я и собирался. Поскольку не видел никаких причин скрывать эту сторону своего существования: сейчас ведь мы были в некотором смысле коллегами и работали над решением одной и той же проблемы. Я посчитал, что вполне могу им все рассказать.

Я открыл рот, но слова почему-то никак не хотели складываться в предложения и появляться на свет в правильном порядке. Я почувствовал, что у меня перехватило горло, язык во рту распух, а улыбка превратилась в какую-то странную гримасу.

— Пожалуй, я расскажу вам об этом попозже, ладно? Завтра или послезавтра.

— Ладно, — ответил Рагма. — Срочности никакой нет. Мы сможем вернуть тебя в твое прежнее состояние, когда наступит подходящий момент. Отдыхай, ешь все, что тебе дают, и прислушивайся к своим ощущениям. Мистер Надлер или я свяжемся с тобой в конце этой недели. Пока.

— Пока.

— Скоро встретимся, — пообещал Надлер.

Уходя, они неплотно прикрыли за собой дверь. Я ни секунды не сомневался в том, что они по-прежнему не рассказали мне всего, что знали. Но ведь и они находились точно в таком же положении. Я хотел раскрыть им свой секрет — а мое тело посчитало это излишним и недвусмысленно высказалось против. Меня это в некотором смысле напугало, потому что напомнило о происшествии в автобусе, когда я возвращался домой. Я никак не мог забыть озабоченного выражения на лице старика, спросившего, все ли у меня в порядке. Может быть, сейчас со мной произошло то же самое, может быть, взбунтовалась нервная система? Следствие зеркального отображения? Но уж очень точно все совпало по времени с намерением рассказать Рагме о причинах, заставивших меня пройти через машину Ренниуса...

Мне это совсем не понравилось. Мои знания, приобретенные во время занятий, посвященных человеку и разнообразным проявлениям его сути, оказались совершенно бесполезными в данный момент.

Президент Элиот, у нас возникли проблемы.

Глава 10

Когда похожие на провода лианы или щупальца схватили меня за плечо и бедро и подняли в воздух до положения, из которого я мог, повернув голову, увидеть массивное туловище, погруженное в лохань, до краев наполненную какой-то слизью и стоящую посередине комнаты, в тот момент, когда распахнулись громадные листья мухоловки и моим глазам предстала пурпурная пасть, я подумал, что большая часть несчастных случаев происходит вследствие беззаботности и легкомыслия жертвы и в данном случае меня нельзя считать ответственным за то, что со мной произошло. После того как я покинул больницу, я вел себя, как образцовый государственный служащий, абсолютно осмотрительный в своих мыслях и поступках.

Когда страшилище замерло на мгновение, возможно, решая, как лучше решить проблему избытка алкалоидов, которые оно получит вследствие того, что я выдыхаю углекислый газ, перед моим мысленным взором пронеслись последние несколько дней моей жизни. Не более того, поскольку более раннюю часть своей жизни я совсем недавно уже вспоминал — когда собирался умирать в прошлый раз.

Не знаю, что заставило меня действовать — дурацкое любопытство или странная улыбка. Доктор Дрейд хотел, чтобы я оставался в больнице еще неко-

торое время для дальнейшего обследования, несмотря на *prima facie** свидетельства того, что грудь у меня совершенно зажила. Тем не менее я был вынужден его разочаровать и выписался из больницы примерно часов пять спустя после ухода Надлера и Рагмы. Меня встретил Хал и отвез домой.

Я отклонил предложение Хала и Мэри пообедать с ними и рано отправился спать, позвонив сначала Джинни, которая сейчас с нетерпением ждала возможности начать жизнь сначала — именно с того места, где она как бы прервалась, когда я еще был студентом. Мы договорились встретиться на следующий день вечером, и я лег спать — предварительно, впрочем, все-таки нанес короткий визит на крыши близлежащих домов.

Был ли мой сон беспокойным? Да. Снаружи, конечно же, меня охраняли — путешествуя по крышам, я заметил двух сонных типов, похожих на полицейских, которые болтались возле моего дома. А вот внутри... Я перебирал свои неприятности, не очень успешно пытаюсь навести порядок в собственной душе. Впрочем, к шести часам мне все-таки удалось добиться в этом вопросе определенного успеха.

Затем прошло еще шесть часов, прежде чем для меня наступило утро. Мой сон время от времени посещали какие-то мимолетные образы, вспомнить и распознать которые впоследствии мне не удалось, если не считать улыбки. Проснувшись, я знал, что должен сделать, и немедленно постарался придумать достаточно солидное объяснение своему поведению — мне очень не хотелось, чтобы оно было похоже на проявление очередной маниакальной идеи. Прошло некоторое время и я решил, что маниакальные идеи тут совершенно ни при чем. Любому было бы интересно посмотреть на место, где его чуть не убили.

Поэтому я позвонил Халу и спросил у него машину. Оказалось, что Мэри куда-то на ней уехала.

* *prima facie* (лат.) — очевидный

Впрочем, машина Ральфа была на месте, и я пешком направился к его дому, чтобы ее забрать.

Ясное свежее утро обещало чудесный день. По дороге к морю я думал о своей новой работе, о Джинни и о той улыбке.

Надлер уверял меня, что моя новая должность переживет нынешние проблемы, и чем больше я о ней думал, тем более привлекательной она мне казалась. Если возникает необходимость что-то делать, считайте, что вам повезло, если вы сможете заняться чем-то интересным, тем, что доставит вам удовольствие. Где-то происходили события, о которых нам почти ничего не было известно, — я же получал возможность познать непознаваемое, попытаться понять, вникнуть в суть экзотических явлений, посмотреть на давно знакомые и понятные вещи с иной точки зрения.

Неожиданно я сообразил, что меня повергает в восторг эта перспектива. Я хотел этого. У меня не было никаких иллюзий на предмет того, почему мне предложили эту работу, но теперь, когда удалось помешать им захлопнуть перед моим носом дверь, я был исполнен самых решительных намерений победить все препятствия, которые могут встать на моем пути, и заняться настоящей работой. В тот момент я подумал, что инопланетная антропология (полагаю, правильнее было бы назвать эту науку ксенологией) как раз и была тем делом, к которому я готовился всю жизнь, используя для этого несколько эклектические подходы.

Я тихонько рассмеялся. Я был возбужден и, представьте себе, счастлив.

Поскольку я уже немного привык делать все в зеркальном отображении, вести машину оказалось совсем не трудно. Я останавливался возле каждого знака, на котором было написано «ПОТС», за городом же движение было далеко не таким напряженным, и мне стало совсем хорошо. По правде говоря, после того как я прошел через машину Ренниуса, самой трудноразрешимой оказалась проблема бритья. Моя

травмированная нервная система реагировала на воображаемое отображение моего отображаемого движения вперед-назад, останавливая руку и дожидаясь, когда я очищу от грязи электрическую бритву. После того как я проделывал все необходимые операции, у меня все равно возникали довольно странные ощущения, но, справившись со всеми случайностями и трудностями, я постепенно начал чувствовать себя гораздо увереннее и даже ухитрялся достаточно чисто выбривать лицо.

Сидя за рулем, я корчил зеркалу рожи и думал о единственном фрагменте ночных видений, который засел в моей памяти. Улыбка. Чья? Я не знал. Просто улыбка, промелькнувшая в том месте сознания, где вещи начинают приобретать смысл. Однако она осталась со мной, то появляясь, то исчезая, словно лампа дневного света, которая собирается перегореть; когда я ехал по дороге, по которой мы совсем недавно проехали вместе с Халом, я попытался сам придумать какое-нибудь ассоциативное объяснение этой улыбке, поскольку доктора Марко под рукой не было.

Почему-то мне не приходило в голову ничего, кроме «Моны Лизы». Я не очень уверенно чувствовал себя в вопросах аналитических связей. Но ведь именно эта знаменитая картина отправилась к нашим космическим друзьям в обмен на машину Ренниуса. Должна существовать какая-то тонкая связь, по крайней мере в моем подсознании — или со мной сыграло злую шутку воображение в сочетании со случайным совпадением, и тогда логичнее будет вспомнить о картинах Дали или Эрнста.

Я покачал головой и стал следить за тем, как мимо окон автомобиля проносится утро. Через некоторое время я съехал на боковую дорогу.

Оставив машину в том месте, где мы с Халом остановились в прошлый раз, я нашел тропинку и отправился к домику, довольно долго незаметно осматривал его, но не увидел никаких признаков жизни. Рагма настаивал на том, что я должен стараться избегать неприятностей, вряд ли этот домик можно бы-

ло рассматривать как неприятность. Я осторожно приблизился к странному строению сзади и подобрался к окну, через которое, по всей вероятности, Пол залез в дом.

Да. Шпингалет на окне сломан. Заглянув внутрь, я увидел небольшую спальню, совсем пустую. Тогда я обошел домик и посмотрел в другое окно, окончательно убедившись, что внутри никого нет. Сломанную дверь забили гвоздями, так что мне пришлось вернуться назад и забраться внутрь точно так же, как это сделал мой бывший преподаватель, мастер по изготовлению камней.

Я прошел через спальню и оказался возле двери, из-за которой появился Пол. Полиция не стала убирать в гостиной, все оставалось так, словно наше сражение только что закончилось.

Судя по виду из окна, море было гораздо спокойнее, а вода зеленее, чем в прошлый раз. Она оставляла более четкие линии на берегу, но я больше не заметил никаких новых дверей в песке. Тогда я отвернулся от окна и стал рассматривать сеть, которая в тот день так ловко упала на Пола в самый нужный момент, вследствие чего было нарушено соотношение сил, а я получил дырку в груди.

Какие-то веревки и кусок сети по-прежнему висели на гвозде, прибитом к одной из потолочных балок, касаясь кучи мусора на полу. Справа от меня шла серия узких скоб, прибитых к стене, по которым можно было подняться на самый верх.

Я забрался по ним и стал медленно пробираться вдоль потолочных балок, часто останавливаясь, чтобы осветить покрытое пылью дерево. На противоположной стороне, как раз там, где раньше висела большая часть сетей, я увидел цепочку маленьких клинообразных следов, ведущих от перекрестья балок. После этого я спустился вниз и тщательно обыскал домик, но больше ничего интересного мне найти не удалось. Поэтому я выбрался наружу, выкурил сигарету и направился обратно к машине.

Улыбки. Сегодня Джинни много улыбалась, и мы провели остаток дня, избегая говорить на скользкие темы. Она ужасно удивилась, когда узнала, что я получил степень и работу. Не имеет значения. Утро выполнило свое обещание, день был ярким и прекрасным. Мы бродили по студенческому городку и по улицам, много смеялись и обнимались. Позднее мы попали на концерт камерной музыки; причина, толкнувшая нас на этот не самый заурядный поступок, быстро забылась, и мы не жалели, что пришли. Потом мы отправились в соседнее кафе, а оттуда в мою квартиру, чтобы я мог показать Джинни, что там царит самый обычный беспорядок — среди прочих вещей.

Улыбки.

Следующий день был вариацией на ту же тему. Однако погода изменилась, днем прошел дождь. Оказалось, что сидеть дома очень приятно, особенно если сможешь представить себе, что в камине, весело потрескивая, горят дрова. Ну и тому подобные штуки.

Джинни не заметила, что я отобразился, а мне удалось придумать такую элегантную историю по поводу моего шрама — в ней рассказывалось о посвящении в тайное общество одного племени, которое я недавно исследовал. Оставалось только жалеть, что я ее не записал. Увы! И снова улыбки.

В девять вечера зазвонил телефон, и нашей идиллии пришел конец. Прибор, ведающий предчувствиями, выдал мне предупреждение, но, как и знак, сообщающий о том, что в данном районе следует опасаться низко летающих самолетов, мой прибор не предложил ничего конструктивного. Не зная, что предпринять по этому поводу, я подошел к телефону и со вздохом взял трубку.

— Да?

— Фред?

— Совершенно верно.

— Это Тед Надлер. У нас возникла проблема.

— В каком смысле?

— Зимейстер и Баклер сбежали.

— Откуда? Как?

— Мы их сразу перевели в тюремный госпиталь. Нам стало известно, что несколько часов назад они оттуда убежали. Создается впечатление, что никто не знает, как им это удалось сделать. На месте побега осталось девять работников госпиталя — медицинский персонал и охрана, все без сознания. Доктора считают, что был применен нервно-паралитический газ — во всяком случае, все жертвы хорошо реагируют на атропин. Однако когда начальник госпиталя позвонил мне, никто из них еще не успел прийти в себя настолько, чтобы внятно рассказать о том, что произошло.

— Очень плохо. Надеюсь, мы их теперь не скоро увидим.

— Что ты хочешь этим сказать?

— А разве я не ясно выразился? Скорее всего, сейчас они пытаются выбраться из страны. Им предъявлено обвинение в похищении, попытке убийства — причин вполне достаточно.

— Рисковать нельзя.

— Что вы хотите этим сказать?

— Существует достаточно высокая вероятность, что эта парочка направилась к вам. Поэтому будет лучше, если вы отошлете свою подружку домой и соберете вещи. Я заеду за вами примерно через полчаса.

— Вы не можете этого сделать!

— Прошу меня извинить, но я могу, и это приказ. Вам необходимо отправиться в путешествие — ваша работа требует этого. Как, впрочем, и здоровье.

— Ладно. Куда?

— В Нью-Йорк, — ответил Надлер.

Короткие гудки. Вот так и произошло вторжение в мой рай.

Я повернулся к Джинни.

— Ну что? — спросила она.

— У меня есть две новости: хорошая и плохая.

— Скажи хорошую.

— В нашем распоряжении есть еще полчаса.

На самом деле Надлер потратил больше часа, чтобы добраться до меня, и это дало мне возможность принять отвратительное, хладнокровное решение — раньше я никогда не принимал подобных и не действовал в соответствии с ними.

Мерими взял трубку после шестого гудка и сразу узнал мой голос.

— Да, — сказал я. — Послушайте, вы помните предложение, которое сделали мне во время нашего последнего разговора?

— Да, помню.

— Я бы хотел поймать вас на слове.

— Кто?

— Их двое. Зимейстер и Баклер...

— О, Морти и Джеми! Конечно.

— Вы их знаете?

— Да. Морти раньше часто работал на твоего дядюшку. Когда наш бизнес процветал и мы были завалены заказами, нам иногда приходилось нанимать помощников. Зимейстер был маленьким толстым парнишкой, которому не терпелось поскорее включиться в дело. Мне он никогда особенно не нравился, но Морти, бесспорно, обладал неисчерпаемой энергией — да и другими определенными достоинствами. После того как Ал уволил его, он начал свои собственные операции и в результате состряпал довольно приличный бизнес. Через пару лет он нанял Джеми, чтобы тот разбирался с конкурентами и отвечал на жалобы клиентов. Когда-то Джеми был боксером полутяжелого веса — надо сказать, неплохим — к тому же, у него большой военный опыт. Он сумел дезертировать из трех различных армий.

— Почему дядюшка Ал уволил Зимейстера?

— Морти не отличался честностью. Кому нужны ненадежные работники?

— Понятно. Ну, они дважды чуть не убили меня, а сейчас мне стало известно, что они снова на свободе.

— Насколько я понимаю, ты не знаешь, где они в данный момент находятся?

— Да, к сожалению, дело обстоит именно так.

— Хм-м-м. Это осложняет задачу. Ладно, попробуем взяться с другой стороны. Где ты собираешься быть в ближайшие несколько дней?

— В ближайший час я должен вылететь в Нью-Йорк.

— Превосходно! Остановишься в гостинице?

— Я еще сам не знаю.

— Тогда я приглашаю тебя к себе. Это и в самом деле может облегчить...

— Вы не понимаете, — перебил я Мерими. — Я завершил обучение в университете. Получил докторскую степень. Теперь у меня есть работа. Сегодня вечером мой босс отвезет меня в Нью-Йорк. Я не знаю, куда он собирается меня поселить. Как только я буду на месте, постараюсь сразу позвонить вам.

— Договорились. Поздравляю со степенью и с работой. Когда ты, наконец, принимаешь решения, то времени даром не теряешь — в точности, как твой дядюшка. Я с нетерпением буду ждать окончания твоей истории. А пока постараюсь прозондировать почву. Кроме того, я думаю, что в самое ближайшее время тебя ждет приятный сюрприз.

— Какого рода?

— Ну, какой же это будет сюрприз, если я все расскажу тебе заранее, мой дорогой мальчик? Верь мне.

— Ладно, верю, — сказал я. — Спасибо.

— До встречи.

— Пока.

Вот так, хладнокровно все обдумав, и тому подобное. Никаких тебе извинений. Мне уже надоело, что в меня все время стреляют, к тому же стыдно не пользоваться такими замечательными подарками.

Как ни странно, гостиница находилась почти напротив того недостроенного здания, которое я использовал, чтобы добраться до крыши строения, расположенного по диагонали через дорогу, — а точнее, того самого выставочного зала, где нашла приют машина Ренниуса.

Почему-то я был уверен в том, что это не простое совпадение. Однако, когда я что-то сказал по этому поводу, Надлер промолчал. Время уже перевалило за полночь, мы только-только зарегистрировались, а уж не расставались с того самого момента, как Надлер заехал за мной. Когда мы подходили к конторке портье, я посмотрел по сторонам и убедился, что поблизости не видно автоматов, в которых можно купить сигареты в любое время суток. Тогда я сказал:

— У меня практически кончились сигареты.

— Вот и отлично, — ответил мой босс. — Отвратительная привычка.

Девушка за столиком проявила куда больше сострадания и подсказала, где можно разжиться сигаретами. Я поблагодарил ее, узнал номер своей комнаты, обещал Надлеру, что поднимусь туда через минуту, и быстро вышел на улицу.

Естественно, первым делом я направился к ближайшему телефону, позвонил Мерими и рассказал ему, где нахожусь.

— Отлично, считай, что наблюдение уже выставлено, — заверил он. — Кстати, похоже, наши приятели в городе. Один из моих людей думает, что видел их.

— Вы, я смотрю, времени даром не теряли.

— Ну, это получилось случайно. И все же... держись. Хороших тебе снов. Adieu.

— Спокойной ночи.

Я поспешил обратно к лифту, поднялся на свой этаж и подошел к нашей комнате. Поскольку у меня не было ключа, я постучал.

Некоторое время никто не отвечал. А потом, как раз в тот момент, когда я собрался постучать снова, донесся голос Надлера:

— Кто там?

— Я, Кассиди.

— Заходи. Дверь не заперта.

Ничего не подозревая, уставший, занятый своими мыслями, я нажал на ручку, толкнул дверь и вошел. Такую ошибку мог совершить каждый.

— ТеД! Какого черта... — Как раз в этот момент одна лиана схватила меня за ногу, а другая обвилась вокруг плеча — ...тут происходит? — поинтересовался я, взлетев вверх.

Естественно, я сражался изо всех сил. На моем месте так поступил бы каждый. Но мерзкая тварь подняла меня на пять футов в воздух, и я оказался в горизонтальном положении прямо над этой, мягко говоря, непривлекательной штукой. Потом она принялась переворачивать меня вверх ногами, так что теперь я видел только ее серо-зеленое туловище, лохань со слизью и шевелящиеся осьминожки щупальца. У меня было предчувствие, что тварь намеревается сделать мне какую-то пакость, еще до того как мясистые листья раскрылись, словно складной нож, и продемонстрировали мне влажные, покрытые колючими иглами и отвратительно кроваво-красные внутренности.

Я взвыл и начал отрывать от себя щупальца. А потом что-то вроде раскаленной кочерги воткнулось мне в голову, прямо между глаз. Все мое существо окутал невыносимый ужас, и я начал конвульсивно извиваться в прочной живой паутине.

Потом раздался резкий свистящий звук, все неприятные ощущения в моем черепе разом исчезли, лианы поникли, отпустили меня, и я, корчась, упал на ковер, чудом не угодив в лохань со слизью. Впрочем, большая клякса плюхнулась мне на рукав, а неподвижные щупальца повисли, словно праздничные флаги. Я застонал и потянулся, чтобы растереть плечо.

— Ему больно! — узнал я голос Рагмы.

Я повернул голову, чтобы с достоинством принять сострадание, потому что услышал, как ко мне приближаются чьи-то маленькие лохматые ножки, сопровождаемые массивными копытами.

Однако Рагма в своем собачьем костюме и Надлер с Полом Байлером в обычных костюмах промчались мимо меня, столпились возле лохани и начали утешать воинственно настроенный овощ. Я отполз в угол, где с трудом поднялся на ноги, и все же мне никак не

удавалось окончательно успокоиться. Тогда я принялся непристойно ругаться; на меня все равно никто не обращал внимания. В конце концов я пожал плечами, стер грязь с рукава, нашел стул, закурил и начал наблюдать за представлением.

Мои дорогие коллеги подняли безжизненное туловище с многочисленными конечностями и принялись что-то с ним делать. Рагма сбегал в соседнюю комнату и вернулся с предметом, отдаленно напомиравшим лампу, воткнул ее в розетку и навел на гнусное растение. Затем, достав пульверизатор, стал опрыскивать кровожадные листья. После этого Рагма занялся помешиванием слизи, добавив туда каких-то химикатов.

— Что случилось? — спросил Надлер.

— Понятия не имею, — ответил Рагма. — Вот! Мне кажется, он приходит в себя!

Щупальца начали дергаться, точно раненые змеи, потом медленно открылись и снова закрылись листья. Существо несколько раз вздрогнуло. Наконец оно снова выпрямилось, вытянуло вперед все свои конечности, опустило их, вытянуло снова и опять расслабилось.

— Вот так-то лучше, — вздохнул Рагма.

— А кого-нибудь интересует, как себя чувствую я? — Мне не удалось скрыть легкого сарказма в голосе.

Рагма повернулся и сердито на меня посмотрел.

— Ты! — воскликнул он. — Может, скажешь, что ты сделал с несчастным доктором М'мрм'млрром?

— Ну-ка повтори!.. По-моему, у меня что-то со слухом.

— Что ты сделал с доктором М'мрм'млрром?

— Благодарю тебя. Так я и думал. Понятия не имею. А кто такой доктор Мымр?

— М'мрм'млрр, — поправил меня Рагма. — Доктор М'мрм'млрр — это телепат-аналитик, которого я доставил сюда, чтобы он тебя обследовал. Нам повезло, и доктор прибыл на место раньше, чем мы пред-

полагали. Однако когда он попытался тебя обследовать, ты грубо набросился на него и вывел из строя.

— Вот эта штука, — спросил я, махнув рукой в сторону лохани и ее обитателя, — оказывается, телепат?

— Не все являются членами животного царства в том смысле, в каком ты это понимаешь, — ответил Рагма. — Доктор М'мрм'млрр — представитель абсолютно отличной от вашей линии развития жизни. У тебя есть по этому поводу возражения? Может быть, ты имеешь что-нибудь против растений?

— Я определенным образом настроен против того, чтобы меня хватали, сжимали и размахивали мною в воздухе.

— Доктор предпочитает активную терапевтическую стратегию.

— Ну, в таком случае он должен быть готов к тому, что рано или поздно ему попадетсся пациент, который не является пацифистом. Не знаю, что я сделал, но, честно говоря, рад, что мне это удалось.

Рагма отвернулся, наклонил голову набок, словно изучал трубу граммофона, а потом объявил:

— Он чувствует себя лучше. И желает предаться медитации. Мы должны оставить свет включенным. Это займет немного времени.

Лианы или щупальца шевельнулись и обвилились вокруг странной лампы, которую принес Рагма. Доктор М'мрм'млрр замер.

— А зачем ему нападать на обследуемых? — спросил я. — По моим представлениям это не слишком способствует возникновению хорошего контакта врача с пациентом.

Рагма вздохнул и снова повернулся ко мне.

— Он делает это вовсе не затем, чтобы разозлить своих пациентов. Он стремится помочь. Насколько я понимаю, бесполезно требовать от тебя понимания того, что эта практика родилась в результате многовековых сложнейших философских размышлений, которым предавался его народ, чтобы решить эту проблему.

— Угу, — ответил я.

— Их теория заключается в том, что любое примитивное чувство может быть использовано в качестве мнемомолекулярного ключа. Искусное пользование этим ключом дает телепату подобного типа доступ ко всем переживаниям индивидуума, расположенным в данной области. Они обнаружили, что страх является важной составляющей проблем, с которыми к ним обращается большинство пациентов. Поэтому, индуцируя страх и желание сбежать, врачу удается зафиксировать эмоции пациента, с тем чтобы применить терапевтическое воздействие. Таким образом, он может обозреть все мотивационное поле за один сеанс.

— Интересно, съедает ли доктор свои ошибки? — спросил я.

— Он не может контролировать свою наследственность, — ответил Рагма. — А ты прыгаешь по деревьям, хватаясь за ветки? Впрочем, — Рагма махнул лапой, — ты-то как раз прыгаешь. Я забыл.

Я повернулся к Надлеру, который подошел ко мне, и Полу — он тоже стоял неподалеку и ухмылялся.

— Как я посмотрю, вам все это понравилось, — угрюмо заметил я, обращаясь к ним обоим.

Пол пожал плечами, а Надлер сказал:

— Если таким образом задача будет решена

Я вздохнул.

— Наверное, вы правы... Пол, что ты здесь делаешь?

— Мы с тобой коллеги, — ответил он. — Меня рекрутировали практически одновременно с тобой. Кстати, прошу простить мое поведение у тебя на квартире. Ты ведь понимаешь, это было вопросом жизни и смерти. Моей.

— Ладно, забыли, — щедро кивнул я. — В каком качестве тебя взяли на службу?

— Профессор Байлер наш эксперт по звездному камню, — ответил Надлер. — Он знает о нем больше, чем любой другой человек.

— Значит, ты расстался с мыслью вернуть драгоценности британской короны? — спросил я.

Пол поморщился и кивнул:

— А, так ты все знаешь... Да, это был запоздалый юношеский жест, из-за которого все пошло кувырком. *Mea culpa**. Мы не ожидали, что в дело будут вовлечены такие страшные преступники. Когда я пришел в себя после их нападения, мне стало ясно, что мы совершили ошибку, и я решил попытаться ее исправить. Я рассказал людям из ООН все, что мне было известно, и в конце концов, с превеликим трудом, сумел их убедить. Они обошлись со мной достаточно благородно и не стали сажать под замок. Более того, они рассказали о тех трудностях, которые испытываешь ты. Однако я считал, что одного признания еще недостаточно, чтобы загладить вину, — очень хотелось помочь вернуть камень. Ты как раз приехал из Австралии в Штаты, и я сообразил, что Зимейстер и Баклер собираются снова на тебя напасть. Поэтому я решил незаметно следить за тобой, с тем чтобы, когда они предпримут эту попытку, оказаться рядом. Я выследил тебя у Хала, некоторое время держался поблизости, но в баре тебя упустил. И только когда ты вернулся домой, я снова тебя нашел. Остальное ты знаешь.

— Да. Еще одна маленькая тайна раскрыта. Значит, они и тебя взяли на работу, когда ты лежал в госпитале?

— Точно. Тед сказал, что, если меня так беспокоит вся эта история, я могу поступить к ним на службу — тогда мне хотя бы будут платить за это деньги. Однако считается, что я работаю специалистом по инопланетной минералогии.

— Как мне кажется, — сказал я, обращаясь ко всем сразу, — меня привезли сюда не только для того, чтобы избежать очередной встречи с двумя бандита-

* *Mea culpa* (лат.) — моя вина.

ми. У вас были на меня другие планы, которые лишь начинались с телепатического исследования.

— Да, ты не ошибся, — заверил меня Рагма. — Однако учитывая, что все зависит от результатов нашего эксперимента, бессмысленно рассматривать различные гипотезы, которые в противном случае могли бы быть отброшены.

— Иными словами, вы не собираетесь ничего мне говорить?

— Совершенно верно.

Я не успел ни согласиться с ним, ни что-нибудь ему возразить, потому что меня отвлекло движение в противоположном углу комнаты. Доктор М'мрм'млрр снова пошевелился.

Мы молча наблюдали за тем, как он поднял свои змееподобные конечности и принялся делать странные упражнения. Напряжение, расслабление... Напряжение, расслабление...

Так продолжалось две или три минуты — в этом было что-то гипнотическое, — и я сообразил, что он снова пытается поймать меня в свои сети, только на сей раз внеземной специалист действовал куда более деликатно.

Я ощутил прикосновение к своему разуму, какое-то непривычное жжение в районе мыслительных центров. На этот раз я не испытал никакой боли. У меня возникло смутное ощущение, сходное с тем, которое охватывает человека, подвергающегося операции под местным наркозом. Судя по всему, остальные каким-то образом поняли, что здесь происходит, и хранили молчание.

Ладно. Если М'мрм'млрр собирается вести себя прилично, я не буду ему мешать.

Поэтому я просто сидел, позволив ему делать то что он считал нужным.

Затем, совершенно неожиданно, он добрался до какого-то большого рубильника и дернул за него, потому что я мгновенно и безо всякой боли вырубился. Блюм.

И снова блюм.

Я был измучен, ужасно хотел пить, чувствовал себя так, будто меня разобрали, а потом неправильно собрали. Поднял руку, чтобы потереть глаза, и невольно посмотрел на часы. Потом поднес их к уху — решил проверить, идут они или нет. Как я и подозревал, часы тикали. Ergo...

— Да, прошло около трех часов, — сказал Рагма.

Я услышал, как храпит Пол, потом он замолчал, откашлялся и вздохнул. Он заснул прямо в своем кресле. Рагма курил, удобно устроившись на полу. М'мрм'млрр все еще шевелил конечностями, вытянувшись во весь рост. Надлера нигде не было видно.

Я потянулся, разминая мышцы, и услышал, как, словно старые половицы, заскрипели мои суставы.

— Ну, надеюсь, вам удалось узнать что-нибудь полезное, — сказал я.

— Да, пожалуй, — ответил Рагма. — Как ты себя чувствуешь?

— Словно меня вывернули наизнанку.

— Это понятно. Вполне. Некоторое время ты представлял из себя нечто вроде поля боя.

— Давай, рассказывай.

— Во-первых, — начал он, — мы нашли звездный камень.

— Значит, ты был прав? Все были правы? Я обладал спрятанным где-то глубоко знанием?

— Да. Твои воспоминания и сейчас вполне доступны. Хочешь сам попробовать? Вечеринка. Разбитый бокал. Письменный стол...

— Подожди минутку. Дай подумать.

Я стал думать. И все вспомнил. Последний раз, когда я видел звездный камень...

Вечеринка была посвящена женитьбе Хала, я устроил ее за неделю до этого торжественного события. В квартире было полно наших друзей, спиртное лилось рекой, и мы все ужасно шумели. Веселье продолжалось часов до двух или трех ночи. В общем, можно сказать, что вечеринка удалась на славу. По

крайней мере, наши гости разошлись по домам, весело смеясь, и никто не получил увечий.

Если не считать одного крошечного несчастного случая, происшедшего со мной.

Да. Кто-то нечаянно скинул бокал, который стоял на столике в углу, бокал разбился. Он был пустым. Так что вытирать ничего не пришлось. Случилось это уже ближе к концу вечеринки. Гости расходились, надо было прощаться. Так что я оставил осколки там, где они лежали. Позже. *Manana**, может быть.

Впрочем, я знал, что выпил слишком много, и прекрасно понимал, как буду чувствовать себя завтра утром и что стану предпринимать по этому поводу.

Я начну ворчать и ругаться, и гнать от себя день. А когда он не захочет уходить, я выползу из кровати и потащусь на кухню, чтобы поставить кофе — первое мое действие по утрам, — а потом, пока вода закипает, оправлюсь в ванну для совершения обычных процедур. Естественно, я буду ходить босиком и, естественно, забуду о том, что пол усыпан осколками. Впрочем, мне придется вспомнить об этом довольно быстро.

Так что я вытащил из-под письменного стола корзину для мусора, присел на корточки и начал обследовать территорию.

Ясное дело, я порезался: в какой-то момент, слишком сильно потянувшись вперед, потерял равновесие, взмахнул рукой, чтобы не упасть, и наткнулся ладонью на один из осколков.

Потекла кровь, я замотал руку платком и продолжил уборку. Я знал, что, если прекращу это делать сейчас и займусь рукой, у меня возникнет соблазн оставить все как есть. Спать хотелось ужасно.

Я собрал все осколки, что сумел найти, и вытер пол влажными салфетками. Потом поставил корзину на место и уселся в кресло, поскольку оно оказалось рядом, а я дико устал. Размотав платок, я увидел, что

* *Manana* (исп.) — завтра.

кровотечение продолжается. Бессмысленно что-либо делать, пока тромбин не завершит свою работу. Поэтому я откинулся в кресле и стал ждать. На мгновение мой взгляд остановился на модели звездного камня, которую мы использовали в качестве пресс-папье. На самом деле я его даже взял и медленно поворачивал, получая необычайное удовольствие от игры света на гранях.

Моя собственная голова показалась мне ужасно тяжелой, и я подумал, что неплохо было бы использовать бицепсы в качестве подушки. Устроившись поудобнее и по-прежнему не закрывая глаз, я продолжал играть с камнем; меня сначала немного огорчило, что на него попала кровь, но потом я решил, что благодаря этому возникали потрясающие контрасты. Прощай, белый свет.

Я проснулся через несколько часов — ужасно хотелось пить, а мышцы затекли из-за того, что я спал в таком неудобном положении. Я встал и отправился на кухню, где выпил стакан воды, а потом прошел по квартире, выключая свет. Отправился в спальню, уселся на краю кровати и медленно разделся, оставив одежду там, где она упала, потом забрался под одеяло и проспал остаток ночи, как положено.

Именно тогда я и видел звездный камень в последний раз. Да.

— Я вспомнил. Благодаря доктору. Теперь я все вспомнил. Я забыл, потому что мое сознание было затуманено алкоголем и усталостью, но сейчас я все отлично помню.

— Тут дело не только в алкоголе и усталости, — поправил Рагма.

— А в чем же еще?

— Я сказал, что мы нашли камень.

— Ты сказал, однако что-то у меня нет никаких воспоминаний на этот счет. Я только помню, когда видел его в последний раз, и понятия не имею, куда он делся.

Пол откашлялся, а Рагма посмотрел на него.

— Давай, — сказал он.

— Когда я работал с этой штукой, — начал Пол, — мне пришлось обращаться с ней не совсем так, как хотелось. Понимаешь, я же не мог отколоть кусочек от бесценного артефакта для того, чтобы исследовать его. Даже если позабыть на время об эстетических причинах, это могло бы быть легко обнаружено. Я же не знал, насколько подробно инопланетяне изучили и проанализировали поверхность камня. Практически любое мое действие, в результате которого изменился бы внешний вид драгоценного экспоната, могло привести к неприятностям. К счастью, камень пропускал свет. Поэтому я сосредоточил все свои усилия на оптических эффектах. Я сделал невероятно подробную топологическую световую карту всей поверхности. В соответствии с этой картой и массой камня я смог составить себе представление о его строении. Так вот, хотя меня в тот момент не интересовало ничего, кроме создания копии, мне показалось странным, что эта штука напоминает скопление необычным образом выкристаллизовавшегося протеина...

— Черт подери, — выдохнул я. — Но...

Я посмотрел на Рагму.

— Конечно, камень имеет органическое происхождение, — сказал он. — Пол не сделал никакого открытия — этот факт был известен уже довольно давно. Однако никто и помыслить не мог, что камень все еще живой. Он просто впал в спячку.

— Живой? Кристаллизовавшийся? Что это, какой-то вирус?

— Вероятно, так оно и есть. Но вирусы не обладают разумом, а эта штука в своем роде разумна.

— Я, конечно, понимаю, к чему ты клонишь, — сказал я. — И что мне теперь делать? Попытаться убедить его в чем-нибудь? Или принять две таблетки аспирин и лечь спать?

— Ни то ни другое. Я должен говорить за доктора М'мрм'млрра, поскольку он сейчас занят, а ты заслужил немедленные разъяснения по поводу того, что нам удалось обнаружить. Когда он в первый раз попытался проникнуть в твои воспоминания, доктор

М'мрм'млрр был повергнут в шок, столкнувшись с совершенно неожиданной формой сознания, оказавшейся внутри твоего разума. В процессе своей долгой практики он лечил представителей почти всех известных разумных рас Галактики, но ему никогда не приходилось сталкиваться с чем-нибудь подобным. Он сказал, что это нечто неестественное.

— Неестественное? В каком смысле?

— В чисто техническом. Доктор считает, что это искусственный разум, синтетическое существо. Подобные существа производились многими нашими современниками, но все они, по сравнению с этим, примитивные игрушки.

— Какие функции выполняет мое существо?

— Мы не знаем. Когда М'мрм'млрр второй раз вошел в твой мозг, он подготовился к встрече. Видишь ли, это существо до некоторой степени обладает телепатическими способностями. Вполне достаточно, чтобы в идеальных условиях нашего корабля оно смогло переводить тебе мой разговор с Чарвом. Мне сказали, что это может привести к дополнительным осложнениям — судя по всему, так и произошло. Тем не менее, доктор М'мрм'млрр сумел справиться с этим существом, многое узнав о нем в процессе, и теперь мы имеем представление о том, как с ним бороться. Затем доктор занялся анализом твоих воспоминаний, которые касались этого явления, благодаря чему мы сумели выбрать оптимальную стратегию борьбы. Доктор М'мрм'млрр будет удерживать существо в некоем ментальном стасисе пока мы не подготовимся к общению с ним.

— Подготовитесь? Как? О чем ты говоришь?

— Скоро узнаешь. Все это связано, однако, с природой самого существа. В свете открытий М'мрм'млрра Пол сумел выработать ряд идей, которые объясняют происшедшее и предлагают способы решения нашей проблемы.

Пол воспользовался последовавшей паузой и заявил

— Да. Представь себе следующую картину: у тебя или в тебе имеется синтетическая форма жизни, которая, как мне представляется, может включаться и выключаться посредством изометрических отображений. Случай «включения» характеризуется левонаправленными жизненными функциями. Это, как ты знаешь, есть нормальная форма аминокислот здесь, на Земле; их называют L-аминокислоты. Преврати их в их стереоизомер — получится D-аминокислоты — и в случае звездного камня это соответствует позиции «выключения».

Когда я изучал камень, оптические эксперименты показали, что имеет место правосторонняя ситуация. «Выключено». Ладно. Тогда я не обратил на это особого внимания, но теперь-то мы знаем намного больше. Нам известно, что ты сильно выпил в ту ночь, когда твоя кровь попала на камень. Кроме того, мы знаем, что алкоголь, полученный из зерна, имеет симметричную молекулу и что если он сможет вступить в реакцию с неким веществом, находящимся в одном изометрическом состоянии, то возможна реакция и с другим изомером. Недостаток ли это конструкции или сознательно запрограммированная способность, пока нам неизвестно. М'мрм'млрр выяснил, что звездный камень лучше вступает с тобой в контакт при наличии молекулы спирта — она как бы стимулирует разговор. Как бы там ни было, тебе удалось в достаточной степени возбудить камень, чтобы он смог частично себя активировать и внедриться в твою кровеносную систему, когда ты порезал руку. После таких усилий существо надолго впадо в спячку — ведь ты пьешь не слишком часто. Однако время от времени оно получало некоторую стимуляцию и пыталось тем или иным способом войти с тобой в контакт. В состав лекарства, которое Рарма использовал, чтобы привести тебя в норму после Австралии, входил этиловый спирт. Той ночью, когда ты пил вместе с Халом, произошел решительный прорыв. Камень знал, что, убедив тебя реверсироваться в машине Ренниуса, он сможет включиться,

хотя с тобой при этом произойдет ряд неприятных изменений. Так оно и случилось. Теперь необычное существо, находясь внутри тебя, функционирует вполне нормально, однако, если верить Рагме, твое здоровье находится в опасности. Нам следует отобразить тебя обратно.

— А вы можете?

— Мы думаем, да.

— Но вы до сих пор не знаете, что из себя представляет звездный камень?

— Это сложная живая машина неизвестного назначения, которая обманом заманила тебя в очень опасную ситуацию. Кроме того, у нее есть явное предрасположение к математике.

— Значит, это что-то вроде компьютера?

— М'мрм'млрр так не думает. Он считает, что это лишь вторичная функция.

— Интересно, почему после того, как я его включил, камень больше не входил со мной в контакт?

— По-видимому, барьер между вами по-прежнему существует.

— Какой барьер?

— Тут все дело в стереоизомерах. Только на этот раз реверсирован ты. А кроме того, звездный камень получил то, что хотел.

— Надо все-таки отдать ему должное, — вмешался Рагма. — Одну вещь камень для Фреда сделал.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я.

— В госпитале мне не пришлось пускать свою машину в ход, — сказал Рагма. — Когда я снял бинты, оказалось, что ты совершенно выздоровел. Очевидно, твой паразит об этом позаботился.

— Тогда мне представляется, что он пытается быть скромным парнишкой.

— Ну, если с тобой что-нибудь случится...

— Это уж точно. А что ты имел в виду, когда сказал о вторичных эффектах реверсирования?

— Я совсем не уверен, что твой «парнишка» понимает, к чему это тебя может привести.

— Мне кажется странным, что, когда он и М'мрм'млрр вошли в контакт, мой приятель не попытался объясниться с доктором.

— Ну, на это у него могло не хватить времени, — заметил Рагма. — М'мрм'млрр вынужден был действовать очень быстро, чтобы его заморозить.

— Очередное проявление философии неожиданной атаки? Мне это не кажется особенно честным.

Зазвонил телефон. Трубку взял Пол, и все его ответы были односложными. Разговор продолжался не более минуты. Потом он повесил трубку и повернулся к Рагме.

— Готово.

— Вот и хорошо, — ответил Рагма.

— Что готово? — спросил я.

— Это был Тед, — пояснил Пол. — Он на противоположной стороне улицы. У него есть разрешение — и ключи, — чтобы открыть выставочный зал. Мы все отправляемся туда.

— Меня реверсировать?

— Верно, — сказал Рагма.

— А вы знаете, как это делать? — спросил я. — У этой машины есть несколько режимов работы. Я однажды уже проводил с ней эксперименты. Должен сказать, что количество вариантов вызвало у меня удивление.

— Чарв встретит нас там, — ответил мне Рагма, — у него с собой будет экземпляр руководства по пользованию машиной Ренниуса.

Пол сходил в спальню и вернулся оттуда, толкая перед собой что-то вроде тележки.

— Поможешь мне засунуть сюда этого типа с листьями, Фред? — попросил он.

— Конечно.

Честно говоря, я приблизился к доктору М'мрм'млрру с весьма смешанными чувствами; кроме того, я изо всех сил старался избежать попадания мерзкой слизи на мою одежду

Когда мы везли доктора через вестибюль, а потом по улице, отражение неоновой вывески, казалось,

моргая, спрашивало меня: «ТЫ ЧУВСТВУЕШЬ МОЙ ЗАПАХ, ДЕД?»

— Да, — задыхаясь, пробормотал я. — Скажи, что мне делать.

— Наш Снарк — Буджум*, — донесся до меня чей-то шепот, когда мы переходили улицу.

Оглядевшись по сторонам, я, естественно, никого не заметил.

* «...Снарки, в общем, безвредны, но есть среди них.» (Тут оратор немного смутился) ..есть и *Буджумы*. — Льюис Кэррол «Охота на Снарка», пер. Г. Кружкова.

Глава 11

Я не почувствовал ничего, хотя Рагма сказал мне, что происходит процесс освобождения. Чарв кружил возле машины Ренниуса, временами поглядывая в руководство, которое он держал у себя в сумке, и нажимая на какие-то кнопки. Дело было совсем не в том, что я нервничал. А с другой стороны, вполне возможно, что как раз этим все и объяснялось.

Надрез на моей левой руке немного болел, хотя совсем не сильно. Рагма хотел избежать введения дополнительных химических препаратов, поскольку никто не знал, какое воздействие они могут оказать в данном случае, что было в достаточной степени разумно, мне даже частично удалось установить контроль за физиологическим состоянием своего организма. Сейчас моя левая рука лежала на гостиничном полотенце, которое совсем недавно еще было белоснежным, но довольно быстро теряло свое первоначальное состояние, особенно в том месте, где Рагма, предварительно обработав кожу спиртом, сделал надрез и ввел туда еще немного алкоголя. Я сидел на вращающемся кресле, принадлежавшем одному из охранников, которого мы отпустили, и старался не думать об извлечении звездного камня из своего тела. Дело идет. Взглянув на лица Пола и Надлера, я убедился в этом окончательно.

Устроившись рядом с машиной Ренниуса, доктор М'мрм'млрр раскачивался и пытался сосредоточить-

ся — чем еще он мог там заниматься? — ведь от него зависело очень многое. С неба к нам в окна заглядывала луна. В зале было холодно, как в склепе, и даже самый незначительный звук превращался эхом в оглушительный грохот.

Я не был до конца уверен в том, что мы поступали правильно. Однако, с другой стороны, уверенности в обратном у меня тоже не было. Тут и речи не могло быть об обмане друга, или предательстве, или о чем-нибудь вроде этого, поскольку мой гость был незваным. Впрочем, он ведь получил то, что хотел, — иными словами, я же сам его включил.

И тем не менее меня не оставляла мысль о том, что именно он сообщил мне о законе, в котором я нуждался в тот момент, когда нужно было помешать Рагме и Чарву увести меня на другую планету. А еще он меня вылечил. И обещал мне все объяснить.

Однако мой метаболизм поневоле имел для меня большое значение, а то, что со мной произошло в автобусе и в больнице, когда камень помешал рассказать о нем Рагме, совсем мне не нравилось. Впрочем, теперь думать об этом было поздно, да и бессмысленно. Я ждал.

Наш Снарк — Буджум!

И вот, опять, на этот раз с отчаянием — на дальней стене появились огромные зубы в обрамлении изогнутых кроваво-красных губ. Изображение начало расплываться, расплылось... исчезло.

— Он у нас! — воскликнул Рагма и наложил мне на руку кусок бинта. — Придержи его немножко.

— Хорошо.

Только теперь я осмелился повернуть голову.

Звездный камень лежал на полотенце. Он выглядел не совсем так, как я его запомнил, форма немного изменилась, а цвета показались мне более яркими — они почти пульсировали.

Наш Снарк — Буджум. Это могло быть чем угодно: начиная от искаженной мольбы о понимании до скрытого предупреждения осе, которая должна опа-

саться цветов определенного вида. Я бы многое отдал, чтобы разгадать нашептанную шараду.

— Ну и что вы теперь с ним будете делать? — спросил я.

— Отправим в надежное место, — ответил Рагма, — только сначала немножко исправим тебя. А уж что с ним делать, решать вашей Организации Объединенных Наций, поскольку в данный момент камень находится на хранении у землян. Тем не менее отчет о нашем открытии будет распространен среди других миров, которые являются членами содружества, и, полагаю, ваши власти станут действовать в соответствии с их рекомендациями в том, что касается наблюдения и изучения камня.

— Думаю, ты прав, — сказал я и потянулся за камнем.

— Вот, вот, молодец, — услышал я знакомый голос с другого конца зала. — Осторожно, осторожно! Заверни его, пожалуйста, в полотенце. Я буду очень сильно огорчен, если камень поцарапается.

Зимейстер и Баклер вошли в зал и наставили на нас пистолеты. Ухмыляющийся Джеми остался охранять входную дверь, а Мортон, который выглядел ужасно довольным собой, приближался к нам.

— Оказывается, вот где ты его спрятал, Фред, — проговорил он. — Хитроумный трюк.

Я ничего не ответил, только медленно поднялся на ноги, при этом в голове у меня была только одна мысль — из этого положения я смогу двигаться быстрее.

Зимейстер покачал головой:

— Не беспокойся. На этот раз ты в полной безопасности, Фред. Здесь никому ничто не угрожает. Если я, конечно, получу камень.

Я с надеждой подумал, не сможет ли М'мрм'млрр добраться телепатическим образом до мозга Зимейстера и уничтожить его — это было бы достойным вкладом в обеспечение спокойствия в наших краях.

Похоже, мое предложение было принято как раз в тот момент, когда Зимейстер подошел ко мне и взял

камень в руку. Потому что он взвыл и начал конвульсивно дергаться.

Я же схватил его пистолет. Джеми находился достаточно далеко, чтобы мне помешать.

Прежде чем я вырвал пистолет из рук Зимейстера, он успел дважды выстрелить. Мне не удалось его удержать, потому что бандит нанес мне удар в живот, а потом апперкотом сбил с ног. Оружие отлетело куда-то под платформу, на которой стояла машина Ренниуса.

Зимейстер лягнул Рагму, выбравшего именно этот момент, чтобы напасть на него. По-прежнему сжимая камень в руке, он вытащил длинный сверкающий нож откуда-то из рукава, а потом открыл рот, чтобы крикнуть что-то Джеми, но замолк на полуслове.

Я посмотрел в ту же сторону, чтобы разобраться в происходящем, и решил, что меня посетила очередная галлюцинация.

Оружие Джеми лежало в полудюжине шагов у него за спиной, а сам он стоял, потирая запястье, удивленно разглядывая человека с аккуратной бородкой и улыбкой на лице, человека, который держал одну руку в кармане, а другой вращал ирландскую дубинку.

— Я тебя убью, — угрюмо сказал Джеми.

— Нет, Джеми! Нет! — крикнул Зимейстер. — Не приближайся к нему, Джеми! Беги!

Сам Зимейстер начал отступать, остановившись только чтобы полоснуть по одному из щупальцев М'мрм'млрра, словно понимая, что именно тот был источником его страданий.

— Да он ничего из себя не представляет! — презрительно бросил Джеми.

— Это же капитан Ал! — крикнул Зимейстер. — Беги, кретин!

Но Джеми решил попробовать хук.

Зрелище получилось поучительное и почти наглядное. Я сказал: «почти», потому что дубинка двигалась так быстро, что ее невозможно было разгля-

деть. Поэтому я не могу с уверенностью сказать, сколько раз и в каких местах она коснулась Баклера. Казалось, прошло всего лишь одно мгновение после того, как Джеми попытался нанести свой удар, и вот он уже лежит на полу

Затем, продолжая вращать дубинкой, небрежно, я бы даже сказал, весело, галлюцинация прошла мимо распростертого тела Джеми и двинулась к Зимейстеру.

Не сводя глаз с приближающейся фигуры, Зимейстер отступал все дальше, низко держа перед собой нож.

— Я думал, ты давно умер, — наконец проговорил Морти.

— Очевидно, ты ошибся, — последовал ответ.

— А какой у тебя интерес к этому делу?

— Ты попытался убить Фреда Кассиди, — заявила галлюцинация, — а я вложил немало денег в образование этого парня.

— Я не связал его имя с твоим, — пробормотал Зимейстер. — И, кстати, не собирался причинить ему никакого вреда.

— Ну, у меня по этому поводу имеется другая информация.

Зимейстер тем временем пятился, прошел сквозь воротики в ограждении и остановился только, когда вращающаяся платформа машины Ренниуса коснулась его икр. Тогда он резко повернулся и ударил ножом Чарва, который приближался к нему, размахивая гаечным ключом. Чарв заблеял и соскочил с платформы на пол рядом с М'рм'млрром и Надлером.

— Что ты собираешься делать, Ал? — осведомился Зимейстер, поворачиваясь к своему противнику.

Ответа не последовало, галлюцинация продолжала наступать, вращать дубинкой и улыбаться.

В самый последний момент, до того как оказаться в пределах досягаемости ирландской дубинки, Зимейстер бросился назад. Поставив одну ногу на платформу, он подпрыгнул, повернулся и сделал два быстрых шага по платформе. Однако он не учел

скорости вращения и столкнулся с центральной частью машины, которая отдаленно напоминала широкую ладонь великана, собравшегося хорошенько почесаться.

По инерции он проскочил вперед, споткнулся и упал на ленту. Нож и завернутый в полотенце звездный камень, выпали из его рук на пол, а сам Зимейстер проскользнул в туннель. Его вопль прервался на середине так неожиданно, что я поспешил отвернуться — и все равно не успел.

Очевидно, машина Ренниуса вывернула его наизнанку. Вследствие чего все они оказались на полу. Кроме того, органы были реверсированы.

Содержимое моего желудка решительно попросилось на свободу; звуки, которые начали раздаваться вокруг меня, лишь способствовали тому, что я пошел навстречу своему несчастному организму. Как я уже говорил, мне удалось отвести взгляд. Но я немного опоздал. Кажется, Чарв первым пришел в себя и набросил чье-то пальто на останки Зимейстера в том месте, где они свалились с ленты мобилятора. Только после этого к Рагме вернулась его обычная практичность, и он истерически закричал:

— Камень! Где камень?

Сквозь наверхнувшиеся на глаза слезы я начал искать камень, но тут заметил бегущего Пола Байлера, который прижимал к груди окровавленное полотенце

— Дурак с писаной торбой, — радостно взывал он, — навсегда останется веселым дураком! — И выскочил из двери.

Началась ужасающая неразбериха.

Моя галлюцинация в последний раз крутанула своей дубинкой, повернулась, кивнула мне и направилась в нашу сторону. Я поднялся на ноги, кивнул в ответ и с некоторым трудом выдавил из себя улыбку

— Фред, мой мальчик, ты вырос, — заявил мой дядя Ал. — Я слышал, ты получил диплом и солидную должность. Мои поздравления!

— Спасибо, — сказал я.

— Как ты себя чувствуешь?

— Ничего. Оказывается, я совсем не искушенный в делах простофиля, потому что и представить себе не мог, в чем заключался твой бизнес по импорту-экспорту.

Дядя Ал захихикал и обнял меня.

— Ну, приятель. Ну, ну, — сказал он и снова отодвинул меня на длину вытянутой руки. — Дай-ка я на тебя погляжу. Значит, вон каким ты стал? Могло быть гораздо хуже, гораздо хуже.

— Байлер забрал камень! — визжал Чарв.

— Человек, который только что отсюда убежал... — начал я.

— ...не уйдет далеко, дружок. Снаружи находится Френчи, он остановит каждого, кто попытается покинуть это помещение с неприличной поспешностью. По правде говоря, если ты хорошенько прислушаешься, ты услышишь стук копыт по мрамору.

Я прислушался и услышал. А еще до моих ушей донесся поток непристойной брани и шум борьбы.

— Кто вы такой, сэр? — поинтересовался Рагма, поднимаясь на задние ноги и подходя поближе.

— Это мой дядя Альберт, — ответил я ему, — человек, благодаря которому я получил образование. Альберт Кассиди.

Дядя Альберт внимательно смотрел на Рагму и слушал мои объяснения.

— Это Рагма. Он переодетый инопланетный полицейский. Его партнера зовут Чарв. Он кенгуру.

Дядя Ал кивнул.

— Искусство переодевания достигло необычайных высот, — заметил он. — Как вам это удастся?

— Мы же инопланетяне, — пояснил Рагма.

— Понятно. Вам придется извинить меня за то, что я несколько невежественен в этих вопросах. В течение многих лет, по определенным причинам, моя кровь походила на ледяной бульон, а я был лишен возможности двигаться и чувствовать. Вы друг Фреда?

— Пытаюсь им стать, — ответил Рагма.

— Рад это слышать, — улыбаясь, ответил дядя Ал, — потому что, если бы вы прибыли сюда, чтобы

причинить моему мальчику вред, я не посмотрел бы, что вы инопланетянин, и тогда никакой в мире чеширский сыр не помог бы вам спасти свою шкуру. Фред, а как насчет всех остальных?

Однако я ничего ему не ответил, потому что как раз в этот момент посмотрел вверх и кое-что там увидел — и тогда в моем сознании зазвучала увертюра «1812 год», появились дымовые сигналы, замигали semaфоры и одновременно вспыхнули разноцветные фейерверки.

— Улыбка! — закричал я и помчался к двери в задней части зала.

Я еще ни разу не проходил через эту дверь, зато лазал по крыше выставочного зала — правда, до того, как отобразился в машине Ренниуса. Этого было вполне достаточно, чтобы разобраться в происходящем.

Я проскочил в дверь и помчался по узкому коридору. Как только появилась возможность, свернул налево. Десять быстрых шагов, еще один поворот, и справа я увидел лестницу. Перепрыгивая через две ступеньки, я бросился наверх.

Как все сложилось в единую картину, не знаю. Но я был уверен, что не ошибся.

Выскочив на площадку, я повернулся и помчался дальше. Я уже видел конец.

Последний лестничный пролет с дверью наверху, на площадке с маленькими зарешеченными окошками. Я надеялся, что дверь открывается изнутри, без ключа — повернешь ручку, и все, — потому что мне понадобилось бы немало времени, чтобы выбить стекла и выломать решетки, если я вообще был в состоянии это сделать. Поднимаясь вверх, я оглядывался по сторонам в надежде найти какие-нибудь подходящие инструменты.

И действительно нашел какие-то железки, которые вполне могли бы подойти для этих целей, — никому, похоже, не пришло в голову, что кто-нибудь захочет взламывать дверь, чтобы выбраться отсюда. Впрочем, оказалось, что инструменты мне не понадо-

бятся, потому что стоило мне нажать на ручку и с силой надавить, дверь сразу подалась.

Это была тяжелая, медленно открывающаяся дверь, но когда мне наконец удалось ее распахнуть, я понял, что попал на след чего-то очень важного. Оказавшись в полной темноте, я попытался расположить трубы, кучи мусора, крышки люков и тени так, как я их помнил по своему предыдущему посещению этих мест. Где-то среди всего этого хлама, под звездами, луной и небом Манхэттена было одно местечко, которое очень меня интересовало. Ситуация могла обернуться против меня, но я не терял времени. Если моя догадка верна, есть шанс.

Сделав глубокий вдох, я огляделся по сторонам. Медленно обошел маленькую будочку на крыше, стараясь держаться к ней спиной, внимательно вглядываясь в темноту, в каждое пятно и углубление на крыше и на карнизах. Почти как в поговорке — только я находился не в угольном сарае и полночь уже давно миновала.

Похоже, тот, кого я искал, имел передо мной некоторые преимущества. Тем не менее во мне росла уверенность в собственной правоте, а вместе с этой уверенностью росло и упрямое желание: *догнать*. Я окажусь терпеливее его, если он сидит где-то в тени и ждет, когда я уйду. А если он бросится бежать, я последую за ним.

— Мне известно, что ты здесь, — произнес я вслух, — и что ты меня слышишь. Пора подвести итоги, поскольку мы зашли слишком далеко. Готов ты сдать и ответить на наши вопросы? Или намереваешься усложнить и без того непростую ситуацию?

Ответа не было. Я так и не сумел увидеть того, что рассчитывал увидеть.

— Ну? Я жду. И буду ждать столько, сколько нужно. Не сомневаюсь, что ты нарушаешь закон — твой закон. Я совершенно в этом уверен. Наверняка должен существовать закон, запрещающий подобную деятельность. Мне неизвестно, что заставляет тебя вести себя именно так, а не иначе — но сейчас это не

имеет особого значения. Наверное, я должен был раньше обо всем догадаться, но я еще не слишком хорошо разбираюсь в разнообразии форм инопланетной жизни. Поэтому ты довольно много успел сделать. Там, в летнем домике? Да, именно там я и должен был сообразить, когда приехал в домик во второй раз. Мы, вероятно, встречались раньше, и даже не один раз, но я думаю, меня можно простить за то, что я не придавал значения этим встречам. А в ту ночь, когда я проверял, как работает машина... Ты готов выйти из своего угла? Нет? Ну хорошо. Думаю, ты обладаешь телепатическими способностями и в словах нет никакой необходимости, потому что я не видел, чтобы ты говорил что-нибудь Зимейстеру. Впрочем, я хочу быть абсолютно уверен в том, что ты меня слышишь, поэтому продолжу. Я подозреваю, что у тебя есть зеркало или что-то вроде того, как у твоей модели, потому что я видел снизу свет. Тебе придется сидеть с закрытыми глазами или отворачивать от меня голову, иначе я замечу отблески. Впрочем, возможно, ты обладаешь телепатическими способностями? Интересно. Может быть, М'мрм'млрр услышит тебя, если ты ими воспользуешься. Он ведь находится совсем недалеко отсюда. Похоже, ты оказался в невыгодном положении. Ну, что скажешь? Может, проявишь благородство? Или предпочтешь долгую осаду?

По-прежнему тишина. Я не мог позволить сомнениям закрасться в мою душу.

— Ты упрям, не так ли? — продолжал я. — В таком случае получается, что ты немало потеряешь, если мы тебя поймем. Рагма и Чарв, надо сказать, проиграли, оказавшись так далеко от эпицентра событий. Возможно, им известен какой-нибудь способ облегчить твою участь. Не знаю. Я просто рассуждаю вслух. Впрочем, об этом можно подумать. У меня такое впечатление, что за мной никто не последовал, потому что М'мрм'млрр читает мои мысли и докладывает там, внизу, что у нас с тобой здесь происходит. Они уже, наверное, знают то, о чем я догадался. И что, по правде говоря, ты сам-то ни в чем не вино-

ват. Я уверен, что до настоящего момента ты не догадывался о разумности звездного камня, в определенном смысле, конечно, и что, когда я его включил, он начал записывать, обрабатывать и сводить в таблицы полученные данные. Ему было нелегко это делать из-за того, что по-прежнему существовал барьер; процесс, включивший его, практически выключил меня, и связь между нами устанавливалась с трудом. Так что он не мог просто взять и доложить мне о своих выводах на твой счет. Впрочем, он все же подсказал мне строчку из Льюиса Кэрролла — может быть, заметил ее, когда я был в книжном магазине. Не знаю. Он ведь мог опираться на мои перевернутые воспоминания. Так или иначе, строчка, к сожалению, ничего мне не сказала. Даже когда он предпринял попытку помочь мне во второй раз. Сначала была улыбка. И опять я не понял. Пока дядя Ал не произнес слово «чеширский» — только тогда я поднял голову и увидел силуэт кота на фоне желтой луны. Это ведь ты сбросил сети на Пола Байлера. Зимейстер был твоим человеком. Ты нуждался в помощи местных жителей, а заполучив Морти, ты сделал прекрасный выбор: человек с преступными наклонностями и опытом, продажный и отлично знакомый с ситуацией. Ты купил его и послал охотиться за камнем. Только у камня на этот счет были свои собственные представления, и мне в самый последний момент удалось понять их. Ты принял обличье черного кота, который не один раз переходил мне дорогу... Знаешь, любопытная мысль: если тут можно зажечь свет, кому-нибудь там, внизу, следует отправиться на поиски щитка. Может быть, они сейчас именно этим и занимаются. Ну как, пойдём вниз или тут подождём? Ведь если загорится свет, я мгновенно тебя найду.

Я был абсолютно уверен в том, что приготовился ко всему, но меня ждал сюрприз. Когда он прыгнул, я вскрикнул и попытался защитить глаза.

Ну и дурак же я! Посмотрел везде, кроме крыши будочки.

Когти вонзились мне в голову, расцарапали лицо. Я попытался оторвать его от себя, но не мог ни за что уцепиться. И тогда, движимый отчаянием, я с силой ударился головой о стену будочки.

Естественно, он предвидел это движение и успел вовремя соскочить, а я чуть не разможил себе башку.

Я едва стоял на ногах, отчаянно ругался и крепко держал руками свою бедную голову — некоторое время я был не в состоянии даже думать о преследовании врага. Довольно долгое время...

Наконец, выпрямившись, я стер кровь со лба и щек и снова огляделся по сторонам. На этот раз мне удалось заметить едва уловимое движение.

Он мчался к краю крыши, собираясь перебраться на низкую стенку... Остановился. Оглянулся... Дразнит меня?

Я заметил, как блеснули его глаза.

— Ну тогда получай! — воскликнул я и бросился вперед.

Он повернулся и помчался вдоль стены. Мне показалось, что он двигается слишком быстро, чтобы суметь остановиться возле угла.

Так и получилось.

Я был уверен, что он не справится, но недооценил его способностей.

Свет зажегся как раз в тот момент, когда он взлетел в воздух, и я смог, наконец, его рассмотреть — черный кот с вытянутыми передними лапами. Потом он пропал из виду, видимо, где-то приземлился — я был совершенно уверен в том, что этот кот не обладает девятью жизнями, — заскрежетали когти по крыше.

Бросившись вперед, я увидел, что моему противнику удалось перепрыгнуть на соседнее с выставочным залом строящееся здание — он уже убежал по балке.

Я не остановился.

В прошлое свое посещение этой крыши я выбрал более легкий путь, но сейчас у меня не было времени, и я не мог себе позволить подобную роскошь — по

крайней мере, так я сам себе объяснял свои действия потом. Думаю, благодарить за это решение следует мой нахальный спинной мозг. Или винить.

Я автоматически оценил расстояние, максимально собрался и, толкнувшись в оптимальной точке, прыгнул — мне даже удалось перелететь через невысокое ограждение у края крыши.

Исполняя такие прыжки, я всегда старался беречь голени. Если удар окажется слишком сильным, боль может помешать совершать дальнейшие действия в необходимом порядке. Здесь требовалась очень четкая координация движений — еще одна существенная трудность. В идеале, в момент подъема требуется производить не более одного действия одновременно. В крайнем случае — двух. Если же координировать приходится большее количество движений, опасность свалиться становится достаточно реальной.

В любой другой ситуации я не стал бы рисковать. Я вообще очень редко прыгаю в случаях, когда надо успеть зацепиться руками. Конечно, совершить такой прыжок можно, но только если есть страховка. И никак иначе. Я никогда раньше не делал таких ставок: все или ничего. Однако...

Я с такой силой оттолкнулся от ограждения, что отдача отозвалась в зубе мудрости.левой рукой мне удалось поймать вертикальную балку, возле которой я приземлился — Торквемада, окажись он поблизости, одобрил бы все мои действия. Я потерял равновесие и упал вперед, но одновременно меня стало разворачивать влево, ноги соскользнули в сторону, и только выбросив вперед правую руку, я смог удержаться. Подтянувшись на руках, я забрался на балку и выпрямился, стараясь разглядеть своего противника.

Он направлялся к той части платформы, где строительные рабочие хранили свои вещи в бочках и накрытых парусиной кучах. Я стремительно бросился ему наперерез вдоль балок, всякий раз выбирая кратчайший путь, наклоняясь и отпрыгивая в сторону, когда в этом возникала необходимость.

Он заметил мое приближение и, взобравшись на кучу мусора, перескочил на ящик, с которого сумел перебраться на следующий этаж. Я ухватился за горизонтальную перекладину, раскачался, закинул ноги и оказался наверху.

Поднимаясь, я заметил, что мой враг исчез у края платформы, выходящей на следующий этаж. Мне пришлось повторить свои действия.

На следующем этаже я понял, что черного кота не видно. Оставалось только сделать вывод, что он продолжал подниматься все выше и выше. Я последовал за ним.

Через три этажа я заметил его вновь. Он остановился, чтобы посмотреть вниз, стоя на узкой планке, которая служила ступенькой для рабочих, когда лифт поднимался на этот этаж. Свет, идущий снизу, опять попал ему в глаза.

Резкое движение!

Я уцепился за стропила одной рукой, а другую поднял вверх, чтобы защитить голову. Однако моя предосторожность оказалась излишней.

Грохот, скрежет и звон: целое ведро болтов или гаек, сброшенное сверху, пролетело мимо меня, звонкое эхо прокатилось по этажам, пока не смолкло, смолкло, смолкло окончательно.

Я решил поберечь дыхание и воздержался от ругани — ведь мне еще предстояло продолжить восхождение.

Холодный ветер начал хватать меня за одежду, когда я снова полез вверх. Бросив взгляд назад и вниз, я разглядел на освещенной крыше соседнего дома несколько фигур с поднятыми головами. Мне трудно было представить, какую картину они лицезрели.

К тому времени, когда я добрался до места, откуда свалилось ведро с железками, объект моего преследования находился двумя этажами выше, остановившись, видимо, для того, чтобы перевести дух. Теперь я все прекрасно видел, потому что на этих платформах почти ничего не лежало, мы попали в царство жестких прямых линий и холодных четких

углов, таких же классических и лаконичных, как теоремы Евклида.

По мере того как я поднимался выше, ветер набирал силу, теперь его порывы сменились постоянным, ровным давлением. Кончиками пальцев, а потом и всем телом я начал ощущать, как ритмично раскачиваются строительные леса. Звуки спящего города слились в один неразличимый шум. Сначала они превратились в храп, затем в легкий гул и, наконец, ветер поглотил их и переварил. Звездный и лунный свет четко обозначили геометрические конструкции, по которым мы поднимались все выше и выше; поверхности были абсолютно сухими, любой любитель ночных прогулок по крышам может только мечтать о таком везении.

Я упорно продолжал лезть вверх. Нас разделяло два этажа. Потом один.

Он стоял этажом выше меня и смотрел вниз. Дальше лезть было некуда — рабочие не успели больше ничего построить. Поэтому он ждал.

Я остановился и сам посмотрел на него.

— Ну, может быть, хватит? Или будем играть до конца?

Ответа не последовало. Он просто неподвижно стоял и наблюдал за мной.

Я провел рукой по балке, которая находилась рядом со мной и поднималась вверх.

Мой противник стал меньше. Он присел, сжался, напрягся. Словно собирался прыгнуть...

Проклятье! Поднимаясь на последний уровень, в течение нескольких секунд я окажусь полностью в его власти — руки у меня будут заняты, когда я начну подтягиваться.

Однако моему врагу придется сильно рискнуть, если он решится прыгнуть на меня — ведь тогда он окажется в пределах моей досягаемости.

— Думаю, ты блефуешь, — сказал я. — Сейчас я к тебе поднимусь.

Я крепче ухватился за горизонтальную перекладину.

И в этот момент мне в голову пришла неожиданная мысль — такие туда не часто забредали: «А что, если ты упадешь?»

Я заколебался — настолько необычной показалась мне эта идея. Подобные возможности в нашей среде просто не принято принимать в расчет. Конечно, я знал, что это может произойти. Более того, несколько раз так и было — с разными результатами. Однако такого рода размышлениями не следует забивать себе голову.

А до низа так далеко.

«Тебя никогда не интересовало, о чем ты подумаешь в последний раз... перед тем как свет навсегда померкнет?»

Я полагаю, что об этом так или иначе задумывался каждый. Тем не менее задерживаться на этой мысли не стоит, ее вообще можно рассматривать как некий симптом, который необходимо положить на алтарь вменяемости. Но...

«Посмотри вниз. Далеко? Насколько далеко? Интересно, что ты почувствуешь, если упадешь? У тебя не возникло щекочущего ощущения в запястьях, ладонях, ногах, щиколотках?»

Конечно. Но ведь...

Головокружение! Меня окатывало с ног до головы. Снова и снова. До сих пор я ничего подобного не испытывал.

Впрочем, я быстро понял, что было источником моего неприятного состояния. Только полный идиот не сообразил бы. Мой мохнатый маленький враг посылал мне это ощущение, пытаюсь — и небезуспешно — создать во мне боязнь высоты.

Некоторые вещи должны выходить за грань физических явлений — по крайней мере, мистицизм, являющийся единственной известной мне религией, который настоятельно убеждает меня в том, что не так просто превратить ненависть в любовь, страсть в страх, победить волю к жизни мгновенным иррациональным воздействием.

Я с силой ударил кулаком по перекладине и прикусил губу. Я был напуган. Я, Фред Кассиди, боялся залезть наверх!

«Падение, падение... Совсем не как листок или клочок бумаги на ветру, а головокружительное падение тяжелого тела... Помешают, может быть, только прутья нашей клетки... Кровавый отпечаток здесь, там.. Лишь эта мысль будет доступна тебе на пути вниз... Ты будешь похож на своих не столь далеких предков, которые с ужасом цеплялись за деревья, и все равно падали...»

Именно тогда я его и увидел. В этот момент он дал мне то, что я искал, стараясь не поддаться на его уловки: предмет, на котором я мог бы сосредоточить все свое внимание.

Мой враг начал свысока рассуждать о человеческой расе. Сибла вызвал у меня раздражение, когда мы с ним встретились в квартире Мерими, потому что высказывал похожие мысли. Это было как раз то, что надо.

И тогда я позволил себе как следует разозлиться. Я даже поощрял в себе это состояние.

— Ну хорошо, — сказал я. — Те же самые предки просто обожали поднимать в воздух типов вроде тебя, держа их за лапы — так, смеха ради — чтобы проверить, всегда ли вы удачно приземляетесь, если подкинуть вас в воздух. Это очень старая игра. Правда, в нее уже давно как следует никто не играл. Я намереваюсь ее возродить, в память о моих прародителях. Смотри на веселого антропоида, опасайся его кривых неловких пальцев!

Я ухватился за перекладину и подтянулся.

Черный кот отпрянул, остановился, сделал шаг вперед, снова остановился.

Я почувствовал, как меня охватывает радостное возбуждение, когда увидел, что мой враг в нерешительности, я ликовал, что сумел заставить его прекратить воздействие на мой мозг. Когда я добрался до платформы, на которой он стоял, я опустил голову пониже, а руки расставил на перекладине как можно

шире, так, что даже, если бы в одну из них вонзились острые когти, другой было бы достаточно для того, чтобы удержать меня.

Мой враг сделал вид, что собирается напасть, потом явно передумал, отвернулся и побежал.

А я подтянулся и выпрямился.

Я наблюдал за тем, как он удирал от меня и вскоре оказался на противоположной стороне стальной площадки, на которой мы находились. Я подошел к ближайшему ко мне углу, а он отбежал к самому дальнему.

Тогда я двинулся по одному краю площадки, он — по другому.

Я остановился. И он остановился. Мы не сводили друг с друга глаз.

— Отлично, — проговорил я, доставая сигарету и прикуривая. — Ты тянешь время, и проигрываешь — тебе должно быть это известно. Ребята там, внизу, не сидят сложа руки. Они вызвали подмогу. Все пути вниз будут очень скоро перекрыты. Могу побиться об заклад, что через несколько минут к нам сюда прилетит вертолет с оружием, которое снабжено приборами ночного видения. Я всегда считал, что лучше сдаться, чем оказывать сопротивление при аресте, в случае, если у тебя неприятности. Я являюсь официальным представителем государственного департамента моей страны и Организации Объединенных Наций. Выбирай, что тебе больше нравится...

«Хорошо, — промелькнуло у меня в голове. — Я сдамся тебе, как представителю государственного департамента».

Он двинулся к ближайшему углу, повернул и ровным шагом начал приближаться ко мне. Я отвернулся и направился к тому углу, от которого только что отошел. Он добрался туда раньше меня, завернул за угол и продолжал двигаться в мою сторону.

— Остановись, — приказал я. — Ты арестован.

Однако он не только не остановился, он бросился ко мне, наполнив мое сознание образами, которые, облаченные в слова, звучали бы примерно так:

Более $\left\{ \begin{array}{l} \text{пристало} \\ \text{благородно} \end{array} \right\}$ умереть с $\left\{ \begin{array}{l} \text{зубами} \\ \text{когтями} \end{array} \right\}$
 $\left\{ \begin{array}{l} \text{в} \\ \text{у} \end{array} \right\}$ $\left\{ \begin{array}{l} \text{глотке} \\ \text{сердца} \end{array} \right\}$ врага $\left\{ \begin{array}{l} \text{гнезда} \\ \text{тотема} \\ \text{цивилизации} \end{array} \right\}$!

Умри же, разоритель гнезд!

Я выбросил руку вперед в тот момент, когда кот прыгнул, и, поскольку у меня не было никакого другого оружия, сунул ему в морду свою сигарету.

Он извернулся и попытался ударить по ней лапой еще до того, как взлетел в воздух. А я отшатнулся и одновременно присел, подняв руки вверх, чтобы сохранить равновесие и прикрыть лицо и голову.

Он ударил меня, но даже не сумел вцепиться в глотку, а, коснувшись моего левого плеча, разордал когтями мне руку и бок. А потом упал.

У меня пронеслась естественная мысль: надо восстановить равновесие, спасти эту мерзкую тварь — ради того, чтобы получить какую-нибудь информацию — развернулся направо, перенес вес на левую ногу, выбросил вперед руку, схватил — не слишком сильно! — остановка — дернул, потянул...

Ага, поймал! Я держал его за хвост! Но...

Короткое сопротивление, звук разрываемой ткани, новое движение...

Я держал в руках жесткий, черный, искусственный хвост с остатками какой-то напонавшей резины ткани. А еще я успел заметить, как в том месте, где освещение было более ярким, промелькнула маленькая темная тень. Вряд ли ему удалось приземлиться на лапы.

Глава 12

Время.

Фрагменты, обрывки, кусочки... Время.

Богоявление во Тьме и Сиянии, Сценарий в зеленых, золотых, пурпурных и серых тонах...

Сумерки. Какой-то человек. Взбирается на высокую Башню Чезлерей в местечке Ардель, на берегу моря, название которого он пока еще не может произнести. Темное, словно виноградный сок, море, искрящееся кьянти, игра светотени, рожденная сиянием далеких звезд и лучами Канис Вибеспер — светила, которое вот-вот спрячется за горизонтом и на другом континенте настанет утро, а легкий бриз с полей овеивает соединенные между собой балконы, башенки, стены и тротуары города, он дарит теплый аромат земли своему старому, холодному приятелю...

Цепляясь за уступы зеленого камня, карабкаясь по обращенной к морю стороне башни, человек решил поспорить со спешащим на покой днем, уносящимся все выше и выше. Вот он наклонился, приготовился к прыжку. Прежде чем покинуть эти края, солнце касается своими призрачными лучами Башни Чезлерей, и тогда на ее вершину опускается золотое покрывало уходящего дня. Как только солнце собралось на покой, человек пустился в путь, начав его от самого подножия башни, стремясь не опоздать к тому моменту, когда ночь опустится на город.

Он соревнуется с тенями — его собственная, словно чернильно-черный плащ, окутывает тело, руки мечутся в темноте, точно напуганные рыбки. Где-то в хрустальной вышине, над головой человека, ночь без устали чеканит ослепительные звезды. Он начал задыхаться, а золотое пятнышко света на шпиле Башни стало совсем крошечным.

Но крошечный осколок золотого света медлит, замер на зеленом камне, и наш человек спешит вперед, обгоняя свою тень... Сияние на мгновение померкло и снова вспыхнуло.

Человек ухватился за парапет, подтянулся — так пловец выходит из воды на сушу.

Он поднимается на ноги и смотрит в сторону моря, в сторону света. Да...

Он успеваеет ухватить последний луч светила, спешащего на покой. И смотрит на него всего одно короткое мгновение.

А потом устраивается поудобнее на камне и принимается любоваться многообразием оттенков ночи, словно видит все это впервые. Он сидит так очень долго, сидит и смотрит...

Конечно же, я его знаю.

Портрет мальчишки с собакой на берегу, Тик-так и прошлые невзгоды. Фрагменты...

— Давай, неси, сюда! Ну, неси же!

— Проклятье, Рагма! Учись, как следует бросать тарелку, если хочешь играть! Мне надоело за ней бегать!

Он захихикал. А я отыскал тарелку и бросил, но он снова отправил ее в прибрежные кусты.

— Ну, все! — заявил я. — Конец. Это бесполезно. Ты прекрасно ловишь, а вот бросать совсем не тянешь.

Я повернулся и направился к воде. Через несколько мгновений я услышал пыхтение — Рагма уже был рядом.

— У нас есть похожая игра, — сказал он. — В нее у меня тоже не очень получалось.

Мы смотрели, как пенятся у наших ног зелено-серые волны, набегают, а потом с шипением откатывают прочь.

— Дай сигарету, — попросил Рагма.

Я дал ему сигарету и прикурил сам.

— Если я расскажу тебе то, что тебя интересует я нарушу секретность, — сообщил он мне.

Я промолчал, потому что уже давно это понял.

— Но я все равно тебе расскажу. Без подробностей. В общих чертах. Я собираюсь проверить степень собственного благоразумия. По правде говоря, это не такой уж и секрет, а теперь, когда вы, земляне, начинаете путешествовать на другие миры, вы рано или поздно все узнаете. Предпочитаю, чтобы ты услышал это от друга. Ибо, надеюсь, тогда тебе будет легче принять решение по поводу того предложения, которое тебе было сделано. Мне кажется, ты имеешь на это полное право.

— Мой чеширский котик... — начал я.

— Был виллоухимом, — проговорил Рагма, — представителем одной из самых могущественных культур Галактики. Конкуренция между различными расами, составляющими цивилизации, всегда была особенно острой в вопросах торговли и эксплуатации новых миров. Существуют сильные культуры, и мощные блоки, и — скажем, развивающиеся миры? — вроде вашего, совсем недавно подошедшие к порогу большой Вселенной. Возможно, наступит день, когда Земля станет членом нашего Совета и получит в нем право голоса. Как ты считаешь, вы будете сильны?

— Ни капельки, — ответил я.

— А как принято поступать в подобных случаях?

— Заключать сделки, искать союзников и тех, у кого такие же проблемы и схожие интересы.

— Вы сможете заключить соглашение о сотрудничестве с одним из могущественных блоков. Они сделают для вас много хорошего в обмен на вашу поддержку

— И возникнет опасность стать марионеткой в чужих руках. Потерять больше, чем получить взамен.

— Возможно, ты прав, а может быть, и нет. Предвидеть такие вещи невозможно. С другой стороны, не исключено, что объединитесь с какой-нибудь другой слабой группировкой, находящейся, как ты сказал, в положении, похожем на ваше. В этом тоже есть определенная опасность, естественно, но ведь все совсем не так просто и однозначно. Ты понимаешь, что я имею в виду?

— Может быть, А много существует... развивающихся миров... вроде нашего?

— Да, — ответил Рагма. — Целая куча. Новые миры продолжают все время появляться. Это очень хорошо — для всех. Нам просто необходимо разнообразие рас и культур — потому что это разные взгляды и совершенно уникальные подходы к решению проблем, которые без устали ставит перед нами жизнь.

— Значит ли это, что определенное количество новых миров объединяются, чтобы решить свои основные проблемы?

— Значит.

— А они обладают достаточным весом, чтобы оказывать влияние на Совет?

— Все к этому идет.

— Понятно, — проговорил я.

— Да. Некоторые более старые и влиятельные расы не имели бы ничего против ограничения этого влияния. Уменьшение числа молодых миров — один из возможных способов добиться этой цели.

— Если бы мы опозорились с одним из артефактов, нас бы исключили навсегда?

— Навсегда — нет. Вы же существуете. И находитесь на достаточном уровне развития. Вас бы признали рано или поздно, даже несмотря на промахи, совершенные вами в самом начале. И все же репутация землян оказалась бы запятнанной, так что ваше вступление в Совет было бы отложено на неопределенный срок. Я думаю, на довольно солидный срок.

— Ты с самого начала подозревал, что в нашем деле замешаны виллоухимы?

— Я подозревал одну из могущественных рас. Это не единственный случай подобного рода — именно поэтому мы присматриваем за новичками. Вы же сами облегчили им задачу — предоставили ситуацию, которой они смогли воспользоваться в своих целях. Впрочем, по правде говоря, я ошибся на предмет того, кто стоял за всем этим. Я все понял, только когда Спейкусу наконец удалось пробиться к тебе, и ты стал преследовать виллоухима. Теперь это уже не имеет принципиального значения. Если бы мы представили им улики и потребовали объяснений — а мы не будем этого делать, — виллоухимы, естественно, заявили бы, что их агент не являлся их агентом, а был всего лишь неуравновешенной личностью, действовавшей по собственному усмотрению, и принесли бы свои извинения всем заинтересованным сторонам за причиненные неудобства. Нет. Они, вне всякого сомнения, поняли, что потерпели поражение. В этом смысле мы их обезвредили. Они знают, что мы следим за порядком и что вы тоже настороже — по крайней мере, официальным лицам все известно. Сомневаюсь, что вам придется столкнуться с чем-нибудь подобным в ближайшее время.

— Думаю, следующим их шагом будет подношение подарков.

— Вполне возможно. Впрочем, должен заметить, что теперь вас просветили на предмет подобных действий. К вам будут обращаться и другие — в надежде получить поддержку. Совсем несложно сравнить разные предложения.

— Итак, все возвращается к наполненной дымом комнате...

— Или метаном. Или много чем еще, — ответил Рагма. — Только я не совсем понимаю...

— Политика. Она ведь напоминает дымовую завесу.

— А, да. Один из основных законов жизни.

— Рагма, я хотел бы задать тебе личный вопрос.

— Имеешь право. Если он окажется слишком для меня неприятным, я просто на него не отвечу.

— В таком случае скажи, пожалуйста, а как ты охарактеризуешь свою собственную культуру, расу, народ — ну, как там ученые твоей планеты называют вашу социальную группу, ты же понимаешь, что я имею в виду — с точки зрения галактических цивилизаций.

— Ну, мы сами назвали бы себя достаточно практичными, деловыми, спокойнокровными...

— Хладнокровными, — поправил я.

— Вот именно. А еще мы — идеалисты, творческие личности, обладающие развитой культурой...

Я кашлянул.

— ...и огромным потенциалом, — заявил Рагма. — Мы, словно юноши, жизнелюбивы и умеем мечтать.

— Спасибо.

Мы повернули и пошли вдоль полосы прибоя, все время стараясь оставаться вне пределов досягаемости волн.

— Ты обдумал предложение, которое тебе было сделано? — наконец спросил меня Рагма.

— Да, — ответил я.

— Принял решение?

— Еще нет. Я хочу ненадолго уехать, чтобы хорошенько раскинуть мозгами.

— Тебе известно, сколько тебе на это понадобится времени?

— Нет.

— Так, так. Ты, естественно, немедленно сообщишь нам о своем решении...

— Конечно.

Мы прошли мимо выгоревшей надписи «КУПАТЬСЯ ЗАПРЕЩЕНО», и я пустился в размышления на тему о том, что совсем недавно эта надпись выглядела бы для меня вот так: «ОНЕЦЕРПАЗ ЯСЬТА-ПУК». Все мои шрамы вернулись на прежние места, а сигареты вновь имели привычный вкус, но я решил, что мне будет не хватать отображенной версии картошки фри, отвратительных гамбургеров, несвежих

салатов и кофе, что подают в студенческом Союзе. Но больше всего меня будет преследовать вкус вывернутого наизнанку спиртного, из которого получался такой специфический, ни на что не похожий, таинственный и волшебный напиток — мне каждый раз казалось, что легкий ветерок переносит меня в сказочную страну...

— Наверное, пора возвращаться в город, — произнес Рагма. — Скоро начнется вечеринка у Мерими.

— Точно, — ответил я. — Слушай, скажи мне вот еще что: я сейчас думал об инверсиях, происходящих на молекулярном уровне, но не затрагивающих атомы и субатомы...

— Ты хочешь знать, почему машина Ренниуса не может обеспечивать вас аккуратными порциями антиматерии?

— Ну да.

Рагма пожал плечами:

— Это осуществимо, но в результате теряется много самых разных машин, кроме всего прочего. Да и вообще, ваш экземпляр — довольно старая версия. Мы хотим его сохранить. Это вторая машина подобного рода, построенная во Вселенной.

— А что случилось с первой?

Рагма усмехнулся:

— В ней не было программы выделения частиц.

— А как она работает?

Он покачал головой:

— Есть вещи, которые человеку не полагается знать.

— Сейчас самое подходящее время для подобного заявления.

— Если честно, я сам не понимаю.

— Ясно.

— Пойдем приложимся к выпивке Мерими и к его сигаретам, — повторил Рагма. — Мне ужасно хочется поговорить еще немного с твоим дядей. Знаешь, он ведь предложил мне работу.

— Ну да? Какую?

— У него есть несколько интересных идей по поводу галактической торговли. Он говорит, что хочет организовать скромный бизнес по импорту-экспорту. Видишь ли, я как раз собирался уйти в отставку, а твоему дяде нужен специалист с моими знаниями. Мы сможем создать что-нибудь просто замечательное.

— Это мой любимый дядя, — заявил я, — и я многим ему обязан. Но кроме того, я являюсь и твоим должником тоже, поэтому считаю необходимым поставить тебя в известность, что у моего дяди, мягко говоря, не совсем безупречная репутация.

Рагма пожал плечами:

— В Галактике достаточно места. Существуют законы и возможности для самых разнообразных занятий. Именно на этот предмет я и должен буду консультировать твоего дядю.

Я медленно кивнул.

Апокалипсические обрывки семейного фольклора совсем недавно заняли свои законные места, когда завесу тайны сначала чуть приоткрыл Мерими, а потом и сам дядя Альберт, который с удовольствием предавался воспоминаниям во время нашего с ним торжественного семейного обеда, организованного вчера вечером.

— Кстати, доктор Мерими тоже примет участие в нашем предприятии, — сообщил мне Рагма.

Я продолжал кивать.

— Как бы там ни было, — пообещал я Рагме, — не сомневаюсь, что это приключение будет волнующим и поучительным.

Мы подошли к машине, забрались в нее и отправились в город.

У меня за спиной в песке неожиданно раскрылось множество дверей, и я стал думать о женщинах, тиграх, башмаках, кораблях, сургуче и всякой подобной ерунде, стоящей у порога.

Скоро, скоро, скоро...

Вариации на Тему Третьей Горгульи от Конца Звезды и Мечты о Времени...

Я наконец разыскал его в маленьком городке, примостившемся в тени Альп; он сидел на крыше местной церквушки, внимательно и задумчиво разглядывая гигантские часы на городской ратуше, что стояла на противоположной стороне улицы.

— Добрый вечер, профессор Добсон.

— А? Фред? Господи Боже мой! Осторожно, вон тот камень качается... Вот так. Отлично. Не ожидал увидеть тебя сегодня вечером. Впрочем, я очень рад, что ты пробежал мимо. Я собирался послать тебе утром открытку, в которой хотел рассказать об этом чудном городке. Дело ведь не только в возможности забраться наверх. Посмотри, какая здесь перспектива! Посмотри внимательно на большие часы, ну как?

— Хорошо, — сказал я, устраиваясь рядом с ним и упираясь ногой в какую-то каменную виньетку. — У меня для вас есть кое-что, — добавил я и передал профессору сверток.

— Ой, спасибо. Какая приятная неожиданность. Сюрприз... О, да он булькает, Фред.

— Ага.

Профессор развернул бумагу.

— Вот это да! Что-то я не могу понять надпись на этикетке, так что я, пожалуй, лучше попробую содержимое.

Я не сводил глаз с больших часов на башне.

Через некоторое время:

— Фред! — воскликнул профессор. — Я в жизни не пробовал ничего подобного! Что это такое?

— Стереоизомер обычного бурбона, — объяснил я. — На днях мне разрешили пропустить несколько бутылок через машину Ренниуса — специальный комитет ООН, занимающийся инопланетными артефактами, последнее время ведет себя со мной крайне доброжелательно. Так что в некотором смысле вы сейчас попробовали очень редкий напиток

— Понятно... А по какому случаю?

— Звезды прошли свой огненный путь и оказались в нужных местах, они расположились с изысканной изобретательностью, и я смог расшифровать их древнее предзнаменование.

Профессор кивнул.

— Красиво сказано, — похвалил он меня. — Только не понято, что это значит.

— Ну, если начать сначала — я получил диплом.

— Весьма огорчительно. Я уже почти поверил, что с тобой этого никогда не случится.

— Я тоже. Но они меня перехитрили. Теперь я работаю на государственный департамент или на ООН, все зависит от того, с какой стороны посмотреть.

— А чем ты занимаешься?

— Вот как раз об этом я сейчас и раздумываю. Понимаете, мне предоставили право выбора.

Профессор сделал еще один глоток и передал бутылку мне.

— Нет ничего хуже необходимости выбирать, — заявил он. — На, выпей.

Я кивнул и сделал глоток.

— Именно поэтому я и хотел поговорить с вами — прежде чем принять окончательное решение.

— Такая серьезная ответственность, — проговорил профессор, забирая у меня бутылку. — А почему со мной?

— Некоторое время назад, когда меня пытали в пустыне, я вспомнил всех своих многочисленных наставников и кураторов. Только совсем недавно я понял, почему одни из них были хорошими, а другие никуда не годились. Самые лучшие из них не пытались заставить меня выбрать какую-нибудь из проторенных дорог. Впрочем, таких кураторов всегда было трудно убедить подписать мою карточку с набором предметов. Они всегда довольно долго со мной беседовали. И это были совсем не обычные разговоры. В явном виде ни один из них не дал мне прямого совета. Я даже вряд ли смог бы воспроизвести то, о чем мы с ними разговаривали. Мне кажется, они считали, что, если что-то достается человеку с трудом, он начинает

ценить свое приобретение гораздо больше, чем если бы оно просто свалилось на него с голубых небес. Мы, как правило, обсуждали не научные вопросы. Именно этим преподавателям и удалось научить меня чему-либо, и я думаю, что в определенном смысле они руководили моей деятельностью. Они не хотели, чтобы я делал что-то, по их мнению, нужное, они хотели, чтобы я сумел увидеть то, что видели они. Что-то вроде их взгляда на жизнь, без прикрас. Так вот, поскольку вам, одному из немногих, в течение нескольких лет удавалось избегать назначения на пост моего куратора, я считаю вас своим настоящим наставником.

— Я совсем не намеренно... — проговорил профессор.

— Именно. В моем случае это было самым лучшим способом решения проблемы. Возможно, единственным. Вы многое показали мне и таким образом помогли. Вы помогали мне не раз. Сейчас я думаю о нашем последнем разговоре, там, в университетском городке, перед вашей отставкой.

— Прекрасно помню.

Я закурил.

— Ситуацию, в которой я оказался, довольно трудно объяснить. Попробую изложить просто: звездный камень, инопланетный артефакт, полученный нами на хранение на неограниченное время, обладает разумом. Его создала раса, похожая на нашу, — она погибла. Камень нашли среди руин этой цивилизации многие века спустя после ее гибели, и никто не понял, что это такое. Ничего удивительного — ничто не указывало на то, что он является тем самым Спейкусом, о котором говорилось в сохранившихся и переведенных на другие языки записях. Было принято считать, что речь идет о каком-то исследовательском комитете или процессе, а может быть, программе, собиравшей и обрабатывавшей информацию с точки зрения социальной науки. Однако на самом деле в записях речь шла о звездном камне. Чтобы он мог действовать на полную мощность, нужно существо, похожее на нас. Он становится чем-то вроде симбиотического гостя внутри этого существа, по-

лучая и обрабатывая данные из его нервной системы, в то время как его «хозяин» занимается своей работой. Используя полученные сведения, Спейкус становится чем-то вроде социального компьютера. Взамен он до бесконечности обеспечивает своего «хозяина» безупречным и всегда здоровым организмом. Он может предоставить анализ всех явлений, с которыми встретился впрямую или косвенным путем, выдать сравнительные данные, абсолютно непредвзятые, поскольку не относится ни к одной из форм жизни, но при этом он определенным образом сориентирован благодаря своей конструкции. Он предпочитает находиться в теле подвижного существа, голова которого наполнена разнообразными идеями.

— Потрясающе. А как тебе удалось все это узнать?

— Совершенно случайно я его частично активировал. После этого «камень» забрался внутрь моего тела и сумел уговорить меня включить его на полную мощность. Что я и сделал. Однако в процессе я практически лишил себя возможности общаться с ним — наша связь проходила на самом элементарном уровне. Потом его удалили, и я вернулся в свое нормальное состояние. Тем не менее он продолжает функционировать, и телепаты-аналитики могут с ним общаться. Сейчас Галактический Совет и ООН хотели бы, чтобы «камень» заработал снова. Было предложено оставить его одним из специальных объектов в цепочке кула, обеспечивая каждый мир, который он посетит, подробным отчетом о его социальных условиях. Путешествуя меж звезд на протяжении многих лет, он сможет существенно расширить базу своих данных. Кроме того, Спейкус обеспечит Совет сведениями о целых секторах цивилизованной Галактики. Это живой процессор, с определенными телепатическими способностями — за несколько веков своей жизни он накопил массу самой разнообразной информации, так что он дал мне совет по поводу одной из статей Галактического Кодекса и знал, как действует машина Ренниуса. Спейкус обладает уни-

кальной комбинацией объективности и способности к сопереживанию, благодаря этому его доклады могут представлять более чем обычный интерес

— Кажется, я начинаю понимать, — сказал профессор Добсон.

— Да. Такое впечатление, что Спейкүс ко мне привязался и хочет, чтобы я стал его «хозяином»

— Потрясающие возможности

— Вот именно. Однако если я отклоню это предложение, я все равно смогу заняться изучением всех этих проблем на Земле в качестве специалиста по инопланетной культуре

— А зачем на это соглашаться, если можно получить ту работу?

— Я подумал о мелких шажках, а потом об ускорении. Совсем недавно мы были там, и вот мы уже здесь. А все что между — немного нереально. интервал между вершинами башен, на которые нам удалось взобраться. Здесь, наверху, когда я смотрел вниз и оглянулся назад, я впервые заметил, что вершины моих башен приблизились друг к другу. Скорость течения времени заметно увеличилась. Все, что находится там, внизу и между, впадает в отчаяние, становится абсурдным. Вы сказали, что когда мне наконец придут в голову такие мысли, я должен вспомнить бренди

— Говорил. Вот, держи.

Я выбросил сигарету.

— Если бы расстояния не были такими большими, ты мог бы плюнуть в лицо Времени, — заметил профессор, когда я вернул ему бутылку — Да, я все это говорил, и тогда это было правдой. Для меня.

— Ну и где мы в результате оказались? — спросил я. — На вершине шпиля, куда было особенно трудно забраться и где, как мы прекрасно знаем, уже давно сидят другие. Они считают нас развивающимся миром — примитивным, варварским. Скорее всего, они правы. Нужно смотреть правде в глаза. Не мы первые взобрались на вершину. Если я соглашусь на

эту работу, роль дисплея в большей степени буду играть я, а не Спейкус.

— Говоря статистически, — заметил профессор, — весьма маловероятно, что мы окажемся среди первых, так же, как и среди последних. Во все, что говорил в тот момент, я верил, кое-чему я верю и сейчас. Однако обрати внимание: когда я беседовал с тобой, моя карьера была завершена, твоя же только начинается, в тот момент меня занимал тот факт, что мое время подошло к концу. Но с тех пор в моей голове поселились новые мысли. Например, я не раз обдумывал высказывание профессора Кюна о структуре научных революций — возникает мощная новая идея, традиционные схемы мышления рушатся, и строительство начинается с нуля. Маленькие шажки, один за другим. Проходит время, и все снова кажется аккуратным и разумным, если не считать нескольких лишних, никуда не укладывающихся кусочков. Тогда кто-то другой швыряет очередной кирпич в окно. Так было всегда, а в последние годы кирпичи стали падать чаще и чаще. Не оставляя времени на то, чтобы навести порядок. Когда же мы встретились с инопланетянами, прибыл целый грузовик таких кирпичей. Вполне естественно, наш интеллект начал спотыкаться. Однако кем бы мы ни были, между ними и нами существуют немалые различия. Естественно. Нельзя сыскать двух одинаковых людей или два неотличимых друг от друга народа. Даже если нет иных причин, кроме этой, я не сомневаюсь, что мы внесем свой вклад. Мы обязаны пережить град падающих на наши головы кирпичей — ведь остальные, теперь это становится очевидно, пережили. Если же мы не справимся, тогда наша раса не заслуживает того, чтобы занять место рядом с ними. В моем желании быть лучшим и первым не было ничего дурного, разве что порочно само желание оставаться в одиночестве. Ученые, занимающиеся антропологией, постоянно говорят о релятивизме культуры, каждая ступень эволюции автоматически вызывает у них чувство превосходства по отношению к тому народу, степень развития которого

они оценивают, — а они оценивают всех. Теперь наступил момент, когда нас, в том числе и антропологов, будет оценивать само время. Похоже, тебя это задело даже сильнее, чем ты сам готов признать, причем в самой любимой тобой сфере мышления. На это я могу сказать лишь одно: приободришься и постарайся извлечь для себя что-нибудь полезное. Смирение, например. Мы стоим на пороге возрождения, если я правильно понимаю происходящее. Обязательно наступит день, когда кирпичи перестанут валиться на нас, и Время приостановит свой бег, и тогда мы сможем, наконец, навести порядок в своем доме. И снова ощутим самодостаточность. А когда этот день придет для тебя, с кем ты будешь?

Он немного помолчал.

— Ты пришел просить у меня совета, — продолжил Добсон, — а я рассказал тебе даже больше, чем ты хотел. Во всем виновата хорошая компания и превосходная выпивка. Поэтому я пью сейчас за тебя и за время, которое так сильно меня изменило. Продолжай восхождение. Вот и все. Продолжай восхождение, а потом постарайся забраться еще немножко выше.

Я взял у него бутылку, сделал глоток и посмотрел на здание, расположенное на противоположной стороне улицы.

— Почему мы следим за часами? — спросил я.

— Ждем, когда пробьет полночь. Это должно произойти с минуту на минуту.

— Ответ кажется мне слишком очевидным, хотя и данным очень уж к месту.

Профессор усмехнулся.

— Не я писал этот сценарий, — сказал он. — К тому же все мои ответы давно кончились, Фред. Я просто хочу насладиться спектаклем. Есть вещи, которые интересны сами по себе.

— Верно. Извините. И спасибо вам.

— А вот и они!

Маленькие дверцы по бокам часов распахнулись. С одной стороны появился лакированный рыцарь, с

другой — мрачный шут. У рыцаря в руках был меч, а у шута жезл. Они стали приближаться: рыцарь прямой и величественный, шут вприскокку, или это он хромотал — я не очень понял. Они, подпрыгивая, направились прямо к нам, на лице у рыцаря застыла усмешка, а у шута — хмурая тоска. Они дошли до конца колеи, повернулись на девяносто градусов и направились к колоколу, который занимал центральное положение. А потом рыцарь поднял свое оружие и нанес первый удар. Раздался низкий глубокий звон. Через несколько секунд шут поднял жезл. Звук получился чуть более резким, но таким же мощным.

Рыцарь, шут, рыцарь, шут... Удар следовал за ударом, на таком близком расстоянии я не только слышал их, но и ощущал. Шут, рыцарь, шут, рыцарь... Они крушили воздух, убивая день. Шут нанес последний удар.

Потом несколько мгновений они, казалось, смотрели друг на друга и, словно договорившись о чем-то, направились обратно к дверцам, из которых появились несколько секунд назад. Когда дверцы за ними закрылись, последние отзвуки эха успели смолкнуть.

— Люди, которые никогда не забираются на соборы, лишают себя возможности стать свидетелями потрясающего представления, — заметил я.

— Оставь свои дурацкие морали на другой раз, — проворчал Добсон. Немного погодя он добавил: — За улыбающуюся леди!

— За скалы империи! — отозвался я.

Обрывки и Кусочки, Утерянные в Пространстве Гильберта, Возникают, Дабы Описать Медленные Симфонии и Архитектуру Настойчивой Страсти...

Словно впервые в жизни, он созерцал ночь с вершины высокой Башни Чезлерей, в том месте, что зовется Ардель, возле моря с таинственным названием. Пол Байлер где-то откалывал от мира кусочки и делал с ними удивительные вещи. Предприятие «Айра Энтерпрайз» под председательством Альберта Кассиди

уже готовилось открыть офисы на четырнадцать планетах. Книга под названием «Блевотина Духа», написанная неизвестным автором, который называет своими соавторами девушку, карлика и осла, только что стала бестселлером. Денису Вексроту пришлось обзавестись костылями — сломал ногу, пытаясь забраться на крышу студенческого Союза.

Он думал об этих и о множестве других вещей, оставшихся там, далеко в небе. Он вспоминал о своем уходе.

Чарв сказал тогда:

— Ты слишком много куришь. Возможно, во время этого путешествия тебе удастся уменьшить норму или бросить совсем. В любом случае, постарайся как следует развлечься. Именно это — вместе с упорной, честной работой — и заставляет мир вращаться.

Надлер крепко пожал ему руку, улыбнулся своей идеальной улыбкой и заявил:

— Я знаю, вы всегда будете гордостью нашей организации, доктор Кассиди. Если вас посетят сомнения, вспомните о традициях и импровизируйте. Не забывайте, кого вы представляете.

Мерими подмигнул и сказал:

— Мы собираемся открыть цепочку публичных домов по всей Галактике для путешествующих землян и обожающих приключения инопланетян. Не тоскуй, управимся быстро. Пока же займись философией. А если у тебя возникнут неприятности, вспомни номер моего телефона.

— Фред, мой мальчик, — прослезился дядя, отбросив в сторону свою дубинку и обнимая его за плечи, — это великий день для Кассиди! Я всегда знал, что ты найдешь свою судьбу где-то среди звезд. Второе зрение, знаешь ли. Доброго пути и экземпляр Тома Мура для компании!.. Я свяжусь с тобой через мою контору на Вибеспере, а позднее, может быть, пришлю Рагму. Я не зря вкладывал в тебя деньги, приятель!

Он улыбнулся абсурдности, традициям, намерениям. Его переполняли чувства.

— Я сожалею о том, что вызвал тот приступ в автобусе, Фред. Мне просто было необходимо узнать, как устроено твое тело на случай, если мне пришлось бы заняться починкой. Я ведь привык к правонаправленности.

— Я догадался об этом, позднее.

— Этот мир — замечательное место, Фред. Мы находимся здесь всего один день, а я уже могу предсказать с высокой степенью надежности, что нам предстоит пережить весьма необычный опыт.

— А что от этого получаешь ты, Спейкус?

— Я — записывающее и анализирующее устройство, комбинация туриста и камеры. Полагаю, лучшего сравнения не придумаешь. В те моменты, когда они функционируют одновременно, наши ощущения, как мне кажется, становятся похожими.

— Наверное, здорово — настолько хорошо знать себя. Сомневаюсь, что когда-нибудь так будет со мной. — Он зажег сигарету и начал жестикулировать. — Ну, скажи мне, стоило совершать это путешествие?

— Ты уже и сам знаешь ответ.

— Да, наверное, знаю.

«Люди, которые забирались вверх и украшали скалы и стены пещер, правильно все понимали, — решил он. — Да, именно так».

Почему он так решил, я и сам не понимаю. Конечно, я хорошо его знаю. Но сомневаюсь, что когда-нибудь буду знать досконально. Ведь я всего лишь запись...

Содержание

Дорожные знаки, роман, <i>перевод с английского В. Карташова</i>	7
Двери в песке, роман, <i>перевод с английского В. Гольдича,</i> <i>И Оганесовой</i>	185

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

Собрание фантастических произведений в 16 томах

Том третий

Ответственный за выпуск *Е. Чутов*

Редактор *В. Баканов*

Технические редакторы *Т. Ермакова, К. Козаченко*

Корректор *А. Хиршфелде*

Оператор компьютерной верстки *В. Ветчинин*

Художественный редактор *М. Захаренкова*

Иллюстрация на обложку и оформление форзаца:

А. Кириллов

Оформление шмуцтитилов: *В. Ковалев*

Качество печати соответствует диапозитивам, предоставленным
издательством

ЛР № 062455 от 23.03.93

Подписано в печать 15.02.95. Формат 84x108/32

Гарнитура Балтика. Печать высокая.

Усл печ. л. 21,84. Тираж 30 000 экз

зак. № 414. С 114.

Издательская фирма «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Комитета Российской Федерации по печати.
170040 г Тверь, проспект 50-летия Октября, 48

ДОРОЖНЫЕ ЗНАКИ
ДВЕРИ В ПЕСКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1995